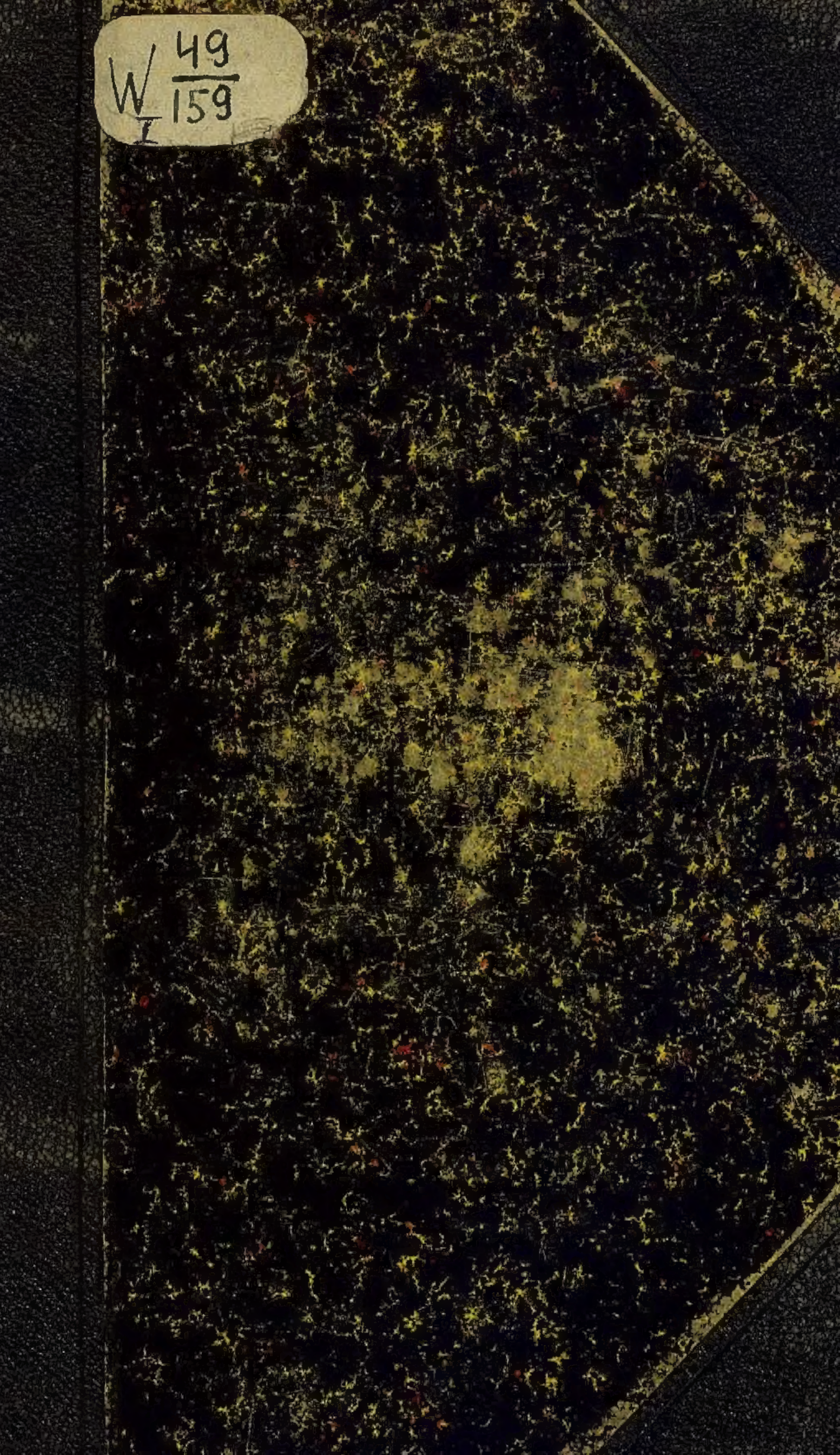

W 49/159 I

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

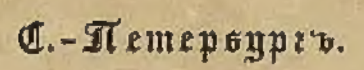
ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-Петербургъ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, сентября 14-го дня 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Ценсоръ А. Ярославцевъ.

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1860—1861.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-Петербургъ.

1860.

СОДЕРЖАНІЕ.

И. В. ЛОПУХИНЪ.

Желая остановить вниманіе читателей на общественной и административной дѣятельности И. В. Лопухина, мы пользуемся для этого его интересными записками и оставленными имъ литературными произведеніями, въ которыхъ искренно и безпритворно сказались самыя задушевныя убѣжденія сочинителя. Другъ Новикова и Репнина, Лопухинъ замѣчателенъ и своею гражданскою дѣятельностію, и чистотою своихъ нравственныхъ правилъ. Мы можемъ не сочувствовать его мистическимъ тенденціямъ и нѣкоторымъ другимъ, уже отжившимъ взглядамъ; но не въ силахъ отказать въ симпатіи его высоко-христіанскому одушевленію, живому чувству состраданія къ чужому несчастію и благородной стойкости въ печальныхъ случаяхъ своей собственной жизни. Судьба такого человѣка есть всегда поучительный урокъ.

И. В. Лопухинъ (*) родился 24 февраля 1756 года. Воспитаніе, которое выпало на его долю, нельзя назвать блистательнымъ, и если онъ не остался безъ познаній, то этимъ единственно обязанъ природнымъ силамъ своего ума, собственной настойчивости и любознательности. Вотъ что̀ самъ онъ говоритъ: «Воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые, и бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи; но сами имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ нынѣ обыкновеннымъ, не могли они при всемъ своемъ желаніи дать наилучшаго мнѣ воспитанія... Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга; по французски училъ савояръ, не знавшій совсѣмъ правилъ языка; по нѣмецки берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески

(*) Сынъ генералъ-поручика Владиміра Ивановича Лопухина, о которомъ см. въ Словарѣ достопам. людей Д. Бантыша-Каменскаго (М., 1836 г.) ч. 3, стр. 208.

старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ, и сколько умѣлъ—училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію; нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, и я выучась только читать по нѣмецки, разумѣть что̀ читаю на немъ уже научился больше нежели черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія моего такого ученья,—научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги. Такимъ образомъ на 17-мъ году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ... однимъ словомъ если я что знаю, то подлинно самоучкою».

Религіозное настроеніе и нравственная сила сказались въ Лопухинѣ очень рано; еще ребенкомъ лѣтъ десяти, когда нѣжно любимая имъ мать страдала отъ тяжкой болѣзни, онъ, спрятавшись за занавѣсъ кровати, усердно молилъ Бога, чтобы лучше отнялъ у него Господь палецъ, даже всю руку, только бы мать осталась живою.

Согласно современнымъ понятіямъ, раздѣляемымъ большинствомъ тогдашняго дворянства, Лопухинъ сначала пожелалъ служить въ военной службѣ, и былъ записанъ въ гвардію унтеръ-офицеромъ, а въ 1775 году именнымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опасно заболѣлъ; эта болѣзнь продолжалась цѣлыя шесть лѣтъ и воспрепятствовала ему продолжать военную службу, изъ которой въ началѣ 1782 года отставленъ онъ полковникомъ. Въ продолженіе своей болѣзни Лопухинъ жилъ въ отпуску въ отцовской деревнѣ, и время, проведенное здѣсь, «въ самыя бурныя лѣта молодости, было для него большая опытная школа терпѣнія.» Онъ пристрастился къ чтенію и сталъ думать объ опредѣленіи къ гражданскимъ дѣламъ. Особенное вниманіе его обращала на себя часть уголовная. Лопухинъ прилежно собиралъ всѣ необходимыя для него свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и обсужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ; пріѣзжая иногда изъ деревни въ Москву, онъ обыкновенно навѣщалъ заключенныхъ въ тюрьмѣ и разговаривалъ съ колодниками. Желаніе его исполнилось: въ концѣ 1782 года, при открытіи новыхъ учрежденій въ московской губерніи, опредѣленъ онъ въ этой столицѣ совѣтникомъ уго-

ловной палаты. Здѣсь вполнѣ обнаружилась его глубоко-человѣчная натура.

Главнымъ правиломъ, принятымъ Лопухинымъ, было, чтобы невинный никогда не былъ осуждаемъ, а виновный хотя не избѣгалъ заслуженнаго наказанія, но самое наказаніе было бы сколь возможно болѣе умѣряемо, не удаляясь впрочемъ отъ силы законовъ и отъ соблюденія судебныхъ формъ. Въ наказаніи онъ желалъ видѣть одну цѣль—исправленіе преступника, къ чему, безъ сомнѣнія, нисколько не ведетъ грубая жестокость. «Мщеніе (по словамъ Лопухина), какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему или лютости....Не должно, говоритъ онъ далѣе, опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру—надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни. Что касается до смертной казни, то она по мнѣнію моему и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія. Тяжкія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ исправленія наказуемыхъ къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столь-же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь. Нерѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.» А сколько еще такихъ, которые, рѣшаясь на политическія преступленія, въ случаѣ неудачи, предпочитаютъ самоубійство заточенію и другимъ страданіямъ!

При разсмотрѣніи и повѣркѣ всякаго дѣла, Лопухинъ опасался *осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ*, т. е. на основаніи уликъ безъ совершеннаго изобличенія и признанія подсуди-

*

мыхъ: не можно, по его мнѣнію, почитать *доказательствами* соображенія умствованій, сколько бъ они ясны и основательны не казались. Соображенія эти, основываясь на одной вѣроятности, еще не исключаютъ навсегда возможности оправданія для обвиненнаго. Лопухинъ раздѣляетъ мнѣніе Екатерины Великой, что лучше десять виновныхъ оставить безъ наказанія, нежели осудить одного невиннаго. «Кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій (говоритъ онъ), весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобъ ею прославиться, или которые во всякомъ ими судимомъ сердечно видятъ прямо ближняго своего...Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго для того только, чтобъ его наказать, и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный бы совершенно возмутился...Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самый видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого-нибудь бѣдняка, впадшаго въ неважное преступленіе и по какому-нибудь, можетъ быть, особливо-несчастному стеченію обстоятельствъ.

Вполнѣ сочувствуя гуманному взгляду Лопухина, мы однако должны замѣтить, что *улики* составляютъ одно изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ основаній уголовнаго процесса, и если при утвержденіи приговора оставлять ихъ въ сторонѣ, а руководствоваться однимъ признаніемъ подсудимаго, то это поведетъ къ совершенной безнаказанности. Не трудно получить признаніе отъ человѣка, впервые совершившаго преступленіе вслѣдствіе увлеченія страсти, въ глубинѣ души котораго еще живы и чувства чести и голосъ совѣсти; но человѣкъ, давно заглушившій въ себѣ все святое и опытный въ развратѣ, не такъ легко сознается, особенно если убѣжденъ, что безъ этого не сильны противъ него никакія

улики, никакіе доводы. Такимъ образомъ наказаніе всегда будетъ падать на менѣе виновныхъ, нимало не поражая закоренѣлыхъ, но не сознающихся преступниковъ. Судья ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть безчувственною машиною, прилагающею обстоятельства дѣла къ буквѣ закона; ему должно быть присуще нравственное убѣжденіе, во имя котораго онъ и произноситъ приговоръ. Такое нравственное убѣжденіе почерпается имъ изъ тщательнаго соображенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, изъ тѣхъ выводовъ, какіе необходимо допускаетъ умъ при сближеніи между собою и взаимной повѣркѣ различныхъ показаній и уликъ, наконецъ изъ психологическаго разбора всей жизни и характера подсудимаго. Собственное же признаніе въ дѣлахъ уголовныхъ невсегда можетъ быть пріемлемо за полное доказательство; судебная практика знаетъ много примѣровъ, когда призываемые къ допросамъ нарочно наговаривали на себя самыя тяжкія преступленія, съ цѣлью избавить отъ наказанія близкихъ имъ людей, или находясь въ заблужденіи религіознаго фанатизма. Нельзя не признать глубокой справедливости замѣчаній Лопухина, что излишнее самолюбіе и ревностное желаніе судьи-чиновника найти преступника во что бы ни стало могутъ повести къ гибельнымъ натяжкамъ, но подобный исходъ возможенъ только тамъ, гдѣ произволъ судьи ничѣмъ не ограниченъ; тамъ-же, гдѣ раздается живое слово адвоката, въ защиту подсудимаго, гдѣ общественное мнѣніе зорко наблюдаетъ за движеніемъ и результатомъ процесса, гдѣ приговоръ суда есть приговоръ присяжныхъ, тамъ ни самолюбіе, ни желаніе отличиться неумѣстною строгостію не могутъ имѣть мѣста.

За отъѣздомъ въ С.-Петербургъ предсѣдателя палаты, Лопухинъ, какъ старшій совѣтникъ, исправлялъ его должность, а вскорѣ затѣмъ и утвержденъ въ этомъ званіи. Во все время его службы «едвали было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ онъ сочинилъ.» Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался онъ неотступно, и совѣтники охотнѣе соглашались теперь съ его мнѣніемъ, между тѣмъ какъ прежде надо было достигать этого спорами и подъ часъ весьма жаркими. Въ настоящемъ случаѣ много помогало ему то, что московскій главнокомандующій графъ З. Г. Чернышевъ подкрѣплялъ всѣ его приговоры своимъ согласіемъ. Недоброжелатели Лопухина кричали противъ него, что онъ

разводитъ воровъ и злодѣевъ; но, по его показанію, число ихъ гораздо уменьшилось—со времени открытія уголовной палаты, когда умѣренныя наказанія заступили мѣсто «тѣхъ лютостей торговой казни, коими московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя.»

Опираясь на одну статью морскаго устава, Лопухинъ рѣшился за воровство-кражу и мошенничество, цѣною не свыше 20 рублей, не истязать и не увѣчить кнутомъ, а наказыватъ хотя тѣлесно, но такъ, чтобы виновные могли отдаваться потомъ въ рекруты. Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ узаконенія вполнѣ оправдали эту рѣшимость Лопухина.

Въ 1784 г. не стало Чернышева. «Преемникъ его (графъ Брюсъ) сначала очень обласкалъ меня, разсказываетъ Лопухинъ; но скоро открылся моимъ гонителемъ... по привычкѣ его къ властолюбію, коей угожденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предубѣжденію противъ меня (какъ члена масонскаго общества), съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга... Первое неудовольствіе его было за то, что малое число ударовъ палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось; возвратилъ съ тѣмъ, чтобы перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учтивымъ и нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины. Но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣетъ къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено, что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ, что какъ палата по учрежденіямъ не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣетъ права возвращать ихъ, а ежели онъ не согласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ правительствующему сенату. Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался г. главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости; много только горячился и кричалъ, какъ разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50 ударовъ!—По скольку жъ бы ваше сіятельство думали? спросилъ я его.—По скольку? отвѣчалъ: двѣ-

сти, триста, четыреста, пятьсотъ!—Да эдакъ будешь всегда засѣкать до смерти.—Чегожъ ихъ жалѣть! говорилъ онъ, и это-же наказаніе вмѣсто смертной казни.—Такъ, отвѣчалъ я; но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ россійскаго скипетра въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія, а ежели вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранской; и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія. Графъ мой сталъ тише.—Однакожъ, говорилъ мнѣ, странно, что вы такъ разсуждаете; вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ десяти ударовъ.—Конечно, я говорилъ, это можетъ иногда случиться по какимъ-нибудь непредвидимымъ причинамъ, и съ моей стороны безвинно; но если я буду давать такія сотни ударовъ, то при явномъ тиранствѣ своемъ долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно.—Но какъ-же вы узнаете мѣру? спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ.—Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и проч., отвѣчалъ я ему. Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: я вамъ очень благодаренъ, вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины и всегда думалъ, что при наказаніяхъ вмѣсто смерти такого разбора ненадобно. Вы меня убѣдили; соглашаюсь съ вашимъ опредѣленіемъ, и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить. Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы противъ меня не останавливалъ ни одного приговора палатскаго.» Происшествіе это тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести графу Брюсу, чѣмъ упрямѣе и самолюбивѣе былъ онъ; «жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими губерніями. И конечно не одинъ изъ нихъ графъ Брюсъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи; но немногіе столь почтенно, какъ онъ, и съ такою пользою признавались въ ономъ.»

Графъ Брюсъ однако сохранилъ надолго непріязнь къ Лопухину; онъ нарочно опредѣлилъ въ палату двухъ членовъ изъ лицъ, которымъ оказывалъ свое покровительство, и требовалъ отъ нихъ, чтобы они всячески шли противъ председателя, обѣщая за то награ-

ды. Но члены не захотѣли торговать своею совѣстью и постоянно соглашались съ мнѣніями Лопухина, не смотря даже на ругательства и угрозы главнокомандующаго. Наконецъ поступило въ уголовную палату довольно сложное и важное дѣло о подложныхъ векселяхъ, въ которомъ были замѣшаны богатые московскіе купцы. Дѣло было огромное, и все еще требовало дополнительнаго производства. Графъ Брюсъ далъ отъ себя предложеніе, чтобы дѣло это непремѣнно было рѣшено въ двѣ недѣли, въ противномъ случаѣ председатель и члены уголовной палаты будутъ исключены изъ службы, такъ какъ излишняя медленность происходитъ единственно отъ нерадѣнія палаты. Вслѣдствіе того на другой-же день былъ поданъ ему отвѣтъ, что означенное дѣло въ одномъ экстрактѣ своемъ заключаетъ тысячу листовъ, производствомъ не совсѣмъ еще окончено, и потому въ требуемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; «что впрочемъ не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда Генеральнымъ Регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій по обширнымъ дѣламъ дается времени шесть недѣль; что исправность палаты доказывается числомъ дѣлъ, рѣшенныхъ съ начала ея открытія.» Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ подалъ Лопухинъ и просьбу объ увольненіи его отъ службы. «Онъ ее принялъ, говоритъ Лопухинъ, однакожъ не послалъ въ сенатъ; а на первой почтѣ написалъ жестокую на меня жалобу Государынѣ, представилъ меня непослушнымъ, надменнымъ, упрямымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако Государыня съ кротостью изволила только отвѣчать ему, чтобъ онъ не оставилъ, призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично бы было преемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ, остался рѣшить его, и что не буду отставленъ прежде его рѣшенія.» Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло о подложныхъ векселяхъ было рѣшено, и по важности его содержанія было представлено главнокомандующимъ на высочайшее усмотрѣніе; не смотря на то, что графъ Брюсъ изъявилъ при этомъ мнѣніе, противное рѣшенію палаты, приговоръ этой послѣдней былъ утвержденъ Государынею. Вслѣдъ за тѣмъ въ маѣ 1785 года Лопухинъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, съ чиномъ статскаго совѣтника.

Чтобы полнѣе и нагляднѣе обрисовать нравственно-юридическія

убѣжденія Лопухина, обратимъ вниманіе на одно литературное его произведеніе, имѣющее весьма близкую связь съ его служебною дѣятельностію въ уголовной палатѣ. Въ 1794 году была издана имъ драма въ пяти дѣйствіяхъ: «Торжество правосудія и добродѣтели, или доброй судья» (*). Какъ памятникъ литературный, драма эта не представляетъ никакихъ достоинствъ; она отличается отсутствіемъ всякаго движенія, сухостью и обиліемъ фразъ о правдѣ и добродѣтели; разговорнаго языка искать нечего; характеры крайне слабы, или, правильнѣе, вовсе ничтожны; перемѣна, совершающаяся въ *Самолюбовѣ* (дѣйствующемъ лицѣ драмы), происходитъ слишкомъ быстро и неестественно. Но какъ-бы ни было, произведеніе это имѣетъ для насъ значеніе, какъ выраженіе судейскихъ убѣжденій Лопухина. Къ драмѣ (при 2-мъ изданіи) прибавлено нѣсколько любопытныхъ строкъ «Отъ издателя,» изъ которыхъ узнаемъ, что цѣль автора была не искусство, а польза, и что вся піеса написана въ восемь дней. Здѣсь читаемъ: «Говорятъ, что сія драма не удобна для театра, что много въ ней противнаго его правиламъ и пр.; но ежели чтеніе ея можетъ принести хотя малую пользу, то весьма награжденъ будетъ трудъ автора, который никогда не занимался театромъ и его правилами, и который всегда думалъ, что если не единственный, то по крайней мѣрѣ главный предметъ всѣхъ книгъ долженъ быть *польза*, или умноженіе способовъ распространяться добродѣтели. Говорятъ, что въ піесѣ этой судья сухъ, строгъ слишкомъ, наскучаетъ своими проповѣдями о добродѣтели; но авторъ думалъ также, что лучше наводить скуку сухими разговорами о добродѣтели, нежели забавлять самыми прелестными представленіями пороковъ.».

Содержаніе драмы таково: *Правдолюбовъ*, главный судья, имѣетъ сына *Честнодума*, который страстно влюбленъ въ *Нѣжну*, дочь *Самолюбова*, и пользуется ея взаимностью. Но Самолюбовъ несправедливо владѣетъ чужимъ имѣніемъ; если дѣло, начатое его противникомъ, будетъ рѣшено правильно, онъ долженъ лишиться всего состоянія, и въ такомъ случаѣ отказывается выдать дочь

(*) Москва, въ типограф. Пономарева, in 8º; второе изданіе въ Москвѣ, въ университ. типограф. у Ридигера и Клаудія, 1798, in 12º, стр. 142, «съ присовокупленіемъ авторова завѣщанія къ друзьямъ своимъ.»

свою за Чесгнодума. Послѣдній въ совершенномъ отчаяніи и даже готовъ рѣшиться на самоубійство. Правдолюбовъ, нѣжно привязанный къ сыну, такимъ образомъ поставленъ въ борьбу между родительской любовью и долгомъ справедливости. Борьба однако продолжается недолго; обязанности гражданина берутъ верхъ. «Когда добрый воинъ (разсуждаетъ Правдолюбовъ) идетъ защищать свое отечество, долженъ ли онъ удерживаться какимъ страхомъ? Судья сражается за правду и спокойствіе общества...Два эти служенія различно именуются, а предметъ ихъ одинъ.» Самолюбовъ идетъ наконецъ на такую сдѣлку: не можно ли по крайней мѣрѣ отказаться вамъ отъ присутствія по моему дѣлу? (Въ содѣйствіи другихъ судей онъ убѣжденъ).

Правдолюб. И этого не могу я сдѣлать.

Самолюб. Для чего же? особливо, когда обстоятельства нашего сватовства законную къ тому подаютъ причину.

Правд. Не смотря на нихъ, соперникъ вашъ не отводитъ меня.

Самол. Онъ этого конечно и не сдѣлаетъ; онъ очень увѣренъ въ вашемъ безпристрастіи и правосудіи.

Правд. А я самъ откажусь, почитая за преступленіе избѣгать случаевъ дѣлать справедливость?

Изо всей драмы видно, что Лопухинъ взялъ своего судью не изъ дѣйствительной жизни, а хотѣлъ въ лицѣ Правдолюбова изобразить идеалъ судьи, какимъ онъ долженъ быть по его личнымъ понятіямъ. Тѣ же мысли, какія высказаны имъ въ запискахъ, встрѣчаемъ и въ разсужденіяхъ Правдолюбова. Приводимъ здѣсь одну сцену:

Правдолюбовъ. Вы просите, чтобъ взять подъ стражу подозрѣваемаго въ покражѣ вашихъ денегъ; но вѣдь онъ въ томъ не обличенъ?

Челобитчикъ. Однакожъ много на него подозрѣнія.

Правдол. Но вы признаетесь, что по такому подозрѣнію онъ можетъ и напрасно попасть въ тюрьму?

Челобит. Конечно такъ; ну, да если онъ найдется невиннымъ, такъ освобожденъ будетъ.

Правдол. Чѣмъ-же можно будетъ наградить безвинное его страданіе, горесть и страхъ его семейства, отъ которыхъ часто мучительные слѣды остаются на всю жизнь, а иногда и совсѣмъ ея лишаются? (*къ сочленамъ своимъ*). У этого подозрѣваемаго, сказы-

ваютъ, жена скоро должна родить, и много дѣтей—малъ мала меньше.

Челоб. Какъ же, милостивый государь, развѣ это дѣло безъ изслѣдованія останется?

Правдол. Нѣтъ! мы будемъ его производить со всею точностію суднаго обряда, и самаго подозрѣваемаго вами будемъ слѣдовать, но не лишая его свободы, не повергая его съ цѣлымъ семействомъ въ страданіе, и предоставляя ему всевозможные способы къ своему оправданію, ежели онъ невиноватъ...

Челоб. Однакожъ, милостивый государь, осмѣлюсь сказать, что строгость можетъ заставить признаться въ винахъ своихъ такого преступника, который безъ того и не признается.

Правдол. Она же можетъ принудить и невиннаго признать себя виноватымъ. А притомъ скажу, что, по моему мнѣнію, ежели бы нарушеніемъ законнаго порядка и могло когда открыться преступленіе, то поступокъ такой, очень малую и частную принеся пользу, сдѣлалъ бы превеликій и общій вредъ, открывая путь къ неуваженію законовъ и къ тысячамъ злоупотребленій чрезъ ихъ нарушеніе (*).

Развязка піесы не согласна съ характеромъ Самолюбова, который вдругъ ни съ того, ни съ сего разчувствовался и рѣшается устроить счастіе своей дочери съ Честнодумомъ (**).

(*) Вотъ любопытная черта нравовъ, занесенная Лопухинымъ въ свою драму:

Пустоумовъ. Помню тотъ славный завтракъ, который ты давалъ.

Шестеркинъ. Да можетъ быть ты этого не знаешь, что я для этого завтрака, о которомъ натурально вся публика кричала, не пожалѣлъ лучшихъ своихъ двадцать человѣкъ продать въ рекруты.

(**) Лопухинъ думалъ написать для театра еще другую піесу; содержаніемъ ея долженъ былъ послужить анекдотъ о Фенелонѣ, который, желая утѣшить бѣднаго крестьянина, идетъ въ занятую непріятелемъ деревню, отыскиваетъ и приводитъ къ нему единственную его корову. «Хотя, говоритъ Лопухинъ, испыталъ я на театральномъ поприщѣ неудачу свою сочиненіемъ драмы *Торжество правосудія*, однако по влюбленности моей въ анекдотъ сей собирался было я представить его на театрѣ. Можетъ быть театральнымъ ремесленникамъ и *правильникамъ* покажется это странно, можетъ быть и смѣшно. Но я думаю, что больше бы театръ сколько-нибудь полезенъ былъ, еслибъ и безъ сильнаго потрясенія страстей и чувствованій представлялись на немъ и самыя простыя домашнія дѣйствія примѣрной добродѣтели; еслибъ его по-

Время отставки для Лопухина было самое пріятное и спокойное; лѣто, осень и половину зимы 1785 года провелъ онъ въ деревнѣ, а потомъ со всею семьей переселился въ Москву, гдѣ болѣе десяти лѣтъ сряду прожилъ безвыѣздно, ухаживая за слѣпымъ, престарѣлымъ отцемъ и принимая дѣятельное участіе въ литературныхъ и филантропическихъ предпріятіяхъ Новиковскаго общества.

Какъ многіе изъ мыслящихъ людей того времени, Лопухинъ сначала увлекается мнѣніями энциклопедистовъ, а потомъ быстро переходитъ къ совершенно-противоположному мистическому направленію. Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ объ этой перемѣнѣ: «я охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія, рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу *Systeme de la nature*, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги подъ именемъ *Устава натуры (Code de la nature)*. Я перевелъ Уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ. Напечатать его нельзя было; я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе,—не могъ заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ какъ-бы въ очищеніе себя *Разсужденіи о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями* (*), которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году; вторымъ изданіемъ—въ 1787 г., съ котораго напечатано въ нынѣшнемъ 1809 году въ Февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія Друга Юношества». Въ этомъ сочиненіи выражены слѣдующія мысли: «Чтобы познать бытіе и величіе Бога, для этого довольно разсмотрѣть естество человѣка: *колико сіе изящное созданіе возвѣщаетъ премудраго Создателя!* Величественная природа человѣка и благоустройство вселенныя не ясно ли показываютъ, что ихъ сотворило существо разумное, само

сѣщали не какъ зрѣлище поражающее, или возбуждающее смѣхъ и духъ кощунства, но какъ самую лучшую бесѣду благоправія». Намѣреніе Лопухина осталось неисполненнымъ (Другъ Юношества 1813 года, мартъ, стр. 22).

(*) *и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ; чтущимъ Бога и любящимъ добродѣтель усердно посвящается.*

собою существующее, и сотворило—на удовлетвореніе своея благости. Безбожные мудрецы дерзко опровергаютъ божественную благость описаніемъ бѣдствій, которыя претерпѣваетъ иногда человѣчество. Но есть иной міръ и иное воздаяніе».

Разсказанное происшествіе случилось за два года до вступленія Лопухина въ масонское общество, и съ того самаго времени со страстію отдался онъ чтенію духовныхъ, или правильнѣе мистическихъ книгъ, и бесѣдамъ съ людьми, раздѣлявшими тѣ же наклонности. Первыя книги, утвердившія въ немъ расположеніе къ мистицизму, были: *О заблужденіяхъ и истинѣ* Сенъ-Мартена и *Объ истинномъ христіанствѣ* Арндта. Масонское общество, къ которому примкнулъ Лопухинъ, извѣстно было подъ названіемъ общества мартинистовъ. Такъ названо оно потому, что въ тоже время, какъ сдѣлалось оно извѣстнымъ на Руси, Мерсье въ своей «Картинѣ Парижа» назвалъ этимъ именемъ людей, преданныхъ идеямъ, какія изложены въ сочиненіи: «Des erreurs et de la vérité». Книга Сенъ-Мартена появилась въ свѣтъ въ 1775 году, а въ переводѣ на русскомъ языкѣ напечатана въ 1785 (въ Москвѣ, въ вольной типогр. Лопухина) (*). Среди матеріалистическаго ученія XVIII вѣка, Сенъ-Мартенъ сохранилъ безграничное обожаніе божества, и былъ въ высшей степени спиритуалистъ, вѣрилъ предзнаменованіямъ, предчувствіямъ, сомнамбулизму, и все это связывалъ съ таинственною теоріею чиселъ и ихъ соотношеній. Число *три* играетъ значительную роль въ его мистической теоріи. Въ соотвѣтствіе съ тремя измѣреніями тѣлъ, тремя геометрическими фигурами, онъ допускаетъ только три стихіи: землю, огонь и воду, а воздухъ считаетъ чѣмъ-то высшимъ, сообщающимъ силу тѣлеснымъ существамъ; четвертая уже составляетъ у него единицу, обладающую постоян-

---

(*) «О заблужденіи и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указуется путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ Французск. иждивеніемъ типографической компаніи», in 8°, стр. XII и 542.

нымъ бытіемъ, а потому если бы тѣла состояли изъ четырехъ стихій, то были бы неизмѣнны. На этихъ началахъ основано ученіе его о человѣческомъ тѣлѣ, его болѣзняхъ и леченіи. Развивая свои странныя мечтанія, Сенъ-Мартенъ въ тоже время рѣзко возстаетъ противъ философіи энциклопедистовъ. По его мнѣнію, состояніе міра и человѣка есть испорченное и пребудетъ такимъ, пока Господь не обновитъ его и не возстановитъ человѣка въ положеніе совершеннаго блаженства и полнаго знанія. Его загадочные намеки, обѣщающіе открыть и повѣдать всѣ тайны бытія и природы, и рядомъ съ ними филантропическія стремленія быстро перешли въ масонскую пропаганду по всей Европѣ, были приняты и въ возникшихъ у насъ масонскихъ ложахъ (*). Главныя, коренныя черты ученія нашихъ мартинистовъ уже довольно выяснены въ статьяхъ о Новиковѣ, появившихся въ послѣднее время. Ученіе это представляло двѣ стороны: одна основывалась на возвышенныхъ требованіяхъ христіанской любви къ ближнему и выражалась въ тѣхъ прекрасныхъ дѣлахъ благотворительности и состраданія, которымъ никакъ нельзя отказать въ сочувствіи; другая сторона есть чисто мистическая, основанная на произвольныхъ толкованіяхъ текста св. писанія, особенно ветхаго завѣта, предполагающая въ его сказаніяхъ, равно какъ и въ языческихъ миѳологіяхъ, рядъ символовъ, вѣрующая въ возможность разгадать всѣ тайны природы и разгадать ихъ не медленнымъ путемъ научныхъ изслѣдованій и наблюденій, а вдругъ чудеснымъ просвѣтленіемъ духа; духъ человѣческій, утратившій въ грѣхопаденіи первобытную чистоту и полноту знанія, можетъ снова приближаться къ этому блаженному состоянію, если станетъ прислушиваться къ тому таинственному, внутреннему голосу, который и доселѣ раздается въ сновидѣніяхъ, предчувствіяхъ, самозабвеніи, въ необыкновенныхъ явленіяхъ природы и въ загадочныхъ соотношеніяхъ чиселъ: надобно только найти къ нимъ ключь. Отсюда постоянное и безграничное довѣріе масоновъ къ чудесному, стремленіе ихъ во всемъ видѣть и находить іероглифы, желаніе окружать свои собранія и дѣйствія символическими обрядами; отсюда и близкая связь ихъ съ иллюминатами. Хотя московскіе мартинисты и отрицали эту связь (**), тѣмъ не

(*) Современ. 1857, № 4, отдѣлъ 5, стр. 252 и далѣе.

(**) См. рукописное посланіе Невзорова къ Поздѣеву; отрывки изъ него

менѣе многія загадочныя представленія ихъ выходили изъ однихъ общихъ началъ съ ученіемъ иллюминатовъ; одними и тѣми же глазами смотрѣли они и на химію, и на медицину; различіе было въ томъ, что иллюминаты преимущественно обращали вниманіе на овладѣніе тѣми тайнами природы, которыя бы дали средства устранять всевозможныя болѣзни, превращать неблагородные металлы въ золото и пользоваться всѣми матеріальными благами жизни; нѣкоторые изъ нихъ, расчитывая на людское суевѣріе, прибѣгали къ хитрымъ обманамъ и шарлатанству. Между тѣмъ московскіе мартинисты, во главѣ которыхъ стоялъ Новиковъ, единственною цѣлью своего ученія полагали нравственное возрожденіе падшаго человѣка, и потому отвергали своекорыстныя стремленія алхимиковъ. Такое значеніе ихъ общества яснѣе всего раскрыто въ запискахъ и сочиненіяхъ И. В. Лопухина. Члены сего общества, говоритъ онъ, упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца по правиламъ, содержащимся въ библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога»; человѣкъ долженъ стремиться къ единому, и «сіе единое заключается въ духѣ христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка,—въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему». Для того необходимо человѣку *морально переродиться*, чтобы евангельская нравственность была ему *природна*. Самопознаніе открываетъ ему, какъ далеко совратился онъ съ пути нерушимаго блаженства своего, а познаніе Творца и творенія указываетъ на связь его съ ними, безъ чего невозможно и познать самого себя. Паденіе человѣка такъ велико, что, признавая Бога вездѣсущимъ и всевѣдущимъ, онъ не перестаетъ отъ дѣлъ грѣховныхъ: «ежелибъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ-бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ-бы мы постыдились или убоялись и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ?»

Люди, несочувствовавшіе мистицизму, распускали о мартинистахъ разные непріязненные толки. Шумъ былъ великъ, замѣчаетъ Лопу-

---

напечатаны въ Библіогр. Запискахъ 1858 года, но главная часть, въ которой развивается догматическое ученіе мартинистовъ, осталась неизданною. Лопухинъ сочинилъ даже для московскихъ масоновъ планъ, какъ остерегаться отъ всякихъ сношеній съ иллюминатами.

хинъ въ своихъ запискахъ: «коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго небезопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій въ то время вельможа и царедворецъ (Потемкинъ?), въ часы колебанія своего могущества... для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы (наслѣдника Павла Петровича). Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакаго зла ему не причинившими... И такъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя знающаго все, что въ Государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы государыниной, то ей нечего опасаться—онъ все предупредитъ. Первое дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня, и сіе-то было оное сильное предубѣжденіе, съ которымъ графъ Брюсъ пріѣхалъ начальствовать въ Москву.» Сначала обходился онъ съ Лопухинымъ ласково и вѣжливо; но слѣдующій разговоръ измѣнилъ ихъ отношенія. Однажды графъ Брюсъ говоритъ ему наединѣ: правительству извѣстно, что Лопухинъ принадлежитъ къ обществу мартинистовъ, и хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ обществѣ, и зная всю святость его цѣли и упражненій, навсегда сохранитъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ; однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно этимъ заниматься.—Мнѣ кажется, отвѣчалъ Лопухинъ, чѣмъ больше кто имѣетъ чиновъ и лѣтъ, тѣмъ пристойнѣе упражняться ему во всемъ, что просвѣщаетъ и учитъ добродѣтели. Долго они спорили; графъ настаивалъ, чтобы Лопухинъ оставилъ общество, и прибавилъ, что этого желаетъ Государыня. Позвольте мнѣ усумниться, возразилъ Лопухинъ, чтобъ такой мудрой Государынѣ было неугодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете!»—Да она вовсе не такъ думаетъ.—«Можетъ быть, потому что оно не прямо ей извѣстно; такъ стоитъ только объяснить ей, а о дѣлахъ добрыхъ не только полезно, но и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять царямъ правду.»—Самъ пойди и объясняй! отвѣчалъ съ досадою Брюсъ.—На другой день послѣ

этого разговора послѣдовало то грозное предложеніе уголовной палатѣ по дѣлу о векселяхъ, о которомъ сказано выше.

Подозрѣнія правительства поддерживались и слухами, какіе ходили о мартинистахъ въ разныхъ кружкахъ современной публики: по словамъ Лопухина, одни представляли ихъ святошами; другіе увѣряли, что у нихъ въ системѣ заводить вольность—«а это дѣлалось около времени французской революціи»; третьи, что они раздачею милостыни стараются привлечь къ себѣ народъ; были и такіе, которые распускали молву о ихъ сношеніяхъ съ духами. Толки эти и скрытный надзоръ полиціи за дѣйствіями масонскаго общества продолжались цѣлые семь лѣтъ, то усиливаясь, то ослабѣвая; за перепискою его членовъ постоянно слѣдили на почтѣ, и собранія ихъ прекратились сами собою.

Съ цѣлью оправдать свое общество отъ взводимыхъ на него обвиненій вздумалось Лопухину написать и выпустить въ свѣтъ *Нравоучительный Катехизисъ истинныхъ Франкъ-Масоновъ*, въ которомъ излагаются имъ «въ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности мартинистовъ». Часто, разсказываетъ онъ, бывалъ я у преосвящ. Платона, митрополита московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катехизисѣ, и я его тутъ-же составилъ такъ, что пріѣхавъ домой тотчасъ его написалъ, и переведя на французскій языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей (*), отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ.» (**)

На русскомъ языкѣ Катехизисъ этотъ былъ изданъ нѣсколько разъ. Во первыхъ, онъ присоединенъ къ книгѣ «Духовный рыцарь» подъ заглавіемъ: «Нравоучительный Катехизисъ истинныхъ Фкъ Мвъ для употребленія Ищущихъ Премудрости, которые для пріобрѣтенія понятій о путяхъ Премудрости и таинственномъ Ея

(*) Catechisme moral pour les vrais F. M. 5790.

(**) Съ тѣмъ-же намѣреніемъ И. П. Тургеневъ сочинилъ, по плану Лопухина, книгу подъ заглавіемъ: *Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ?* (См. въ Смирдинской Росписи № 2197).

Училищѣ, съ пользою могутъ заниматься также разсматриваніемъ извѣстной картины, представляющей *Изображеніе храма Натуры и Благодати»;* сочиненіе «Духовный рыцарь» было напечатано безъ цензурнаго дозволенія, и потому Катехизисъ въ этомъ изданіи явился въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ первоначально написанъ и въ какомъ внесенъ авторомъ въ свои собственныя записки (*). Во вторыхъ, Лопухинъ присоединилъ свой Катехизисъ къ сочиненію «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви»—подъ заглавіемъ: «Краткое изображеніе качествъ и должностей истиннаго христіянина, почерпнутое изъ слова Божія и расположенное по вопросамъ и отвѣтамъ»; но уже въ измѣненномъ видѣ. Чтобы показать характеръ главнѣйшихъ измѣненій и самое направленіе мыслей Лопухина, приведемъ здѣсь параллельно нѣкоторыя мѣста изъ обѣихъ редакцій его Катехизиса:

Нравоучительный Катехизисъ истинныхъ Фкъ Мвъ.	*Краткое изображеніе качествъ и должностей истиннаго Христіанина.*
1. Истинный ли ты Ф. М?	Кто истинный Христіанинъ?
Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная Земля и тѣ Воды, на коихъ носился Духъ Великаго Строителя Вселенной при ея сотвореніи.	Тотъ, кто любитъ Христа всѣмъ сердцемъ, и всю міра сего премудрость, славу, сокровища, чести, сладости—*вся вмѣняетъ уметы быти, да Его пріобрящетъ.*
2. Чѣмъ наипаче отличается истинной Ф. М?	Гдѣ можно обрѣсти Христа?
Духомъ Собратства, который одинъ есть Духъ съ Христіанскимъ.	Въ царствѣ Его, которое и *внутрь насъ есть.*
3. Какая цѣль Орд. истинныхъ Ф. М?	Что нужно, дабы внити въ царствіе Божіе?
Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго Христіянства.	Родиться вновь, или духовно *родиться свыше.*
9. На какой Матеріи работаютъ Мудрые Отцы истинной ФкъМвъ?	Гдѣ храмы истинныхъ Христіянъ?

(*) Отсюда Катехизисъ былъ перепечатанъ въ «Опытѣ росс. библіографіи» Сопикова (ч. 2, стр. 380—388).

На той же, изъ которой все сотворено.

10. Въ чемъ состоитъ ихъ Искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поелику то нужно къ созиданію Царства сего.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12. Почему Таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

Потому же, почему не всякій можетъ видѣть и ощущать Присутствіе Бога Вездѣсущаго.

13. Чѣмъ пріобрѣтается оное Таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что открывается симъ Таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило: сіе-то Богъ чрезъ Таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15. Всѣ ли Фкъ Мны должны искать онаго Таинства?

Изучаясь познавать въ Натурѣ Въ тайнѣ сердецъ ихъ.—Они суть церкви Бога живаго, духовные храмы Божіи, обители Духа Его.

Что въ жертву приносить они должны?

Одну волю свою, заколая духомъ самоотверженія всякую ея собственность.

Какое у нихъ поклоненіе?

Они *поклоняются духомъ и истиною.*

Какъ они творятъ сіе поклоненіе?

Кто суть Отцы и Учители внутренней Церкви истинныхъ Христіянъ?

Какую силу имѣетъ ихъ проповѣдь?

Всѣ ли истинные Христіяне одни дары благодати имѣютъ?

Какія суть сіи дарованія? (*)

(*) Отвѣтовъ на эти вопросы не выписываемъ; любопытные могутъ обратиться къ сочиненію «О внутренней Церкви». Въ «Краткомъ изображеніи»

пути къ нему ведущіе, должны они всѣ искать во первыхъ Царствія Божія и Правды Его; и каждому изъ нихъ потребное приложится Волею Божіею, которую одну любить должно.

40. Когда престанетъ всякій Трудъ и Работа?

Когда не останется на землѣ *ни единой воли*, которая бы не совершенно предалася Богу; когда *золотой* вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ Избранномъ Народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшнѣ; и когда Царство самой Натуры освободится отъ проклятія и возвратится въ *Средоточіе* Солнца.

Когда совершится духовное зданіе Церкви Христовой, и царство Божіе во всей полнотѣ своей явится на землѣ?

Когда не останется на землѣ ни единой воли, непокорной Богу; смерть, послѣдній врагъ сей, изчезнетъ; самая тварь претворится въ естество нетлѣнія; небо и земля прейдутъ и возсіяетъ небо и земля новая: тогда совершится царствіе Христово, и *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.*

Катехизисъ Лопухина собственно излагаетъ основныя начала христіанской нравственности, съ легкимъ оттѣнкомъ мистицизма—въ первоначальной редакціи, а въ исправленной—и этотъ оттѣнокъ сглаженъ авторомъ. Любовь къ Богу и ближнему, любовь, выражаемая въ дѣлахъ незлобія и милосердія—даже относительно враговъ нашихъ и клянущихъ насъ, воспитаніе въ себѣ духа правды, направленіе всякой мысли во славу Божію и пользованіе всѣми обрядами внѣшняго богослуженія, какъ средствами къ внутреннему совершенствованію, словомъ совлеченіе съ себя ветхаго Адама и возрожденіе своей духовной природы до ощущенія въ себѣ всегдашняго присутствія Бога,—вотъ главная мысль, положенная въ основу Лопухинскаго Катехизиса. Кромѣ того, въ сочиненіи этомъ замѣтно желаніе выставить какъ можно нагляднѣе, что масонство вовсе не имѣ-

---

встрѣчаемъ еще два вопроса, которыхъ нѣтъ въ «Правоучительномъ Катехизисѣ»; вопросы эти слѣдующіе:

а) Не довольно ли любить своихъ пріятелей, родственниковъ, и дѣлать добро тѣмъ, которые насъ благодарятъ и отъ кого получаемъ за то воздаяніе?

b) Кто суть оные скопцы, исказившіе или обрѣзавшіе сами себя царствія ради Небеснаго?

ло въ виду и не преслѣдовало никакихъ политическихъ цѣлей и нимало не помышляло о созданіи новаго государственнаго устройства.

«Духовный рыцарь или ищущій премудрости» (in 8°, 5791, стр. 60) написанъ Лопухинымъ въ нѣсколько часовъ. Вдругъ во время прогулки родилась у него мысль составить книгу, въ которой бы кратко были представлены «главные пункты *герметической науки*, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія.» Онъ поспѣшилъ воротиться домой и почти не переставая писалъ цѣлые шесть часовъ. Скорость, съ какою сочиненъ «Духовный рыцарь», объясняется тѣмъ, что въ эту небольшую брошюру вошло описаніе обрядовъ и правилъ, уже давно-существовавшихъ въ масонствѣ, и потому авторъ имѣлъ подъ рукою уже готовый матеріалъ. Для удостовѣренія въ этомъ достаточно сравнить «Духовнаго рыцаря» съ книгою, напечатанною въ 1784 году въ С.-Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Масонъ безъ маски, или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно» (*). Книга эта есть переводъ сочиненія, написаннаго въ Лондонѣ въ облегченіе общества *вольныхъ каменьщиковъ*: такъ называли себя масоны, ибо трудъ обновленія человѣческой природы на ихъ фигурномъ языкѣ уподоблялся работѣ каменьщика надъ грубымъ камнемъ; молотъ и лопатка по этому были необходимыми знаками масонства. Въ концѣ XVIII столѣтія въ заграничныя масонскія ложи, вопреки духу первоначальнаго ученія, стала вкрадываться страсть къ сластолюбію, корысти и наглымъ обманамъ. «Масонство (такъ начинаетъ обличитель) прежде сего было собраніе людей избранныхъ, которыхъ дружба соединяла и поощряла взаимную подавать помощь другъ другу въ нуждахъ, а нынѣ оное не иное что есть, какъ общество такихъ людей, кои любятъ роскошь и пиры и кои пріемлются безъ всякаго разбору въ достоинствѣ.» Стараясь раскрыть тайны масонства, снять съ него маску, авторъ описываетъ разные обряды и символы, какіе употреблялись у вольныхъ каменьщиковъ при вступленіи профана въ ихъ общество, при возведеніи посвященныхъ въ высшіе степени и въ собраніяхъ братства: это состав-

(*) Печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Геннинга, in 8, стр. VII и 115.

ляетъ также и содержаніе «Духовнаго рыцаря», и при сличеніи обоихъ сочиненій находимъ въ нихъ много общаго и сходнаго.

Въ самомъ началѣ книга Лопухина предлагаетъ «Общія правила духовныхъ рыцарей или ищущихъ премудрости, которыя каждый вступающій предъ введеніемъ въ комнату пріуготовленія долженъ подписать, клятвенно обѣщая исполнять ихъ наистрожайше: 1) Прилежное упражненіе въ Страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе Заповѣдей Евангельскихъ. 2) Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему Государю, съ особливою обязанностію охранять Престолъ Его, не только по долгу общей вѣрноподданныхъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу Властей Державныхъ. 3) Рачительное и вѣрное исполненіе Уставовъ и обрядовъ своея Религіи. NB. Изъ Христіанскихъ токмо Религій могутъ быть приняты въ *Общество Рыцарей Ищущихъ Премудрости.* 4) Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ Правительствѣ Начальствамъ и примѣрное наблюденіе Законовъ Государственныхъ. 5) Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности и равенства, и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми. 6) Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами, и словами, и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ. 7) Если бы, при всей благонамѣренности учрежденія рыцарей, ищущихъ премудрости, верховной монаршей волѣ по какимъ-либо причинамъ заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія Его.» Затѣмъ сочиненіе дѣлится на слѣдующія главы: а) *Пріуготовленіе:* въ назначенной комнатѣ пріуготовляются три стола, покрытые одинъ—чернымъ, другой—бѣлымъ, третій—желтымъ; на первомъ полагается Библія, раскрытая на 6 и 7 главахъ книги Премудрости Соломоновой, знакъ рыцаря, т. е. *крестъ въ сердцѣ*, обнаженный мечь, погашенный свѣтильникъ, кость мертвой головы, подъ которой зажженная лампада, небольшой сосудъ съ чистою водою и дощечка съ над-

писью: «Познай себя, обрящеши блаженство внутрь тебя сущее»; на второмъ столѣ полагается изображеніе пламенной звѣзды, а на третьемъ—рукомойникъ съ водою, бѣлыя перчатки и мастерская золотая лопатка. b) *Введеніе кандидата къ приуготовленію*: онъ вводится съ завязанными глазами, въ мантіи, на которой изображено на лѣвой сторонѣ обвитое змѣемъ сердце; посреди сердца—малый свѣтъ, еще помрачаемый тьмою. c) *Первая бесѣда*—братъ вводитель обращается къ кандидату съ вопросами: возчувствовалъ ли онъ, что тьма его окружаетъ, истинно ли желаетъ искать премудрости? и т. под., и потомъ надѣваетъ на него знакъ рыцаря, прикрѣпленный къ снурку, на которомъ пять узловъ—въ ознаменованіе, что онъ долженъ обуздывать свои чувства. d) *Вторая бесѣда*: поступающій въ общество долженъ омыть свои глаза, и тутъ-же вручаются ему мечь на борьбу съ царствомъ тьмы и возженный свѣтильникъ для освѣщенія пути къ храму премудрости. e) *Третья бесѣда*—вмѣсто прежней надѣвается на него другая мантія, у которой лѣвая сторона бѣлая, съ изображеніемъ кровоточиваго сердца, окруженнаго лучами свѣта; правая же сторона мантіи темная. Кандидатъ омываетъ руки, надѣваетъ бѣлыя перчатки, и вводитель привѣшиваетъ ему лопатку. f) *Принятіе*. Вводитель стучится въ двери къ председателю, и на вопросъ: «кто тамъ?» братъ обрядоначальникъ отвѣчаетъ: «Испытанный, омовенный, знаменіемъ избранія и ранами на добромъ подвигѣ полученными украшенный, желатель премудрости.»—Таковому не должно и не можно воспретить входъ, отвѣчаетъ председатель. Кандидатъ входитъ и даетъ обѣщаніе: «стараться всѣми силами: 1) испрашивать премудрости отъ Бога, служить ему и кланятися *духомъ и истиною*; 2) хранить душу и тѣло свое отъ оскверненія, и прилежно убѣгать всего, что можетъ препятствовать *наитію духа премудрости*, ибо въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повиннемъ грѣху; 3) любить ближнихъ и служить имъ желаніемъ, мыслями, словами, дѣлами и примѣромъ.» Послѣ разныхъ обрядовъ и наставленій, председатель даетъ ему золотое кольцо съ вырѣзаннымъ внутри крестомъ и словами: *помни смерть*; рыцарскій знакъ надѣвается на него уже на розовой лентѣ, а мантія вся бѣлая; вмѣстѣ съ этимъ нарицается ему *новое имя*.—Далѣе идутъ главы: g) *Устроеніе капитула*, h) *Открытіе капитула*, i) *Закрытіе*, k) *Обрядъ*

столоваго собранія, l) *Его закрытіе*, m) *Одежды рыцарскія* и n) *Праздникъ общества* (въ день Рождества Христова): «Наканунѣ праздника ввечеру всѣ Рыцари (того мѣста) соберутся подъ предводительствомъ Старшаго Настоятеля во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, и открывъ Капитулъ...читаютъ приличныя торжественныя Рѣчи; а послѣ онаго, открывъ столовое собраніе, бесѣдуютъ занимаясь назидательными разговорами, въ благоустройномъ веселіи и пѣніяхъ благочестивыхъ, продолжая то до самой полуночи: какъ-же скоро пробьетъ двѣнадцать часовъ, то, по знаку отъ настоятеля, всѣ встаютъ, и воспѣвъ радостную пѣснь въ прославленіи Спасителя міра, закрываютъ предписаннымъ порядкомъ собраніе. NB. Въ сіе праздничное собраніе должно дѣлать знатнѣйшій сборъ на какую-либо чувствительнѣйшую помощь ближнимъ, во Славу Рождшагося Спаса.»

Въ масонскихъ собраніяхъ XVIII вѣка, бывшихъ въ Россіи, дѣйствительно произносились рѣчи и пѣлись различные хоры и пѣсни; нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень были оригинальныя русскія произведенія, другія переводныя. Въ одномъ небольшомъ нынѣ рѣдкомъ собраніи масонскихъ хоровъ и пѣсень, изданномъ безъ цензурнаго дозволенія (*), находимъ слѣдующее обращеніе къ Н. И. Панину, воспитателю Наслѣдника Великаго Князя Павла Петровича.

О старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ;
Вѣнчанна мира красотою
Плѣнилъ невинной простотою,
И что есть смертный—вразумилъ,
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ....
Въ порфирѣ дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдуя стезѣ твоей,
И въ нашъ вступивши храмъ священный,

(*) Объ этой брошюрѣ смотри въ Библіогр. Запискахъ 1859 года, № 3 стол6. 285—6; сличи XIII-ю пѣсню, здѣсь напечатанную, съ 4-ю пѣснею, помѣщенною въ книгѣ: «Масонъ безъ маски».

Колико пріобрѣлъ друзей!
Погибъ, отвергнувши совѣты,
Что въ жизнь его давалъ Солонъ;
Грядущій за твоимъ примѣромъ
Блаженъ стократно! онъ масонъ.
Твоя доброта успѣваетъ,
Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ,
И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
Что въ утренней странѣ блистаетъ,
Предвозвѣщая вѣкъ златой (*).

Принимая въ соображеніе это свидѣтельство, позволительно думать, что подозрѣніе правительства относительно мартинистовъ, будто они всячески старались преклонить на свою сторону великаго князя, не совсѣмъ было не основательно.

Изъ предложенныхъ нами краткихъ указаній содержанія «Духовнаго рыцаря» уже видно, что Лопухинъ, наравнѣ со всѣми тогдашними мистиками, раздѣлялъ теософическія и ѳеургическія представленія масонства; это настроеніе замѣчается и въ другихъ его сочиненіяхъ, но только отчасти, и далеко не съ такою наглядностью, какъ въ «Духовномъ рыцарѣ».

Изъ всѣхъ сочиненій Лопухина самое близкое по содержанію къ «Нравоучительному Катехизису» есть: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели». Оно написано въ 1789 году, почти въ одно время съ катехизисомъ; напечатано-же спустя десять лѣтъ—въ 1798 г., въ С.Петербургѣ, и вторично въ 1801 году. (**)

(*) Смотри также пѣсни XI и XXX-ю.

(**) «Книга эта (говоритъ Лопухинъ) переведена очень хорошо на французскій языкъ, и сей переводъ напечатанъ въ С. Петербургѣ; а послѣ вышло онаго изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи, моего-же сочиненія, изображающею Храмъ Натуры и Благодати, съ моимъ-же изъясненіемъ, которое на русскомъ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ». Потомъ картина эта, съ французскимъ изъясненіемъ была выгравирована въ Лондонѣ. «Самой хорошій переводъ книги сей на нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ г. Эвальдомъ и помѣщенъ въ его Христіанскомъ ежемѣсячномъ изданіи». Русское изданіе 1801 года напечатано въ С.-Петербургѣ въ Императорской Типографіи in 8°, стр. 109, съ гравированнымъ портретомъ Лопухина.

Сочиненіе о внутренней церкви заслужило одобреніе извѣстнаго мистика Эккартсгаузена, который, по слишкомъ-пристрастному мнѣнію Лопухина, былъ одинъ изъ величайшихъ свѣтилъ божественнаго просвѣщенія, и котораго такъ много переводили и читали у насъ въ царствованіе Александра I; большая часть этихъ переводовъ принадлежитъ другу Лопухина А. Ѳ. Лабзину, издателю «Сіонскаго Вѣстника». Книга Лопухина состоитъ изъ восьми главъ: 1) о началѣ и продолженіи внутренней церкви, 2) описаніе церкви въ образѣ храма, 3) о церкви антихристовой, 4) о знакахъ истинной церкви Божіей и истинныхъ членовъ главы ея Іисуса Христа, 5) о возрожденіи, о могущихъ въономъ быть паденіяхъ, заблужденіяхъ и о ложной духовности, 6) о пути Христовомъ въ душѣ, 7) о подражаніи Іисусу Христу, 8) о главныхъ средствахъ на пути къ божественной жизни, каковы: насилованіе своея воли, молитва, воздержаніе, дѣла любви, поученіе въ познаніи натуры и себя самого. Говоря о церкви антихристовой, авторъ причисляетъ къ ней «духовныхъ сластолюбцевъ, прилежащихъ къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему, въ число которыхъ должно полагать любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленныхъ къ златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продолжить грѣховную свою жизнь, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи, тайной медицины и въ магнетизмѣ»; сюда-же причисляются имъ упражняющіеся въ «гнусной» ворожбѣ и гаданіяхъ, атеисты и «модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна, что самолюбіе должно быть основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, что христіанство—фанатизмъ», которые «много содѣйствовали къ порожденію буйнаго стремленія къ мнимому равенству и своеволію». Такимъ образомъ Лопухинъ съ одной стороны силится противупоставить свое братство иллюминатамъ, строго различая цѣли ученія того и другихъ; во вторыхъ старается показать, что мартинисты нисколько не опасны по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, на что̀ (какъ видѣли) онъ постоянно указывалъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Надобно однако замѣтить, что, вооружаясь противъ ворожбы, гаданій и алхиміи, Лопухинъ въ тоже время въ V-й главѣ говоритъ: «милосердіе Божіе, уготовляя душу къ началу въ ней дѣла возрожденія, провозвѣщаетъ сій блаженство

приближенія своего *сладкими ощущеніями, восторгами, тайнознаменательными явленіями во снѣ, внутренними гласами, видѣніями,* просвѣщеніемъ разумѣнія»; между тѣмъ въ типографіи его печатается «Химическая псалтирь», и самъ онъ и его товарищи толкуютъ о какой-то истинной химіи, необходимой для высшаго просвѣтленія человѣка, хотя толки ихъ не имѣютъ ничего общаго съ наукою и представляютъ самыя странныя и безсмысленныя мистическія мечтанія; письма Новикова къ Карамзину особенно ярко могутъ засвидѣтельствовать эту истину. Если Лопухинъ и Невзоровъ и возстаютъ въ своихъ сочиненіяхъ противъ иллюминатовъ и алхимиковъ, то этимъ протестуютъ только противъ ихъ корыстныхъ цѣлей и сознательно-допускаемаго шарлатанства, а нисколько не противъ ихъ антинаучныхъ пріемовъ и стремленія къ чудесному.

По словамъ Лопухина, «подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу мартинистовъ до крайней степени возрасли при вступленіи въ управленіе Москвою князя Прозоровскаго, смѣнившаго П. Д. Еропкина.» Еропкинъ былъ человѣкъ честныхъ правилъ, обходительный, и «потому дѣлалъ только то, что̀ необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученія»; преемникъ его напротивъ во всемъ усматривалъ зло и опасность, и даже въ раздачѣ милостыни видѣлъ преступное намѣреніе. О Лопухинѣ Прозоровскій между прочимъ отзывался, что, раздавая такъ много милостыни, сдвали не дѣлаетъ онъ фальшивыхъ ассигнацій! Послѣ долгихъ угрозъ, наконецъ въ апрѣлѣ 1792 года состоялось повелѣніе, вслѣдствіе котораго типографія и книжныя магазины общества были запечатаны, Новиковъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ крѣпость; вмѣстѣ съ этимъ князь Прозоровскій получилъ секретный именной указъ, чтобы князя Н. Н. Трубецкаго, И. П. Тургенева и Лопухина, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить по присланнымъ пунктамъ, и потомъ всѣмъ троимъ объявить ссылку на житье въ отдаленныхъ отъ столицы деревняхъ, подъ надзоромъ полиціи. Отвѣты двухъ первыхъ до сихъ поръ неизвѣстны; Лопухинъ же разсказываетъ о себѣ довольно подробно въ своихъ запискахъ, и разсказъ его весьма интересенъ. Прозоровскій приступилъ къ допросу съ строгими изъясненіями о важности дѣла: «предисловіе было предлинное, гораздо свысока и жостко. Наскучивъ (пишетъ Лопухинъ), сказалъ я ему, что когда онъ имѣетъ отъ Государыни

указъ и вопросные мнѣ пункты, то и думаю—ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять; а отъ себя прибавлять, кажется, излишній только трудъ для него будетъ: прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать...Онъ давалъ мнѣ на особливыхъ листкахъ написанные пунктъ за пунктомъ, такъ чтобъ, отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго. Всѣхъ пунктовъ, помнится, было 18, а въ отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ двадцать листовъ.—Вопросы сочинены были тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ ближайшею къ престолу особою; прочее-же было подобрано только для расширенія завѣсы. Въ 4-мъ или 5-мъ пунктѣ начиналась эта матерія, и кн. Прозоровскій, отдавая мнѣ его, говорилъ: посмотрю, что вы на это скажете?—О, на это отвѣчать всего легче, сказалъ я, и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что *послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы.* Кн. Прозоровскій, прочитавъ отвѣтъ сей, съ чрезвычайною досадою бросилъ листъ на бюро, и подошедъ ко мнѣ, сказалъ: чтожъ, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?—Да какъ-же быть-то? не было, холодно отвѣчалъ я ему.» Желая искуснѣе вывѣдать всѣ тайны, Прозоровскій замѣтилъ вдругъ Лопухину: «Новиковъ-то вѣдь во всемъ признался.»—Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ тотъ; я думаю, что Новиковъ также не виноватъ; а если въ чемъ виноватъ, то, конечно, признался: онъ не дуракъ и боится Бога. «Однако съ Французами вы имѣли переписку?»—Кто? «Вы, и именно: вы, сирѣчь: ты.»—Имѣлъ. «Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное, сказалъ весело Прозоровскій, скажи, пожалуй, о чемъ-же и когда вы къ нимъ писывали?»—Не упомнишь всего»... «Однако, сколько можешь вспомнить?»—Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна, игрушекъ въ подарки дѣтямъ». «Вы шутите, сказалъ разсерженный князь; къ какимъ-же Французамъ вы писали это?»—«Къ здѣшнимъ лавочникамъ; а то къ какимъ-же»?—«Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.»—«А ваше сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ»?—«Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался.»—«Такъ знайте жъ, что въ чести, вѣрности Государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ».

Отвѣты свои писалъ Лопухинъ два дня, и заключилъ ихъ патетическимъ обращеніемъ къ правосудію Государыни; вмѣстѣ съ бумагами его, они были представлены Императрицѣ и тронули ее до слезъ, по свидѣтельству очевидца В. С. Попова. Между тѣмъ князь Прозоровскій дозволилъ Лопухину оставаться въ Москвѣ не болѣе десяти дней. Болѣе всего огорчала Лопухина разлука съ отцемъ, съ слѣпымъ девяностолѣтнимъ старикомъ; онъ не зналъ, какъ объявить ему о своемъ отъѣздѣ; за это взялись графы Орловы (Алексѣй и Ѳедоръ), хорошо расположенные къ ихъ семейству. Уже все было готово къ отъѣзду: подорожная взята и почтовыя лошади приведены, какъ прислалъ за Лопухинымъ главнокомандующій и объявилъ новый высочайшій указъ, которымъ дозволялось ему, ради престарѣлаго его отца, оставаться въ Москвѣ.

Окончательное паденіе типографской компаніи нанесло членамъ ея многія убытки; значительная часть ихъ пала на И. В. Лопухина. «Это главная причина долговъ моихъ (упоминаетъ онъ въ запискахъ своихъ, которыя диктованы имъ уже въ 1809 году); но я не жалѣю, потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе» (*).

До конца 1796 года жилъ Лопухинъ въ Москвѣ тихо и спокойно, занимаясь чтеніемъ и составленіемъ нѣкоторыхъ книгъ, а досугъ свой посвящая друзьямъ. Въ это время напечатаны имъ слѣдующія сочиненія, заглавія которыхъ уже достаточно говорятъ о ихъ направленіи: 1) изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами. М., 1794. 2) Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія. М., 1795. 3) Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ. М., 1795. 4) Подражаніе нѣкото-

(*) Въ числѣ масонскихъ книгъ, которыя подверглись запрещенію, слѣдующія четыре были напечатаны въ вольной типографіи, заведенной Лопухинымъ: а) Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ св. (Каменщикамъ), писанныя братомъ Седдагомъ. М., 1784. б) Химическая псалтирь, или философскія правила о камнѣ мудрыхъ, соч. Парацельса, перев. съ нѣмец. М, 1784. с) Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго, весьма важнаго содержанія. Переводъ съ нѣмецкаго (А. Петрова)., М. 1783. Объ этой повѣсти смотри статью г. Лонгинова въ IV т. Сборника литерат. статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина. д) О заблужденіяхъ и истинѣ А. Мартена.

рымъ пѣснямъ Давыдовымъ, стихами. М., 1796. Объ этомъ трудѣ своемъ авторъ такъ отзывается: «Нашелъ было на меня духъ поэзіи, и я, совсѣмъ не зная ся правилъ и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души. Еслибъ нѣчто не отвлекло меня тогда, отчего піитическій духъ этотъ во мнѣ скрылся; то бы, думаю, переложилъ я всю псалтирь въ нѣсколько дней... Потомъ-же не могъ я написать ни одного стиха».

Укажемъ здѣсь кстати и на другія позднѣйшія сочиненія П. В. Лопухина, имѣющія отношеніе къ масонству, чтобы потомъ не возвращаться болѣе къ этому предмету:

1) *Замѣчаніе на извѣстную книгу Руссо du Contrat Social*; напечатано отдѣльно въ Москвѣ, въ 1805 г., и въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» (1806 года, февраль, стр. 217—231). Руссо начинаетъ свой трактатъ этими словами: человѣкъ родился свободнымъ—и вездѣ въ оковахъ! Лопухинъ возражаетъ: «Страсти, слабости, нужды, хитрость, навыкъ, обычаи держатъ въ неволѣ весь родъ человѣческій, и посему можно сказать съ Ж. Жакомъ, что человѣкъ вездѣ въ оковахъ; но свободнымъ ли онъ родился?.. человѣкъ созданъ былъ свободнымъ, блаженствовать душею и тѣломъ, руководствуясь непосредственно гласомъ всесотворшей премудрости и исполняя уставы ея, живыми буквами начертанные въ зерцалѣ свѣта ему откровеннаго. Преступленіе этихъ уставовъ повлекло за собою паденіе, преселившее человѣка въ міръ слѣпотствованія, труда и болѣзни, а съ ними естественно—и неволи». Отсюда необходимо произошли общества съ цѣлью взаимной помощи, появились правительства и возникли различныя учрежденія. Чѣмъ болѣе падало и развращалось человѣчество, тѣмъ болѣе наложенные на него узы становились тяжки и грубы. За нѣжными исправленіями чадолюбивыхъ семейственныхъ (патріархальныхъ) правленій послѣдовали суровыя казни. Въ настоящемъ же состояніи человѣкъ родится только потому свободнымъ, что родится «съ волею, имѣющею свободу преклонять слухъ къ спасительному гласу Творца, зовущему его въ первобытное блаженство»: только единый духъ истиннаго христіанства можетъ сдѣлать человѣка внутренно-свободнымъ. Внѣшняя же, политическая свобода и равенство, по мнѣнію автора,—мечты: Франція то доказываетъ! «Покоряющіеся въ кротости и съ

терпѣніемъ тиранству не счастливѣе ли граждан лучшаго правленія, недовольныхъ своимъ состояніемъ. — Доколѣ, заключаетъ Лопухинъ, хищный волкъ не взыграетъ съ агнцемъ, нужны для обороны отъ звѣрей оружія, для укрощенія ихъ бичи и путы»! Такимъ образомъ, и по мнѣнію Лопухина, государственное устройство является чѣмъ-то случайнымъ, а не самобытною, органическою формою, существенно-необходимою для развитія народныхъ силъ; такой взглядъ условливалъ цѣлый рядъ ошибокъ и заблужденій мыслителей прошлаго вѣка, и мы считаемъ совершенно излишнимъ дѣлать какія-либо замѣчанія противъ положеній, высказанныхъ Лопухинымъ.

2) *Отрывки для чтенія вѣрующимъ*, въ Москвѣ, 1805 г. (*).

3) Нѣсколько статей Лопухина находимъ въ «Другѣ юношества и всякихъ лѣтъ», журналѣ, издаваемомъ Максимомъ Невзоровымъ. 1813 годъ своего изданія Невзоровъ посвящаетъ Лопухину, на счетъ котораго онъ воспитывался и путешествовалъ за границей и котораго потому постоянно называетъ своимъ благодѣтелемъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ посвященія: «Болѣе 30 лѣтъ (говоритъ Невзоровъ) имѣю счастіе я наслаждаться отеческими вашими милостями, и въ теченіе онаго времени истинно какъ сынъ былъ согрѣваемъ огнемъ вашей любви во всѣхъ отношеніяхъ. Вы мой Іосифъ, воспитывавшій меня нравственно и питавшій физически. Я долженъ признаться предъ всѣмъ свѣтомъ, что ежели во мнѣ есть какіе плоды нравственности, то они началомъ, или, можно сказать, рожденіемъ и растеніемъ своимъ обязаны вамъ.... Временными и жизненными выгодами всѣми долженъ я также вамъ. Журналъ настоящій, мною издаваемый, ежели не началомъ, то безъ всякаго сомнѣнія чрезъ столько лѣтъ существованіемъ и продолженіемъ вамъ совершенно обязанъ. Вы доставляли мнѣ всѣ способы и средства къ тому, что онъ по сіе время не окончился, и сверхъ того попеченіемъ своимъ и трудолюбіемъ наполнили его и наполняете первѣйшими и лучшими статьями, дѣлающими ему честь и украшеніе». «Другъ Юношества» помѣстилъ на своихъ страницахъ много похвальныхъ стиховъ въ честь Лопухина; между ними одно стихотвореніе принадлежитъ самому Невзорову (1810 г., февраль, стр. 95—101):

(*) Этого сочиненія, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть.

Одна ко ближнему любовь имъ обладаетъ...
Любовь въ его глазахъ, любовь въ его устахъ,
Любовь во всѣхъ его поступкахъ и чертахъ.
Не трогается онъ, богатыхъ видя міра...
Но духъ его тогда въ движеніе приходитъ,
Когда онъ бѣднаго и страждуща находитъ;
Друзьями избралъ онъ несчастныхъ всѣхъ себѣ...
Темницы, кандалы всегда въ его умѣ;
Онъ строго должности самъ лично исполняетъ,
Но съ звѣрской яростью другихъ не осуждаетъ,
Снисходитъ слабостямъ нѣжнѣйшій какъ отецъ:
Онъ христіанина есть точный образецъ!

Въ «Другѣ Юношества» Лопухинъ напечаталъ: *Примѣры истиннаго геройства, или Князь Репнинъ и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ* (1813, мартъ). «Я былъ его другомъ, говоритъ Лопухинъ о кн. Репнинѣ, и не желалъ бы другой надписи на моемъ памятникѣ; честь эту я предпочитаю всѣмъ знатнымъ титламъ». Вся статья состоитъ изъ разсказовъ о подвигахъ христіанскаго милосердія и благотворительности князя Репнина и Фенелона; по словамъ автора, она есть искренняя жертва любви и благоговѣнія къ добродѣтели. Представимъ нѣсколько выписокъ: «Въ одно начальствованіе сего вѣчно-почтенной памяти князя, нѣкоторый офицеръ, человѣкъ добродушный, но неосторожный, имѣвъ много въ рукахъ своихъ казенныхъ денегъ, проигралъ слишкомъ сорокъ тысячъ рублей. Заплатить ему было нечѣмъ, и онъ доходилъ до самой крайности отчаянія. Князь, узнавъ о семъ, призываетъ его къ себѣ; пожурилъ его за неосторожность, потомъ сталъ уговаривать, чтобъ онъ также остерегался и отчаянія, что это дѣло можетъ поправиться, чтобъ онъ успокоился, а постарался бы внести деньги. — Да что вносить? ничего нѣтъ у офицера. — Ну, такъ чтожъ отчаяваться-то, братецъ, говоритъ ему князь, вручая бумагу: ну, вотъ прими мнѣ принадлежащіе изъ казны 50 тысячъ рублей, возьми ихъ себѣ на здоровье, расплатись, будь покоенъ и умнѣе впередъ... Незадолго передъ тѣмъ, онъ тысячи три душъ крестьянъ, полученныхъ имъ въ наслѣдство, отдалъ дѣтямъ соперника, долго судебнымъ порядкомъ спорившаго противъ законнаго права, по которому князь Н. В. Репнинъ полу-

чилъ оное наслѣдство, и сдѣлалъ дѣтей его съ хорошимъ имѣніемъ въ то время, когда они никакого не имѣли, отъ того, что отецъ ихъ все свое имѣніе прожилъ... Въ одну очаковскую компанію онъ не меньше ста тысячъ рублей своихъ денегъ очень тайно употребилъ на вспоможенія бѣднымъ офицерамъ и солдатамъ, много потерпѣвшимъ отъ стужи и разныхъ недостатковъ при оной долговременной осадѣ.» Вотъ еще случай, бывшій съ крѣпостнымъ слугою Репнина: «Вспыльчивость скоро въ немъ возбуждалась, говоритъ Лопухинъ о своемъ другѣ. Прогуливаясь со мною въ Воронцовскомъ саду своемъ, князь увидѣлъ какую-то неисправность, разсердился на садовника и разбранилъ его; однако такъ разбранилъ, какъ многіе добрые и горячіе командиры нерѣдко бранятъ и чиновныхъ своихъ подчиненныхъ, безъ раскаянія. Оставя садовника, пошли мы своею аллеею. Отошедши шаговъ сотню, князь кличетъ Качигина (такъ прозывался садовникъ). Качигинъ подбѣжалъ. Князь говоритъ ему: «Вѣдь ты виноватъ, братецъ; надобно быть въ должности своей исправнѣе; однако я еще больше твоего сдурачился, разсердился за бездѣлку и побранилъ тебя слишкомъ. Ну, виноватъ: вотъ тебѣ съ меня штрафу»—и далъ ему изъ кармана десятирублевую бумажку.»

Въ эту журнальную статью Лопухинъ внесъ небольшой отрывокъ изъ своихъ мемуаровъ (см. стр. 3—6); а въ концѣ помѣстилъ въ переводѣ выдержку изъ сочиненія князя Репнина, которое самъ-же онъ издалъ въ 1790 году подъ названіемъ: Les fruits de la grace (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ переводчикъ даетъ обѣщаніе познакомить читателей и съ другими разсужденіями Репнина изъ той же книги. И дѣйствительно въ іюньской и іюльской книжкахъ «Друга Юношества» за 1813 годъ появились въ переводѣ Лопухина: *Разныя разсужденія для себя, сочиненіе покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Н. В. Репнина*—изъ первой части сочиненія: Les fruits de la grace, съ примѣчаніями переводчика (**).

О своихъ литературныхъ трудахъ Лопухинъ такъ отозвался въ

(*) Помѣщенная здѣсь выдержка разсуждаетъ «о любви, молитвѣ и просвѣщеніи».

(**) Другіе переводы Лопухина указаны въ словарѣ русс. писателей митрополита Евгенія, т. 2, стр. 55. Между прочимъ имъ было переведено «Торжество вѣры надъ любовью», поэма Юнга.

1813 году: «Авторство не мое ремесло, хотя и не мало разнаго написать на роду своемъ мнѣ случилось. Но я писалъ всегда или по нуждѣ, или для провожденія времени, для пріятелей, или то, что казалось мнѣ можетъ, не смотря на складъ, принести пользу. Правиламъ же писательства я вовсе не поученъ; я прямой *самоучка*, и можно сказать, что по грамматикѣ: *аза не знаю въ глаза*» (*). Впрочемъ, хотя слогъ Лопухина и отличается нѣкоторыми грамматическими неправильностями, онъ не чуждъ простоты и ясности, исключая, разумѣется, мистическихъ мечтаній и проповѣдей, которыя по самому духу своему уже нуждаются въ загадочныхъ и символическихъ образахъ выраженія.

6 ноября 1796 года скончалась Екатерина II, а 25 числа объявлено Лопухину имянное повелѣніе ѣхать въ С.-Петербургъ и явиться прямо къ новому государю. Разставаясь съ престарѣлымъ отцемъ, Лопухинъ успокоивалъ его надеждою скораго своего возвращенія, ибо предчувствовалъ, что «не рожденъ ни для какого Двора».

«4 декабря 1796 года, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, предсталъ я предъ Павла I. Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданьи, какъ съ симъ грознымъ Императоромъ... Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности; только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва его никогда однакожъ не имѣла послѣдствіи невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравѣ его сдѣлало конечно то, что отъ самаго дѣтства напоенъ онъ былъ причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ и что безмѣрная дѣятельность его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ онъ на престолъ».

На другой день Государь пожаловалъ Лопухина въ дѣйствитель-

(*) Другъ Юношества 1813 г., мартъ, стр. 73—74.

ные статскіе совѣтники, съ повелѣніемъ ему состоять при своей особѣ, въ качествѣ статсъ-секретаря. Вспоминая объ этомъ времени, Лопухинъ дѣлаетъ замѣчаніе о необходимости государю по всѣмъ частямъ управленія имѣть особливыхъ секретарей или докладчиковъ, сверхъ министровъ, которыхъ доклады представляютъ не иное что, какъ «ходатайство за то, что только имъ пріятно или надобно». Такая мѣра, по словамъ Лопухина, особенно могла быть полезною по дѣламъ сената, гдѣ большинство голосовъ уже давно сдѣлалось отголоскомъ генералъ-прокурора. «Согласенъ съ предложеніемъ его превосходительства, или сіятельства, только и слышится, и пишется, въ общихъ собраніяхъ сената».—Довѣренность Государя къ Ивану Владиміровичу была велика. Часто, признается онъ, были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило ему одного слова. Это возбудило противъ него скрытную зависть въ другихъ придворныхъ. Особенно непріятно подѣйствовалъ на нихъ приказъ Государя, чтобъ извѣстны ему были всѣ дѣла по тайной экспедиціи, чтобъ всегда былъ открытъ ему входъ ко всѣмъ заключеннымъ по этимъ дѣламъ, и чтобы, когда заблагоразсудитъ, могъ онъ присутствовать при слѣдствіяхъ, какія производились въ тайной экспедиціи. Тогдашній генералъ-прокуроръ два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ уговаривалъ его отказаться отъ этой должности; но Лопухинъ находилъ, что въ подобныхъ дѣлахъ надобно еще радоваться товарищамъ; неужели же свидѣтели здѣсь въ тягость? Впрочемъ, говоритъ онъ, «скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при Дворѣ успокоила моихъ завистниковъ». Разъ, уступая просьбамъ наслѣдника престола, Государь изъявилъ желаніе простить одного изъ преступниковъ, замѣшанныхъ въ важномъ дѣлѣ; но Лопухинъ упорно настаивалъ, что нельзя безъ крайней несправедливости помиловать одного, не щадя вмѣстѣ съ нимъ и другихъ, что слѣдуетъ или всѣхъ подвергнуть заслуженному наказанію, или для всѣхъ смягчить законную кару. Благородное упрямство Лопухина не всегда могло нравиться, и въ скоромъ времени обнаружилась совершенная холодность къ нему Государя: такіе рѣзкіе переходы отъ величайшаго благоволенія къ неудовольствію были въ характерѣ Павла I и почитались явленіемъ весьма обыкновеннымъ въ то время; многіе даже пользовались этою стороною его характера изъ

своихъ личныхъ цѣлей. «Не только, разсказываетъ Лопухинъ, Императоръ не дѣлалъ мнѣ никакихъ препорученій, и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ и говорить со мною. Чувствуя, что ничѣмъ не заслужилъ гнѣва его, былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ-бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь отъ бремени придворной жизни». Лопухинъ желалъ удалиться отъ Двора, и только искалъ случая попросить объ этомъ Императора. Царскій камердинеръ Кутайсовъ предлагалъ ему свои услуги; брался подать отъ него Государю просительное письмо и увѣрялъ, что отвѣчаетъ за полный успѣхъ. Иванъ Владиміровичъ не соглашался. «Вы философъ, сказалъ ему Кутайсовъ, а Двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь вамъ случай, я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли вамъ надобна— Государь тотчасъ ее надѣнетъ на васъ; чинъ—также получите. Еслижъ вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь по подачѣ вашего письма вынести вамъ на то указъ, и позволяю вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню». Лопухинъ отказался и отъ этихъ заманчивыхъ предложеній. Наконецъ удалось ему чрезъ С. И. Плещеева испросить себѣ желанное увольненіе.

При отпускѣ Государь пожаловалъ его тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Это было 20 генваря 1797 года. По желанію своему, Иванъ Владиміровичъ былъ опредѣленъ въ Москву въ 5-й департаментъ, гдѣ большею частію разсматривались дѣла уголовныя и слѣдственныя. Тѣ же правила человѣколюбія, которыхъ держался онъ въ уголовной палатѣ, были принесены имъ и сюда. «Большаго труда, говоритъ онъ, стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самый строгій. Собраніе сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь и опредѣленіемъ въ сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ генералъ-губернаторовъ и правившихъ ихъ должность. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что,

я съ ними спорилъ, и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостью; что мнѣ очень извѣстно, что онъ желаетъ только правосудія, и что ему пріятно будетъ всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ. Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе товарищей моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь... не тайное ли око его я въ московскомъ сенатѣ? и судя по праву Государеву, многіе заключали, что я могу скоро къ нему возвратиться и въ бо́льшую еще милость. Такое ложное заключеніе послужило однакожъ къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три, а тамъ уже трудно было и не соглашаться: разнообразное рѣшеніе законами запрещается». Во время коронаціи Императоръ Павелъ наградилъ Лопухина орденомъ св. Анны 1-го класса.

Въ началѣ 1800 года поручено ему, вмѣстѣ съ сенаторомъ М. Г. Спиридовымъ, обревизовать губерніи Казанскую, Вятскую и Оренбургскую, съ цѣлію водворить въ нихъ порядокъ и устранить злоупотребленія. Осмотромъ этимъ Государь остался доволенъ; всѣ представленія сенаторовъ были уважены, и сами они получили командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Они старались обращать вниманіе не только на формы, но и вникать въ самую сущность дѣлопроизводства. Такое дѣльное направленіе ревизіи и гуманный характеръ требованій, предъявленныхъ при этомъ сенаторами, довольно отчетливо раскрыты въ изданной Лопухинымъ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: *Выписка наставленій и приказаній, данныхъ г. сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи въ мартѣ 1800 года* (in 8°, стр. 81, безъ означенія типографіи, мѣста и года печатанія). Книжка эта нынѣ рѣдка; она напечатана Лопухинымъ съ тѣмъ, чтобы показать публикѣ, какъ напрасно многіе обвиняли его за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи отъ службы. Въ донесеніи, посланномъ ревизорами Государю, они писали, что «осмотрѣвъ Вятскую губернію, возможное по данной имъ власти на мѣстѣ исправили къ лучшему впередъ устройству, въ чемъ нужно, предписали наставленія...; что важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются особливо по волостнымъ управленіямъ, и для того они на часть сію особенное обра-

тили вниманіе, и всѣ возможныя установили средства къ пресѣченію злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ; что наконецъ, обыкнувъ говорить предъ августѣйшимъ престоломъ его величества правду, не могутъ они сказать, чтобъ какое-нибудь присутственное мѣсто или чиновникъ (кромѣ престарѣлаго губернатора) въ губерніи Вятской заслуживали быть представленными въ особливое благоволеніе государево». По выраженію Лопухина, губернія эта была въ то время золотымъ дномъ, изъ котораго давно привыкла черпать ненасытная алчность. Прочитавъ донесеніе, Императоръ Павелъ тотчасъ далъ два указа: однимъ повелѣвалось губернатора за старостью уволить отъ дѣлъ, съ назначеніемъ пенсіона, а другимъ указомъ—всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи, безъ изъятія, отрѣшить и предать суду. Вскорѣ однако приближенные къ Государю люди успѣли исходатайствовать дозволеніе, чтобы, прежде исполненія высочайшихъ указовъ, донесеніе Лопухина и его товарища и представленныя ими бумаги были разсмотрѣны въ сенатѣ. Сенатъ отрѣшилъ всѣхъ присутствующихъ губернскаго правленія и палатъ, кромѣ казенной, что и утверждено Государемъ; относительно-же прочихъ чиновниковъ предоставлено было Лопухину и Спиридову сдѣлать на мѣстѣ точнѣйшее изслѣдованіе. Произшествіе это было причиною многочисленныхъ упрековъ, посыпавшихся со всѣхъ сторонъ на Ивана Владиміровича, который и самъ удивлялся такой строгости; обвиненія обращались на него одного, потому что Спиридовъ, по чрезвычайной довѣренности къ своему товарищу, всегда съ нимъ соглашался, и подписывалъ все, что тотъ ни сочинитъ.

«Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами» представляетъ первый опытъ печатной гласности по дѣламъ административнымъ и судебнымъ; разумѣется, и здѣсь не обошлось безъ опущеній нѣкоторыхъ подробностей и сокрытія именъ, какъ не обходится безъ этого и современная гласность. Сенаторы нашли въ губерніи много безпорядковъ: медленное теченіе дѣлъ (*), неисполненіе указовъ правительствующаго сената, даже употребленіе пытокъ; главнымъ образомъ вниманіе ревизоровъ было обращено на сборы съ волостей, на содержаніе въ тюрьмахъ и на дѣйствія по-

(*) Дѣла, поступившія еще въ 1792 году въ Вятскій уѣздный судъ, оставались нерѣшенными.

лиціи. a) Въ предписаніи Вятскому гражданскому губернатору они писали: «Въ проѣздъ нашъ чрезъ Янгуловскую волость примѣтили мы, что поселяне неумѣреннымъ почитаютъ дѣлаемой съ нихъ отъ волостнаго правленія сборъ на мірскія надобности; въ чемъ наконецъ, когда вошли мы въ разсмотрѣніе сего, принесли они и жалобу на оный сборъ, какъ на отягощающій ихъ, изъявляя неудовольствіе свое вообще на голову. Почему рекомендуемъ вамъ разсмотрѣть несообразность этого сбора съ законными положеніями и истинными потребностями». «Что сборъ оный производится по мірскому приговору, то сіе никакъ не долженствуетъ отвращать вниманія, какое обязываетъ долгъ попеченія о благосостояніи поселянъ, которыхъ простодушіе легко можетъ быть уловляемо хитрымъ корыстолюбіемъ, какое можетъ также дѣйствовать и въ выборѣ и опредѣленіи начальниковъ волостныхъ. Почему ваше превосходительство не оставите конечно приказать обратить прилежное вниманіе и на помянутаго голову, на коего поселяне изъявили намъ свое неудовольствіе...главнѣйше-же при должномъ попеченіи о благосостояніи поселянъ, стараясь сохранять всевозможнымъ образомъ ихъ выгоды и въ пользу ихъ умѣрять собственныя ихъ, даже и добровольныя, положенія, которыя или отъ неосторожности, или отъ излишней довѣренности, корыстолюбцами во зло употребляемой, могутъ обратиться имъ въ тягость.» Въ другомъ предписаніи губернатору сказано было о необходимости принять самыя надежныя и дѣйствительныя мѣры къ ограниченію съ поселянъ сборовъ на собственные ихъ мірскіе расходы, «чтобъ оные въ каждой волости ни полушкою не превышали нужнаго, со всевозможною хозяйственною бережью» (стр. 4—6, 18). Вмѣстѣ съ тѣмъ Вятской казенной палатѣ сенаторы дали предложеніе: «принять мѣры къ тому, чтобъ не стѣсняя свободу поселянъ въ мірскихъ окладахъ и расходахъ, имѣть однакоже всегда точное и вѣрное объ нихъ свѣдѣніе, дабы можно было открывать злоупотребленія. Прилежно развѣдывать, нѣтъ ли поселянамъ какихъ притѣсненій и налоговъ? Приносимыя отъ нихъ въ томъ жалобы внимательнѣйше уважать и самымъ дѣятельнымъ образомъ поступать для изслѣдованія оныхъ. Каковое со внимательнымъ примѣчаніемъ развѣдываніе и дѣйствіе рекомендуемъ наипаче г. губернатору, особливо во время объѣздовъ губерніи» (стр. 77—78.).

b) Предписаніе нолинскому уѣздному суду говоритъ о тюрем-

номъ содержаніи: «При освидѣтельствованіи здѣсь тюрьмы, усмотрѣвъ между колодниками одного престарѣлаго, которому по справкѣ съ вѣдомостями оказалось 64 года, тотчасъ обратили мы вниманіе свое на дѣло, по коему содержится оный престарѣлый, обремененъ узами и въ тѣснотѣ почти уже два мѣсяца, и по краткомъ разсмотрѣніи въ подлинникѣ дѣла увидѣли, что колодникъ тотъ отставной пономарь Филатъ Юферевъ и сынъ его пономарь-же Никита взяты земскимъ судомъ и обвиняются по догадкамъ безъ всякихъ уликъ и ясныхъ изобличеній....Все (основывается) на *можетъ быть*, какъ то въ дѣлѣ и опредѣленіи суда видно. А по всему тому, побуждаясь наблюденіемъ истинныхъ правилъ суда и человѣколюбія, при сохраненіи законнаго порядка, приказавъ нолинскому земскому суду отослать какъ наискорѣе по своему опредѣленію дѣло оное въ нолинской уѣздной судъ, спѣшимъ предписать сему уѣздному суду, чтобъ онъ по полученіи того дѣла тотчасъ, и оставя прочія, приступилъ къ разсмотрѣнію и изслѣдованію онаго, производя изслѣдованіе сіе съ крайнимъ вниманіемъ, но со всевозможною при томъ поспѣшностію, и дважды въ день по дѣлу сему присутствуя. Поспѣшаемъ приказаніемъ изслѣдовать оное дѣло, дабы скорѣе невинные, буде законнымъ порядкомъ оправданы будутъ, могли получить свободу и облегченіе отъ судьбы, ихъ отягощающей, наипаче помянутаго старика.» Въ 8-мъ пунктѣ предложенія, даннаго 21-го марта Вятскому губернскому правленію, поставлено ему на видъ: «Стараться наирачительнѣйше, чтобъ мѣста содержанія колодниковъ въ наилучшемъ были состояніи со стороны того, что потребно къ сохраненію здоровья ихъ и жизни. Такое-же должностію и священнымъ человѣколюбіемъ предписуемое попеченіе имѣть и о ихъ продовольствіи. Не должно обременять ихъ оковами безъ крайней нужды и безъ причинъ законныхъ; ибо несправедливо облегчать стражу, по званію своему на бдѣніе обязанную, наложеніемъ казни на людей, узаконеніями непредписанной. Оковы, кромѣ отличныхъ и обличенныхъ злодѣевъ, надлежитъ возлагать только на тѣхъ, кои осуждены въ томъ степени, гдѣ законами повелѣвается налагать оныя. Сколь правосудіе удовлетворяется должнымъ наказаніемъ преступленій для исправленія прегрѣшающихъ, столько-же оскорбляется святость его хотя малымъ напраснымъ отягощеніемъ судьбы, чьей-бы-то ни было» (стр. 7—10, 53—54).

с) Въ томъ-же предложеніи губернскому правленію сдѣланы слѣдующія распоряженія относительно земской полиціи: «наблюдать, чтобы въ полицейскихъ изслѣдованіяхъ не происходило того, что нашли мы въ производствѣ дѣлъ нолинскаго земскаго суда, въ которомъ, по извѣстію о разбоѣ въ домѣ крестьянина Алалыкина, села Екатерининскаго, первою резолюціею заключено: учинить въ сомнительныхъ и подозрительныхъ домахъ въ томъ селѣ и въ окольныхъ деревняхъ, волостяхъ и селеніяхъ обыски, не окажется ли у кого пограбленныхъ имѣній, или поличныхъ какихъ вещей или орудіевъ? Таковыя генеральныя резолюціи не основаны на законахъ, весьма трудны, или лучше сказать—не возможны къ порядочному исполненію и совсѣмъ противны свойствамъ доброхотства, человѣколюбія и осторожной кротости, которыя императорскими учрежденіями постановлены въ правила полиціи. Они напротивъ того могутъ заставлять думать о расположеніи для непозволенныхъ какихъ-нибудь видовъ возмущать спокойство сельскихъ жителей, вмѣсто охраненія: и обыски такіе, приводя въ крайнее смятеніе цѣлыя селенія и тревожа спокойство добрыхъ поселянъ разными, могущими при нихъ быть злоупотребленіями, бо́льшему числу людей и бо́льшій вредъ нанести могутъ, нежели тотъ, котораго причина оными средствами изыскивается... Въ случаѣ разбоевъ и важнѣйшихъ уголовныхъ приключеній, полиція для изслѣдованія, безъ преступленія должности своей, можетъ тогда только въ домахъ дѣлать обыски, когда имѣетъ къ подозрѣнію такія существительныя причины, что можетъ основательность оныхъ чисто и ясно въ судѣ доказать; а иначе сама подвергается строжайшему обвиненію въ оскорбленіи личной безопасности, и чрезъ то въ нарушеніи и общаго спокойствія.—За людьми сомнительнаго поведенія полиція обязана имѣть особливо внимательное примѣчаніе, для скорѣйшаго изобличенія ихъ и должнаго обузданія, въ случаѣ поступка законамъ и порядку противнаго; но прежде такого изобличенія, не только не должна она дерзать како́е-либо дѣлать стѣсненіе свободѣ ихъ, но даже ни малымъ чѣмъ нарушать ихъ спокойство, или какое-либо дѣлать имъ оскорбленіе» (стр. 44—47). Отъ полицейскихъ слѣдствій сенаторы требовали, чтобъ они совершались скоро и съ устраненіемъ излишняго письменнаго производства.

Въ августѣ 1800 года возвратился Лопухинъ въ Москву и продолжалъ присутствовать въ сенатѣ. По воцареніи Императора Александра I-го, Государь этотъ, въ бытность свою въ Москвѣ, присутствовалъ однажды въ общемъ собраніи сената. Въ то время разсматривалось дѣло по жалобамъ на сборы, бывшіе въ одной губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновниковъ, для угощенія губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знатныхъ лицъ. О подобныхъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли возникло между сенаторами преніе. Одни находили это дозволительнымъ, другіе—нѣтъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Лопухинъ. Какъ, возражали ему, по обычаю хлѣба-соли не принимать, или отказаться отъ приглашенія на обѣдъ? вы сами ѣздили по губерніямъ, неужели не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на званые обѣды? «Всегда я принималъ и приму, отвѣчалъ Лопухинъ, хлѣбъ печеный и какую-нибудь глиняную или и серебреную рублей въ пятокъ солонку; обѣдать пойду ко всякому, начиная отъ перваго изъ чиновниковъ губерніи до послѣдняго купца. Но не приму хлѣба-соли, ежели поднесутъ мнѣ ее на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ, подъ какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Также не соглашусь я на праздникъ для меня, про который узналъ бы я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ дается; а если свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, при чемъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь, какъ злоупотребленіе». На другой или третій день послѣ этого засѣданія послѣдовалъ именной указъ, которымъ повелѣвалось отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбъ и соль.

Предъ самымъ возвращеніемъ своимъ въ С.-Петербургъ, Государь назначилъ Лопухина вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ обревизовать Слободско-украинскую губернію. При осмотрѣ этой губерніи особенно замѣчательны были распоряженія сенаторовъ по дѣлу объ одномъ государственномъ преступникѣ и по вопросу о духоборцахъ. По мнѣнію Лопухина, благому намѣренію Государя, какое имѣлось имъ при уничтоженіи тайной экспедиціи, не соотвѣтствовало опредѣленіе сената о производствѣ поступившихъ оттуда секретныхъ дѣлъ. Сенатъ положилъ ввести означенныя дѣла въ общій кругъ судопроизводства, и о людяхъ низшаго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ палатъ, съ согласія начальниковъ

губерній. Между тѣмъ сколько бывало и бываетъ между простолюдинами подобныхъ дѣлъ, въ сущности ничтожныхъ, но тѣмъ не менѣе бѣдственныхъ, поводомъ къ началію которыхъ большею частію служатъ одни неосторожныя слова! Сколько бы поэтому было жалкихъ жертвъ строгости законовъ, которой никто, кромѣ Государя, не имѣетъ власти удаляться! Не могли бы, замѣчаетъ Иванъ Владиміровичъ, начальники губерній съ палатами нисколько облегчать судьбу подсудимыхъ, не осмѣливались бы представлять о томъ, еслибъ не сыскались еще и такіе, которые захотѣли бы въ этихъ случаяхъ выслуживаться чрезвычайною строгостью.

Въ тюрьмѣ уѣзднаго города Богучара увидѣлъ Лопухинъ между колодниками одного въ оковахъ на рукахъ и ногахъ; въ лицѣ его замѣтно было добродушіе и вмѣстѣ глубокое уныніе. «Когда я подошелъ къ нему (разсказываетъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ), то онъ зарыдавъ повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ погибели его съ дѣтьми, коихъ у него было одиннадцать. Успокоивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я: по какому содержится онъ дѣлу, и гдѣ оно?—По секрету, сказалъ мнѣ на ухо городничій, а дѣло въ уѣздномъ судѣ. Я велѣлъ привести его ввечеру къ намъ на квартиру, а уѣздному судьѣ съ секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло, и нашли, что содержаніе его самое глупое и что судимый не заслуживаетъ никакого наказанія; однако по порядку законному долженъ быть непремѣнно обвиненъ и наказанъ вмѣсто смертной казни. Въ праздничной день однодворецъ этотъ зашелъ въ питейный домъ выпить чарку вина. Тутъ-же случился отпущенный въ домовой отпускъ матросъ, который за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того-же селенія, когда братъ однодворца былъ въономъ головою. По старой злобѣ на брата сталъ матросъ къ однодворцу придираться. Смирной однодворецъ отмалчивался, и только сказалъ глупую простолюдинскую пословицу, которой по непристойности въ ней словъ нельзя написать. Матросъ, переговоря ее иначе, закричалъ: такъ-то ты говоришь! и донесъ начальству на однодворца въ словахъ, оскорбительныхъ царскому величеству, коихъ тотъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника.» Не признавая за собою власти уничтожить начатое дѣло, сенаторы приказали отвести подсу-

димаго въ тюрьму, но содержать въ заключеніи безъ оковъ, а уѣздному судьѣ велѣли подать при секретномъ рапортѣ выписку изъ дѣла. Лопухинъ тогда же изготовилъ донесеніе на имя Государя и на другой день отправилъ его по почтѣ, вмѣстѣ съ запискою своею о дѣлахъ подобнаго рода. Въ этой послѣдней представлялъ онъ, съ какою тонкою осторожностію должно разбирать уголовныя дѣла, особенно о словахъ, которыя не всегда могутъ означать расположеніе ко злу, а иногда произносятся отъ вѣтренности и невѣжества, чего однако законы не различаютъ. По мнѣнію Лопухина, всего лучше дѣла по двумъ первымъ пунктамъ представлять сенату и Государю, «дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдена была, и Государь бы имѣлъ способы въ отраду человѣчества являть небесное свойство милосердія, особливо въ дѣлахъ, до оскорбленія лица его касающихся.»

Императоръ Александръ съ отличнымъ благоволеніемъ принялъ такое представленіе; на другой-же день по полученіи его поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ указомъ о немедленномъ освобожденіи однодворца; всѣ же дѣла по первымъ двумъ пунктамъ велѣно вносить въ правительствующій сенатъ, а сенату о каждомъ подносить при своемъ мнѣніи Государю и ожидать высочайшаго утвержденія.

Въ Бѣлгородѣ сенаторы обѣдали у архіерея. «Вспомня, что при покойной императрицѣ Екатеринѣ поручено было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ духоборцевъ, полюбопытствовалъ я (говоритъ Лопухинъ) обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего излишняя горячность въ разговорѣ объ нихъ мѣшала ему довольствовать мое любопытство, прервалъ я разговоръ. Тутъ-же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій земскимъ исправникомъ во времена розысковъ надъ духоборцами, который помогалъ хозяину бранить ихъ. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ, и расправшивалъ его наединѣ о духоборцахъ. Повѣсть его состояла въ брани же. Да изволители вы знать ихъ? спросилъ онъ меня.—Нѣтъ.—Извольте-жъ ихъ посмотрѣть: похожи ли хоть мало на христіанъ—кровинки въ лицѣ нѣтъ! Они, злодѣи, и въ церкви хаживали; да полно что въ церкви стоитъ, а не то думаетъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащить, да въ однѣхъ рубашкахъ палочьемъ дуть.—Почему-же,

спрашивалъ я его, знать было вамъ, что они думаютъ?—Какъ-же-съ, это видно! отвѣчалъ онъ мнѣ.—Пріѣхавъ въ Харьковъ, потребовалъ я особливую вѣдомость о томъ, что происходило и происходитъ съ духоборцами, живущими въ тамошней губерніи?» Оказалось, что въ царствованіе Екатерины II нѣкоторые изъ нихъ были подвергнуты тѣснымъ и суровымъ заключеніямъ; при Императорѣ Павлѣ всякой генералъ-прокуроръ, вслѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявлялъ имянной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и каторгу. «Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость, воцарившаяся въ Императорѣ Александрѣ I, отверзла всѣ темницы въ Россіи» и страдальцы эти освободились. Велѣно было водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ и оставить въ покоѣ, предоставляя духовнымъ лицамъ при случаѣ вразумлять ихъ назидательнымъ словомъ, но безъ всякаго принужденія. «Въ августѣ возвратились духоборцы на мѣста опустошенныхъ домовъ своихъ, а въ октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ опять увѣщевать, и для того отряжены были епархіальнымъ архіереемъ два ученѣйшіе, какъ было сказано въ вѣдомости, священника и засѣдатель земскаго суда съ командою. Вы сдѣлаете бунтъ, говорилъ я губернатору; люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ. Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе объ увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что конечно никакихъ безпокойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ.—За послѣднія вы будете отвѣчать, сказалъ я ему; прикажите командѣ возвратиться, а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ преосвященнымъ... На другой день поутру вбѣжалъ ко мнѣ губернаторъ блѣдный, съ бумагою въ рукахъ; говоритъ мнѣ: ваше превосходительство отгадали! въ изюмскомъ уѣздѣ (гдѣ происходило увѣщаніе) бунтъ, и я пропалъ! Духоборцы не слушаются: говорятъ, что они Государя помазанникомъ Божіимъ не признаютъ; распятому Господу Іисусу Христу не покланяются, и никакихъ податей платить и государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ секретный рапортъ ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ, при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ (пѣснь или псаломъ), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и земскій судъ отправился

на мѣсто для слѣдствія. Успокоивалъ я губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ.—Чтожъ прикажете дѣлать? спрашивалъ онъ.—А вотъ что, сказалъ я ему: повѣрьте, что все произошло отъ того, стали увѣщавать этихъ людей не во-время, безъ нужды, неискусно; ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому самый присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ нему. (Въ немъ было сказано: поклоняемся Христу не мѣдному, не серебреному, не золотому, не кованному, и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божію, Спасу міра, и проч.) И такъ пошлите тотчасъ нарочнаго: прикажите всѣхъ взятыхъ подъ стражу освободить; земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ вамъ и безъ вашего наставленія, осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту; о возвращеніи же увѣщателей извольте отнестись оффиціально къ преосвященному. А мы на нынѣшней же почтѣ донесемъ о всемъ томъ Государю.»

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили догадку Лопухина; «въ отчетѣ своемъ сказали они, что первой отъ нихъ вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго, а сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ: добраго —даромъ Божіимъ, а злаго—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителевъ и спрашивали, вѣруютъ ли они въ предстоящаго передъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: это не Спаситель, а доска росписанная. Наконецъ спрашивали ихъ: будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить? Они съ досадою говорили: мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить! какіе отъ насъ рекруты— остался старой да малой, да изувѣченный! мы прежде служили Государю, какъ и другіе; а теперь, власть его, не можемъ.»

Описывая это происшествіе и сдѣланныя ими распоряженія, сенаторы въ двухъ донесеніяхъ своихъ представляли Государю о необходимости въ отношеніи къ духоборцамъ примѣнить правила христіанской терпимости и дозволить имъ отдѣлиться въ особое поселеніе. Вотъ наиболѣе существенныя мысли, выраженныя въ этихъ донесеніяхъ: «Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство

здѣшнее, конечно отъ избытка усердія, но не проникнувъ въ прямое существо высочайшаго о духоборцахъ указа вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ вашего императорскаго величества. При ономъ нарядномъ увѣщаніи вопросы, неискусно сдѣланные, безвременные и ненужные, исторгли изъ увѣщаемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью въ сердцахъ несуществующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.» Касательно увѣщанія сенаторы замѣчаютъ, что ихъ должно дѣлать не въ видѣ судебнаго розыска, а въ простыхъ бесѣдахъ, кстати, наблюдая удобное расположеніе въ умахъ духоборцевъ, для чего не мѣшаетъ вблизи ихъ жилищъ имѣть священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопреніи, сколько проникнутыхъ духомъ христіанскаго благочестія и высокой любви къ ближнему.

Далѣе сенаторы говорятъ о духоборцахъ: «Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едвали когда при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще безъ различія лицъ. Однако довольно извѣстно, что они, пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ единственно духомъ-же во внутренности, отметаютъ всякую наружность въ религіи; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ міропомазанія. Но они признаютъ государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ особѣ вашего императорскаго величества они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и говоря о вашемъ величествѣ, всякой разъ прибавляютъ: онъ нашъ Государь, и человѣкъ доброй и милостивой! Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія...Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ духоборцы и нѣкоторые изъ Новороссійской губерніи были у насъ,

и всѣ изъявляли желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе... Мы за нужное считаемъ донести о томъ вашему величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу государственную, и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими поселянами; а при томъ не пресѣкутся ли, или по крайней мѣрѣ не затруднятся ли чрезъ самое сіе способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ».

«Мудрая терпимость, каковую ваше императорское величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей со стороны ихъ образа мыслей всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражитъ только энтузіазмъ сей, всякое утѣсненіе воспалитъ его » Прочіе раскольники побуждаются иногда въ своихъ дѣйствіяхъ выгодами корысти; но такъ называемые духоборцы «восхищены однимъ энтузіазмомъ, и столь бѣдны, что терять имъ нечего. Бѣдность ихъ Государь, прекрайняя; ибо они до конца разорены ссылкою со всѣми семействами на заточенія и въ работы. Домы ихъ и всѣ пожитки проданы; и хотя повелѣно было полученныя за оное деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ.»

Посылая эти донесенія въ С.-Петербургъ, Лопухинъ не чуждъ былъ опасеній, чтобы гуманныя распоряженія его не были выставлены недоброжелательными ему лицами за пристрастіе къ ереси: какъ старый членъ мистическаго общества, онъ въ правѣ былъ опасаться подобныхъ подозрѣній, и не безъ тревожнаго чувства ожидалъ послѣдствій. Но полученный сенаторами отвѣтъ былъ достоинъ Александра. Приводимъ сполна этотъ замѣчательный рескриптъ отъ 27 ноября 1801 года.

«Господа тайные совѣтники и сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Пріимите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ духоборцевъ; я нахожу его столько-же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и вслѣдствіе того поручаю

вамъ въ продолженіи пребыванія вашего въ Слободско-украинской губерніи наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ духоборцевъ увѣщаніе; и находя между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ народнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства,—я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ: имѣютъ ли они домы, и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

Александръ (*).

Согласно представленію сенаторовъ и желанію, изъявленному самими сектантами, духоборцы были выселены на Молочныя Воды, и надѣлены при этомъ водвореніи щедрыми пособіями, отъ имени Государя. Благодушный образъ дѣйствія Лопухина и его товарища въ этомъ дѣлѣ былъ поставленъ въ примѣръ начальникамъ всѣхъ губерній высочайшимъ указомъ, объявленнымъ чрезъ генералъ-прокурора въ декабрѣ 1801 года.

Въ обществѣ были по этому случаю разные толки; одни хвалили, другіе осуждали, и такія запоздалыя осужденія главнымъ образомъ были направляемы противъ Лопухина, такъ какъ онъ собственно и поднялъ вопросъ о духоборцахъ и религіозной терпимости. «Бранили меня, говоритъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ, нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи. Бранили меня

(*) Рескриптъ этотъ былъ напечатанъ въ Сіонскомъ Вѣстникѣ 1817 года, № 12, стр. 370—385.

благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ: рыба-ли вязига и можно-ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго... Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ-бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя ни знаютъ, ни вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого-нибудь превосходительства и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ готовы на все пуститься.»

Подобные толки могли имѣть вредное вліяніе уже потому, что находили поддержку тамъ, откуда менѣе всего надо бы ожидать сомнѣній въ важности милосердія и вѣротерпимости. Лопухинъ указываетъ на письмо первенствующаго въ синодѣ архіерея, въ которомъ онъ такъ выразился о духоборцахъ: «Сей родъ сильно умножается, и не зная, что дѣлать съ нимъ, зѣло виню Ивана Владиміровича.» Все это заставило Лопухина составить записку о происшествіи, бывшемъ съ духоборцами, въ Слободско-украинской губерніи, и о причинахъ сдѣланныхъ имъ распоряженій, и разсѣять ее во многихъ спискахъ въ публикѣ. Записка эта была послана авторомъ въ «Сіонскій Вѣстникъ» при письмѣ отъ 12 іюля 1806 года; но въ печати явилась только въ 1817 году въ декабрьской книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника», подъ заглавіемъ *Гласъ искренности* (*). «Прямыхъ именъ и названій мѣстъ (говоритъ сочинитель въ письмѣ своемъ къ издателю) не поставилъ я въ сей піесѣ и старался написать ее въ такомъ видѣ, что будто оное и не въ Россіи происходило, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ иногда путешественникъ подъ чужимъ именемъ, хотя и прямое его весьма извѣстно, путешествуетъ гораздо спокойнѣе и избѣгаетъ многихъ затрудненій и неудобствъ. Впрочемъ отъ вашего благоразсужденія зависитъ при напечатаніи поставить и подлинныя имена и званія мѣстъ» (стр. 369). Въ статьѣ своей Лопухинъ старается растолковать и пояснить своимъ противникамъ давно-извѣстную истину, что слѣпо-

(*) Въ мемуарахъ Лопухина она озаглавлена: *Отзывъ искренности.*

ту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ и что духовныя заблужденія надо исправлять силою убѣжденія. «Я думаю, говоритъ онъ, что одна проповѣдь евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямаго пути религіи... Убѣжденія нужны, жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже и раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждать въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ» (*).

Въ 1802 году Москва избрала было Лопухина въ свои совѣстные судьи; но Государь, еще прежде представленія объ этомъ выборѣ, назначилъ его предсѣдателемъ Коммиссіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму. Причиною учрежденія этой Коммиссіи были жалобы татаръ, вызванныя съ одной стороны ссорами ихъ между собою, а съ другой—неріязненными столкновеніями ихъ съ дворянствомъ и чиновниками, «начиная отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, такъ что сіе клонилось и до играніа знатнѣйшихъ ролей при Дворѣ.»

Въ концѣ лѣта пріѣхалъ Лопухинъ въ Крымъ и открылъ засѣданія Коммиссіи. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ были собраны всѣ нужныя свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтились различныя затрудненія, почему предсѣдатель испрашивалъ у Государя дозволенія пріѣхать ему въ С.-Петербургъ для личныхъ объясненій. Отсюда-же послалъ онъ въ 1803 году всеподданнѣйшее донесеніе о взяткахъ. За лучшее средство къ искорененію лихоимства признавалъ онъ опредѣленіе добросовѣстныхъ и знающихъ начальниковъ. «Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами

(*) Вслѣдъ за статьею Лопухина въ той-же книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника» напечатана другая: *О терпимости*, принадлежащая перу самого редактора (Лабзина). Въ этой послѣдней (на стр. 393—4) читаемъ: «Духъ и правила благоразумной терпимости изображены въ приведенномъ нами Высочайшемъ рескриптѣ и въ другомъ подобномъ къ Херсонскому губернатору г. Ланжерону, по случаю возобновившихся непріязненныхъ поступковъ противъ поселенныхъ въ сей губерніи духоборцевъ. Возданная въ онομъ справедливость безпристрастному и на любви христіанской основанному образу мыслей и сужденію гг. сенаторовъ разрѣшила и меня исполнить желаніе одного изъ нихъ и тѣмъ почтить память покойнаго моего друга» (т. е. напечатать *Гласъ искренности*).

отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно вредить пользѣ службы». Это дѣйствительнѣе всѣхъ строгихъ наказаній, которыми грозятъ законы, потому что способы къ изобличенію взяточничества весьма нелегки и обыкновенно тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и замѣшанныя въ немъ лица. «Немалымъ способомъ къ обнаруженію подобныхъ злоупотребленій могла бы послужить отмѣна того закона, который равному подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго.» Послѣдняго довольно бы, по мнѣнію Лопухина, оставлять внутреннему суду совѣсти.

По желанію И. В. Лопухина, ему дозволено было пріѣхать въ столицу для объясненія по крымскимъ дѣламъ, и съ марта 1803 года по августъ 1804 года онъ пробылъ въ С.-Петербургѣ. Государь принялъ его «съ отмѣнною милостію», говорилъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ возлагаетъ на него порученія, а о харьковской ревизіи никогда не забудетъ. Въ это время Лопухинъ обращался къ Государю съ запискою о своихъ долгахъ, въ которыхъ запутался онъ вслѣдствіе потери суммъ, внесенныхъ въ Дружеское общество, и просилъ о покупкѣ у него калужской деревни въ казну и о пожалованіи ему заимообразно 50,000 руб. Вмѣсто того Императоръ пожаловалъ ему аренду.

Представленія крымской коммиссіи велѣно было разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ, въ присутствіи самого Лопухина. Государственный Совѣтъ въ первое-же свое засѣданіе потребовалъ отъ него обстоятельнаго мнѣнія: какія правила удобнѣе начертать въ данномъ случаѣ? «Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія крымскихъ жителей стоило мнѣ немалаго труда», говоритъ Лопухинъ. Оно было представлено въ Государственный Совѣтъ и произвело много споровъ; большинство впрочемъ соглашалось съ Лопухинымъ, и наконецъ было издано дополненіе къ начертанію правилъ коммиссіи, во многомъ основанное на мнѣніи Ивана Владиміровича, «а порядокъ производства дѣлъ, прибавляетъ сочинитель, и весь мой принятъ. Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось». Лопухинъ не касается подробностей этого дѣла и не объясняетъ, въ чемъ именно состоялъ поданный

имъ проэктъ; онъ видимо тяготился своею службою въ Крыму, и возвращаясь туда изъ С.-Петербурга, уже думалъ о томъ, какъ-бы удобнѣе сложить съ себя эту обязанность. Черезъ три мѣсяца онъ написалъ къ Государю письмо, съ просьбою увольненія отъ коммиссіи; 1-го іюля 1805 года Государь изъявилъ на его просьбу свое согласіе, а въ сентябрѣ Иванъ Владиміровичъ является уже въ Москвѣ и присутствуетъ по прежнему въ 5-мъ департаментѣ сената, переименованномъ тогда въ 6-й уголовный.

Въ товарищахъ своихъ замѣтилъ Лопухинъ стремленіе осуждать преступниковъ, сколько можно, строже; по его словамъ, они не только «не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ способы къ пощадѣ человѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ способы эти сами собою представлялись зрѣнію и разсудку... Были голоса, чтобъ сѣчь по жребію десятаго; хотя и прежде подобныя рѣшенія случались, но надобно конечно признаться, что напрасно и придумывать искать тому причинъ въ законной или въ естественной справедливости». Лопухинъ, согласно своему человѣчному характеру и нравственному достоинству своихъ убѣжденій, крѣпко стоялъ за смягченіе наказаній. Невсегда голосъ его имѣлъ силу, и въ возникающихъ спорахъ не разъ приходилось ему выслушивать эту фразу: «вотъ не будетъ-же по твоему!»—«Но еслибъ и никто не согласился, замѣчаетъ Лопухинъ, это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ! Болѣе, нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиною, что при новомъ росписаніи сенаторовъ очутился я въ 8-мъ департаментѣ, въ которомъ слишкомъ довольно сенаторовъ было и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки. Хотя министръ юстиціи (*) на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему отвѣчалъ мнѣ, что самъ Государь изволилъ меня назначить, а онъ только тому радовался, желая, чтобъ всѣ лучшіе сенаторы были въ апелляціонныхъ департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ; но я не могу повѣрить, что сей родственникъ и впрочемъ конечно доброжелатель мой не участвовалъ въономъ

(*) Князь П. В. Лопухинъ.

переводѣ меня и съ своей стороны... Знаю, что неуступчивые очень ему непріятны».

Вскорѣ новое порученіе отозвало Ивана Владиміровича на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы и отвлекло его отъ сенатскихъ преній. Чрезвычайные успѣхи Наполеона и его отважные замыслы заставили наше правительство озаботиться учрежденіемъ временнаго земскаго войска или милиціи. Для наблюденія за правильнымъ и скорѣйшимъ ходомъ этого учрежденія, для поддержанія въ народѣ внутренняго спокойствія и тишины было отправлено нѣсколько довѣренныхъ сенаторовъ по губерніямъ, съ особенными наставленіями касательно ихъ обязанностей. Въ томъ числѣ надзору Лопухина были ввѣрены губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская. Обозрѣвая эти губерніи и принимая самое дѣятельное участіе въ возложенномъ на него порученіи, Лопухинъ въ продолженіи генваря, февраля и марта 1807 года еженедѣльно посылалъ Государю донесенія о составленіи милиціи и о расположеніи умовъ въ провинціяхъ; тутъ-же откровенно высказывалъ онъ свои мнѣнія о характерѣ самаго учрежденія и его невыгодныхъ сторонахъ. Мнѣнія эти любопытны; въ нихъ какъ нельзя лучше обрисовывается личность Ивана Владиміровича, и потому представляемъ здѣсь нѣкоторыя выписки изъ его донесеній.

«Я увѣряю (всѣхъ), и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть временное, что Боже избави Россію превратиться въ государство военное... Вездѣ, Государь, усердіе и вѣрность достойны сыновъ россійскаго отечества. Гнусная лесть была бы однако увѣрять ваше величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне-отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, если уже необходимость того требуетъ. Государь! усердіе и любовь моя къ вамъ и отечеству истинно неописанны; я не хочу пережить спокойства и славы его и вашей. И такъ конечно говорю вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ, и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ; весьма коротко мнѣ знакомы люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской жизни... Еще съ вѣрноподданническимъ и патріотическимъ восхищеніемъ скажу,

что повиновеніе, готовность, усердіе вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ конечно самаго рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости отечества. Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похваляя здѣсь такое расположеніе, не считаю однакожъ, Государь, за нужное, по видамъ истинной и прочной для государства пользы, усиливать возбужденіе оное. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества. Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое московское купечество славяся сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣлъ я отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣлъ я и слезы отчаянія. Впрочемъ они же это наложатъ на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится общественная трата. Обыкновенно нѣсколько человѣкъ завлекаютъ большее число по личнымъ видамъ собственной корысти или честолюбія»...

«Составъ земскаго войска идетъ съ наилучшимъ успѣхомъ. Общій духъ рвенія и вѣрности не можно описать довольно. Но не могу скрыть, что часто, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовые ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери естественно жалѣютъ дѣтей, дѣти ихъ. Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное...Хозяйство вообще разстроивается. Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства, какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахатныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ требуетъ не рѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ и, по положеніямъ оныхъ отъ городовъ, не близкихъ, для продажи хлѣба и издѣлья, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.. Есть же губерніи въ числѣ назначенныхъ для милиціи, которыя и обилуютъ единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ нихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленныя мѣста и на долгое время: каменщики, плотники, трепачи и проч.»

«Вашему величеству благоугодно было облечь главнокомандую-

щихъ областнымъ земскимъ войскомъ такою властiю, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областнаго войска относящихся, предписанiя ихъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя ваши повелѣнiя; но сiе конечно не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ. По возложенной на меня обязанности долженъ я донести, что власть оная, или лучше возможность сiю дѣлать предписанiя, устраняющiяся отъ точности извѣстной и всенародно-объявленной воли вашей, по крайней мѣрѣ приводитъ въ недоумѣнiе всѣ земскiя вѣдомства и большое разливаетъ стѣсненiе въ сердца.... Врученiе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшенiе смертной казни въ Россiи, гдѣ мечь ея прежде всѣхъ странъ отринутъ былъ,—разрѣшенiе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и счастье народамъ. Государь! то время, что или все вѣрно, или смертная казнь не удержитъ. Но когда устрашала она злодѣевъ?.. Государь! пламеннымъ сердцемъ любви къ тебѣ и отечеству, у ногъ твоихъ, руки твои омывая слезами, говорю: будь только всегда Александръ, великiй благостью; она все преодолѣетъ!»

По возвращенiи въ Москву, П. В. Лопухинъ знакомится съ дѣлами апелляцiонными, поступающими на разсмотрѣнiе 8-го департамента сената. Болѣе всего предъявляетъ онъ споры по дѣламъ отыскивающихъ вольности отъ помѣщиковъ. Въ этомъ случаѣ предубѣжденiе, воспитанное преданiями старины, въ немъ такъ сильно, что онъ измѣняетъ своему гуманному характеру, и хотя оно сказывается въ немъ искренно, тѣмъ не менѣе много мѣшаетъ нашему сочувствiю къ его почтенной личности. Сенаторы, говоритъ онъ, «приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу ищущихъ свободы»; онъ даже подозрѣваетъ, что дѣлалось это ими не по сердечному расположенiю и не по законной справедливости, а для того только, чтобы угождать Государю. Самъ Лопухинъ никогда не соглашался удовлетворять просьбамъ о свободѣ, если замѣчалъ хотя малое несогласiе съ законами и судебными формами. Онъ забылъ ту старую юридическую истину, что summum jus—summa injuria. Извѣстно, что самый умный и благонамѣренный человѣкъ, взявшись защищать ложное положенiе, непремѣнно дойдетъ въ

спорѣ до самыхъ тупоумныхъ заключеній, противорѣчащихъ многимъ изъ его собственныхъ задушевныхъ убѣжденій. Такъ всѣ, получившіе свободу по судебнымъ рѣшеніямъ, представлялись Лопухину не иначе, какъ пьяными, голодными и оборванными бродягами, скитающимися по дорогамъ и улицамъ. «Я первый (?) можетъ быть желаю, говоритъ онъ, чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы; для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго.» Всѣ подобныя доказательства давнымъ давно уже получили надлежащую оцѣнку, и нынѣ никого не соблазнятъ; но и въ то время были многіе, которые гораздо лучше Лопухина смотрѣли на вопросъ о крѣпостномъ правѣ и гораздо прямѣе его желали, чтобъ не было на землѣ русской ни одного несвободнаго. Вопреки либеральнымъ намѣреніямъ, заявленнымъ по этому вопросу правительствомъ, и вопреки мнѣніямъ другихъ сенаторовъ, Лопухинъ настаивалъ, чтобъ дѣти, прижитыя въ помѣщичьихъ селеніяхъ солдатками безъ мужей, не считались свободными, а записывались бы въ крѣпостные; требовалъ, чтобы законъ о десятилѣтней давности былъ примѣняемъ и къ дѣламъ объ отысканіи свободы; даже защищалъ положеніе, на основаніи котораго крѣпостные не имѣютъ права жаловаться на своихъ помѣщиковъ. Но не станемъ строго осуждать его; не онъ одинъ изъ нашихъ историческихъ дѣятелей и людей передовыхъ по положенію въ свѣтѣ и образованію явился отсталымъ въ дѣлѣ эманципаціи. Княгиня Дашкова, Державинъ и Растопчинъ смотрѣли не лучше его. Слава тѣмъ, которые распространеніемъ свѣтлыхъ, человѣчныхъ понятій и насмѣшкою надъ дикими явленіями произвола болѣе и болѣе расширяли малый кружокъ людей, способныхъ отречься отъ застарѣлыхъ предразсудковъ, и тѣмъ подготовляли возможность великихъ реформъ, совершающихся въ наше время (*). Лопухинъ былъ мистикъ; глубоко преданный

(*) Съ этой точки зрѣнія необходимо смотрѣть и на литературу прошедшаго вѣка, боровшуюся съ невѣжествомъ и своекорыстіемъ. Отнимать у нея всякое общественное значеніе, какъ дѣлаетъ неизвѣстный критикъ Современника (1859 г., № 10, стр. 267), есть не болѣе, какъ странный парадоксъ.

ученію мартинистовъ, онъ раздѣлялъ и ихъ благотворныя филантропическія стремленія, и ихъ темныя заблужденія. Не довѣряя западному образованію, не сочувствуя энциклопедистамъ и либераламъ, онъ отвергъ самыя законныя изъ предъявленныхъ ими требованій, какъ это очевидно изъ взгляда его на освобожденіе крестьянъ. Отсюда-же объясняется и та мысль Лопухина, что Россіи необходимо болѣе сблизиться съ государствами азіатскими и возможно менѣе имѣть связей торговыхъ, политическихъ и нравственныхъ съ западомъ Европы.

Другой спорный вопросъ, возникшій въ это время въ сенатѣ, обращающій на себя справедливое вниманіе, состоялъ въ слѣдующемъ. Чтобы ускорить дѣлопроизводство, въ общемъ собраніи сенаторовъ положено было: не принимать жалобъ на рѣшенія уголовныхъ палатъ по важнѣйшимъ дѣламъ о людяхъ низшаго состоянія. Лопухинъ подалъ противъ этого особый отзывъ, который и былъ представленъ Государю вмѣстѣ съ опредѣленіемъ сената. «Апелляція на рѣшеніе палатъ по дѣламъ уголовнымъ (читаемъ въ отзывѣ Ивана Владиміровича) дозволяется, кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни или чести, или къ торговой казни, т. е. по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ всѣ способы и время по крайней мѣрѣ въ трехъ инстанціяхъ защищать право свое и всегда знать о теченіи своего дѣла. А по самымъ важнымъ дѣламъ осуждаемый къ лишенію жизни, чести или торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія или взятія его подъ стражу до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительный приговоръ для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ объ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему не случилось. Однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ. А безграмотный, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судятъ, зависитъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать объ дѣлѣ. И весьма случаться можетъ, что истинно-невинный и въ невинности своей спокойно-ожидающій свидѣтельства ея справедливости отъ суда, вдругъ услышитъ при открытыхъ дверяхъ па-

латы кнутъ себѣ, или ссылку; а сенатъ про то и не свѣдаетъ никогда. Всѣ пути его блюстительства и прибѣжища къ нему пресѣкаются: одинъ оставался—принятіе оныхъ жалобъ, который нынѣ самъ сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ сенатѣ не разъ, по разсмотрѣніи экстрактовъ сихъ, возвращали съ каторги напрасно въ нее сосланныхъ.»

Въ декабрѣ 1807 года Лопухинъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а черезъ два года получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ своей *жизни и службы* заканчиваетъ И. В. Лопухинъ разсужденіями объ истинномъ счастіи и обращеніемъ къ друзьямъ своимъ. «Теперь, говоритъ онъ, посреди службы и Москвы обширной живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертью или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества, въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ, питаю я душу, а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины; не ѣзжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видишь актеровъ.» Эти слова относятся къ 1809 году, потому что записки сочинены Лопухинымъ въ теченіи этого года, какъ видно изъ его собственныхъ указаній. Небольшіе отрывки изъ нихъ были помѣщены въ журналѣ Невзорова: *Другъ Юношества;* сверхъ того нѣсколько списковъ этихъ любопытныхъ мемуаровъ были розданы самимъ Лопухинымъ въ разныя мѣста и руки (*). Одинъ экземпляръ присланъ имъ въ библіотеку московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ при слѣдующемъ письмѣ къ управляющему этимъ учрежденіемъ А. Ѳ. Малиновскому:

«Ваше превосходительство, какъ просвѣщеннаго любителя всякихъ произведеній исторіи и словесности и отличающагося въ нихъ искусствомъ, а притомъ по всегдашней пріязни, осмѣливаюсь дѣлать моимъ душеприкащикомъ, вручая книгу моихъ записокъ, съ просьбою поставить ее въ библіотеку архива, гдѣ есть и должно

(*) См. въ Другѣ Юношества 1810 г., январь, стр. 70: «Письмо отъ Г. В. къ Лопухину, который прислалъ къ нему манускриптъ своихъ записокъ.»

быть собраніе всего—не одной только золотой древности... Не знаю понравится-ль моя книга; впрочемъ есть пословица: не любо—не слушай, а врать не мѣшай!

NB. Въ пословицѣ сказано: *лгать* не мѣшай; только я это слово по совѣсти выкинуть былъ долженъ для того, что я въ повѣсти о моихъ быляхъ не всѣ разсказалъ ихъ, однако подлинно не сказалъ ни одной небылицы.»

Въ 1812 году Лопухинъ удалился изъ Москвы, и съ того времени до самой кончины велъ уединенную жизнь въ своей прекрасно-устроенной деревнѣ на берегу Оки, недалеко отъ Орла, въ Кромскомъ округѣ. По свидѣтельству Воейкова, Иванъ Владиміровичъ щедрою рукою разсыпалъ свои благодѣянія нищей братіи: «богатаго наслѣдственнаго имѣнія его было бы на то весьма достаточно. Стеченіе случаевъ, столь-же бѣдственныхъ и непредвидимыхъ, какъ пожаръ, какъ наводненіе, разстроило дѣла его. Онъ вошелъ въ большіе долги; алчное корыстолюбіе сперва непомѣрными процентами, а потомъ стѣснительными мѣрами для обезпеченія своихъ денегъ, поставило его въ совершенную невозможность удовлетворить всѣхъ его заимодавцевъ, хотя продажею деревень его легко бы можно угасить всѣ долги и взысканія. Тутъ открылось обширное поле для обвиненія добродѣтельнаго—въ зломъ умыслѣ, безкорыстнаго—въ корысти! Это отравило его послѣдніе годы. Въ послѣдній разъ, говоритъ Воейковъ, я видѣлся съ нимъ лѣтомъ въ 1814 году: онъ былъ неутѣшенъ, растроганъ и съ слезами показывалъ мнѣ упреками наполненныя письма богатыхъ своихъ заимодавцевъ» (*).

Лопухинъ умеръ 22 іюня 1816 года. Эпиграфомъ къ своимъ запискамъ онъ избралъ эти слова: «Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный» (Псал. 102, ст. 15). Ими-же заканчиваемъ мы и нашъ біографическій очеркъ.

А. Аѳанасьевъ.

(*) Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ (въ Новостяхъ Литературы» 1825 года, май, стр. 88—89).

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ ИЗЪ ЛИТВЫ.

Милостивый Государь, Николай Васильевичъ!

Послѣ диспута моего съ М. П. Погодинымъ явился въ литературѣ нашей рядъ статей, изъ которыхъ ясно, что вопросъ о происхожденіи Руси принимаетъ полемическій характеръ. Желая, съ своей стороны, оставаться въ сферѣ чисто научной, я прибѣгаю съ своими возраженіями моимъ критикамъ къ Вашему «Архиву», какъ къ изданію, посвященному съ ученой точки зрѣнія изслѣдованіямъ старой русской жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ еще предъ диспутомъ я изъявилъ особенное желаніе слышать объ этомъ спорномъ предметѣ мнѣніе такихъ ученыхъ какъ Вы, Ѳ. И. Буслаевъ, К. Д. Кавелинъ, то и теперь я покорнѣйше просилъ бы Васъ и другихъ, посвятившихъ свои труды отечественной исторіи, обратить на мои предположенія вниманіе и высказать о нихъ безпристрастный приговоръ. Быть можетъ, я увлекаюсь, ошибаюсь: сказанное хладнокровно, безъ злобы, только и можетъ навести на истинный путь. Вмѣстѣ съ тѣмъ я покорнѣйше прошу подать свой голосъ въ этомъ вопросѣ природныхъ литвиновъ, знатоковъ своего отечественнаго языка, въ особенности г. Микуцкаго, извѣстнаго своими трудами по литовской филологіи и литовской археологіи, а также г. Боричевскаго, уже писавшаго о происхожденіи Руси.

Въ послѣднее время мнѣ извѣстны пять статей, направленныхъ противъ меня, на которыя я не отвѣчалъ: 1) г. Ламбина, 2) г. Юрія Летголы въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 3) г. Васильева въ Сѣверной Пчелѣ, 4) неизвѣстнаго господина въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 5) г. Щеглова въ Отечественныхъ Запискахъ.

Статья г. Ламбина есть повтореніе доказательствъ норманской теоріи и написана, съ своей точки зрѣнія, добросовѣстно. Я уже прежде высказалъ свои убѣжденія о несостоятельности норманской теоріи вообще.

Статья г. Юрія Летголы есть обличеніе меня въ незнаніи литовскаго языка и въ промахахъ, сдѣланныхъ мною при сопоставленіи русскихъ именъ съ литовскими словами; написана полемическимъ тономъ.

Статья г. Васильева, не принимающаго равнымъ образомъ и скандинавскаго и литовскаго происхожденія, имѣетъ цѣлью обличить въ несостоятельности мои географическія, историческія и филологическія доказательства; отличается полемическимъ тономъ и придирками, большею частію пустыми.

Статья неизвѣстнаго лица въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ есть диѳирамбъ Юрію Летголѣ, писанный съ желаніемъ уязвить меня и г. Чернышевскаго; не имѣетъ ровно никакого ученаго значенія.

Статья г. Щеглова писана въ учено-критической формѣ, но г. критикъ съ отвагою произноситъ приговоры надъ предметами, совершенно ему незнакомыми, и укоряя меня въ неточности переводовъ съ латинскаго, показываетъ неумѣнье перевести съ этого самаго языка простыя фразы, доступныя порядочному ученику гимназіи: эти обстоятельства лишаютъ возможности отвѣчать ему серьёзно.

Отвѣчаю на двѣ статьи: г. Юрія Летголы и г. Васильева.

I.

Объясненіе по поводу статьи г. Юрія Летголы.

Большая часть промаховъ, указанныхъ г. Юріемъ Летголою, не болѣе какъ опечатки, а именно: iggiwlados вм. iggiwaldas, praslenis вм. prastesnis, hlebos вм. glebas, rekiu вм. regiu, turluwis вм. turretuwis, karszis вм. karsztus, aithwaros вм. aitwaras. Такъ какъ статья моя напечатана въ Современникѣ, а тамъ опечатки не прилагаются, то я не имѣлъ возможности заявить объ этомъ. Впрочемъ, г. Юрій Летгола понималъ хорошо, что это *опечатки:* iggiwlados не могло быть ничѣмъ кромѣ опечатки, когда тутъ же производится отъ глагола waldyti; hlebos въ рѣчи, произнесенной на диспутѣ, является въ правильномъ видѣ—glebas; а что rekiu ошибочно и случайно явилось вмѣсто regiu, видно изъ того, что ему дано значеніе послѣдняго глагола. Rju вмѣсто ryju также опечатка, но потомъ природные литвины мнѣ сказали, что оно дѣйствительно такъ выговаривается. Кто часто имѣлъ дѣло съ типографіями, тотъ

знаетъ, какъ подвергаются опечаткамъ мѣста на иностранныхъ языкахъ, особенно на мало извѣстныхъ; при типографіи Вульфа нѣтъ корректора, знающаго по-литовски, а неразборчивость моего почерка виною тому, что мои сочиненія вообще имѣли несчастіе постоянно подвергаться опечаткамъ. Сознаю откровенно за собою этотъ недостатокъ.

Начавъ заниматься литовскимъ языкомъ слишкомъ недавно и не зная знатока-филолога, къ которому могъ бы обратиться, я, прочитавъ на лекціи свое предположеніе о происхожденіи Руси, тогда же просилъ тѣхъ изъ слушателей, которымъ знакомъ хорошо литовскій языкъ, сдѣлать мнѣ надлежащія замѣчанія. Ко мнѣ являлось трое такихъ особъ и, воспользовавшись ихъ указаніями, я пустилъ въ печать литовскія слова, приводимыя въ параллель къ русскимъ именамъ. Впослѣдствіи я получалъ изъ Литвы письма, и въ томъ числѣ безъименныя, гдѣ мнѣ дѣлались замѣчанія: между прочимъ, въ одномъ замѣтили, что karszis по-литовски значитъ пріемышъ; что слово senejus правильнѣе senewis; но имя нашего князя Синеуса скорѣе можно поставить въ соотношеніе съ словомъ isenejes, что̀ значитъ старый, изношенный, истощенный. Я не иначе какъ съ глубокой благодарностью принималъ и принимаю всякія такія замѣчанія, и съ тою же признательностью готовъ воспользоваться замѣчаніями г. Юрія Летголы; но почтенный мой противникъ въ своей статьѣ обличаетъ собственное незнаніе литовскаго языка. Г. Юрій Летгола подтруниваетъ надъ моимъ невѣжествомъ, съ которымъ я, въ простотѣ сердца, думаю, что у литовцевъ есть сложныя имена, которыя можно переставлять какъ русскія: скалозубъ—зубоскалъ. Большею частію литовскія собственныя имена—сложныя, а многія переставляются именно такъ, какъ не хочется г. Юрію Летголѣ; напр. Mantrimas—Rimantas, Butwilas—Wilbutas, Daugminas — Mindaugis, Kantigirdas — Girdkantas. Пусть г. Юрій Летгола обратится къ г. Микуцкому, на котораго онъ ссылается, обличая мои промахи. Желательно знать, что̀ скажетъ ему этотъ извѣстный знатокъ литовскаго языка.

Я смотрѣлъ на сближеніе русскихъ именъ съ литовскими словами только какъ на подтвердительное доказательство происхожденія Руси, и никогда не думалъ приписывать ему самобытной важности; и теперь, какъ и прежде, считаю гораздо важнѣе сходство этихъ

именъ съ собственными названіями лицъ и урочищъ въ Литвѣ, о чемъ уже говорилъ въ своей рѣчи, напечатанной въ Современникѣ. Привожу здѣсь тѣ признаки сходства, какіе успѣлъ найти:

Олегъ, Ольга—рѣка Олегъ, урочище Олька, имена лицъ Ольгердъ, Ольгимунтъ.

Алданъ—имя Альдона.

Ятвягъ—имя народа литовскаго племени.

Утинъ—имя литовскаго князя.

Туки—имя лица: Туки; названія мѣстностей: Туки, Тукаиы, Тукашино.

Гуды—имя лица: Гудулъ, названія мѣстностей: Гуделе, Гудишки, Гудилишки, Гудайце, Гудели, Гудучишки, Гудунъ.

Войковъ—имя лица: Войко, названія мѣстностей: Войковичи, Войкиишки.

Бернъ—имя лицъ: Бернатъ, фамилія Бернатовичъ, мѣстности: Бернате, Бернатовъ.

Кары—имена: Каріатъ, Карейва, Каресва; мѣстности: Каріонъ, озеро Кайры.

Веремудъ—имя лица: Вермутъ.

Сфирка—имя: Свирка, названія мѣстностей: Свирка, Свирки.

Каршевъ—имя: Карши, названія мѣстностей: Каршево, Каршева.

Рогнѣдь—Рагнитъ, городъ.

Карнъ—названія мѣстностей: Карны, Карновичи, фамилія Карновичъ.

Моны—названія мѣстностей: Моны, Монейцы.

Слуды—названіе мѣстности: Слудоки.

Карлъ—названіе мѣстности: Карлы.

Шихбернъ—названія мѣстностей: Шиксне, Шихле, Шиксти (Бернъ см. выше).

Глѣбъ—названіе двухъ мѣстностей тѣмъ же именемъ въ Жмуди.

Якунъ—названія мѣстностей: Яку, Якенъ.

Иггивладъ—названіе мѣстности: Иггауде.

Стеггистонъ—названія мѣстностей: Стегвиле, Стегенъ.

Замѣчу, что Тверь, Валдай, Валдитъ, Слудка, по видимому названія литовскаго происхожденія: Тверь—есть двѣ мѣстности въ Литвѣ; Валдай и Валдитъ указываютъ на литовскую перестановку глагола

waldyti, владѣть (впрочемъ это быть можетъ и случайно, ибо Валдай не встрѣчается въ раннихъ памятникахъ). Слудка—гора близь Новгорода, напоминаетъ литовскую мѣстность Слудоки.

II.

Объясненіе по поводу статьи г. Васильева.

Въ 161 № Сѣверной Пчелы напечатана статья «Еще о Руссахъ». Авторъ укоряетъ меня, будто бы я извращалъ смыслъ лѣтописей и доказываетъ это тѣмъ, что у Петра Дюисбургскаго не сказано, что Пруссія граничитъ съ землею русскою *на востокъ*, а сказано только, что она граничитъ съ русскою землею, я же выразился, что онъ именно на востокъ указываетъ эту границу. Не сказано, но такъ выходитъ по смыслу. Я не переводилъ буквально приведеннаго мѣста, а выражалъ его такъ, какъ понималъ, самый же текстъ привелъ для того, чтобъ судили о справедливости моего пониманія. Это вовсе не значитъ извращать смысла лѣтописей. Прочтите внимательно означеніе границъ Пруссіи и скажите по совѣсти: на какой сторонѣ помѣщается соприкосновеніе ея съ русскою землею? Конечно на востокѣ, ибо мы знаемъ положенія другихъ странъ пограничныхъ, тамъ же указанныхъ: остается восточная сторона.

Точно также и въ отношеніи мѣстоположенія Руссіи на правомъ берегу Нѣмана или Мемеля: лѣтописецъ говоритъ только, что эта рѣка отдѣляетъ Пруссію отъ Руссіи; а я выразился, что Руссія находится на правомъ берегу Нѣмана. Но если Нѣманъ отдѣляетъ Пруссію отъ Руссіи, Летовіи и Куроніи, а Пруссія, какъ никто, я думаю, не сомнѣвается, находилась на лѣвомъ берегу Нѣмана; то гдѣ же лежать Руссіи, какъ не на правомъ берегу Нѣмана, который отдѣлялъ эту Руссію отъ Пруссіи? Это возраженіе походитъ на способъ, какой употребляютъ въ школахъ учителя съ дѣтьми, чтобы пріучить ихъ размышлять и давать себѣ отчетъ въ своемъ мышленіи.

Теперь толкъ о Russigen'ѣ. Вопервыхъ мое выраженіе: «оно указываетъ на городъ Россіены», не все равно, что «здѣсь указывается», какъ перефразируетъ критикъ мои слова. Этимъ выраженіемъ я хотѣлъ только навести читателя на соотношеніе названія города

Россіенъ съ словомъ Russigenus, вовсе не дѣлая заключенія, чтобъ Russigenus непремѣнно значилъ уроженца изъ города Россіенъ. Самъ же г. Васильевъ говоритъ, что genus означаетъ принадлежность къ мѣстности и странѣ (болѣе въ общемъ смыслѣ: къ отечеству, разумѣя подъ этимъ и землю и народъ: такъ я и разумѣлъ и разумѣю). Лѣтописецъ словомъ Russigenus даетъ знать о принадлежности упоминаемаго имъ лица къ странѣ Руссіи и къ населяемому ее народу Руссамъ; такъ и у Іорнанда есть подобный составъ народнаго названія: Bubegenus. Вмѣстѣ съ этимъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія, слышалъ о существованіи въ этой странѣ и среди этого народа названій Русьены, Россіены, и это болѣе уполномочивало его на составленіе слова Russigeni, territorium Russigenum, вмѣсто Russi, territorium Russiae. Вѣдь самъ же лѣтописецъ говоритъ, что Пруссія граничитъ съ Руссіею. Гдѣ же эта Руссія, позвольте спросить? Вѣдь ужь пространство, входившее въ область нашей славянской Руси, никакъ не граничило съ Пруссіею. Если бы названіе Россіены стояло особнякомъ—тогда въ нашемъ вопросѣ могъ бы имѣть важность споръ о томъ: разумѣется ли подъ словомъ Russigeni обитатели одного города Россіенъ и прилежащей къ нему исключительно территоріи, или это названіе относится также къ другимъ сосѣднимъ и населеннымъ тѣмъ же народомъ территоріямъ. Но названіе Россіены есть одно изъ весьма многихъ однокоренныхъ и созвучныхъ въ той же странѣ. Вглядитесь въ ту же спеціальную карту, которая была передъ почтеннымъ моимъ критикомъ и вы увидите на ней, кромѣ Россіенъ: Русьены, Русаны, Руситенъ, Росиненъ, Росинцы, Русаки, Рустыканы, Раусаны, Рось, Росьница (рѣка); г. Шпилевскій (Иллюстрація, № 113) приводитъ еще гору Руссовъ, болото, называемое моремъ Русскимъ или Руснитскимъ, наконецъ, что «все правое прибрежье Нѣмана въ этихъ мѣстахъ отъ Мереча до Гродна и даже до самой глубокой Жмуди Литовцы называютъ Руснитъ, т. е. русскимъ». (Я тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ ссылаться, между прочимъ, на него потому, что онъ приводитъ эти названія въ статьѣ, направленной противъ меня за г. Погодина). При подобной всеобщности слоговъ *рус*, *рос*, въ мѣстныхъ названіяхъ на правой сторонѣ Нѣмана, послѣ того, когда самъ лѣтописецъ, о которомъ идетъ дѣло, называетъ Russia очевидно эту самую всю страну на

правомъ берегу Нѣмана, можно ли слово Russigenus ограничивать значеніемъ, относящимся исключительно къ городу Россіенамъ и ему исключительно принадлежащей территоріи? Авторъ въ Russigen'ской территоріи, опустошенной крестоносцами, хочетъ видѣть непремѣнно Россіены, а въ территоріи Wayken'ской—Вигяны. Но у Петра Дюисбургскаго видна послѣдовательность во взаимномъ мѣстоположеніи территорій: Вайкенской, Руссигенской и Ейрагольской или Ерогельской. Вайкенская была ближе къ границѣ; за нею слѣдовала Руссигенская, а потомъ уже Ейрагольская; чтобъ дойти до Ейраголы надобно было пройти Руссигенскую территорію и точно также, чтобъ достигнуть послѣдней, надобно было пройти чрезъ Вайкенскую. Этой послѣдовательности не будетъ, если принять толкованіе моего критика. Крестоносцы, раззоривъ Вигяны, должны были обратиться влѣво, а потомъ вправо назадъ, чтобъ итти въ Ейрагольскую территорію. Нѣтъ нужды здѣсь непремѣнно видѣть Россіены, потому что говорится о Russigen'ской территоріи. Крестоносцы, дошедши до Нѣмана болѣе или менѣе по прямому направленію къ Ейраголѣ, встрѣчали на правомъ берегу рѣки много такихъ мѣстностей, которыхъ названія могли подать поводъ къ наименованію этой страны Territorium Russigenum, столько же какъ и названія Россіены: Рустыканы, Рустаны, Россилишки, Ручканы, Раусаны. Вступивши нѣсколькими отрядами, крестоносцы дѣйствительно могли опустошить на значительное пространство въ длину правое побережье Нѣмана въ одинъ день и дойти до Ейрагольской территоріи. Что касается до Вайкенской территоріи, то я не беру на себя смѣлости опредѣлять ее, но во всякомъ случаѣ не вижу ее въ Вигянахъ; если только на однихъ созвучіяхъ основываться, то почему же не Вайговъ, мѣстечко между Россіенами и Тельшами? Почему не Винге, мѣстечко ниже Тилзита на нѣманскомъ побережьѣ? Я было искалъ ее на Гильге, потому что по аналогіи Russigen'ской земли съ рукавомъ Нѣмана, удержавшимъ названіе Руса (по-русски Руси: *иже нарицается Русь по рѣкѣ Руси)*, не рѣшался смѣло выходить за предѣлы страны, прикасающейся къ этому рукаву; что же касается до Ейрагольской территоріи, то я предполагалъ, что она могла быть обширна, и крестоносцы, прошедши въ одинъ день извѣстное пространство праваго побережья Нѣмана, могли на другой день коснуться территоріи, принадлежав-

шей Ейраголѣ. Вѣдь, напримѣръ, когда Шведы нападали на берега Невы, то они говорили тогда, что вступаютъ въ территорію Новогородскую (territorium Novagardiae), а между тѣмъ до самаго Новгорода было оттуда около 200 верстъ. Въ послѣдствіи, сообразивши тщательнѣе дѣло, я нашелъ, что вовсе нѣтъ нужды понимать подъ словомъ: territorium Russigenum страны, прилегающей къ правому рукаву Нѣмана и протягивать Ейрагольскую территорію. Крестоносцы могли называть Russigens'кою территоріею и побережье Нѣмана, лежащее по прямому направленію къ Ейраголѣ въ протяженіи отъ Юрбурга до Запѣцишекъ, и наконецъ все вообще правое побережье Нѣмана, населенное Жмудью вплоть до морскаго берега.

Напрасно авторъ напускаетъ на меня литовскаго Перкунаса за то, что у меня Жмудь перерождается въ племя. Развѣ ему неизвѣстно: 1) что всѣ названія странъ женскаго рода съ окончаніемъ на мягкій знакъ означаютъ неизбѣжно вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ, племя, живущее въ этой странѣ? Жмудь точно такая же форма, какъ Чудь, Весь, Либь, Корсь, Русь! 2) что у нашихъ старыхъ лѣтописцевъ названія территорій тѣсно связывались съ племенными названіями, такъ что одно и тоже слово означало и землю, и народъ, на ней живущій? Часто вмѣсто того, чтобъ сказать, что *такой-то* отправился въ такую-то страну, вмѣсто имени страны употребляли имя народа, напр. *отъиде въ Ляхи, поиде въ Татары.* Самое слово «земля» у насъ означало не только territorium, но и народъ, на ней поселенный, и въ этомъ смыслѣ нерѣдки выраженія: *встала земля, поиде земля.* Коль скоро составилось понятіе о самобытномъ существованіи территоріи, непремѣнно создавалось понятіе и о народѣ подъ тѣмъ же названіемъ, или лучше сказать: прежде являлось понятіе о народѣ, чѣмъ устанавливалось понятіе о его территоріи. И такъ существованіе названія Жмудь необходимо обнимало собою не только территорію, но и народъ, племя, въ отличіе отъ другихъ. Оно такъ и есть, и, сколько извѣстно, всегда такъ было: Жмудь есть отличная народность между племенами литовскими.

При основательномъ знаніи лѣтописца названій народностей, окружавшихъ нашъ русскій міръ, странно, что у него Жмуди нѣтъ, когда другія литовскія народности всѣ на лицо. Вмѣсто Жмуди яв-

ляется Русь, какъ одинъ изъ прилежащихъ балтійскому побережью народовъ. А такъ какъ по другимъ свидѣтельствамъ я вижу ясно, что Руссіей называлось правое побережье Нѣмана, отдѣлявшаго эту страну отъ Пруссіи, то и нахожу вѣроятнымъ, что упоминаемая въ числѣ народовъ, которыхъ жилища прикасались къ Балтійскому морю, Русь замѣняетъ Жмудь, пропущенную въ числѣ литовскихъ племенъ.

Критикъ укоряетъ меня, что я не зналъ статьи Боричевскаго и не справился съ статьями, давно у насъ извѣстными. Онъ присовокупляетъ, что я былъ обязанъ знать литературу той науки, которую читаю и притомъ печатаетъ курсивомъ слово *обязанъ* для большаго эффекта.

Если подъ именемъ литературы разумѣть все, что только когда либо писано по части науки, то обязывая все это непремѣнно читать, знать и помнить, критикъ взваливаетъ на профессора бремена неудобоносимыя. Положимъ, литература русской исторіи еще не такъ обширна, чтобъ нельзя было перечесть всего, что писано по этой части. Но что скажетъ профессоръ всеобщей исторіи, если на него возложить такую *обязанность*. Конечно, если бы онъ читалъ свою науку 100 лѣтъ и изучалъ ея литературу, въ продолженіи этого времени, съ утра до вечера, то и тогда бы осталось слишкомъ много неизвѣстнаго въ литературѣ предмета, который онъ читаетъ. Мнѣ дѣйствительно была неизвѣстна статья Боричевскаго; главная причина, отчего я не пользовался ею, состоитъ въ томъ, что она напечатана въ Маякѣ, журналѣ, который даже во время своего текущаго существованія былъ малочитаемъ, а теперь сдѣлался библіографическою рѣдкостію. Но къ чему такое менторское и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ полицейское замѣчаніе г. критика? И для чего ему статья Боричевскаго? Вѣдь она его не убѣждаетъ! Статья Боричевскаго потому такъ уважается авторомъ, что показываетъ, что «мысль Костомарова не такъ нова, какъ показалась въ началѣ». Да кому же она показалась новою, когда я уже прежде самъ написалъ: «мнѣніе о происхожденіи съ береговъ Руси нашихъ князей и пришедшихъ съ ними жителей русской державы не новость». Не упоминая о множествѣ хронографовъ, гдѣ говорится о прибытіи князей нашихъ изъ литовскаго міра, эта мысль и прежде Боричевскаго была высказываема въ историче-

скихъ сочиненіяхъ. Вотъ напримѣръ въ одной французской книжкѣ, печатанной въ XVIII вѣкѣ, читается: «On lit dans une très-ancienne histoire conservée dans nos archives, que les premiers princes russes sont venus de la Prusse, et on sait que les Wariagues russes ou les Roxolains étoient alors habités à l'embouchûre de la riviere de Nimen ou Mêmel, parce que le bras septemtrional qui se jette dans le golf de Courlande s'appelle Roussa» (Abrégé histor. de Nowgorod).

Г. критикъ распространяется на счетъ опечатки «Іоаннъ XXIII, вм. Іоаннъ XV». Ну что, если бы ему попалось такое выраженіе: «когда Людовикъ XIV умиралъ на берегахъ африканскихъ», не уже-ли стоило бы доказывать, что здѣсь идетъ рѣчь о Людовикѣ IX, а не о Людовикѣ XIV, что первый жилъ въ XIII, второй въ XVII—XVIII столѣтіяхъ? Неужели серьозно можно подозрѣвать, что писавшій о смерти какого-то Людовика на африканскихъ берегахъ, не зналъ, что это былъ никакъ не Людовикъ XIV? Вѣдь папа Іоаннъ XXIII не какое-нибудь малоизвѣстное лицо, чтобъ его было возможно перемѣшать съ другимъ и чтобъ не знать о его существованіи!

Замѣчаніе о непониманіи литовской рѣчи новгородцами и на оборотъ литвянами славянской само въ себѣ совершенно правильно. Признаюсь, если я допускаю возможность призванія князей изъ литовской Руси, то не иначе, какъ вмѣстѣ съ преданіемъ о родствѣ Гостомысла съ призванными князьями. Если Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были дѣйствительно сыновья русской матери, то призваніе это возможно; они могли знать по-русски; новгородцы призывали ихъ точно также какъ въ послѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, литовскихъ князей, рожденныхъ отъ русскихъ матерей или находившихся въ семейныхъ связяхъ съ русскими. Безъ этого условія «призваніе» остается чистымъ миѳомъ, противорѣчащимъ здравому смыслу, кѣмъ бы ни были призванные—литовцами или скандинавами.

Вотъ вкратцѣ тезисы моего предположенія:

1) Русь, откуда пришли князья, помѣщается на Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ: и такъ ее слѣдуетъ искать тамъ.

2) Правый рукавъ рѣки Нѣмана называется Русъ или Русна.

3) По-русски онъ назывался Русь, страна около ней Русь, и народъ въ ней живущій Руснами (житіе Ант. Сійскаго).

4) Въ перечисленныхъ мною мѣстахъ изъ разныхъ писателей говорится о странѣ Руссіи, граничащей съ Пруссіею и изъ раз-

смотрѣнія этихъ мѣстъ видно, чтъ страна эта на правой сторонѣ Нѣмана. Названіе это послѣдовательно достигаетъ до X вѣка.

5) Множество мѣстныхъ названій въ литовскомъ краѣ однокоренныхъ и однозвучныхъ съ словомъ Русь показываетъ древность этого слова въ литовской странѣ и служитъ подтвержденіемъ извѣстіямъ о томъ, что эта страна называлась Руссіею.

6) Наши хронографы говорятъ о призваніи князей изъ прусско-литовскаго міра и показываютъ древнее существовавшее у насъ убѣжденіе въ этомъ.

7) Собственныя имена пришедшихъ къ намъ Руссовъ показываютъ сходство съ собственными именами лицъ и мѣстностей въ Жмуди и вообще въ странѣ, населенной литовскимъ племенемъ.

8) Теорія норманскаго происхожденія Руси, кромѣ несостоятельности однѣхъ и случайности другихъ доказательствъ, приводимыхъ ея послѣдователями, сильно опровергается: 1) рѣчью Торгнія въ Олафовой Сагѣ, гдѣ говорится о древнемъ владычествѣ Скандинавовъ надъ сѣверозападною частію русскаго материка и о потерѣ этого владычества; если гдѣ, то именно въ этомъ мѣстѣ надлежало бы необходимо упомянуть о призваніи Скандинавовъ снова; между тѣмъ человѣкъ, соболѣзнующій объ упадкѣ славы и могущества своего племени въ земляхъ, куда, по мнѣнію норманнистовъ, пригласили добровольно это племя, ничего не знаетъ о такомъ важномъ и безъ сомнѣнія утѣшительномъ для его національныхъ чувствъ событіи. 2) Отсутствіемъ въ скандинавскомъ мірѣ названія Руси въ значеніи земли и народа.

Лѣтописецъ говоритъ, что, послѣ пришествія Варяговъ, въ Новгородѣ были люди отъ рода варяжскаго, а мы знаемъ, что тамъ существовала пруская улица и поселенцы ея Прусы, въ продолженіи многихъ вѣковъ, стояли какъ бы особнякомъ и нерѣдко во враждебномъ отношеніи къ остальному народонаселенію; это обстоятельство, при названіи *пруская* улица и жителей ея *Прусы*, указываетъ на ихъ нѣкогда чуждое происхожденіе, и побуждаетъ предполагать, что они то и были потомки тѣхъ Варяговъ, о заселеніи которыми Новгорода говоритъ лѣтописецъ. Замѣчательно, что пруская улица была всегда мѣстопребываніемъ аристократическаго элемента въ Новгородѣ.

На послѣдній мой тезисъ я прошу обратить въ особенности вниманіе; такъ или иначе, но литовская стихія входила въ составъ новгородскаго народонаселенія, и притомъ играла тамъ не второстепенную роль. Когда и какъ зашла она туда? Въ другихъ частяхъ Руси она также существовала въ древности: напр. въ житіи Авраамія смоленскаго упоминается Лука Прусинъ.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА.

Признавая, съ своей стороны, чрезвычайно важною задачею опредѣленіе, въ какомъ отношеніи находились призванные къ намъ Варяго-Руссы къ Норманнамъ и племенамъ литовскимъ и славянскимъ, мы открываемъ съ большимъ удовольствіемъ нашъ журналъ для изслѣдованій этого рода. Въ особенности было бы полезно, съ означенною цѣлью, сличить между собою обычаи, вѣрованія и вообще бытъ означенныхъ племенъ, а съ другой стороны сравнить Русскую Правду, отражающую въ себѣ несомнѣнное вліяніе пришлаго племени, какъ въ отношеніи филологическомъ, такъ и юридическомъ, съ древнѣйшими законодательными памятниками сѣверныхъ и западныхъ народовъ. Такое сличеніе, безъ сомнѣнія, привело бы и относительно вопроса, поднятаго вновь Н. И. Костомаровымъ, къ болѣе положительнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ довольно шаткія основанія, какими нельзя не признать доказательства, представленныя доселѣ защитниками той или другой теоріи происхожденія Варяговъ-Руси въ пользу своего мнѣнія. Очевидно, что это дѣло чрезвычайно трудное, которое потребуетъ многихъ лѣтъ самой усиленной работы; но надо же наконецъ за него приняться . . . .

Редакторъ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ О ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРИ-АМУРСКОМЪ КРАѢ (*).

Всякое нововведеніе всегда и вездѣ порождало много различныхъ противурѣчащихъ толковъ; эта же участь постигла устройство При-Амурскаго края, который въ настоящее время обращаетъ на себя, можно сказать, всемірное вниманіе. Одни, не понимая ни цѣли, ни способовъ, ни средствъ правительства, въ красивыхъ выраженіяхъ порицаютъ цѣль и систему заселенія на Амурѣ; другіе, въ противуположность имъ, приходятъ въ восторгъ отъ всякаго проекта, не подвергая его критическому разбору, и въ самыхъ ошибкахъ ожидаютъ благихъ послѣдствій. Даже есть люди, которые съ узкаго горизонта своихъ наблюденій рѣшаются смѣло предсказывать участь Амура въ будущемъ. Проведя по дѣламъ службы около года на Амурѣ, я имѣлъ случай довольно подробно узнать этотъ край и, взвѣсивъ все мною читанное, пришелъ къ заключенію, что всѣ приговоры и сужденія о немъ весьма шатки, не зрѣлы и едвали не составлены подъ вліяніемъ личныхъ отношеній. Записывая во время моего пребыванія въ Забайкаліи и При-Амурскомъ краѣ свои наблюденія, какъ въ отношеніи образа и системы переселенія, такъ и въ промышленномъ отношеніи, я не излишнимъ считаю сдѣлать обо всемъ этомъ выписку изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ, при чемъ постараюсь отстранить все личное и по возможности держаться благонамѣренной правдивости.

Выразившаяся въ 1854 году необходимость пріобрѣтенія для Россіи гаваней Восточнаго Океана, въ особенности Ольгиной и Владиміра, вполнѣ оправдываетъ потери при заселеніи рѣкъ Амура и

(*) Не имѣя корреспондентовъ въ При-Амурскомъ краѣ, мы, къ сожалѣнію, не могли повѣрить интересныхъ и важныхъ данныхъ, сообщаемыхъ въ настоящей статьѣ. *Редакторъ.*

Усури; хотя въ этомъ огромномъ пространствѣ богатыхъ земель покуда не нуждается ни Россія, ни Сибирь, но означенныя рѣки будутъ служить домашнимъ сообщеніемъ всего государства съ Восточнымъ Океаномъ. Прочное же пріобрѣтеніе Амура могло быть только достигнуто заселеніемъ береговъ его хлѣбопашцами съ полнымъ хозяйствомъ, и притомъ это единственное средство, современемъ устроить правильное и безопасное сообщеніе. Но переселеніе добровольное возможно только изъ тѣхъ странъ, которыя переполнены народонаселеніемъ и чувствуютъ недостатокъ продуктовъ и работы, чего нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Сибири. Слѣдовательно осталось воспользоваться переселеніемъ по жеребью, изъ страны, гдѣ бы переселяющимся и правительству оно обошлось дешевле. Изъ всѣхъ другихъ странъ государства не представляется для этого мѣстности болѣе удобной, какъ Забайкалія, по близости и географическому ея положенію между рѣками Шилкою и Аргунью; поэтому переселеніе сдѣлано па счетъ Забайкальскихъ казаковъ или бывшихъ крестьянъ горнаго вѣдомства, которые взяли съ собой движимое хозяйство, а нѣкоторые, сплавившіеся на своихъ плотахъ, и часть домовъ.

Переселеніе по жребію изъ Забайкаліи совершалось и еще будетъ происходить въ продолженіи двухъ лѣтъ, трудами и пожертвованіями не только самихъ переселяющихся, но и всего Забайкальскаго войска. Первые оставляютъ недвижимое имущество, за недостаткомъ сплавныхъ средствъ и сплавщиковъ, запасы хлѣба и большую часть скота, который въ изобиліи, въ особенности въ южной части Забайкаліи. Вторые заготовляютъ лѣсъ, подвозятъ его къ мѣстамъ построекъ баржъ и плотовъ, подвозятъ хлѣбъ, по заказу проданный, на мѣста сплавовъ, наконецъ сопутствуютъ часть сплавовъ даже до Николаевска, и въ срединѣ зимы возвращаются обратно. За этими работами они теряютъ самое дорогое время для хлѣбопашца; главная же и безполезная потеря времени и рукъ происходитъ отъ неопытности въ сельскомъ хозяйствѣ и коммерческихъ дѣлахъ бригадныхъ и баталіонныхъ командировъ, которые несвоевременно и въ излишнемъ числѣ назначаютъ людей непропорціонально потребности работы. Но это неизбѣжно повсюду на казенныхъ работахъ, сравнительно съ коммерческими: мнимая экономія капиталовъ, а явная потеря времени и лишняя трата рукъ! Напримѣръ: разборка, для сплава на Амуръ, нѣкоторыхъ Забайкальскихъ баталіонныхъ

строеній изъ лиственицы, дерева, которое по относительному вѣсу своему не можетъ сплавляться, тонетъ, заставила рубить сосновый лѣсъ и дѣлать подъ нихъ плоты, между тѣмъ какъ людьми, употребленными на разборку, можно было нарубить болѣе сосноваго лѣсу, сплотить его и сплавить лишнее количество скота, оставленнаго переселенцами, а лѣсъ пошелъ бы на требуемое строеніе. Разобранныя же строенія не дошли, по крайней мѣрѣ въ полномъ составѣ, до мѣста назначенія, такъ какъ плоты сидѣли слишкомъ глубоко и сплавщики облегчали ихъ въ мелкихъ мѣстахъ сбрасываніемъ части груза. Такимъ образомъ на Амурѣ они почти не принесли пользы, а потребовали много рукъ и времени у Забайкальскихъ хлѣбопашцевъ, и безъ того занятыхъ усиленнымъ посѣвомъ хлѣба, для поставки на слѣдующій сплавъ и приготовительными къ нему работами.

Какъ новый край, порты Николаевскъ, Маріинскъ, Хабаровка, всѣ деревни и станицы не въ состояніи, пропорціонально жителямъ и потребностямъ, сами производить всѣ жизненные припасы, сельскіе и строительные матеріалы; поэтому необходима ежегодная поставка ихъ, которая современемъ измѣнится въ продуктахъ и обратится въ размѣнную торговлю на мѣха и рыбныя произведенія. Я дамъ приблизительныя числа главныхъ потребныхъ матеріаловъ и постараюсь показать, чѣмъ бы могла заняться, съ коммерческою выгодою, Амурская милліонная компанія, и тѣмъ избавить казну или Забайкальское казачество отъ несвойственной ей оптовой коммерческой обязанности. Возьму для этого сплавъ 1858 года, какъ уже приведенный въ извѣстность, именно: въ Николаевскъ для 27 и 28 флотскихъ экипажей и для отправки въ Нижне-Камчатскъ, Петропавловскъ, Тагилъ, Гижигу, Удской край, Охотскъ, Аянскъ и въ посты на Татарскомъ проливѣ; въ Маріинскъ для линейнаго № 4-го баталіона, въ Хабаровку для линейнаго № 3-го баталіона, въ Благовѣщенскъ для линейнаго № 2-го баталіона и казаковъ, поселенныхъ на Амурѣ. Все это количество казеннаго сплава далеко не удовлетворяетъ всего народонаселенія въ При-Амурскомъ краѣ.

Муки	129742	пуда	на сумму	58383	руб.	сереб.
Крупы	12774	—	—	8941	—	—
Скота 1100 штукъ. . .	11000	—	—	29700	—	—
Мяса соленаго	1935	—	—	3870	—	—
Масла коровьяго . . .	1689	—	—	10134	—	—

Масла конопляннаго . .	906	пуд.	на сумму	3895	руб.	сер.
Сала скотскаго	700	—	— —	1995	—	—
Гороху	4112	—	— —	1644	—	—
Смолы жидкой	1638	—	— —	819	—	—
— густой	700	—	— —	1050	—	—
Чаю кирпичнаго 1500 кир.	100	—	— —	1094	—	—
Разнаго строительнаго матеріала	1782	—	— —	2673	—	—
Итого	67078	пуд.	— —	124198	р.	с.

За сплавъ всего количества до Благовѣщенска по 25 к. съ пуда, до Николаевска по 50 к. съ пуда.

Всего сумма сплавная . . . . 66219 руб. сереб.

Всего капиталу . . . . 190417 — —

Все количество матеріаловъ казеннаго сплава по сіе время закупалось и доставлялось на мѣста потребности, по распоряженію начальства, чиновниками большею частью военнаго вѣдомства, неимѣющими никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ, коммерціи и плаваніи по рѣкамъ съ грузомъ.

Операціи эти производились такимъ образомъ: заготовка муки, крупы и лѣса, для баржъ и плотовъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ распредѣлялась на Забайкальскихъ казаковъ, которые обязаны продать требуемые предметы и доставить ихъ на мѣста сплавовъ. Цѣны назначались менѣе дѣйствительной стоимости припасовъ, которая возросла отъ увеличившейся въ нихъ потребности въ Приморской области и неустроившихся въ хозяйствѣ казаковъ на Амурѣ, а, главное, отъ уменьшенія производительныхъ рукъ въ Забайкаліи. Уменьшеніе это прямо пропорціонально числу переселившихся казаковъ на Амуръ, а изъ оставшихся па мѣстѣ, числу людей, занятыхъ сплавомъ матеріаловъ и употребляемыхъ на содѣйствіе переселенцамъ. Въ 1857 году компанія купцовъ Зимина и Серебрянникова, подъ управленіемъ Пургачевскаго, сплавила часть казеннаго груза на Амуръ по 50 коп. съ пуда, но по несогласію между собою компанія эта разстроилась, чѣмъ и прекратилась коммерческая доставка. Въ 1859-мъ году, исчисливъ матеріалы и количество ихъ, предложили г. Бѣлоголовому, какъ представителю Амурской компаніи, взять на себя поставку этихъ матеріаловъ во

всѣ пункты на Амуръ, но онъ потребовалъ ручательства правительства въ сбытѣ всего,—условіе, не совсѣмъ выгодное, и потому эта операція по прежнему осталась на плечахъ офицеровъ распорядителей и Забайкальскихъ казаковъ исполнителей, неопытность которыхъ въ постройкахъ баржъ, плотовъ и сплавѣ отрываетъ, непропорціонально работамъ, слишкомъ много рукъ отъ столь необходимыхъ, въ настоящее время, сельскихъ занятій.

Посмотримъ, что̀ дѣлаютъ коммерческіе люди на Амурѣ.

Въ 1854 году въ первой экспедиціи спустился по Амуру съ генералъ губернаторомъ Красноярскій купецъ г. Кузнецовъ, который почти что роздалъ туземнымъ прибрежнымъ жителямъ на 30,000 товару. Въ 1855 году спустились съ товаромъ по Амуру Ланинъ, Курбатовъ, Пургачевскій, довѣренный Зимина и Серебрянникова, и Веретенниковъ, довѣренный Кузнецова. Въ 1856 году—Ланинъ, Пургачевскій и Веретенниковъ.

По сіе время цѣль торговли ихъ была вымѣнивать мѣха и слегка торговать съ переселившимися жителями. Въ 1857 году сплавились съ товаромъ тѣ же и многіе другіе купцы, а Пургачевскій отъ своей компаніи сплавилъ часть казеннаго груза по 50 коп. съ пуда. Всѣ эти пробы дали понятіе купцамъ о необходимыхъ матеріалахъ въ При-Амурскомъ краѣ и научили сплавлять ихъ. Почти всѣ купцы продолжаютъ и теперь торговать на Амурѣ небольшими количествами матеріаловъ. Въ 1858 году г. Бернардаки, Петербургскій, и г. Рукавишниковъ, Иркутскій откупщики посулили дать милліоны на составленіе основнаго капитала Амурской компаніи; немедленно разошлось по Россіи и Сибири объявленіе о правахъ и преимуществахъ этой компаніи. Но какъ всѣ постороннія предпріятія откупщиковъ, провозглашаемыя въ видѣ жертвъ государственному дѣлу, имѣютъ прямою цѣлью дальнѣйшіе успѣхи откупныхъ дѣлъ, то это самое случилось и здѣсь.

Главнымъ управляющимъ и представителемъ Амурской компаніи былъ избранъ Иркутскій купецъ г. Бѣлоголовый, который постоянно занимался мелочной торговлей, имѣлъ винный погребъ и магазинъ, подъ русскимъ названіемъ бакалейныхъ и скобныхъ товаровъ. Въ числѣ прикащиковъ онъ взялъ Пургачевскаго, который съ 1855 года ежегодно спускался по Амуру и кажется хорошо знаетъ какъ надо дѣйствовать, но къ несчастію тоже по мелочной торговлѣ на

большіе барыши. На основаніи одного пункта Устава, обязывающаго мѣстное начальство покровительствовать компаніи, прикащики, для заготовки дровъ, разъѣзжали по станицамъ на Амурѣ, объявляя, что казаки обязаны заготовить извѣстное количество дровъ, отъ 70 до 90 коп. сер. за сажень; но въ нѣкоторыхъ станицахъ сотенные командиры заставили дать 2 руб. сереб. за сажень, хотя и эта цѣна мала по дороговизнѣ товаровъ Амурской компаніи и недостатку у жителей времени, какъ для домашнихъ построекъ, далеко еще неоконченныхъ, такъ и для казенныхъ работъ; а во многихъ станицахъ, за недостаткомъ лошадей, люди подвозили дрова къ берегу на себѣ.

Слава, распространившаяся между купцами, о огромномъ капиталѣ Амурской компаніи, помогла г. Бѣлоголовому распустить слухъ, въ зиму 1858 г., что компаніею сдѣлано распоряженіе о доставкѣ въ изобиліи на 1859 годъ всѣхъ жизненныхъ и сельскихъ матеріаловъ на Амуръ и въ Николаевскъ, на кругосвѣтныхъ судахъ, и сплавомъ по Амуру. Этотъ слухъ до того подѣйствовалъ на купцовъ, ежегодно спускающихся по Амуру, что они побоялись соперничать съ компаніей и отправились въ нынѣшнее лѣто на Амуръ лишь съ самымъ мелкимъ товаромъ и то въ маломъ количествѣ: по запросу всего и неудовлетворенiи Амурскою компаніею, они увидали, но уже поздно, что напрасно повѣрили словамъ милліонной компаніи.

Теперь обратимся къ самой торговлѣ Амурской компаніи. Въ 1858 году г. Бѣлоголовый началъ свои дѣйствія, накупивъ браку въ Ирбитской ярмаркѣ и Иркутскѣ, развезъ его по Амуру и основалъ лавки: въ станицѣ Албазинѣ, въ городѣ Благовѣщенскѣ, въ ст. Екатерино - Никольской, Михайло - Семеновской, въ Хабаровкѣ, Маріинскѣ и г. Николаевскѣ, и, кажется, болѣе нигдѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я видѣлъ въ селѣ Бянкинѣ образчики этого товара и, признаюсь, пожалѣлъ покупщиковъ переселенцевъ. Въ іюлѣ, спускаясь по Амуру, я заходилъ во всѣ лавки Амурской компаніи, въ которыхъ изъ милости продавали товаръ по чрезмѣрно дорогимъ цѣнамъ и все-таки уже оставалось его мало. Въ Благовѣщенскѣ Амурская компанія, распродавъ свой бракъ, уже къ августу мѣсяцу закупила привезенный изъ Николаевска дрянной ромъ, варенья и нѣсколько консервовъ, да тутъ же на бе-

регу у Манжуръ рисъ по 9 коп. сер фунтъ, который продавала по 40 к., т. е. брала слишкомъ 344%: въ этомъ почти и заключалась ея благодѣтельная, по объявленію почти безпроцентная торговля; продавалась еще битая посуда, напр., стаканъ 50 к. с., и то съ прибауткой «для васъ»; цѣны другихъ, еще оставшихся, матеріаловъ были пропорціональны этимъ. Во всѣхъ прочихъ лавкахъ, включительно и въ Николаевскѣ, я нашелъ ту же дѣятельность и безкорыстность Амурской компаніи. Въ 1859-мъ году на возвратномъ пути, продолжая мои изслѣдованія о успѣхахъ торговли этой компаніи, я узналъ, что зимою въ станицахъ Екатерино-Николаевской и Михайло-Семеновской, а можетъ быть и въ остальныхъ, Амурская компанія покупала у Гольдовъ 300 штукъ юколы (сушеная рыба) за дабу цѣною въ 1 р. 50 к. с., а продавала казакамъ штуку по 5 к. с., слѣд. брала 900%. Такъ какъ казаки очень выгодно вымѣнивали у Манжуръ за старый тулупъ, не стоющій рубля, до 10 кулей овса, отъ 5 до 6 пудъ въ каждомъ, то Ам. компанія повсемѣстно начала скупать овесъ, платя отъ 10 до 30 к. с. за куль, что ей легко дѣлать: серебро и мѣдь есть, а у казаковъ нѣтъ; интересно знать куда и почемъ продастъ она этотъ овесъ? Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что все это дѣлаютъ прикащики, которымъ, какъ говорятъ, дозволено вести свою торговлю особенно; но, не входя въ подробности этихъ сдѣлокъ, имѣю право сказать, что непростительно милліонной компаніи не имѣть порядочныхъ прикащиковъ; къ тому же многіе факты подтверждаютъ, что это настоящій характеръ торговли Ам. компаніи: въ 1859 г. я пріѣхалъ въ Благовѣщенскъ 25 іюня, въ день раскупорки вновь прибывшихъ, столь ожидаемыхъ жителями, товаровъ компаніи; здѣсь распоряжался сынъ Бѣлоголоваго, а цѣны назначилъ самъ представитель компаніи, проѣхавшій внизъ. Такъ какъ въ Благовѣщенскѣ всѣ были безъ сахару, то прежде всего Бѣлоголовый (сынъ) распустилъ слухъ, что ожидаемый въ Николаевскъ Гамбургскій сахаръ не будетъ, а что привезенный сверху продается по 19 руб. пудъ; здѣсь не цѣна важна, а замѣчательна уловка выручить лишній рубль на пудъ. Легковѣрные кинулись покупать, но на другой день, увы, имъ объявили, что такъ какъ мало осталось сахару, то онъ продается не иначе какъ по фунтамъ по 50 к. с. Сѣрое солдатское сукно продавалось по 2 р. с. аршинъ, стаканъ, самый про-

стой даже не чисто бѣлаго стекла—60 к. с., трактирный маленькій чайникъ—1 р. 50 к. с., вообще же всѣ товары были бракъ, и цѣны пропорціональны этимъ. По моему, это нисколько не уступаетъ продажѣ юколы. Но это еще ничего: въ новыхъ мѣстахъ, гдѣ всѣ во всемъ нуждаются, предметы, хотя второстепенной роскоши, могутъ зависѣть отъ лавочниковъ, въ настоящемъ же случаѣ и необходимые жизненные матеріалы продаются съ такими же процентами и увеличеніемъ цѣнъ. Отъ Благовѣщенска проѣзжая вверхъ по Амуру верьхомъ, слѣдовательно не пропустивъ ни одной станицы, я узналъ, что сплавъ Амурской компаніи ни въ одной станицѣ не продавалъ товару, даже останавливаясь для ночлега, тогда какъ повсюду, до подвоза казеннаго груза, казаки нуждались въ хлѣбѣ, а въ особенности въ кирпичномъ чаѣ, безъ котораго они жить не могутъ. Въ Албазинѣ, въ 206 верстахъ отъ Забайкаліи, лавка Ам. Комп. продавала яричную муку по 1 р. 90 к. с. пуд., что можетъ быть простительно только какому то купцу Кондинскому, бравшему эту цѣну по станицамъ съ казаковъ, не имѣвшихъ хлѣба. Я выставлю по возможности еще нѣкоторыя, цѣны въ Албазинѣ назначенныя Амурской компаніей, полагая за провозъ водой 200 верстъ 10 к. с. съ пуда, и высшія цѣны въ Забайкаліи.

	Въ Забайкаліи.	Въ Албазинѣ.	
Мука	60 к. с.	1 р. 90 к. с.	216 %
Даба 1-й сортъ	1 р. 70 — —	2 — 70 — —	59 —
— 2-й —	1 — 40 — —	2 — 35 — —	60 —
Топоръ Забайкальскій	— — 50 — —	1 — 50 — —	200 —
Масло коровье пудъ	6 р. —	11 — 25 — —	88 —
Чай кирпичный, кирпичъ	— 50 к. с.	1 р. 70 к. с.	240 %
Жиръ скотскій пудъ	2 р. 70 — —	7 — — — —	122.

Кирпичъ чаю въ Албазинѣ въ первый день прихода товара продавался по 1 р. 30 к. с., но какъ всѣ казаки накинулись на него, то на второй день его продавали по 1 р. 40 к., на 3-й—1 р. 50 к., на 4-й—1 р. 60 к., на 5-й день 1 р. 70 к. с.; таже цѣна оставалась и при мнѣ, 12-го іюля. Изъ этихъ цѣнъ видно, что большая часть матеріаловъ продается съ барышемъ около 100% и чѣмъ необходимѣе для казака продуктъ, тѣмъ сильнѣе поднимается цѣна и возрастаетъ до 240%; на мелочахъ же, какъ нитки, иголки, ножи и проч., процентъ барыша превышаетъ всякое вѣроятіе.

Ясно, что Ам. Ком. не привозитъ на Амуръ матеріаловъ въ достаточномъ количествѣ, чтобъ жители новаго края, почувствовавъ нѣкоторое время формальный недостатокъ, съ удовольствіемъ кинулись на дурные матеріалы за дорогую цѣну. Въ противномъ случаѣ потребовалось бы больше баржъ, а постройка ихъ, наемъ людей затруднителенъ и не стоитъ хлопотъ, когда за малое количество можно получить такой же барышъ; притомъ не надо отрывать капиталы отъ откуповъ, потому что людямъ, привычнымъ къ мелочной торговлѣ, можно дѣйствовать и небольшимъ капиталомъ...

Присылка изъ Европы ожидаемаго въ Николаевскъ сахара, такелажа и двухъ рѣчныхъ пароходовъ есть тоже пыль въ глаза и нисколько не подвинетъ основныхъ началъ торговли на Амурѣ. Сама природа болѣе необходимому матеріалу дастъ легчайшій путь; лучше сначала устроить торговлю основными жизненными матеріалами, внизъ по теченію рѣки, сообразно съ требованіями края, потомъ уже думать о торговлѣ, вверхъ по теченію, болѣе или менѣе предметами роскоши. Не вкусенъ будетъ сахаръ, если нечѣмъ или нѣкогда вспахать достаточно земли, чтобъ быть сытымъ.

Показавъ, на сколько мнѣ доступно, дѣйствительное положеніе дѣлъ, позволю себѣ изложить безпристрастное мнѣніе какимъ образомъ Амурская компанія могла и можетъ избавить Забайкальскую область отъ излишняго раззоренія, казну отъ безполезныхъ тратъ, а Амурскій край снабдить достаточнымъ количествомъ матеріаловъ, чѣмъ конечно ускорится устройство переселенцевъ и ненасильственное ихъ вступленіе въ общественныя работы.

Всѣ выше показанные матеріалы и прочія сельскія потребности на Амуръ могутъ быть доставляемы только изъ Забайкальской области, какъ требующіе малыхъ расходовъ на перевозку, а сплавъ по теченію въ дешевыхъ судахъ вполнѣ удовлетворяетъ этому условію. Показанное количество матеріаловъ казеннаго сплава на 190000 р. с., но оно недостаточно для всѣхъ жителей на Амурѣ, почему, взявъ въ расчетъ этотъ недостатокъ и настоящую торговлю Амурской компаніи, что составитъ вмѣстѣ 110000 р. с., получимъ всего оборотнаго капитала 300000 р. с., и этого достаточно для первоначальной торговой дѣятельности Ам. Компаніи, съ употребленіемъ небольшаго капитала, хотя бы во 100000, для устройства на рѣкахъ Шилкѣ и Аргуни правильной постройки баржъ.

Одно это уже дастъ совершенно другой оборотъ дѣламъ. Г. Бѣлоголовый зналъ самъ и могъ слышать отъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ прикащика своего Пургачевскаго, какъ трудно въ Забайкаліи найти хорошихъ строителей баржъ и постоянныхъ лоцмановъ въ достаточномъ числѣ, а также о недостаткѣ и дурномъ качествѣ металлическихъ строительныхъ матеріаловъ Петровскаго и Николаевскаго заводовъ. Имѣя, какъ предполагалось, милліоны основнаго капитала, ему слѣдовало привлечь съ р. Камы и даже съ Волги, на первое время хотя 200 человѣкъ опытныхъ строителей судовъ и нѣсколько постоянныхъ лоцмановъ, которые современемъ примѣнились бы къ рѣкѣ и образовали другихъ себѣ подобныхъ. Правительство оказало бы содѣйствіе, давъ имъ удобныя мѣста на этихъ рѣкахъ для поселенія; всякое же другое содѣйствіе вредно. Слѣдовало на первое время выписать, не съ Ирбитской ярмарки, не пользующейся хорошей репутаціей, а прямо съ Уральскихъ заводовъ хорошій строительный матеріалъ металлическій, если не для продажи, то для обезпеченія своихъ потребностей.

Этими средствами и присоединивъ чернорабочихъ Забайкальской области, Ам. Ком. въ состояніи строить ко всякой веснѣ столько баржъ, чтобы сплавлять на Амуръ не только показанный выше коммерческій грузъ, но и брать на себя ежегодно сплавъ казеннаго груза, какъ то: коммисаріатскій, артиллерійскій и избытокъ груза переселяющихся. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда менѣе топили бы груза въ рѣкѣ, да и сдача перевозимыхъ матеріаловъ была бы правильнѣе той, которая производится теперь неопытными офицерами. Подобными распоряженіями Ам. Ком. немедленно освободила бы 1000 рукъ Забайкальскихъ хлѣбопашцевъ отъ постороннихъ несвойственныхъ имъ и несвоевременныхъ работъ и разныхъ другихъ отягощеній, сопряженныхъ съ казенными распоряженіями; вслѣдствіе чего умножились бы и удешевились жизненные продукты. Зимой Компанія пріобрѣла бы изъ этихъ казаковъ добровольныхъ поставщиковъ необходимаго лѣса. Дѣятельность въ Забайкаліи пошла бы не подъ вліяніемъ неопытныхъ ближайшихъ командировъ, а сообразно съ временемъ и выгодами каждаго казака, а это единственный залогъ успѣшной частной дѣятельности. При такихъ условіяхъ, пріобрѣтеніе Амура стоило бы гораздо менѣе трудовъ и пожертвованій Забайкальскимъ каза-

камъ, а Ам. Ком. могла бы въ излишествѣ сплавлять всѣ матеріалы, во избѣжаніе недостатковъ отъ несчастныхъ случаевъ при сплавѣ; даже съ наложеніемъ 20% на привозимый товаръ цѣны были бы доступны переселенцамъ и были бы съ благодарностію приняты.

Слѣдовательно жизненные продукты умножатся и удешевятся отъ перехода всей торговой операціи изъ казенныхъ рукъ въ коммерческія. Но для желѣзныхъ матеріаловъ этого недостаточно.

Въ Николаевскѣ, гдѣ устраивается портъ, исправляются паровыя суда и начинаютъ строить новыя (покуда парусныя), необходимо большое количество желѣза, начиная съ высшихъ сортовъ котельнаго и листоваго до послѣдняго гвоздя.

Эта потребность можетъ быть удовлетворена изъ Англіи или Забайкаліи, но не изъ Америки, потому что она сама бо́льшее количество желѣза получаетъ изъ Англіи. Забайкалія, столь богатая рудниками магнитнаго и бураго желѣзняка, по сіе время не могла однако удовлетворять сельскихъ потребностей желѣза въ Забайкальской области, и недостатокъ постоянно пополняется труднымъ привозомъ съ Уральскихъ заводовъ; съ устройствомъ же на Амурѣ и Усури новыхъ хозяйствъ потребность желѣза еще болѣе увеличилась. Прибавимъ къ этому, что всѣ желѣзныя произведенія Петровскаго и Николаевскаго завода весьма дурнаго качества, не смотря на то, что приготовляются изъ магнитнаго желѣзняка и на древесномъ углѣ. Топоръ Забайкальскій стоитъ 45 к. с., но всякій предпочитаетъ заплатить 1 р. 50 к. с. за привезенный, такъ называемый Русскій топоръ, который здѣсь въ общемъ употребленіи.

Причина недостатка и дурнаго качества желѣзныхъ и стальныхъ произведеній въ Забайкаліи заключаются въ отсутствіи частныхъ заводовъ; казенные заводы вообще, отъ многихъ извѣстныхъ причинъ, не въ состояніи съ выгодою для завода и потребителей приготовлять разнообразные желѣзные и стальные матеріалы; они могутъ только удовлетворять, въ слѣдствіе приказанія, ограниченные въ разнообразіи казенные заказы, при чемъ большею частью цѣна непропорціональна стоимости.

Ам. компанія, имѣя въ виду какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю торговлю Восточной Сибири, должна первоначально отстранить причины, задерживающія развитіе сельскаго хозяйства страны, а

слѣдовательно и благосостоянія народа, которое составляетъ единственное побужденіе всякой торговли. И потому ей слѣдовало бы удѣлить частицу своихъ милліоновъ на устройство чугуноплавильнаго и желѣзо-ковательнаго завода, напримѣръ хоть не далеко отъ бывшихъ Шилкинскихъ заводовъ, гдѣ богатый рудникъ смѣси бураго съ магнитнымъ желѣзнякомъ, кругомъ лѣса, вблизи небольшая рѣчка, какъ первоначальный движитель воздуходувныхъ цилиндровъ и молотовъ, и все это находится не далѣе 70 верстъ отъ сплавной рѣки Шилки. Тогда порты Восточнаго Океана, жители Забайкалія и Амура не нуждались бы въ главномъ матеріалѣ для дѣятельности. По выполненіе всѣхъ этихъ предположеній Амурскою компаніею требуетъ знаній и высшихъ коммерческихъ соображеній, а не простой разничной распродажи товаровъ по произвольнымъ цѣнамъ; къ сожалѣнію, подобныхъ распоряженій нельзя ожидать отъ настоящаго представителя Амурской компаніи, судя по дѣйствіямъ выше показаннымъ. Остается покровительствовать и поощрять мелкихъ торговцевъ, какъ г. Іудинова, Лапина и другихъ, болѣе добросовѣстныхъ въ отношеніи казаковъ; можетъ быть современемъ они разберутъ по частямъ доставку матеріаловъ на Амуръ.

Чрезъ два года переселеніе изъ Забайкалія на Амуръ по наряду окончится; если же нѣтъ, то чтобъ избавить Забайкальскихъ хлѣбопашцевъ отъ постройки баржъ и плотовъ и доставки матеріаловъ на Амуръ, было бы полезно образовать особый классъ строителей и сплавщиковъ, хотя бы наймомъ съ судоходныхъ рѣкъ При-Уральскихъ; но не передавать ихъ въ вѣдѣніе баталіонныхъ командировъ, а оставить на правилахъ общихъ по подрядамъ. Этотъ пожертвованный капиталъ дастъ возможность мелкимъ купцамъ брать по частямъ доставку и закупку матеріаловъ. Такъ или иначе, въ Забайкаліи, освободившейся отъ этой операціи, и разумѣется при умѣренныхъ и своевременныхъ общественныхъ и казенныхъ работахъ, сельское хозяйство придетъ въ порядокъ и даже лучшій противу прежняго; усилившійся сбытъ сельскихъ произведеній поощритъ дѣятельность и должно ожидать новой для Забайкалія промышленности: пеньковой и конопляпаго масла, какъ напримѣръ въ низменныхъ большихъ долинахъ рѣкъ: Шивенки, Дайи и Куренги и, думаю, еще во многихъ мѣстахъ Юговосточной

Забайкаліи, гдѣ опыты нѣкоторыхъ казаковъ посѣва конопля оправдываютъ возможность этой промышленности, столь необходимой для судовъ Восточнаго Океана, потому что Манильскій тросъ не въ состояніи соперничать достоинствомъ съ пеньковымъ. Для развитія этой промышленности выгодно привлечь изъ Нижегородской губерніи нѣсколько человѣкъ крестьянъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ и занимающихся имъ уже коммерческимъ образомъ; тогда Николаевскъ похлопочетъ объ устройствѣ канатной фабрики.

Окрестности береговъ Амура, доставляя всѣ средства для сельскаго хозяйства, скотоводства и бѣлковья (звѣриный промыселъ), нисколько не измѣняютъ обычныя занятія переселившихся Забайкальцевъ. Казаки, переселившіеся изъ средней Забайкаліи, имѣютъ черноземныя гораздо лучшія земли для хлѣбопашества и много рѣчекъ для мельницъ; переселившіеся изъ Южной Забайкаліи, кромѣ сельскаго хозяйства, ниже Благовѣщенска имѣютъ богатыя степи для скотоводства, что доказала станица Низменная, сплавивъ на 14 дворовъ 600 барановъ, которые и теперь существуютъ; только въ нѣкоторыхъ станицахъ, отъ неумѣнія выбирать выгоны, овцы не держатся, слѣпнутъ отъ слишкомъ жирной пищи, а болѣе гибнутъ тамъ, гдѣ хозяева, не зная вліянія сырой мѣстности, держатъ овецъ на богатыхъ сырыхъ лугахъ, отчего у нихъ мокнутъ копыты и онѣ околѣваютъ, по невозможности ходить за пищею, или объѣдаются молодой чемерицы.—Казаки, переселившіеся изъ Восточной части Забайкальской области, повсюду на Амурѣ находятъ въ изобиліи мѣста для зимняго своего занятія, бѣлковья; въ особенности ниже Благовѣщенска и на Усури попадаются хорошіе соболи и черныя лисицы. Но и здѣсь повторю, что развитіе этихъ занятій зависитъ отъ умѣренности годовыхъ общественныхъ и казенныхъ работъ, часто, по несвоевременности, обременительныхъ и даже раззорительныхъ для поселянина, а слѣдовательно и благосостоянія возраждающагося края. Быстрота домашняго и сельскаго устройства на Амурѣ переселившихся казаковъ зависитъ отъ трехъ условій: 1) Довольства матеріальныхъ средствъ, какъ жизненныхъ, такъ и производительныхъ, условія, которое, какъ доказано, должно быть выполнено коммерческими людьми. 2) Величины станицы, потому что, чрезъ

годъ льготы по переселенiи, подводная гоньба на лодкахъ и вьючная, пособiя обмелѣвшимъ плотамъ и баржамъ, въ станицахъ менѣе 15 дворовъ занимаютъ почти всѣ рабочiя руки въ продолженiи всего плаванiя и не даютъ возможности въ требуемомъ количествѣ воздѣлывать поля, заготовлять сѣно и во время снимать хлѣбъ. 3) Заботливости о казакахъ ближайшаго начальства: не вмѣшиваясь въ хозяйственное ихъ устройство, оно должно уступить эту заботу мiру, и не отнимать время отъ хозяйственныхъ работъ для общественныхъ вовсе не спѣшныхъ, напримѣръ: не переносить еще неустроившуюся въ полевомъ отношенiи станицу на версту дальше, для красоты или для очищенiя мѣста будущему мнимому трехверстному городу, не переносить улицы съ одной стороны станицы на другую, на мѣсто богатыхъ устроенныхъ уже огородовъ. Чтобы показать, какъ вредно бываетъ иногда вмѣшательство ближайшихъ распорядителей на устройство края, я приведу два примѣра. Въ станицѣ Комары заготовленъ лѣсъ, какъ и во всѣхъ другихъ, для постройки вѣтреныхъ мельницъ, потому что между сплавляющимися каторжными оказался одинъ отлично умѣющiй строить ихъ; образчикъ этихъ мельницъ я видѣлъ въ Инокентьевской станицѣ: онѣ красивы, но недостаточны для значительнаго населенiя. Казаки станицы Комары просили своего сотеннаго командира объ исходатайствованiи имъ позволенiя изъ этихъ бревенъ построить водяную мельницу на удобной рѣкѣ въ 1½ верстѣ отъ станицы; бравшiеся за это люди имѣли свои мельницы, ими самими построенныя, о четырехъ поставахъ, на рѣкѣОнонѣ, непостоянной въ своихъ водахъ. Изъ распросовъ моихъ о постройкѣ водянаго колеса, приводовъ и устройства самой плотины, видно, что они практически знаютъ это дѣло. Сотенный командиръ, кажется за-урядъ (изъ казаковъ) сказалъ: «начальство велитъ, надо будетъ строить, а не будетъ годиться, то построимъ другую.» Это можетъ случиться и во многихъ другихъ станицахъ; впрочемъ есть надежда, что просьба ихъ дойдетъ дальше и не придется строить другой мельницы. Нынѣшнее лѣто положено начать въ различныхъ станицахъ постройку семи большихъ церквей, линейнымъ № 2-го баталiономъ, не имѣющимъ еще казармъ уже 3-й годъ. Неустроившiеся еще въ сельскомъ хозяйствѣ казаки должны заготовить лѣсъ въ самую рабочую для хлѣбопашца пору; хорошо еще что невоз-

можно въ настоящее время на Амурѣ добыть известки, а то пришлось бы казакамъ, по сдѣланному наряду на станицы, лѣтомъ поднять нѣсколько кубическихъ саженъ песку, камня и выжечь известь для фундаментовъ, а зимой вывозкою этихъ матеріаловъ замучить лошадей, и безъ того изнуренныхъ гоньбой и усиленными полевыми работами. Между тѣмъ, по числу жителей въ станицахъ, богослуженіе можно бы производить въ временно-построенныхъ небольшихъ церквахъ, для чего было бы не нужно отрывать людей лѣтомъ отъ полевыхъ работъ, а зимой они бы обстроивались и нашли бы время побѣлковать, и тѣмъ не только пріобрѣсти деньги, для покупки нѣкоторыхъ жизненныхъ матеріаловъ по дорогимъ цѣнамъ въ лавкахъ Амурской Компаніи, но—главное—узнали бы отдаленныя окрестности Амура. Причины подобныхъ распоряженій и дѣйствій зависятъ отъ двухъ началъ: отъ боязни донести начальству дѣйствительное положеніе дѣлъ и отъ излишней услужливости, вредной необходимымъ дѣламъ. Одинъ командиръ не донесъ, что долженствующая быть оконченною постройка казармъ не исполнена и что солдаты и офицеры зимовали опять въ несчастныхъ мазанкахъ, а самъ живетъ во вновь выстроенномъ большомъ домѣ съ мезониномъ, и это человѣкъ, который иногда довольно рѣшительно дѣйствуетъ, но, къ несчастію, не къ благу общему.

Далѣе, начальникъ, которому поручено наблюденіе за всѣми постройками на Амурѣ, увидя неоконченныя казармы и не имѣя возможности объяснить это главному Начальнику, за отсутствіемъ его, не рѣшился самъ отложить исполненіе новыхъ строеній, разослалъ солдатъ по станицамъ для постройки большихъ церквей, а казармы остались безъ половъ, потолковъ, оконъ и дверей, съ сквозными, но зато выкрашенными красною краскою крышами, между тѣмъ какъ по сосѣдству другіе солдаты зимовали и теперь благоденствуютъ въ своихъ казармахъ, построенныхъ въ одну осень 1858 года, а въ настоящее время строятъ Архіерею домъ, имѣя въ виду зимовать опять въ теплѣ.

Скажемъ теперь вообще о томъ что дѣлалось въ послѣднее время въ Приморской Области. Въ Хабаровкѣ линейный № 3 баталіонъ, въ прошлую осень, обстроился и зимовалъ въ своихъ казармахъ. Издали красивая мѣстность скрываетъ одиночество этого военнаго поста, расположеннаго на высокомъ берегу среди богатой растительности;

но внутренній видъ всего поселенія смотритъ уныло, по отсутствію частной дѣятельности и мелкаго разнообразія въ домашнемъ хозяйствѣ. Есть надежда, что нѣмцы колонисты, поѣхавшіе на Амуръ выбрать мѣсто для переселенія, изберутъ его здѣсь и оживятъ все; это сдѣлается еще черезъ годъ, но терпѣніе вознаградится пользою, которою они принесутъ солдатамъ, офицерамъ, а, главное, ускорятъ развитіе Хабаровки и ея окрестностей, по моему мнѣнію, самаго важнаго пункта на Амурѣ во всѣхъ отношеніяхъ.—Только въ нынѣшнемъ году отправились казаки селиться вверхъ по р. Усури: природа обѣщаетъ имъ много, и можно надѣяться что выборъ мѣстъ для станицъ будетъ удачнѣе и менѣе послѣдуютъ перемѣнъ, чѣмъ въ 1-мъ пѣхотномъ Амурскомъ полку.—Отъ Хабаровки до Маріинска селеній нѣтъ, но построены на мѣстахъ станцій зимовья. Селенія между Маріинскимъ и Николаевскомъ устроились, но поля еще не вездѣ заведены. Николаевскъ подвигается впередъ, однако, не смотря на всѣ добросовѣстныя старанія, не скоро достигнетъ того развитія, которое требуется отъ него для выполненія всѣхъ работъ морскаго вѣдомства и для удобства жителей, ежегодно возрастающихъ. Кажущаяся медленность въ общемъ ходѣ дѣлъ происходитъ отъ недостатка строительныхъ матеріаловъ, въ особенности металлическихъ, отъ недостатка мастеровыхъ, въ особенности по механической части, и недостатка чернорабочихъ, такъ что нынѣшнюю зиму не могли отдѣлить достаточно людей и инструментовъ для заготовки въ Дуѣ (на остр. Сахалинѣ) каменнаго угля въ полномъ количествѣ для судовъ, находящихся въ портахъ Восточнаго Океана. Не смотря на всѣ эти затрудненія всѣ суда были на рейдѣ около 15-го мая, до вскрытія лимана. Но вотъ еще одно препятствіе къ развитію новаго края. Всѣ толкуютъ о проведеніи телеграфа чрезъ Сибирь въ Америку. До Стретенска это вещь не мудреная; здѣсь же прекращается колесная дорога; но такъ какъ жителей достаточно еще до Горбицъ, то и сюда, хотя трудно въ короткое время, но можно сдѣлать просѣку. Для остальнаго пространства, сдѣлаемъ приблизительный расчетъ требуемыхъ рабочихъ дней съ каждаго поселившагося двора, и присоединимъ ихъ къ необходимымъ для постройки вѣтреныхъ мельницъ и подобныхъ расходовъ рабочимъ днямъ. Отъ Горбицъ до Благовѣщенска 1000 верстъ, изъ коихъ на пространствѣ около 500 верстъ надо

сдѣлать широкую просѣку, такъ чтобъ опушки лѣса съ обѣихъ сторонъ проволоки находились отъ нея на разстоянiи высоты деревьевъ, потому что по горамъ грунтъ составляютъ большею частью разрушенныя скалы, деревья слабо стоятъ на корняхъ и всякая буря, которыя часто бываютъ на Амурѣ, валитъ много лѣсу. Такъ какъ лѣсъ большею частью лиственный и сосновый, придется дѣлать просѣку до 16 сажень ширины, слѣдовательно 500 верстъ въ 16 сажень ширины займутъ 4000000 квадратныхъ сажень; полагая по одному дереву на 3 кв. сажени, придется срубить 1400000 деревъ; а какъ въ одинъ день человѣкъ можетъ повалить 15 деревъ лиственицы, а сосны 20,—среднимъ числомъ 17 деревъ, то всего потребуется 82000 рабочихъ дней. Чтобы расчистить линiю на сажень ширины на 1000 верстъ, необходимо 100000 рабочихъ дней; чтобы обтесать 20000 столбовъ, на 1000 верстъ, полагая по одному на 25 сажень (одинъ человѣкъ можетъ обтесать 10 столбовъ въ день)—2000 рабочихъ дней; чтобы установить эти столбы (одинъ человѣкъ можетъ поставить 10 штукъ въ день)—2000 рабочихъ дней. Здѣсь взята усиленная дѣятельность въ день. Всего на 1000 верстъ, съ 500-ми верстъ просѣки для пробитiя и установки линiи, надо 96000 рабочихъ дней, т. е. на каждую изъ 25 станицъ приходится 3840 рабочихъ дней, а какъ въ каждой станицѣ среднимъ счетомъ 11 дворовъ, то на каждый дворъ падетъ 349 рабочихъ дней. Отъ Благовѣщенска до Хабаровки 889 верстъ, при чемъ просѣки наберется до 200 верстъ; рабочихъ дней потребуется 43818. Отъ Хабаровки до Николаевска—915 верстъ, просѣки придется до 300 верстъ; рабочихъ дней потребуется 59869. На послѣдней дистанцiи, за недостаткомъ заселенiя, вѣроятно работу исполнятъ линейные № 3 и 4 батальоны. Такимъ образомъ для проведенiя телеграфа отъ Горбицъ до Хабаровки, на разстоянiи 1889 верстъ, нужно 139818 рабочихъ дней, которые падутъ на настоящее число дворовъ, при многихъ другихъ неизбѣжныхъ, по крайней мѣрѣ болѣе необходимыхъ, общественныхъ работахъ. Спрашивается, сколько лѣтъ надо, чтобъ привести это въ исполненiе, не мѣшая развитiю сельскаго хозяйства, ибо иначе всѣ труды переселенiя пропадутъ и образуется классъ батраковъ, вмѣсто хлѣбопашцевъ. Между тѣмъ лѣтъ черезъ шесть, по совершенномъ устройствѣ домашняго и сельскаго хозяйства, это можетъ быть исполнено легче

и безъ вреда, превышающаго пользу телеграфа. По вопросу одного урядника: «какъ сдѣлать опись мѣстности, гдѣ можетъ современемъ идти колесная дорога и зачѣмъ велѣно заготовить такъ много четырехгранныхъ столбовъ въ 2¼ сажени,» видно, что уже сдѣлано нѣкоторое распоряженіе объ устройствѣ телеграфа. А въ нашемъ расчетѣ взяты самыя скромныя цифры; въ сущности рабочихъ дней выйдетъ гораздо болѣе.

Остается упомянуть о сообщеніи. Торговля, въ новыхъ краяхъ, сама себѣ создастъ сообщеніе, сообразно съ торговыми матеріалами и потребностью. Но посмотримъ на сообщеніе по Амуру для отдѣльныхъ лицъ.

Въ настоящее время между Стретенскомъ и Николаевскомъ сообщеніе довольно затруднительно. Лѣтомъ, частные люди и отправляющіеся на службу на Амуръ, внизъ по теченію, принуждены строить въ Стретенскѣ лодки или плоты, что затруднительно за неимѣніемъ вольныхъ судостроителей и лѣса, а еще болѣе затруднителенъ наемъ гребцовъ. Для курьеровъ и ѣдущихъ по дѣламъ службы на Амуръ, въ Стретенскѣ, въ вѣдѣніи баталіоннаго командира, строютъ Гилякскія дурныя лодки, въ которыхъ въ продолженіи всей дороги надо постоянно откачивать воду. Казаки гребцы смѣняются по станицамъ и возвращаются пѣшкомъ домой. Отъ Благовѣщенска въ нынѣшнемъ году два раза въ мѣсяцъ отходили поочередно пароходы Амуръ и Лена. Отъ Николаевска, вверхъ по теченію, эти же пароходы дѣлали два рейса въ мѣсяцъ до Благовѣщенска, а отсюда, я, напримѣръ, поѣхалъ верьхомъ, а человѣка отправилъ въ лодкѣ на бичевѣ, съ трудомъ упросивъ безсрочныхъ матросовъ, возвращающихся въ Россію, взять его, съ платою 36 рублей до Стретенска, что, конечно, дешево, но ѣхали они долго. Верьхомъ чрезъ рѣки безъ мостовъ, болота и нерасчищенный валежникъ, ѣзда не завидная, за то тратится меньше времени: до Покровска я доѣхалъ, не спѣша, въ 13 дней, сдѣлавъ 800 верстъ, а можно бы проѣхать ихъ и въ 10 дней. Въ Покровскѣ прекращается сухопутное сообщеніе и я отправился на ботѣ (выдолбленное бревно) бичевой до Горбицъ. Отсюда опять верьхомъ; но здѣсь по крайней мѣрѣ изъѣзжена тропинка вплоть до Стретенска, за то приходится дѣлать самый трудный переѣздъ изъ всего верховаго пути, именно по горамъ отъ Шилкинскихъ заводовъ до Стретенска.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года изъ Николаевска, въ первый разъ, пошелъ небольшой съ заднимъ колесомъ частный пароходъ, Адмиралъ Казакевичъ, имѣя 1500 пудовъ купеческаго груза и около 20 пасажировъ; онъ сидѣлъ 2 фута 4 дюйма въ грузу, и шелъ отъ Николаевска до Благовѣщенска 21 день и столько же до Шилкинскаго завода, съ неопытнымъ въ первый разъ плывшимъ капитаномъ,—всего 42 дни, что очень не долго. Не знаю, какъ дошелъ онъ назадъ, ибо это гораздо труднѣе. И такъ теперь мы имѣемъ образчики пароходовъ для правильнаго сообщенія по Амуру; но чтобы упрочить его необходимо имѣть между Николаевскомъ и Благовѣщенскомъ, по крайней мѣрѣ, три такихъ парохода какъ Амуръ и между Благовѣщенскомъ и Шилкинскими заводами не менѣе пяти такихъ, какъ пароходъ Адмиралъ Казакевичъ; эти пять маленькихъ пароходовъ, съ доставкой въ Николаевскъ, будутъ стоить около 60000 р. с., чѣмъ самымъ почтовая бичева и вьючная ѣзда будутъ уничтожены: останется только уничтожить 80 верстъ до Стретенска жестокой, гористой, вьючной дороги.

Зимою, когда рѣки пропускаютъ уже свободно, до Шилкинскихъ заводовъ, даже до Горбицъ бываетъ почтовая правильная ѣзда. Отъ Горбицъ до Покровска нынѣшнимъ лѣтомъ строились станціи, вѣрнѣе зимовья, на разстояніи одна отъ другой не болѣе 25 верстъ, заготовлено сѣно (не знаю будетъ ли овесъ), закупаютъ лошадей. Отсюда по станицамъ до Хабаровки, на казачьихъ лошадяхъ, перегоны дѣлаются круглымъ счетомъ не менѣе 40 верстъ каждый; при этомъ безпрестанныя накипы (вода сверхъ льда слегка замерзшая) и почти вся ѣзда цѣликомъ чрезвычайно изнуряютъ лошадей, изъ коихъ многія не выдерживаютъ, что раззоряетъ казака. Въ 1858 году, осенью, отъ Хабаровки до Маріинска назначили станціи, построили зимовья, накосили сѣно; но какъ это было уже въ августѣ, когда трава перестояла, то сѣно вышло въ родѣ соломы; для гоньбы развели по двѣ пары изнуренныхъ сплавомъ лошадей, а вмѣсто ямщиковъ опредѣлили солдатъ линейнаго № 3 баталіона. Но какъ сѣно было дурное, овса не давалось, перегоны же дѣлались цѣликомъ, съ накипами, въ 25 верстъ и болѣе, то въ скоромъ времени большая часть лошадей пала; нынѣшній годъ повезли туда новыхъ, однако если не увеличатъ числа лошадей, не будетъ вдоволь овса, выйдетъ тоже самое. Отъ Маріинска до Николаевска

довольно правильное почтовое сообщеніе. Весной же и осенью отъ Стретенска до Николаевска сообщеніе чрезвычайно затруднительное, какъ рѣкой, такъ и вьючное, очень утомительное для лошадей, а во многихъ мѣстахъ вовсе нѣтъ проѣзда.

Сожалѣю, что не имѣю навыка писать, чтобъ придать правдѣ литературную отдѣлку.

Фокъ.

Иркутскъ,
сент. 29-го 1859 г.

КАКЪ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ (ИНОГДА) СВОДНЫЕ БРАКИ.

(Практическая замѣтка).

Сводными браками называются у насъ, по-крайней мѣрѣ въ нашей юридической практикѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, такіе браки, которые заключаются, между единовѣрцами или православными даже, безъ всякаго участія Церкви, безъ благословенія духовнаго лица, безъ вѣнчанія по обряду церковному. Эти браки можно, пожалуй, сравнить отчасти съ *гражданскими браками*, существующими во Франціи; разница только въ томъ, что послѣдніе были дозволены тамъ закономъ, тогда какъ «сводные браки» у насъ строго воспрещаются, по закону строго должны быть преслѣдуемы, хотя исполнители закона иногда совершенно иначе поступаютъ, руководствуются не закономъ, а своими собственными соображеніями, личными расчетами, личными выгодами.—Самое названіе «сводный бракъ» довольно характеристично: этимъ названіемъ общество какъ-бы клеймитъ браки, совершаемые не по правиламъ православной Церкви, ставитъ ихъ на одну доску съ простымъ наложничествомъ, конкубинатствомъ. Но такое клеймо не пристаетъ, да и не можетъ приставать къ лицу тѣхъ, которыхъ хотятъ снабдить имъ.

Въ мѣстахъ, населенныхъ раскольниками, многіе, считающіеся единовѣрцами и даже православными, бываютъ въ церкви только въ крайнихъ случаяхъ; иному даже придется быть въ церкви только три раза—когда его крестили, когда онъ женился и, наконецъ, когда отпѣвали его уже мертваго. Слѣдовательно, при жизни случится иному посѣтить церковь только дважды, а иногда и того меньше. Притомъ, если такого сорта христіанина несутъ въ церковь крестить или отпѣвать, или если онъ самъ идетъ туда вѣнчаться, то вовсе не потому, чтобы сознавалась внутренняя необходимость въ томъ, признавалась святость крещенія, брака, церковнаго покаянія; нѣтъ, дѣлается это часто единственно для того, чтобы устранить отъ себя всякаго рода притѣсненія, могущія быть со стороны какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ властей; слѣдовательно, чисто изъ матеріальныхъ расчетовъ, какъ необходимая формальность, требуемая закономъ, правительствомъ.

Многіе, состоящіе въ расколѣ, причисляются только къ православнымъ, потому что это выгодно. И крестятъ вновь родившихся и отпѣваютъ умершихъ только потому, что неисполненіе этого влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія. Если же за неисполненіемъ какого-либо таинства или обряда не слѣдуютъ по пятамъ невыгодныя послѣдствія въ какомъ-либо отношеніи, или легко можно устранить ихъ, то, разумѣется, псевдо-христіане не преминутъ этимъ воспользоваться, лишь бы подальше отъ церкви. Доказательствомъ служатъ сводные браки.

Въ нашихъ сѣверовосточныхъ губерніяхъ, пріуральскихъ, приморскихъ (губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Оренбургской), которыя издавна служили отечествомъ для всякаго рода и толка раскольниковъ, особенно горные заводы,—сводные браки, даже между лицами, считающимися православными, явленіе самое обыкновенное, обыденное. Заключенію ихъ, какъ увидимъ, много способствуетъ корыстолюбіе и свѣтскихъ и духовныхъ властей.

Отчасти изъ практики юридической, изъ дѣлъ, отчасти изъ разсказовъ, намъ извѣстенъ нѣсколько тотъ порядокъ, какой существуетъ при заключеніи сводныхъ браковъ. Процессъ очень простой и естественный. Задумалъ крестьянинъ самъ жениться или женить сына, выбралъ невѣсту, условился—и дѣло почти кончено. Остается только одно—порѣшить съ вѣнчаніемъ. Порядокъ извѣстный—нужно отправиться къ попу и условиться съ нимъ о платѣ за вѣнчаніе. Но тутъ-то и запятая: свадьбы въ деревняхъ составляютъ для духовенства одинъ изъ главныхъ источниковъ дохода. Если съ простыхъ крестьянъ-православныхъ за вѣнчаніе всегда берется порядочная сумма, то съ крестьянина-единовѣрца или вообще придерживающагося такъ называемой «старой вѣры», разумѣется, нужно взять больше; притомъ староверы, по большей части, бываютъ люди зажиточные,—это другая побудительная причина, почему священнику *слѣдуетъ* брать съ нихъ за вѣнчаніе больше денегъ.

Приходитъ крестьянинъ къ священнику, объясняетъ причину прихода, спрашиваетъ о цѣнѣ (тутъ идетъ торговля въ полномъ смыслѣ). Священникъ радъ случаю, что можно получить порядочный кушъ, взять дикую виру, дикую пошлину,—назначаетъ непомѣрную плату (какъ настоящій купецъ старомодный), рублей 10,

20, 30 и больше, смотря по обстоятельствамъ. Начинаютъ, разумѣется, торговаться. Священникъ проситъ слишкомъ много, крестьянинъ даетъ мало. Священнику, кромѣ денежной платы, нужно взять еще, по старинному выраженію, «поколнокъ», добавокъ: два поросенка, да теленка, да овсеца, да мучки, да крупки, да маслица, да яичекъ, да холста на рубаху, да льну попадьѣ и т. п. и т. п. для домашняго обихода необходимыхъ припасовъ (конечно, не всего, а чего-либо, по выбору, по условію). Ну, при такихъ доплатахъ прибавкахъ, да при высокой капитальной, денежной цѣнѣ, и немудрено, что священникъ и крестьянинъ, купецъ и покупатель, не сойдутся въ цѣнѣ. Священникъ заломилъ, какъ говорится, несподручную цѣну и не спускаетъ цѣны, не дѣлаетъ сбавки, потому что видитъ возможность наставить крестьянину и точекъ, и запятыхъ и другихъ знаковъ препинанія, которые могутъ препятствовать вѣнчанію и устранить которые въ его волѣ. Онъ ко всему придерется: откопаетъ и свойство, и родство, и кумовство, выставитъ на видъ и то, что женихъ и невѣста не бываютъ на исповѣди и у святаго причастія, станетъ наводить еще справки о рожденіи и крещеніи, да и мало ли какихъ закорючекъ не придумаетъ онъ—всего не перечтешь; всю подноготную подниметъ, всю родословную на ноги поставитъ, всю жизнь крестьянина разберетъ по ниточкѣ, по косточкамъ, по суставчикамъ. Дастъ крестьянинъ требуемую плату—и баста, дѣло въ шляпѣ: всякія препятствія слиняютъ, какъ будто ихъ вовсе не бывало. Но и крестьянину самому нужны деньги; онъ умѣетъ соблюдать экономію, знаетъ, что «денежка счетъ любитъ», а потому даромъ, безъ нужды, попу платить не будетъ. Крестьянинъ пришелъ къ нему только за тѣмъ, чтобы справиться—сколько будетъ стоить вѣнчаніе; если не дорого, то онъ готовъ вѣнчаться, чтобы впослѣдствіи было меньше хлопотъ. Оказывается, что вѣнчаніе вещь дорогая, не по крестьянскому карману. Невольно крестьянинъ раздумаетъ вѣнчаться,—говоримъ вѣнчаться, а не жениться; онъ знаетъ, что можно жить и безъ вѣнчанія.—Такимъ образомъ священникъ и крестьянинъ никакъ не могутъ сойтись въ цѣнѣ. Чѣмъ-же кончается дѣло? Дѣло оканчивается очень-просто, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень забавно. Крестьянинъ въ заключеніе говоритъ священнику: «нѣтъ, батюшко, больно ужъ дорого просишь за свадьбу-то, не по нашимъ до-

статкамъ; кабы рубликовъ пятокъ, то-бы и намъ и вашему благословенію было безобидно. А то, легкое-ли дѣло, изволите требовать 20 рублевъ,—гдѣ ихъ взять нашему брату, мужику. Пойдти было къ Степану Кузмичу, авось онъ возметъ посходнѣе». Съ этими словами мужичокъ и уходитъ отъ священника, съ которымъ не сошелся въ цѣнѣ, уходитъ не слишкомъ, впрочемъ, опечаленный, съ такими же мыслями, съ какими обыкновенно уходитъ покупатель изъ лавки, гдѣ продаются очень-дорогіе товары и идетъ въ другую лавку, расчитывая, что тамъ можно купить подешевле.

И такъ, мужичокъ отправляется къ Степану Кузмичу. Кто-жъ это такой Степанъ Кузмичъ? спроситъ читатель и навѣрное подумаетъ, что видно это другой священникъ. Подумаетъ такъ читатель и—ошибется. Степанъ Кузмичъ лицо вовсе не духовнаго званія (хотя, можетъ-быть, и изъ духовныхъ), а просто-напросто мѣстный становой приставъ, самый главный соперникъ священника въ отношеніи выгодъ отъ браковъ, тамъ, гдѣ живутъ староверы.— Не дастъ разрѣшенія на бракъ священникъ (т. е. не вѣнчаетъ сходно), даетъ его становой приставъ. Такой порядокъ вещей кажется нѣсколько страннымъ, но на самомъ дѣлѣ бываетъ иногда такъ. Не вѣнчаніе собственно нужно крестьянину, придерживающемуся раскола, а позволеніе жить съ избранною имъ подругою. Вѣнчаніе въ этомъ случаѣ, конечно, вещь важная. Обвѣнчавшись, крестьянинъ уже не боится никакихъ придирокъ: бракъ узаконенъ, освященъ Церковію—тутъ и самъ Степанъ Кузмичъ не подточитъ носа. Но что-жъ дѣлать, если вѣнчаніе нужно купить дорогою цѣною. Поневолѣ приходится ему избрать другой путь,—просить разрѣшенія на бракъ у становаго пристава. Оказывается, на дѣлѣ, что хоть становыхъ приставовъ и считаютъ первѣйшими взяточниками, но у нихъ жажда къ пріобрѣтенію развита если не меньше, то и небольше, чѣмъ у священниковъ (говоримъ сравнительно съ обстановкою тѣхъ и другихъ); а можетъ быть причина лежитъ въ томъ, что священники дороже цѣнятъ свои слова, нежели представители полиціи: сказалъ священникъ, что нужно за вѣнчаніе 20 рублей—и баста, меньше ужъ ни копѣйки (значитъ, безъ ряды, безъ запроса торговля). А становой приставъ..... ну, да что намъ за нужда добиваться причины всѣхъ причинъ; до нея, вѣдь, пожалуй, никогда не доберешься; мы лучше будемъ излагать дальнѣйшіи

ходъ дѣла, развивать фактъ,—посмотримъ, какое условіе заключаетъ становой приставъ съ мужичкомъ. Сдѣлка бываетъ иногда весьма-оригинальная, даже остроумная.

Приходитъ мужичокъ къ Степану Кузмичу, объясняетъ его благородію свое неудачное путешествіе къ его благословенію, проситъ разрѣшенія на бракъ и предлагаетъ, положимъ, половину той суммы, какую хотѣлъ взять съ него батюшка. Степанъ Кузмичъ даетъ разрѣшеніе на бракъ, за что и беретъ предлагаемую сумму (что̀ спорить да торговаться: «всякое даяніе благо», или, по пословицѣ, «курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ»).

«Ты живи, себѣ съ Богомъ,—говоритъ Степанъ Кузмичъ мужичку; только вотъ-что: я все-таки долженъ донести по начальству, что до моего свѣдѣнія дошло о твоемъ житьѣ въ сводномъ бракѣ». Мужичокъ и тутъ не споритъ, соглашается и на такое условіе, а соглашается потому, что знаетъ уже порядки. Такимъ-образомъ, дѣло кончено пока для мужичка, онъ живетъ себѣ съ молодой женой. Его очередь кончена; но дѣло только-что начинается для священника и для становаго; и тотъ и другой начинаютъ дѣйствовать, какъ говорится, по привычкѣ, по закону. Посмотримъ-же, какъ они дѣйствуютъ при подобныхъ, хотя и не казусныхъ, не замысловатыхъ, но довольно-щекотливыхъ дѣлахъ. Нужно не сплошать, чтобы не привелось отвѣтъ держать предъ начальствомъ.

Священникъ разсерженъ: тѣмъ, что мужичокъ вступилъ въ незаконный бракъ? нѣтъ, собственно не тѣмъ, а что ускользнулъ изъ рукъ его доходъ. Молчать—значитъ сдѣлать подрывъ и своей власти и своимъ доходамъ. Нужно показать, что мужикъ не ушелъ изъ его рукъ, нужно это показать для того, чтобы и другіе на будущее время не дѣлали также. И вотъ онъ, скорбя якобы о томъ, что творятся такія богопротивныя дѣла, что не уважается святость брака, доноситъ своему епархіальному начальству: до свѣдѣнія дошло,—пишетъ онъ—что такой-то крестьянинъ живетъ съ такою-то въ сводномъ бракѣ. Онъ умолчитъ, разумѣется, о томъ, что просилъ съ мужика за вѣнчаніе столько-то и что становой взялъ за дозволеніе столько-то. Этого писать нельзя; но онъ распространится, что, не смотря на его внушенія паствѣ, дѣлаются все-таки такія-то и такія вещи, и проч. Священникъ распространиться съумѣетъ; онъ слушалъ, училъ, въ бытность въ семинаріи, и риторику, и піитику, и

т. п.; а въ этихъ наукахъ вовсе не говорится о томъ, что «во многоглаголаніи несть спасенія», а говорится напротивъ о томъ, какъ писать красно.—Получивъ такое (и непремѣнно *секретное*) донесеніе, епархіальное начальство *немедленно* (слово «немедленно» у насъ въ дѣлопроизводствѣ имѣетъ, какъ извѣстно, далеко не тотъ смыслъ, какой придаютъ ему въ общежитіи) сообщаетъ о случившемся губернскому правленію или начальнику губерніи и проситъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распорядиться *немедленно* произвести дознаніе или формальное даже слѣдствіе о событіи.—Между-тѣмъ, своимъ порядкомъ, и до гражданскаго начальства доходитъ свѣдѣніе о фактѣ, начиная съ донесенія становаго пристава своимъ непосредственнымъ властямъ. Такимъ образомъ разомъ, съ двухъ противуположныхъ сторонъ, получаются вѣсти о томъ, какія вещи творятся между православными христіанами, уклоняющимися въ расколъ. Все это рождаетъ въ глазахъ лицъ несвѣдущихъ высокое понятіе о бдительности и духовныхъ лицъ и гражданскихъ чиновниковъ. И вотъ, вслѣдствіе этой мнимой бдительности, возникаютъ разомъ два секретныя дѣла—одно у епархіальнаго начальства, другое—въ губернскомъ правленіи; и духовное и гражданское начальства начинаютъ дѣйствовать на бумагѣ. Губернское правленіе *немедленно* предписываетъ или чиновнику особыхъ порученій или другому должностному лицу произвести о случившемся *немедленное* дознаніе и о послѣдующемъ *немедленно* донести. Епархіальное начальство, съ своей стороны, также снабжаетъ и благочиннаго и священника, сдѣлавшаго доносъ, надлежащею инструкціею. Разумѣется, хотя въ бумагахъ и встрѣчается на каждомъ шагу слово «немедленно,» но на самомъ дѣлѣ проходитъ порядочный терминъ, прежде-нежели окончатся всякаго рода формальности и будетъ приступлено къ изслѣдованію. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается»—по сказочному выраженію нашихъ предковъ. А между тѣмъ новобрачные (*сведенцы* (*), какъ ихъ обыкновенно называютъ) живутъ себѣ спокойно; имъ и горя нѣтъ, что, по-видимому, собирается на нихъ гроза.

(*) Къ отвѣту требуютъ обыкновенно и тѣхъ лицъ, которыя способствовали преимущественно заключенію своднаго брака, какъ то: родителей жениха и невѣсты, или другихъ близкихъ родственниковъ, и даже постороннихъ лицъ. Всѣ они, какъ участники, пособники, технически называются *сводителями*.

Изслѣдованіе производится своимъ порядкомъ и даже оканчивается (всему есть конецъ, даже и нашимъ слѣдственнымъ дѣламъ); потомъ, поступаетъ, по-принадлежности, въ присутственное мѣсто; тамъ оно *разсматривается* (это практическій юридическій терминъ, имѣющій особое, иногда оригинальное даже значеніе, напримѣръ: дѣло лежитъ въ присутственномъ мѣстѣ иногда нѣсколько лѣтъ, безъ всякаго производства, безъ всякаго движенія, а между-тѣмъ по вѣдомостямъ все-таки числится находящимся *въ разсмотрѣніи*—курьезный порядокъ дѣлопроизводства, горькая иронія, злая насмѣшка!). Расмотрѣніе дѣла въ нашихъ трибуналахъ происходитъ иногда слишкомъ долго, такъ-что въ это время земля успѣетъ не одинъ уже разъ обѣжать около солнца. А между-тѣмъ новобрачные продолжаютъ жить спокойно; у нихъ появится, пожалуй, и прибыль въ семействѣ. А дѣло? Имъ не до него; объ окончаніи его и о самомъ рѣшеніи даже не лежитъ у нихъ забота на сердцѣ. Да и время-ли мужику думать объ этомъ,—у него слишкомъ-много другихъ работъ—хозяйственныхъ. Онъ, сердечный, и безъ того несетъ муку вѣчную, трудясь въ потѣ лица, отъ зари до зари, отъ утра до полуночи. Гдѣ жъ тутъ вспомнить ему, что попъ мутитъ-вертитъ (какъ онъ выражается) его судьбой, и безъ того злополучной, не радостной; что ему за-нужда, что чиновникъ-труженикъ мается съ дѣлами, если только онъ не зоветъ его къ отвѣту, или не проситъ подаянія!

Но, наконецъ, какими-либо судьбами, дѣло рѣшается. Положимъ (какъ и слѣдуетъ ожидать), приговоръ состоялся не въ пользу лицъ, вступившихъ въ сводный бракъ, т. е. доказано дѣломъ, что они дѣйствительно живутъ въ незаконной связи. Рѣшено развести ихъ, прекратить безнравственное сожительство. Кому же поручить привести въ исполненіе приговоръ? Нужна власть полицейская, стало-быть, отчего же не возложить эту обязанность на становаго пристава, на того-же, напримѣръ, Степана Кузмича, если только злая судьба еще не подшутила надъ нимъ, не умчала его въ другой станъ, въ другой уѣздъ, къ другой должности, въ другой родъ службы и даже за предѣлы службы, какъ это сплошъ-да-рядомъ случается со всѣми Степанами Кузмичами. Остановимся на такомъ предположеніи: что жъ выходитъ? Выходитъ то, что и приговоръ приводится въ исполненіе также довольно остроум-

но: объявитъ его становой крестьянину, скажетъ ему, чтобы онъ дѣйствительно разошелся съ женой, *на нѣкоторое время*, и, затѣмъ, доноситъ объ исполненіи, кому слѣдуетъ. А тамъ, посмотришь, по истеченіи нѣкотораго времени, мужъ и жена снова живутъ вмѣстѣ.

Но, замѣтятъ намъ любопытные, что полагается-же, кромѣ расторженія связи, и другое какое-нибудь наказаніе! Какъ не быть. Но и мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что отчего же дѣлу не принять такой видъ, что къ нему примѣняется 1344 статья Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Статья же эта гласитъ: «За противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею, по взаимному ихъ согласію, виновные, если они христіане, подвергаются *церковному покаянію* по распоряженію своего духовнаго начальства. Но когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери».—Собственно, для крестьянина ни та, ни другая сторона закона не имѣютъ никакого значенія: содержать жену и дѣтей онъ будетъ и безъ того, потому-что станетъ жить съ ними; а церковное покаяніе сочтетъ простою формальностію, такъ-какъ онъ убѣжденъ въ законности своей связи и ненеобходимости вѣнчанія.

Дальнѣйшія невыгодныя послѣдствія своднаго брака со временемъ также могутъ исчезнуть. Положимъ, заплатитъ крестьянинъ единовременно становому за мнимый разводъ, и только. Онъ, пожалуй, и обвѣнчается даже, если потребуютъ того особыя вынудительныя обстоятельства, или если священникъ, умудренный опытомъ, сбавитъ цѣну. И останутся, такимъ образомъ, всѣ довольны.

Долгомъ считаемъ замѣтить, что представленный нами порядокъ заключенія сводныхъ браковъ не слѣдуетъ принимать за порядокъ нормальный, постоянный. Мы взяли, для примѣра, случай, который хотя и бываетъ, но не можетъ быть названъ обыкновеннымъ. Порядокъ совершенія сводныхъ браковъ представляетъ много варіантовъ, подвергаясь вліянію разнообразныхъ обстоятельствъ. Отъ этихъ обстоятельствъ все зависитъ: и ходъ дѣла, и мѣра наказанія; бываетъ и такъ, что сводные браки остаются безъ всякаго преслѣдованія, безъ всякихъ послѣдствій.—Въ краткомъ очеркѣ, взятомъ изъ жизни дѣйствительной, намъ хотѣлось представить наглядно (не

знаемъ—на сколько успѣли въ этомъ) причины, способствующія умноженію сводныхъ браковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расположенію переписки въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ по такъ-называемымъ *секретнымъ дѣламъ*. Отчасти причины лежатъ въ корыстолюбіи властей и свѣтскихъ и духовныхъ, отчасти происходятъ отъ столкновенія этихъ властей. Что становые берутъ взятки по дѣламъ, касающимся религіи—фактъ, конечно, неутѣшительный; но еще болѣе неутѣшительнымъ является этотъ фактъ въ примѣненіи къ лицамъ духовнаго званія. Становой и священникъ сталкиваются на одномъ весьма-щекотливомъ пунктѣ—на взяткѣ; каждый тянетъ въ свою сторону, каждый старается перетянуть другаго. Тотъ, кому не удалось перетянуть, старается хоть чѣмъ-нибудь вознаградить себя, и здѣсь-то лежитъ источникъ безчисленнаго множества кляузническихъ дѣлъ между полицейскими и духовными властями. Въ-особенности, съ горькимъ сожалѣніемъ должно признаться, что духомъ кляузничества заражены у насъ лица духовнаго званія. Не рѣдкій фактъ, что съ одной стороны священникъ, съ другой—или становой приставъ, или волостной голова, писарь и другія власти ведутъ между собою продолжительную, непримиримую бумажную войну, бьются до послѣдней капли крови, или до-тѣхъ-поръ, пока сама судьба наконецъ не сжалится надъ ними и не разлучитъ ихъ. Для честолюбиваго священника, считающаго себя первымъ лицемъ, первою властію въ селѣ, горько видѣть, что его вліяніе находитъ противовѣсъ въ какомъ-нибудь гражданскомъ чиновникѣ; его оскорбляетъ это, побуждаетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, гражданскія, писать постоянные доносы на становаго, на голову, на окружнаго и т. п. лицъ. А подобная работа тѣмъ-болѣе для него пріятна, что она легка, сподручна: въ дѣйствіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ гражданскому управленію, встрѣчаются постоянныя отступленія отъ закона, промахи, недосмотры, порождаемые или неопредѣленностію и недостаточностію законовъ, или многочисленностію дѣлъ. Въ этомъ отношеніи священники находятся въ несравненно-выгоднѣйшемъ положеніи противъ гражданскихъ чиновниковъ. За-то въ нравственномъ отношеніи священникъ гораздо-легче падаетъ въ понятіяхъ народа. Если чиновникъ, становой-ли то или другой кто-либо, беретъ взятки, ссорится съ священникомъ, ведетъ не безукоризненную

жизнь, поступаетъ не всегда чисто, по совѣсти, по закону—нашъ крестьянинъ испоконъ вѣку сжился уже съ такимъ положеніемъ, сросся съ такимъ понятіемъ о чиновникѣ—на то онъ и чиновникъ, чтобъ всякія дѣла дѣлать. Иное дѣло священникъ. Не смотря на опытъ вѣковъ, крестьянинъ все-таки расчитываетъ, что священникъ долженъ быть чуждъ, по своему сану, всѣхъ тѣхъ прегрѣшеній, которыя свойственны чиновникамъ и которыя онъ охотно прощаетъ имъ. При совершенномъ недостаткѣ образованія, при недоступности и непривѣтливости гражданскихъ чиновниковъ, при отсутствіи надлежащихъ гарантій въ жизни, часто при безправности своей, крестьянинъ привыкъ смотрѣть на священника какъ-бы на защитника своего, на единственное лице, къ которому онъ можетъ обратиться за добрымъ совѣтомъ и въ крайности за помощью. Этимъ обстоятельствомъ, главнымъ образомъ, объясняется, по нашему мнѣнію, что священникъ, совѣстливый, добрый и разумный, можетъ имѣть огромное вліяніе на массу крестьянскаго народонаселенія, тѣмъ-болѣе, что онъ, по самому положенію и званію своему, находится въ близкомъ непосредственномъ столкновеніи съ народомъ; его жизнь во многомъ сходна съ жизнью поселянъ, его интересы имѣютъ нѣчто общее съ ихъ интересами; притомъ же, кругъ обязанностей его далеко не таковъ, чтобы изъ него раждались причины утѣсненій, недоброжелательства, преслѣдованія и т. п. Чиновникъ преслѣдуетъ преступленія, сбираетъ подати, требуетъ исполненія общественныхъ и государственныхъ повинностей, дѣйствуетъ именемъ строгаго и неумолимаго закона, облеченъ властію; нерѣдко въ его волѣ и рѣшить и вязать, карать и миловать (чѣмъ наши чиновники и пользуются съ излишкомъ, преслѣдуя обыкновенно свои интересы и выгоды). Священникъ, между-тѣмъ, является спутникомъ въ жизни: безъ него не обходится ни одинъ торжественный актъ ея; онъ встрѣчаетъ человѣка у дверей жизни и провожаетъ его въ могилу; онъ является участникомъ въ бракахъ, онъ раздѣляетъ съ крестьяниномъ и радость и горе, онъ является у постели больнаго съ утѣшеніемъ; однимъ словомъ, онъ по пятамъ слѣдуетъ за крестьяниномъ въ теченіи всей его многотрудной жизни, исполненной скорби и печалей.

Къ кому же, послѣ этого, какъ не къ священнику, долженъ питать расположеніе крестьянинъ? На комъ иномъ онъ можетъ остано-

вить съ надеждою и вѣрою свой печальный взоръ? И это подтверждается на дѣлѣ, какъ скоро, повторяемъ, священникъ человѣкъ совѣстливый, добрый, привѣтливый и разумный. За-то, чѣмъ выше священникъ можетъ стоять въ понятіяхъ народа, тѣмъ глубже въ грязь онъ можетъ быть ввержень, какъ-скоро не оправдываетъ надеждъ и вѣры окружающей его паствы.

На чиновника крестьянинъ смотритъ большею-частію съ равнодушіемъ; для чиновника любовь и ненависть крестьянская труднѣе пріобрѣтаются; къ чиновнику крестьянинъ обыкновенно недовѣрчивъ, онъ скорѣе ждетъ отъ него зла, чѣмъ добра, и привыкъ уже къ тому. Между-тѣмъ, разочаровавшись въ качествахъ священника, въ которомъ крестьянинъ полагалъ всю свою надежду и упованіе, — онъ мститъ ему глубокимъ презрѣніемъ, насмѣшками, прозвищами и, въ случаѣ крайности, скорѣе обратится уже къ чиновнику, чѣмъ къ нему. Именно, въ самомъ положеніи священника мы видимъ разгадку тѣхъ контрастовъ, какіе постоянно встрѣчаются въ обращеніи крестьянъ съ духовными лицами Любовь и ненависть, уваженіе и презрѣніе до крайности—вотъ-что выпало на долю священника. Къ сожалѣнію, неблагопріятная сторона для священника беретъ перевѣсъ. Вина въ этомъ отчасти времени, отчасти незавиднаго матеріальнаго благосостоянія сельскихъ священниковъ и недостаточности нравственнаго и умственнаго образованія.

Отъ частнаго случая мы нечаянно дошли до общаго вопроса. Тѣмъ-лучше: это даетъ намъ поводъ высказать еще одну общую мысль. Теперь правительство наше сильно заботится объ улучшеніи матеріальнаго быта крестьянъ вообще. Но матеріальное благосостояніе безъ умственнаго развитія если и мыслимо, то не прочно и не можетъ подвинуть народа впередъ. Необходимо немедленно приняться за его образованіе (мы говоримъ преимущественно о сельскомъ народонаселеніи). Въ этомъ дѣлѣ большею-частію разсчитываютъ на помощь сельскаго духовенства; мысль эта, взятая въ отвлеченіи, совершенно-вѣрна; но, нельзя не сознаться, что наши надежды до-тѣхъ-поръ не осуществятся, пока образованіе самаго духовенства будетъ оставлено на прежнемъ положеніи. Счастливая мысль о преобразованіи какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній уже нѣсколько лѣтъ занимаетъ и русскую публику и русское правительство; неизвѣстно чѣмъ еще дѣло

кончится, т. е. въ чемъ оно находитъ препятствія, на чемъ остановилось,—но дай Богъ, чтобы оно рѣшилось въ пользу общаго и нераздѣльнаго развитія всѣхъ классовъ. Нужно поднять духовенство (сельское), а иначе поднять его трудно, если не невозможно, по-крайней-мѣрѣ при настоящемъ положеніи. О благотворныхъ результатахъ образованія народа и духовенства--говорить нечего, они ясно рисуются не въ далекомъ будущемъ. И, ужъ-конечно, тогда не прійдется намъ спрашивать—какъ заключаются сводные браки, или, по-крайней-мѣрѣ, разсказывать случаи, подобные представленному нами выше.

П. МУЛЛОВЪ.

Казань.
16 января 1860 г.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

НЕИЗДАННЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ИСТОРІИ ДИМИТРІЯ,

СЫНА МОСКОВСКАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА,

СОСТАВЛЕННЫЙ БЫВШИМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ВАРШАВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО УНИВЕРСИТЕТОВЪ, КАНОНИКОМЪ СЕВАСТІАНОМЪ ЧІЯМПИ.

Напечатанъ во Флоренціи, 1827 г.

Переводъ съ италіянскаго ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

Предлагая переводъ критическаго сочиненія Чіампи о документахъ, касающихся Лжедимитрія, мы изложимъ предварительно, въ краткихъ словахъ, біографію этого ученаго и укажемъ на другія его сочиненія и изданія, имѣющія отношеніе къ Россіи.

Севастіанъ Чіампи родомъ Тосканецъ изъ города Пистои (извѣстнаго по изобрѣтенію въ немъ пистолетовъ). До 1817 года онъ занималъ кафедру по филологическому факультету древнихъ языковъ въ университетѣ города Пизы, а въ этомъ году переѣхалъ на жительство въ Варшаву, по приглашенію Министра Просвѣщенія Царства Польскаго, гдѣ и находился около шести лѣтъ ординарнымъ профессоромъ тамошняго университета по кафедрѣ археологіи и филологіи, числясь въ тоже время почетнымъ профессоромъ въ бывшемъ виленскомъ университетѣ и имѣя званіе каноника кельченской римско-католической каѳедральной церкви. Впослѣдствіи, какъ членъ Общества исторіи и древностей россійскихъ, учрежденнаго при московскомъ университетѣ, онъ былъ удостоенъ порученіемъ отъ Императоровъ Александра I и Николая I отыскивать въ Италіи матеріалы, относящіеся до Россіи. Послѣдніе годы своей жизни онъ проводилъ въ маленькой виллѣ, находящейся въ пяти верстахъ отъ Флоренціи, по дорогѣ въ городъ Сіенну. Къ сожалѣнію, мелочная страсть омрачила серьезный умъ Чіампи на закатѣ его дней. Воображая себя знатокомъ старинныхъ картинъ, онъ собиралъ ихъ и потомъ ими барышничалъ. Въ такомъ именно занятіи я засталъ его весною 1859 г., когда посѣтилъ его вмѣстѣ съ покойнымъ А. Д. Чертковымъ: онъ продавалъ какому-то Англичанину одинъ изъ своихъ псевдо-оригиналовъ, въ достоинствѣ котораго горячо убѣждалъ покупателя...

Изъ многочисленныхъ изданій, оставленныхъ Чіампи, слѣдующія относятся до Россіи: 1) неизданное письмо Императора Петра I къ кардиналу примасу Польской Республики и къ прочимъ магнатамъ, составлявшимъ заговоръ противъ короля Августа II. Напечатано, на

французск. язык., во Флоренціи, въ 1827 г.—2) Латинскій разсказъ о событіяхъ, совершившихся въ Москвѣ въ октябрѣ 1682 г., составленный очевидцемъ ихъ, флорентинскимъ уроженцемъ Франческо Мартелли, титулярнымъ королевскимъ архіепископомъ, для папскаго нунція, находившагося при дворѣ польскаго короля Іоанна III. Напечатанъ во Флоренціи, въ 1829 г.—3) Перечень италіянскихъ медиковъ, музыкантовъ, живописцевъ и прочихъ художниковъ, проживавшихъ въ Польшѣ, и польскихъ, проживавшихъ въ Италіи, съ дополнительнымъ обзоромъ о состояніи художествъ въ Россіи отъ временъ Петра В. до Александра I. Напечатанъ въ Луккѣ, въ 1830 г.—4) Латинскія и италіянскія письма короля Яна Собѣскаго къ разнымъ лицамъ. Напечатаны во Флоренціи, въ 1830 г.—5) Италіянскій переводъ латинской рукописи Боккачія объ исторіи Татаръ, писанной Армяниномъ Аітономъ (?). Напечатанъ въ Миланѣ, въ 1830 г.—6) О разныхъ сношеніяхъ между Италіею, Польшею и Россіею въ XV и XVI столѣтіяхъ, съ жизнеописаніями польской королевы Бонны, и проч. Напечатано во Флоренціи, въ 1833 г.—7) Историческій и библіографическій словарь политическимъ, церковнымъ, литературнымъ, коммерческимъ и художественнымъ сношеніямъ между Италіею, Польшею и Россіею, съ обозначеніемъ участвовавшихъ въ нихъ лицъ отъ XVI до XIX столѣтія включительно, 3 тома; напечатаны во Флоренціи отъ 1834 до 1839 г. Это едва ли не самый замѣчательный изъ трудовъ Чіямпи.

Сочиненіе, котораго переводъ здѣсь помѣщается, издано, на италіянскомъ языкѣ, во Флоренціи, въ 1827 г. Оно посвящено тогдашнему нашему посланнику при дворахъ тосканскомъ и луккскомъ дѣйствит. стат. сов. А. Н. Сверчкову.

Какъ авторъ, Чіямпи отличается смѣлымъ и безпристрастнымъ взглядомъ на описываемыя имъ происшествія, глубокою и многостороннею ученостью и рѣзкимъ обличеніемъ властолюбія римскаго престола, стремившагося подчинить Россію своему владычеству. Подобное сознаніе въ устахъ Италіянца-католика, облеченнаго притомъ священническимъ саномъ, очень замѣчательно. Поэтому неудивительно, что оно навлекло на Чіямпи негодованіе современнаго ему духовенства. Къ Россіи онъ питалъ всегда самое искреннее сочувствіе, что̀ очень хорошо было извѣстно всѣмъ Русскимъ, проживавшимъ во Флоренціи. Особенно былъ онъ признате-

ленъ Монархамъ, которые ему покровительствовали. Вотъ одинъ случай, который ясно показываетъ преданность къ нимъ Чіямпи. Когда въ декабрѣ 1825 года, въ церкви нашего посольства во Флоренціи, посольскимъ священникомъ іеромонахомъ Иринархомъ (впослѣдствіи епископомъ въ Ригѣ) совершалась литургія и панихида по случаю кончины Императора Александра I, Чіямпи не только былъ при этомъ въ числѣ Русскихъ, но даже все время, въ канонической своей рясѣ, стоялъ въ алтарѣ, а по окончаніи богослуженія роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ печатные стихи и надписи въ честь Императора, относившіеся къ его кончинѣ, на языкахъ италіянскомъ, латинскомъ и греческомъ....

ГРАФЪ М. БУТУРЛИНЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ НЕИЗДАННЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ О ЛЖЕДИМИТРІИ.

Хотя Цицеронъ и называетъ исторію «свидѣтельницею временъ, свѣтиломъ истины и наставницею жизни» (testis temporum, lux veritatis, magistra vitae, vita memoriae); но когда я усматриваю, сколько противорѣчій встрѣчается въ разсказахъ о современныхъ даже намъ событіяхъ, то готовъ почти не согласиться съ великимъ римскимъ ораторомъ. Такъ же мыслитъ одинъ ученый италіянскій писатель XVI столѣтія, Франческо Витторіи, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Хотя историки, говоритъ онъ, заслуживаютъ всякую похвалу, представляя давнопрошедшія событія въ видѣ нравоученія потомству, однакоже, сколь много лжи вкрадывается въ ихъ повѣствованія, сколько лести ради сильныхъ міра! Обличая въ такихъ погрѣшностяхъ писателей современныхъ намъ происшествій, мы въ правѣ полагать, что и древніе историки равнымъ образомъ сбивались съ истиннаго пути отъ пристрастія и небреженія».

Между прочими примѣрами разнорѣчивыхъ мнѣній по одному и тому же предмету, мы приведемъ разсказы, до насъ дошедшіе, о великомъ князѣ Димитріи, сынѣ московскаго великаго князя Іоанна Васильевича, и увидимъ, какъ современные ему писатели и люди, выдающіе себя за очевидцевъ этихъ событій, не согласуются между собою.

1) Французскій капитанъ Маржеретъ, находившійся въ военной службѣ при Борисѣ Годуновѣ и по смерти Годунова перешедшій на сторону Димитрія, написалъ реляцію о состояніи Великаго Княжества Московскаго и о случившемся тамъ отъ 1590 г. до сентября 1606 г. (*). Онъ утверждаетъ, что сей Димитрій есть настоящій сынъ царя Іоанна Васильевича.

(*) «De l'estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie, avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique pendant le regne de quattre Empereurs, à s'çavoir depuis l'an 1590 jusqu'en l'an 1606 en septembre». Напечатано въ Парижѣ въ первый разъ въ 1669 г. и вторично тамъ же въ 1821 г., безъ всякихъ измѣненій.

2) Въ 1605 г. напечатано было въ Венеціи нѣкимъ Баредцо Барецци, на италіянскомъ языкѣ, «Повѣствованіе о необыкновенномъ и почти чудесномъ завоеваніи отеческаго престола, совершенномъ свѣтлѣйшимъ юношею-Димитріемъ, великимъ княземъ московскимъ, въ настоящемъ 1605 году, о его короновавіи и всѣхъ его дѣйствіяхъ послѣ коронованія, отъ послѣдняго числа прошлаго іюля мѣсяца по нынѣшній день. Собралъ изъ достовѣрныхъ источниковъ Барецо Барецци».—Издано въ Венеціи, въ 1605 г. И въ этомъ сочиненіи онъ признается за настоящаго царевича.

3) Narratio historica de coronatione Demetrii Magni Ducis Moschoviae, anno 1605.—Напечатано въ Грецѣ, въ 1608 г.

4) Tragedia Moschovitica, sive de vita et morte Demetrii. — Напечатано въ Кельнѣ, въ 1608 году.

5) «Les imposteurs insignes, par Jean Baptiste de Rocoles».—Напечатано въ Амстердамѣ у Авраама Волфангса, въ 1683 г.—На 373 стр. этого сочиненія находится отдѣльная статья, подъ заглавіемъ: «L'imposteur innocent Demetrius prétendu fils du précédent l'an de Jesus Christ, 1653».

6) Relation curieuse de l'état présent de la Russie, traduite de l'Anglois. Paris, chez Claude Barbin, an 1679.

7) Италіянское сочиненіе Джіорджіо Томази (Georgio Tomasi) войнахъ въ Венгріи, въ Трансильваніи и сосѣднихъ мѣстностяхъ. Напечатано въ Венеціи, въ 1621 г.

8) Исторія польскихъ смутъ отъ начала сей монархіи до избранія Станислава Лещинскаго. Сочиненіе Аббата Де-Фонтена. Переведено съ французскаго на италіянскій языкъ и напечатано въ Венеціи, въ 1737 г.

9) Исторія Польши (по-италіянски), собранная Іосифомъ Тамброни (Giuseppe Tambroni). Напечатана въ Миланѣ, въ 1808 г.

10) Исторія Димитрія, сочиненіе патера Сведезе (Pater Svedese).

11) Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire des Slaves. Varsovie, 1793. Перепечатано въ Брауншвейгѣ, въ 1796 г. подъ именемъ «Fragments historiques et geographiques sur la Scythie, la Sarmatie, les Slaves».

12) Сѣверный Архивъ 1824 г., гдѣ находится статья: «Марина Мнишекъ» (супруга Лжедимитрія).

13) Патера Піацетскаго (поляка) «Chronica gestorum in Europa singularium». Напечатана въ Краковѣ, въ 1645 г.

14) Тосканскій уроженецъ изъ г. Пистои, Александръ Чилли (Alessandro Cilli), находившійся въ теченіи 30 лѣтъ при придворной капеллѣ польскаго короля Сигизмунда III-го, также написалъ, на италіянскомъ языкѣ, исторію возстаній и смутъ въ Польшѣ въ 1606, 1607 и 1608 годахъ, и «Исторію Московіи, съ изложеніемъ геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ непобѣдимымъ королемъ Сигизмундомъ III». Напечатано въ Пистоѣ, въ 1627 г.—Замѣчательно то, что Чилли, распространяясь о польскихъ происшествіяхъ, касающихся до Димитрія, коихъ онъ былъ очевидцемъ, всегда однакоже относится о немъ съ сомнѣніемъ.

Оставляя безъ разбора позднѣйшія сочиненія, мы ограничимся разсмотрѣніемъ современныхъ Димитрію писателей. Намъ, можетъ быть, возразятъ, почему мы полагаемъ возможнымъ раскрыть, по прошествіи вѣковъ, ту истину, которая осталась неразгаданною современными писателями? На это отвѣтимъ, что нерѣдко потомство, будучи чуждымъ всякаго пристрастія и руководствуясь неизвѣстными прежде документами, достигаетъ желаемой цѣли. Сличая между собою печатныя свѣдѣнія съ вновь нами открытыми и неизданными документами, мы увидимъ нѣкоторыя весьма любопытныя подробности по сему предмету.

Разберемъ прежде всего, кто были писатели, утверждавшіе несомнительность происхожденія Димитрія? Что̀ побуждало ихъ къ принятію подобнаго мнѣнія? Согласны ли они между собою въ отношеніи подробностей, и правдоподобны ли ихъ разсказы?—Венеціянское изданіе, носящее имя Баренцо Баренци, можно почти достовѣрно приписать іезуиту Антонію Поссевину, тѣмъ болѣе, что онъ въ томъ самомъ году находился въ Венеціи. Вотъ начало 1-й главы этого сочиненія: «Великій Всевышняго промыслъ, при устройствѣ сего предпріятія», и проч. Здѣсь находится между прочимъ перечень всего, предпринятаго папою Григоріемъ XIII, который, послѣ другихъ попытокъ, отправилъ къ великому князю Іоанну Васильевичу означеннаго патера Поссевина. Глава оканчивается слѣдующими словами. «Однакоже вышесказанный пресвитеръ (т. е.

Поссевинъ) находился при дворѣ шведскаго короля въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, а во второй разъ цѣлый годъ, и бывъ въ сношеніяхъ съ императоромъ (т. е. германскимъ) и съ польскимъ королемъ, пріобрѣлъ всѣ нужныя по симъ дѣламъ свѣдѣнія, что̀ способствовало ему, при божіей помощи, къ заключенію мира, по которому Лифляндія и 33 крѣпости возвращены польскому королевству, и была вновь основана епископія въ Вендѣ, сооружены два коллегіума въ Ригѣ и Дерптѣ, городахъ, граничащихъ съ Московіею, а въ г. Вильнѣ основана семинарія для *Рутеновъ* (*) на суммы, назначаемыя отъ апостольскаго (т. е. римскаго) престола, дабы тамъ приготовлялись сотрудники, могущіе быть со временемъ полезными Московіи и для иныхъ благъ, долженствующихъ отсюда произойти, имѣя началомъ Богомъ внушенное желаніе Григорія XIII и имъ же приведенное въ исполненіе», и проч. и проч.

Затѣмъ, обратимся къ 3-й главѣ этой книжки, заключающей въ себѣ событія отъ вступленія на московскій престолъ великаго князя Ѳеодора Іоанновича до его смерти и до завладѣнія престоломъ Борисомъ Годуновымъ.

«Спустя немного времени (говоритъ авторъ), Борисъ отстранилъ опекуновъ Димитрія (т. е. царевича), и рѣшился умертвить его. Царевичъ же воспитывался въ городѣ, отдаленномъ отъ московскаго двора, и предоставленномъ ему, вмѣстѣ съ цѣлою областію, его родителемъ. Сюда послалъ онъ (т. е. Борисъ) людей для совершенія злодѣйства. Но воспитатель Димитрія, нѣмецъ, какъ полагаютъ изъ окрестностей Кельна, будучи о семъ предувѣдомленъ матерью Димитрія, уложилъ спать, не говоря о томъ никому, въ одну постель съ юнымъ княземъ другаго ребенка, одиихъ съ нимъ лѣтъ и роста, и когда царевичъ заснулъ, то вынесъ его, оставивъ того ребенка, который и былъ умерщвленъ посланными Борисомъ вмѣсто настоящаго», и проч. и проч.

Маржеретъ пишетъ слѣдующее: «потомъ отправилъ онъ (т. е. Годуновъ), императрицу, жену умершаго Іоанна Васильевича, съ сыномъ ея Димитріемъ Іоанновичемъ въ Угличъ, городъ, находившійся въ 180 верстахъ отъ Москвы. Но говорятъ, что мать и нѣкото-

(*) Такъ называются Русскіе во всѣхъ актахъ и буллахъ Римской Церкви. *Переводч.*

рые вельможи, подозрѣвая намѣреніе Бориса, успѣли подмѣнить его другимъ ребенкомъ. Опасенія же ихъ на этотъ счетъ основывались на отравленіи во время пути нѣкоторыхъ вельможъ, отправленныхъ Борисомъ въ ссылку. Затѣмъ, умертвивъ еще многихъ невинныхъ бояръ, Борисъ, не боясь болѣе никого кромѣ царевича, послалъ людей въ Угличъ, чтобы лишить его жизни; но убитъ былъ подмѣненный царевичу, убійство же совершилъ сынъ человѣка, посланнаго имъ въ качествѣ секретаря къ вдовствующей царицѣ».

Заглавіе и содержаніе 4-й главы изданія Бареццн слѣдующее. «Димитрій содержался скрытно, и по истеченіи нѣкотораго времени перешелъ въ Литву и въ Польское Королевство. Такимъ образомъ онъ былъ охраняемъ въ тайнѣ нѣмецкимъ своимъ наставникомъ, который хотя заболѣлъ и умеръ, но успѣлъ однакоже извѣстить молодаго князя о настоящемъ его происхожденіи и совѣтовалъ ему вступить въ сосѣдственный монастырь. Впрочемъ, въ той землѣ монахи не католики и необразованны. И такъ, послѣдовавъ такому совѣту, Димитрій остался недолго въ этомъ монастырѣ. Выйдя отсюда, онъ переходилъ, какъ самъ говоритъ, изъ одного монастыря въ другой, какъ для большей безопасности, такъ и для того, чтобы не быть вынужденнымъ постричься. Въ послѣдній разъ онъ находился въ одной обители на границахъ Кіевской области и вмѣстѣ съ другимъ инокомъ того-же монастыря прибылъ въ Литву, гдѣ, снявъ съ себя монашеское одѣяніе, опредѣлился сперва на службу къ князю Острожскому, а впослѣдствіи къ польскому дворянину, по имени Гольскому, у котораго, какъ говорятъ, находился при поварнѣ. Здѣсь узнавъ наконецъ, изъ дошедшей до него молвы, что Борисъ сдѣлался ненавистнымъ московскому народу за всѣ его злодѣянія, онъ рѣшился открыть свою тайну одному дворянину, имѣвшему санъ князя, что по нашему значитъ дука (т. е. герцогъ), по фамиліи Вишневецкому, зятю сендомирскаго палатина, и просилъ его дать ему, черезъ своего тестя, возможность явиться къ польскому двору, чтобы тамъ открыться—кто онъ такой и въ чемъ заключаются его права, какъ и исполнилось. Самъ князь сендомирскій, одѣвъ его приличнымъ образомъ, и давъ ему слугъ и все прочее необходимое, привезъ его въ Краковъ. Тамъ, въ присутствіи короля и сенаторовъ, онъ съ такимъ достоинствомъ и энергіею разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ и, къ довершенію всего, предъ-

явилъ неоспоримыя доказательства о своемъ происхожденіи по нѣкоторымъ признакамъ на тѣлѣ, что всѣ, тамъ находившіеся, убѣдились въ истинѣ его словъ. Эти признаки состояли въ бородавкѣ на правомъ глазу близь носа, и въ томъ, что одна рука была длиннѣе другой. Въ рѣчи своей къ королю, онъ между прочимъ сказалъ: «да вспомнитъ ваше величество, что и вы родились въ заточеніи и были всевышнимъ промысломъ освобождены вмѣстѣ съ вашими родителями,—и потому Всевышній требуетъ отъ васъ возстановленія моего состоянія и возвращенія мнѣ отеческаго престола». При этомъ онъ намекнулъ на пользу, могущую произойти отсюда, для всего христіанскаго міра, ибо, по вступленіи на московскій престолъ, онъ могъ бы содѣйствовать польскому королю въ завоеваніи шведскаго его королевства, находящагося во владѣніи мятежника Карла, и препятствовать Туркамъ переходить черезъ польскія границы. Вслѣдствіе трехлѣтняго обращенія съ литовскими и польскими дворянами, Димитрій выучился польскому языку и отчасти латинскому и, чувствуя влеченіе къ обрядамъ Католической Церкви, по пріѣздѣ въ Краковъ, сталъ часто посѣщать священныя мѣста и изъявилъ желаніе основательнѣе изучить уставы этой Церкви. Король, узнавъ о семъ обстоятельствѣ, назначилъ къ нему іезуита Гаспара Савиччіо, настоятеля іезуитскаго дома въ Краковѣ. Въ скоромъ времени Димитрій оказалъ такіе успѣхи, что могъ собственноручно написать письмо къ блаженной памяти папѣ Клименту VIII, въ которомъ онъ поручалъ себя молитвамъ его святѣйшества и испрашивалъ его благословенія, обѣщая притомъ, что если возвратится на отеческій престолъ, то всячески будетъ стараться о распространеніи богослуженія», и проч. и проч.

Глава 6-я, «походъ Димитрія изъ Кракова въ Московію» (продолженіе изъ той же книжки Барецци):

«И такъ король, согласившись на просьбы Димитрія, повелѣлъ назначить наборъ въ 5000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ должны были находиться солдаты, уже прежде воевавшіе въ Московіи, подъ начальствомъ Стефана. Войско это должно было итти къ литовской границѣ, и соединиться съ 5000 казаковъ, живущихъ смежно съ Королевствомъ, которые, бывъ обычны къ грабежу, не замедлили собраться. Сверхъ того, король возвратилъ сендомирскому палатину подать, слѣдовавшую въ коронную казну за владѣніе Самбо-

ромъ, и повелѣлъ выдать Димитрію денежную сумму па его содержаніе приличнымъ образомъ, соотвѣтственно его сану (*). Съ такими приготовленіями Димитрій отправился въ Московію, подъ руководствомъ вышеназваннаго палатина, который взялъ съ собою по пути двухъ монаховъ францисканскаго ордена, называемыхъ въ Польшѣ, по измѣненіи тамъ этого ордена, Бернардинами, также двухъ іезуитскихъ священниковъ и простаго товарища изъ того же ордена, для подачи духовнаго пособія войску. Впослѣдствіи Бернардинцы возвратились домой, а два іезуита—патеръ Николай Чиржевскій и Андрей Лавиччіо остались при дружинѣ, сопровождавшей всегда самого Димитрія», и проч. и проч.

Въ доказательство, что весь этотъ разсказъ составленъ іезуитомъ Поссевино (жившимъ тогда въ Венеціи), я приведу его письмо отъ 10 іюля 1605, къ тосканскому великому герцогу, хранящееся у меня въ рукописи:

«Угодно было Господу Богу, путями Ему извѣстными, привести въ Краковъ, къ свѣтлѣйшему польскому королю, князя Димитрія, послѣдняго сына великаго князя московскаго (того самаго, котораго я два раза посѣщалъ), спасеннаго чудеснымъ образомъ въ колыбели отъ тирана, искавшаго извести его, чтобы вмѣсто его царствовать, и тамъ (т. е. въ Краковѣ) онъ былъ наставляемъ въ вѣроисповѣданіи Католической Церкви, исповѣдывался у нашихъ и принялъ таинство міропомазанія отъ г. папскаго нунція, находящагося въ Польшѣ, послѣ чего самъ писалъ къ его святѣйшеству, блаженной памяти Клименту VIII, изъявляя свое послушаніе, и обѣщая обратить свое царство въ католическую вѣру, если ему удастся завладѣть имъ. И такъ, онъ отправился въ Литву, гдѣ были уже собраны войска для сего предпріятія свѣтлѣйшимъ королемъ польскимъ и въ сопровожденіи другихъ лицъ, изъ коихъ должно упомянуть особенно о двухъ нашихъ патерахъ изъ хорошихъ духовныхъ особъ. По вступленіи его на московскую землю, его начали признавать законнымъ наслѣдникомъ этихъ обширныхъ владѣній. Въ теченіи одного года ему сдались разныя крѣпости, а съ

(*) Чилли пишетъ, что Сигизмундъ выдалъ ему сорокъ тысячъ польскихъ флориновъ въ годъ, что составляетъ немного болѣе четырехъ тысячъ римскихъ скудовъ. *Чіямпи.*—Римскій *скудо* или *піастра* составляетъ на наши деньги около рубля сер. *Переводч.*

2-го числа марта успѣхи его увеличились. Не взирая на молодые его года (ибо ему немного болѣе 20 лѣтъ), онъ вездѣ отличается храбростію и умомъ не по лѣтамъ. Если я не извѣщалъ чаще вашу свѣтлость о сихъ происшествіяхъ, то это было по той причинѣ, что я ожидалъ окончанія военныхъ дѣйствій, еще продолжающихся там. Изъ числа полученныхъ мною писемъ изъ Московіи и изъ Кракова, препровождаю къ вашей свѣтлости одно отъ нашего патера, находящагося при князѣ Московіи и просящаго у меня отъ имени князя доставить ему Библію на славянскомъ языкѣ, въ чемъ покорнѣйше прошу В. С. мнѣ содѣйствовать и этимъ самымъ участвовать къ открытію столь значительныхъ дверей къ Сѣверу и Востоку. Книгу эту можно пріобрѣсти въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ и полезно было бы снабдить таковыми эти обширныя земли...Извѣстно мнѣ, что во время блаженной памяти Григорія XIII печатались разныя книги на сербскомъ языкѣ, а на греческомъ напечатано было дѣяніе Флорентійскаго собора. Послѣднее я привезъ съ собою къ московскому великому князю, но какъ не нашелъ тамъ никого знающаго греческій языкъ, а рутенскія (т. е. русскія) буквы не сходны съ сербскими, то я старался напечатать въ Вильнѣ (въ Литвѣ) нѣсколько сотъ катихизисовъ рутенскими буквами. Но какъ типографщики были схизматики (*), то они включили сюда разныя ошибки, почему я былъ вынужденъ дать перевести эту книгу на рутенскій языкъ, и сверхъ того переложить на ихъ буквы и другія рукописи, которыя я отдалъ великому князю, не знаю однако цѣлы ли онѣ, такъ какъ тамъ возникла война между законнымъ княземъ и похитителемъ престола, который однако же недавно умеръ. Объ этомъ я написалъ къ нашимъ патерамъ, находящимся въ Московіи.—Я также основалъ семинарію для Рутеновъ въ Вильнѣ и другую, въ меньшемъ размѣрѣ, въ Дерптѣ. Но при преемникахъ Григорія XIII не знали въ Римѣ всей важности этого, а въ Литвѣ никто не могъ предъугадать, что всевышнее провидѣніе опредѣлитъ столь сверхъестественный способъ для призванія къ себѣ Московіи, а потому стали пренебрегать начатымъ дѣломъ и окончательно прекратили денежныя высылки, необходимыя для приготовленія воспитанниковъ, которые въ настоя-

(*) Православные греческаго исповѣданія. *Переводч.*

щее время были бы готовы, чтобы оплодотворять столь обширный вертоградъ», и проч.

Маржеретъ говоритъ на 161 стр.: «Что же относится до людей, полагающихъ, что онъ воспитывался у іезуитовъ, то желательно бы знать, изъ какой націи, по ихъ мнѣнію, происходитъ онъ. А что онъ не Полякъ, это уже видно изъ сказаннаго мною прежде и изъ того, что я объясню далѣе, а еще менѣе онъ можетъ быть какой-нибудь другой націи, кромѣ русской. Да и откуда могли іезуиты взять его, тогда какъ до прибытія въ Россію не было тамъ ни одного іезуита, кромѣ какъ въ свитѣ пословъ, за которыми однако такъ строго слѣдятъ, что имъ невозможно было бы увезти ребенка изъ Россіи. Развѣ только можно было это исполнить во время войнъ польскаго короля Стефана съ Россіею, тому уже тридцать лѣтъ; но если бы даже и удалось имъ увезти ребенка во время войнъ Швеціи съ Россіею, то почему именно они напали на такого, подобнаго которому нѣтъ въ Россіи. Притомъ я полагаю, что іезуиты не могли бы воспитывать его въ столь глубокой тайнѣ, чтобы о немъ не узналъ никто изъ польскихъ магнатовъ и даже сендомирскій палатинъ. А намъ извѣстно, что онъ самъ зналъ о своемъ происхожденіи. Далѣе, если бы онъ вскормленъ былъ іезуитами, то они, вѣроятно, выучили бы его говорить, читать и писать по-латыни. Но я могу свидѣтельствовать, что онъ не говорилъ по-латыни, и еще менѣе умѣлъ читать и писать на этомъ языкѣ; это я могу доказать собственноручнымъ подписомъ его имени, не слишкомъ хорошо написаннымъ. Наконецъ, онъ конечно оказывалъ бы болѣе покровительства іезуитамъ, чѣмъ онъ оказалъ; между тѣмъ въ Россіи ихъ было только три человѣка, и тѣ находились при польскомъ войскѣ, при которомъ не было, кромѣ ихъ, другихъ духовныхъ особъ; по коронованіи же Димитрія одинъ изъ нихъ отправленъ въ Римъ по просьбѣ остальныхъ», и проч.

Отсюда видно, что между венеціянской реляціей, изданной подъ наблюденіемъ Поссевина, и его письмомъ къ тосканскому герцогу и разсказомъ Маржерета встрѣчаются противорѣчія. Пусть читатель самъ сличитъ ихъ; съ своей стороны мы только укажемъ на несогласія, встрѣчающіяся въ 4 и 6 главахъ венеціянскаго разсказа и письма Поссевина съ послѣднею выпискою изъ Маржерета, не останавливаясь на противорѣчіи 3 и 4 главы Бареццн и надъ

тѣмъ, что Маржеретъ разсказываетъ на 18 страницѣ. Послѣдній хочетъ доказать всю невозможность іезуитамъ увезти ребенка изъ Россіи и выдавать его за настоящаго царевича, потому что до димитріева похода никто изъ этого ордена не проникалъ въ Россію. Но замѣтимъ, что въ венеціянскомъ разсказѣ и у Поссевина указывается на существованіе семинаріи въ Литвѣ, на границахъ Московіи, также въ Дерптѣ и въ Ригѣ, и другихъ католическихъ учрежденій, слѣдовательно не трудно было провезти молодаго Москвитянина въ Литву и въ Дерптъ, гдѣ онъ могъ изъучить польскій и латинскій языки, какъ утвердительно показано у Барецци. А что онъ зналъ латинскій языкъ, видно также изъ письма Поссевина, утверждающаго, что онъ писалъ къ папѣ Клименту VIII; да и не могъ онъ писать къ папѣ иначе какъ по-латыни.

Венеціянская реляція и письмо Поссевина опровергаютъ сказанное Маржеретомъ, что Димитрій будто бы не слишкомъ благоволилъ къ іезуитамъ, и что въ Россіи были тогда только тѣ три іезуита, которые сопровождали польское войско, ибо изъ двухъ приведенныхъ выше документовъ видно, что въ Россіи были еще Францисканцы или Бернардинцы, а три іезуита остались одни при Димитріи лишь по возвращеніи въ Польшу остальныхъ монаховъ. Въ венеціянской реляціи, на 17 страницѣ, даже сказано слѣдующее: «Всевышній и молитвы отцевъ нашихъ покорили сердца враговъ подъ власть свѣтлѣйшаго князя Димитрія. Онъ же обращался къ священникамъ іезуитскаго ордена съ такими словами: вотъ какъ исполняется дѣйствительно то, что вы отцы предсказывали мнѣ во время моего изгнанія, и по мѣрѣ того какъ много испытывалъ меня Господь, Онъ меня и утѣшилъ, дабы черезъ это я не терялъ надежду на совершенную побѣду».

Все приведенное въ двухъ италіянскихъ реляціяхъ подтверждается письмомъ изъ Кракова флорентинскаго уроженца Нери Джиральди къ тосканскому герцогу, отъ 26 сентября 1605 г. «Димитрій, говоритъ онъ, воспитывался въ дѣтствѣ (*) у монаховъ францисканскаго ордена, а впослѣдствіи у іезуитовъ, и въ молодыхъ лѣтахъ находился въ услуженіи у сендомирскаго палатина; онъ отлично хорошо говоритъ по-польски, по-латыни, и по-московски—природ-

(*) Въ текстѣ сказано «in minoribus».

номъ своемъ языкѣ (Это письмо находится въ подлинникѣ у сочинителя).

И такъ, хотя Бареции, Поссевинъ и Маржеретъ единогласно признаютъ его за настоящаго царевича, но первые два несогласны съ французскимъ авторомъ относительно способа избавленія его и появленія его въ Литвѣ, также степени его образованія и свѣдѣнія о томъ, у кого онъ находился до прибытія въ Краковъ. Венеціянскій разсказъ о убійствѣ настоящаго сына великаго князя Іоанна Васильевича, и о подмѣнѣ ребенка вмѣсто царевича, очевидно баснословенъ. И правдоподобно-ли, чтобы Димитрій, находясь уже въ Литвѣ и въ совершенной безопасности отъ московскаго преслѣдованія, и притомъ имѣя возможность доказать свое происхожденіе (что онъ впослѣдствіи и сдѣлалъ), правдоподобно-ли, чтобы онъ вынужденнымъ былъ опредѣлиться въ кухонные слуги, лишь бы укрыться и существовать. Ни іезуиты, ни Маржеретъ да и никто вообще, ничего не могъ знать о средствахъ, предпринятыхъ Борисомъ для умерщвленія настоящаго царевича. Надо было выдумать что-нибудь правдоподобное, и вотъ почему иные разсказываютъ, что онъ находился въ какомъ-то городѣ, подаренномъ ему, вмѣстѣ съ цѣлою областью, отцемъ, что мать увѣдомила его наставника о прибытіи людей, посланныхъ туда его убить, и прочія невѣроятности. А Маржеретъ, которому неизвѣстны были выдумки другихъ, пишетъ, что Годуновъ отправилъ въ изгнаніе въ Угличъ жену и сына Іоанна Васильевича и послалъ туда для убіенія царевича сына секретаря вдовствующей царицы. Что же касается до образованія Димитрія, то конечно можно дать болѣе вѣры словамъ Поссевина и Бареции, потому что они приводятъ факты, подтвержденные событіями и вполнѣ извѣстные, какъ напр. письмо къ папѣ Клименту VIII.

Но что болѣе всего бросаетъ свѣтъ на всю интригу, это разсказъ Александра Чилли въ исторіи его о Московіи, напечатанной въ Пистоіѣ въ 1627 г., гдѣ на 5 и слѣдующихъ страницахъ читаемъ:

«Москвитяне, избравъ въ преемники Василію Великому (*) Бориса Ѳедоровича, начали угрожать вдовѣ Василія, скрывшейся въ отдаленныя мѣста, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ Димитріемъ; скрылась же она, какъ говорятъ, въ женской обители, а сы-

---

(*) Чилли перемѣшалъ имена московскихъ великихъ князей. *Переводч.*

на отдала на воспитаніе въ мужской монастырь; но иные утверждаютъ, что все это ложь, что Борисъ избранъ былъ законно, а что этотъ Димитрій былъ не сынъ Василія Великаго, но подложное лице, подстрекаемое людьми, недовольными Борисомъ, и искавшее занятаго имъ престола. Какъ бы то ни было, но когда минуло ему около 25 лѣтъ, онъ появился на границахъ Литвы и Польши, съ нѣкоторыми московскими приверженцами, убѣжденными воспитателями его, что онъ настоящій царевичь, или просто искавшими крамолъ и смутъ для своихъ видовъ, и къ нимъ присоединилось многіе Поляки, въ надеждѣ обогатиться. Подружившись съ польскими дворянами, и увѣривъ ихъ въ правахъ своихъ на престолъ, онъ сблизился съ Николаемъ Мнишекомъ (*), сендомирскимъ палатиномъ, добрѣйшимъ и откровеннымъ вельможей, у котораго онъ и поселился въ домѣ; тамъ, бесѣдуя въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль съ нимъ и съ старцами, съ коими палатинъ совѣтовался, о дѣлахъ въ Московіи, Димитрій успѣлъ убѣдить и ихъ и чрезъ палатина началъ писать о себѣ нѣкоторымъ магнатамъ королевства, изъявляя великое желаніе представиться королю и сенаторамъ, и обѣщая предъявить имъ неоспоримыя доказательства своего происхожденія. Болѣе же всего старался онъ войти въ сношенія съ г. прелатомъ Рангони, апостольскимъ нунціемъ при его величествѣ королѣ, имѣвшимъ большой вѣсъ. Не смотря однако на неоднократныя его письма къ нунцію, онъ не получалъ никакого отвѣта; нунцій хотя и принималъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, но не хотѣлъ дѣйствовать открыто и притворялся, будто ему ничего неизвѣстно. Онъ извѣщалъ однако короля о письмахъ Димитрія, и въ тоже самое время слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями чрезъ іезуитовъ и другихъ довѣренныхъ ему людей. Когда же вскорѣ послѣ сего, онъ узналъ, что въ Московіи дѣйствительно находятся приверженцы Димитрія, то немедленно предписалъ сендомирскимъ іезуитамъ (преданнымъ друзьямъ палатина), чтобы они уговорили г. Мнишека прибыть въ Краковъ вмѣстѣ съ Димитріемъ, а остальное все предоставили бы на дальнѣйшее распоряженіе его самого, нунція, и короля, что̀ и было исполнено. Пріѣздъ ихъ въ Краковъ весьма обрадовалъ нунція, который, на слѣдующее утро ласково принявъ Димитрія, долго

(*) Изъ письма Димитрія къ Сигизмунду III видно, что отца Марины звали Георгіемъ, а не Николаемъ. *Переводч.*

съ нимъ бесѣдовалъ, и болѣе всего настаивалъ на томъ, что если Димитрій желаетъ получить содѣйствіе его величества короля, то долженъ отречься отъ московской греко-схизматической вѣры и принять защиту и покровительство святой римской католической апостольской Церкви, какъ онъ не разъ уже обѣщалъ въ письмахъ своихъ къ нунцію. Димитрій съ великимъ усердіемъ обѣщалъ все это исполнить, и на слѣдующее воскресеніе, въ присутствіи многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился и я, клятвенно подтвердилъ на словахъ и на письмѣ свои обѣщанія въ домѣ этого легата, съ установленнымъ, по сему случаю, церемоніаломъ, послѣ чего онъ былъ г. нунціемъ представленъ королю. Его величество оказалъ ему довольно благосклонный пріемъ и протянулъ руку, чтобы Димитрій приложился къ ней; онъ же, Димитрій, стоя передъ его величествомъ съ открытой головой и весь дрожа, изложилъ въ немногихъ словахъ кто онъ такой, какія имѣетъ права на Московское государство, и что именно желаетъ получить отъ короля. Послѣ того, по знаку, сдѣланному ему церемоніймейстеромъ двора, онъ удалился въ прихожую комнату, гдѣ г. палатинъ и мы всѣ его ожидали. Когда же г. нунцій и король условились о томъ, что ему отвѣчать, то его позвали опять къ его величеству, передъ которымъ онъ преклонялся нѣсколько разъ съ величайшею покорностію, съ поникшей головою и съ сложенными на груди руками, какъ это въ обычаѣ у Московитянъ, но не произносилъ ни одного слова, показывая только видъ, что усердно проситъ о себѣ; а его величество, съ веселымъ лицомъ обращаясь къ нему, сказалъ приблизительно слѣдующія слова: «Да спасетъ тебя Богъ, Димитрій, московскій князь: такимъ мы признаемъ тебя по силѣ всего тобою намъ сказаннаго и на основаніи письменныхъ доказательствъ отъ твоихъ предковъ, нами разсмотрѣнныхъ, а равно и другихъ свидѣтельствъ, и потому назначаемъ въ помощь тебѣ сорокъ тысячъ флориновъ въ годъ, и какъ нашему другу и подвластному разрѣшаемъ тебѣ имѣть общеніе съ нашими дворянами и искать у нихъ совѣтовъ и вспомоществованія». Затѣмъ онъ отпустилъ Димитрія. Во всё это время Димитрій не отвѣтствовалъ ни одного слова, такъ былъ онъ проникнутъ почтительнымъ страхомъ и благодарностію. Но г. нунцій извинился за него передъ королемъ, и изложивъ свое мнѣніе о Димитріи, удалился. Возвращаясь домой, въ сопровожденіи г. палатина и всѣхъ насъ,

тутъ находившихся, дорбгою онъ снова обласкалъ юношу, утѣшалъ его и совѣтовалъ ему поспѣшнѣе собираться въ путь, обѣщая свое содѣйствіе какъ при лицѣ короля, такъ и при дворянствѣ, дабы возможно было приступить скорѣе къ предпріятію. Впослѣдствіи мнѣ разсказывала одна достовѣрная особа, что его величество не весьма охотно согласился на всё это, но что онъ далъ обѣщаніе и дозволеніе Димитрію и палатину распоряжаться во всемъ по ихъ благоусмотрѣнію, въ ожиданіи увидѣть, что̀ можетъ произойти изъ притязаній сего новаго князя, и въ надеждѣ можетъ быть извлечь какую-нибудь для себя пользу. Этому Димитрію было въ то время около 25 лѣтъ; онъ былъ средняго, почти малаго роста, толстоватъ, имѣлъ волосы и бороду рыжеватые, глаза каріе, лице круглое, некрасивое, съ выраженіемъ неблагороднымъ, угрюмымъ и задумчивымъ, вовсе не обличавшимъ въ немъ какихъ-нибудь способностей, и хотя многіе увѣряли меня въ противномъ, и что будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ показалъ себя храбрымъ, но я не довѣряю этимъ разсказамъ, и почитаю его такимъ, какъ описалъ».

Маржеретъ, напротивъ того, пишетъ: «Умершій императоръ Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, былъ 25 лѣтъ, *совершенно безъ бороды*, роста средняго, имѣлъ члены мускуловатые, лице смуглаго цвѣта, съ бородавкою около носа подъ правымъ глазомъ; на видъ онъ былъ ловокъ и проворенъ, отличался обширнымъ умомъ, добротою, приходилъ скоро въ гнѣвъ, но тотчасъ же и укрощался;—однимъ словомъ, былъ князь, ставившій высоко честь... Христіанство много потеряло отъ его смерти, если дѣйствительно онъ, какъ кажется правдоподобно, умеръ». Это описаніе физическихъ и нравственныхъ свойствъ Димитрія конечно сходствуетъ съ венеціянскимъ разсказомъ, но противорѣчитъ описанію Чилли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напр. въ томъ, что у Димитрія не было бороды, также отчасти относительно роста и неблагородства осанки. Кому изъ нихъ болѣе вѣрить? Чилли былъ чуждъ всякаго пристрастія, тогда какъ Маржеретъ былъ обязанъ защищать Димитрія и его приверженцевъ, и мы видѣли уже, какъ онъ силится опровергнуть мнѣніе о самозванствѣ Димитрія. Чилли былъ человѣкъ извѣстный на своей родинѣ по должности, которую занималъ, и по перепискѣ его съ тосканскимъ дворомъ; Маржеретъ же человѣкъ

вовсе неизвѣстный и неимѣющій представить никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Послѣдствія доказали— кому надлежитъ болѣе вѣрить, словамъ-ли Чилли, или Маржерету, Бареццы и Поссевину.

Французскій писатель Де-Фонтенъ списалъ безъ разбора слова Маржерета, удостовѣряя о совершенномъ сходствѣ Димитрія съ настоящимъ царевичемъ. Онъ говоритъ, что у него, какъ и у царевича, одна рука была длиннѣе другой, и бородавка на лицѣ, и что его умъ и благородная осанка достаточно доказывали высокое происхожденіе (l. 2 p. 36). Но желательно бы знать, какимъ образомъ можно было опредѣлить *настоящее* это *сходство*, тогда какъ Димитрій или умерщвленъ въ возрастѣ семи лѣтъ, или, если даже былъ спасенъ, то во всякомъ случаѣ никто его не видалъ позднѣе семилѣтняго возраста, въ которое время онъ изчезъ, и является на сцену по минованіи уже ему 25 лѣтъ.

Но такъ ли Маржеретъ и Бареццо описываютъ аудіенцію его у Сигизмунда? Намъ кажется, что разсказъ Чилли совершенно сходенъ съ внутреннимъ сознаніемъ Димитрія о низкомъ своемъ происхожденіи и съ чувствомъ лживости всего имъ сказаннаго передъ польскимъ королемъ. Де-Фонтенъ утверждаетъ, что онъ «объяснялся съ достоинствомъ, приличнымъ князю, и не изъявлялъ никакихъ знаковъ покорности, которые могли бы высказать низкость его рожденія»,— но Де-Фонтенъ не находился, какъ Чилли, очевидцемъ этого происшествія.

Чилли описываетъ за тѣмъ военныя дѣйствія между Русскими и Димитріемъ, до его коронованія въ Москвѣ. «Молодой императоръ, говоритъ онъ, готовился между тѣмъ къ предстоящему своему браку и закупалъ множество драгоцѣнныхъ камней, парчи, и прочаго, у иностранныхъ купцевъ и ювелировъ, прибывшихъ въ Московію нарочно для этого случая, вопреки существующихъ тамъ обычаевъ, ибо запрещено было вывозить отсюда малѣйшую звонкую монету; для ювелирскихъ же работъ употреблялась та монета, которая выдѣлывается у нихъ, и которая дѣйствительно въ этой странѣ въ изобиліи, равно какъ золото, серебро, жемчугъ и прочіе дорогіе каменья, хотя все это Русскіе не умѣютъ употреблять какъ слѣдуетъ, потому что не выѣзжаютъ никогда изъ своего отечества, какъ другіе народы, чтобы изучить иностранные обычаи и языки,

но продолжаютъ жить по-старинному, и подозрительны, какъ будто боятся измѣны и опасаются лишиться состоянiя и жизни. По Димитрiй, благодаря обращенiю, хотя и кратковременному, съ благородной, щедрой и свободной польской нацiей, успѣлъ перенять ихъ обычаи и великодушiе, и склонный къ нововведенiямъ, желалъ водворить въ своихъ владѣнiяхъ ту образованность, которая до того времени была въ пренебреженiи, не замѣчая, что этимъ самымъ онъ вооружалъ противъ себя многихъ людей. Въ числѣ предлоговъ, выставленныхъ противъ него, главный упрекъ состоялъ въ томъ именно, что онъ, вопреки обычаевъ своихъ предковъ, окружилъ себя чужеземными тѣлохранителями и слугами, и обращался съ ними свободно. Эти предлоги, распространенные въ тайнѣ между чернью недоброжелателями, дошли до свѣдѣнiя нѣкоторыхъ опытныхъ лицъ, при немъ находившихся, которыя немедленно донесли о томъ его польскому величеству и нунцiю, дабы они предостерегли Димитрiя. Вслѣдствiе чего, нунцiй нужнымъ почелъ отправить въ Московiю племянника своего графа Александра Рангони, съ титуломъ посланника отъ святой Церкви, дабы напомнить Димитрiю данныя имъ обѣщанiя въ пользу католическаго вѣроисповѣданiя, укрѣпить его вѣру къ сей Церкви, и дать ему другiе разные совѣты, которымъ если бы онъ послѣдовалъ, то Московитяне, можетъ быть, не продолжали бы сопротивляться ему; при чемъ г. нунцiй просилъ и меня сопутствовать его племяннику, но я въ томъ извинился, по невозможности оставить мнѣ мою должность при его королевскомъ величествѣ, а также и по причинѣ моего здоровья и трудовъ, предстоящихъ въ столь дальнемъ пути...» Тутъ Чилли описываетъ отъѣздъ графа Александра Рангони, его прiѣздъ въ Москву и прiемъ, сдѣланный ему Димитрiемъ, и продолжаетъ: «Димитрiй отправилъ своихъ пословъ къ королю съ многолюдной свитою и съ вѣрющими грамотами, въ которыхъ называлъ себя императоромъ московскимъ, съ прочими титулами, и просилъ въ супружество дочь сендомирскаго палатина, и чтобы на этотъ случай его польское величество удостоилъ его чести самъ совершить брачный церемонiалъ въ его, Димитрiя, имя, со всею торжественностiю, какую обыкновенно король придаетъ всѣмъ своимъ дѣйствiямъ, въ замѣнъ чего онъ обѣщалъ поспѣшествовать ему всѣми силами, во всякое время, когда его помощь потребна будетъ его величеству... Подоб-

ныя увѣренія онъ также повторилъ г. нунцію, что значило повторить ихъ его святѣйшеству папѣ, возобновляя при семъ свои обѣщанія касательно принятія имъ вѣры, и что онъ употребитъ всѣ средства для утвержденія этой вѣры въ своемъ государствѣ... Его польское величество принялъ московскихъ пословъ, и сказавъ, что имъ будетъ дано удовлетвореніе во всёмъ, обозначенномъ въ ихъ грамотахъ, отпустилъ ихъ въ назначенныя имъ для пребыванія домà. Но московскіе послы сильно негодовали за то, что въ немногихъ словахъ, сказанныхъ имъ въ отвѣтъ вице-канцлеромъ Польши отъ имени его величества, Димитрій не былъ названъ императоромъ, въ чемъ они приносили жалобу г. нунцію и многимъ сенаторамъ, которые старались утѣшить ихъ, какъ умѣли... Когда же послы явились на вторую аудіенцію, то король приказалъ имъ сказать, что онъ дастъ свое согласіе на счетъ брачнаго обряда, какъ о томъ просилъ великій князь Димитрій, и назначилъ для совершенія сего церемоніала слѣдующее воскресеніе, которое было третьимъ Рождественскаго поста, чтобы и они равномѣрно готовились къ этому дню и объявили бы ему, нужно-ли имъ еще чего, а также чтобы они собрались возвратиться къ ихъ князю, который, по своей молодости и неопытности, можетъ быть, нуждается въ ихъ совѣтахъ и помощи: этими словами король, вѣроятно, желалъ намекнуть на событія, которыя впослѣдствіи совершились».

«Между тѣмъ г. сендомирскій палатинъ также занялся приготовленіями, соотвѣтствующими столь важному событію; но какъ московскіе послы были не католики, а схизматики, то рѣшено было, что брачный обрядъ совершится не въ храмѣ, а въ частномъ домѣ. Его величество не желалъ однако, чтобы это происходило въ его дворцѣ (по уважительнымъ можетъ быть причинамъ, не для всѣхъ понятнымъ); поэтому онъ назначилъ для церемоніи частный домъ флорентинскаго уроженца г. Валерія Монтелупо, на краковской площади, принадлежащій теперь сыну его Севастіану, нынѣ польскому дворянину: домъ этотъ былъ помѣстителенъ и богато убранъ. Туда прибылъ его величество съ королевою и со всѣмъ дворомъ, и вѣнчаніе было совершено съ обычными церемоніями г. Петромъ Филипкимъ, краковскимъ епископомъ . . . Въ слѣдующую субботу московскіе послы отправились обратно въ путь, а г. палатинъ съ дочерью уѣхалъ въ свои помѣстья и чрезъ несколь-

ко дней повезъ дочь въ Москву, составивъ предварительно многочисленную свиту для себя и другую для дочери изъ дѣвицъ, женщинъ пожилыхъ лѣтъ, секретарей, дворянъ, и въ особенности духовныхъ лицъ, іезуитовъ, доминиканцевъ, францисканцевъ и прочихъ, въ чемъ онъ пренебрегъ совѣты многихъ, которые съ самаго начала были того мнѣнія, что слѣдовало дѣйствовать осторожно, и взять съ собою только то число католическихъ іереевъ, какое необходимо для польскаго войска и для двора, чтобы не возбудить въ Московитянахъ подозрѣнія, что на нихъ хотятъ наложить ярмо новаго вѣроисповѣданія . . . Наконецъ, всѣ они отправились въ Московію. Но въ то самое время, какъ готовились тамъ брачныя веселія, готовилась также измѣна и гибель, происками людей, скрывавшихъ свое неудовольствіе подъ предлогомъ, что ихъ хотятъ подчинить насильственнымъ образомъ латинской вѣрѣ и обрядамъ, и что ихъ намѣрены отдать подъ власть чужеземцамъ и неизвѣстному имъ князю: слухи эти они распространяли въ народѣ . . . Черезъ восемь дней послѣ московскаго злополучнаго брака, въ маѣ мѣсяцѣ (*), на разсвѣтѣ послышался стукъ оружія, раздались крики: «да погибнетъ обманщикъ со всѣми его приверженцами», заговорщики устремились къ его покоямъ (заодно можетъ быть съ комнатными его слугами) и, заставъ его въ постели, закололи ножами. — Испуганная его супруга успѣла скрыться въ свои покои и съ окружающими ея дѣвицами горько плакала объ участи своей, а тѣ изъ нихъ, которыя были разумнѣе прочихъ, стали утѣшать ее, говоря, что такова видно воля Всевышняго, дабы столь великое государство долѣе не находилось подъ тиранствомъ человѣка, неизвѣстнаго ни его подданнымъ, ни даже ей самой. Послѣ сего, Москвитяне отрядили нѣсколькихъ сановниковъ къ палатину и къ посламъ, извиняясь въ своихъ дѣйствіяхъ противъ императрицы и стараясь доказать неизбѣжность случившагося, ибо Димитрій не былъ признаваемъ ими за сына Великаго Василія, если же они по видимому показывали, что считаютъ его законнымъ наслѣдникомъ престола и повиновались ему, то

(*) Маржеретъ показываетъ, что вѣнчаніе въ Москвѣ происходило въ субботу 27 мая (новаго стиля) 1606 г., а изъ Сѣвернаго Архива видно, что оно совершилось 17 мая. *Примѣч. Чіямпи.*

это было противъ ихъ воли . . . Когда императрица замѣтила, что волненіе немного утихло, и иные даже повиновались ей, то немедленно распустила молву, что на площадь вынесено убійцами не тѣло ея мужа, а человѣка на него похожаго, онъ же, бывъ предъувѣдомленъ о намѣреніи враговъ своихъ, успѣлъ убѣжать ночью черезъ потаенную калитку, ведущую изъ его покоевъ въ садъ, и что въ скоромъ времени сдѣлается извѣстно, куда онъ скрылся (*), и этому разсказу многіе повѣрили, тѣмъ болѣе, что трупъ Димитрія такъ былъ искаженъ, что дѣйствительно не было возможности узнать его. Императрица, собравъ, что могла, денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, занялась распоряженіемъ о наймѣ въ Польшѣ новаго набора солдатъ, что и составило, вмѣстѣ съ оставшимися на ея сторонѣ Москвитянами, весьма многочисленное войско, при чемъ объявлено было, что при войскѣ находится самъ Димитрій. Сама она оставалась въ Москвѣ еще три мѣсяца, и вышла отсюда въ сопровожденіи вѣрныхъ ей дворцовыхъ женщинъ и дворянъ, никѣмъ неузнанная. Подкрѣпленная на пути тысячью казаковъ, она достигла своего войска, которое встрѣтило ее съ великою радостію, поклялось ей въ вѣрности, какъ московской императрицѣ, и обѣщало отомстить за сдѣланную ей измѣну. Когда же извѣстіе о смерти Димитрія достигло до его польскаго величества, то онъ нимало не удивился, но оказалъ сильное неудовольствіе за то, что не уважена была его власть въ отношеніи къ браку, состоявшемуся по его дозволенію, и за непочтительность, оказанную къ его посламъ, палатину и всему польскому дворянству вообще, отчего самаго можетъ быть и возродился его гнѣвъ противъ Москвитянъ и кровопролитная война, за симъ послѣдовавшая», и проч.

Читая такой простодушный и безпристрастный разсказъ, нельзя не сознаться, что король Сигизмундъ, папскій нунцій и сендомир-

---

(*) Злополучная кончина Димитрія была описана различнымъ образомъ: иные выказываютъ его трусомъ, а другіе героемъ. Хитрость, придуманная Мариною, имѣла однакоже то послѣдствіе, что вѣрившіе въ несомнительность прежняго спасенія его въ дѣтствѣ, и теперь готовы были повѣрить, что онъ снова успѣлъ укрыться отъ убійцъ; но какъ теперь обрушились съ нимъ всѣ надежды людей, поддерживавшихъ его при первомъ его появленіи, то второй обманъ не могъ долго продолжаться и имѣть желаемый успѣхъ. *Примѣчаніе Чіямпи.*

скій палатинъ знали хорошо весь секретъ этой комедіи, которую они разыгрывали для личныхъ своихъ видовъ. И кто не согласится съ нами, что униженное обращеніе Димитрія на аудіенціи короля, какъ оно описано тосканскимъ очевидцемъ, не обнаруживаетъ человѣка законно отыскивающаго потерянныя свои права, а скорѣе человѣка, разсказывающаго вымышленную повѣсть и чувствующаго, что она можетъ разыграться трагедіею; вотъ почему приверженцы его, сознавались въ этомъ обстоятельствѣ, назвали *рѣчью* тѣ немногія слова, которыя онъ произнесъ на аудіенціи.— Мы уже видѣли отзывъ Де-Фонтена объ этой аудіенціи, но докажемъ далѣе, что онъ слѣпо повторяетъ слова Маржерета. Замѣчательно и то, что Сигизмундъ не *захотѣлъ* привѣтствовать Димитрія именемъ императора.

Изъ приложенныхъ въ концѣ настоящаго сочиненія документовъ, въ письмѣ Нери Джиральди къ тосканскому герцогу, упоминается, что еще до краковской брачной церемоніи польскій король имѣлъ тайное совѣщаніе съ московскимъ посломъ, и даже уговаривалъ его не спѣшить совершеніемъ сего брака, но предварительно ожидать собранія сейма, потому что московскому князю предстояла теперь возможность вступить въ болѣе знаменитое родство. Изъ этого можно заключить, что король не желалъ поспѣшить заключеніемъ брака, не увидѣвъ предварительно исходъ сего дѣла, чтобы не подвергнуть дочь палатина предстоящимъ опасностямъ.

Теперь разсмотримъ, что говоритъ о семъ происшествіи французскій писатель Леклеркъ (Le-Clerc) въ его Исторіи о физическомъ, моральномъ и политическомъ состояніи Россіи, которымъ мы руководствуемся въ италіянскомъ переводѣ, напечатанномъ въ Венеціи, въ 1785 году, причемъ нужнымъ считаемъ объяснить, что Леклеркъ, по словамъ его, всѣ свои свѣдѣнія «о приключеніяхъ московскаго великаго князя Димитрія Іоанновича» почерпалъ изъ англійской реляціи, переведенной на французскій языкъ и напечатанной въ Парижѣ, въ 1679 году, то есть десять лѣтъ спустя по напечатаніи разсказа Маржерета.

«Отрепьевъ, сынъ посадскаго г. Галича, отправленъ былъ учиться въ Москву; монахи, учившіе его, замѣтивъ въ немъ необыкновенныя способности, пожелали удержать его у себя, и уговорили постричься, когда ему только что минуло 14 лѣтъ

отъ роду, при чемъ онъ принялъ имя Григорія, вмѣсто прежняго Якова. Но по достиженіи возраста, обуреваемаго страстями юности, онъ почувствовалъ отвращеніе къ иноческому званію, потерялъ усердіе къ вѣрѣ, сдѣлался безпокойнымъ и началъ часто переходить изъ одной обители въ другую. Патріархъ Іовъ, услышавъ о немъ въ своихъ объѣздахъ по монастырямъ, пожелалъ видѣть Григорія, и сей послѣдній такъ ему понравился, что патріархъ взялъ его съ собою въ Москву, въ качествѣ секретаря. По словамъ русскихъ и другихъ историковъ, Григорій весьма походилъ на молодаго князя Димитрія, умерщвленнаго по приказанію Бориса въ Угличѣ, о которомъ иные говорили, что онъ дѣйствительно убитъ, а другіе—что спасся бѣгствомъ, такъ что смерть Димитрія осталась политической загадкой; извѣстно было однако, что слухъ, распространенный Годуновымъ о мнимой немощи Димитрія, былъ ложный, и выдуманъ съ цѣлью обмануть царя Θеодора и весь народъ. Извѣстно было также, что секретарь Битяговскій отправленъ былъ съ сообщниками въ Угличъ, съ намѣреніемъ исполнить злодѣйскій замыселъ, но, какъ полагали многіе, настоящаго князя подмѣнили сыномъ попа, и убійцы не достигли своей цѣли.—Отрепьевъ, знавшій эти слухи и что вельможи и народъ возненавидѣли тирана, и принявъ въ соображеніе, что настоящій наслѣдникъ изъ Рюрикова дома былъ бы ему предпочтенъ, и что наконецъ Татары, Черкесы, Шведы, Казаки и Поляки, не сочувствуя вообще настоящему царю, готовы содѣйствовать къ низверженію его съ престола, рѣшился выдать себя за Димитрія, но почелъ нужнымъ сперва приготовить будущій романъ, обставивъ его сколь можно правдоподобнѣе. Поэтому часто во время трапезы старался онъ обращать разговоръ на Димитрія, восклицая: «когда-нибудь онъ будетъ царемъ». Слушатели его сначала думали, что онъ только шутитъ, но ростовскій архіепископъ, имѣя уже дурное о немъ мнѣніе, совѣтовалъ Борису принять подъ надзоръ молодаго монаха, бывшаго при патріархѣ, вслѣдствіе чего Борисъ приказалъ дьяку Васильеву сослать Григорія въ дальную обитель и дать знать тамошнему настоятелю не спускать съ него глазъ. Васильевъ увѣдомилъ, по неосторожности, двоюроднаго брата Отрепьева о повелѣніи Годунова и, внявъ просьбамъ сего послѣдняго, отложилъ отъѣздъ Григорія, въ надеждѣ, что между тѣмъ гнѣвъ

Бориса утихнетъ: этимъ онъ далъ ему время бѣжать сначала въ Галичъ, Муромъ, Брянскъ, Путивль, Новгородъ-Сѣверскій, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ находился польскій гарнизонъ. Военный начальникъ этого города, князь Острожскій, принялъ его благосклонно, старался удержать его при себѣ, въ званіи домашняго священника, но не этого искалъ Григорій. Употребляя скоромную пищу въ постные дни, онъ сдѣлался соблазномъ всему городу, и дабы избѣгнуть наказанія, которое ему готовилось, вышелъ изъ монастыря, и, сбросивъ съ себя иноческую одежду, перешелъ въ Польшу, гдѣ поступилъ въ услуженіе къ князю Адаму Вишневецкому, исполняя тамъ самыя низшія должности. Вотъ почему Россіяне и прозвали его Разстригою.

«Князь Адамъ и братъ его Константинъ были сильные вельможи, и потому Григорій понялъ, что необходимо вооружиться терпѣніемъ и заслужить ихъ покровительство, а между тѣмъ принялся излагать на бумагѣ о своемъ происхожденіи и о притязаніяхъ своихъ на престолъ. Вотъ отрывокъ его письма, взятый изъ московской хроники: «То лице, что нынѣ проживаетъ какъ бы рабомъ во дворѣ князя Адама, подъ именемъ Гришки, есть Димитрій, сынъ великаго князя Іоанна; въ Угличѣ убитъ по повелѣнію тирана Годунова не Димитрій, какъ всѣ силились въ томъ увѣрить, но сынъ попа. Секретарь, находившійся по высшему промыслу при мнѣ, спасъ мою жизнь и содержалъ меня скрытно долгое время, опасаясь преслѣдованій, потомъ перевелъ меня въ Польшу, гдѣ по неволѣ я нахожусь въ самомъ униженномъ званіи. Уповаю на Бога, что Онъ обратитъ милостивый Свой взглядъ на меня и возвратитъ мнѣ отеческія мои права; но если назначено по предвѣчному Его опредѣленію умереть мнѣ въ настоящемъ моемъ положеніи, то да раскроетъ сей разсказъ, каковъ тотъ человѣкъ, который сидитъ нынѣ на царскомъ престолѣ».—Окончивъ письмо, Григорій притворился опасно больнымъ и слегъ въ постель, положивъ заблаговременно при себѣ и написанный имъ листъ. Послѣ этого онъ послалъ за духовникомъ и исповѣдовавшись передалъ словесно часть мнимыхъ своихъ приключеній; но дѣлая видъ, что слабость не позволяетъ ему продолжать начатой разсказъ, запинаясь, сказалъ священнику, что все остальное изложено имъ на бумагѣ, спрятанной въ постели. Священникъ, по прочтеніи записки, поспѣшилъ увѣдомить князя

Адама о случившемся у него въ домѣ; князь пришелъ къ мнимо-больному, но получая на свои распросы только неопредѣленные отвѣты, потерявъ терпѣніе, отыскалъ бумагу, снова спрятанную священникомъ въ постели, и прочитавъ ее, передалъ Отрепьева на попеченіе домашнихъ своихъ врачей, которые не замедлили изцѣлить его.

«Какъ только притворно-воскресшій укрѣпился силами, князь Адамъ повезъ его въ Краковъ, гдѣ въ то время былъ созванъ сеймъ. Здѣсь сенаторы почтительно допрашивали его и онъ съ твердостію отвѣчалъ, что онъ Димитрій, сынъ царя Іоанна, въ чемъ и убѣдилъ ихъ. Ему обѣщано вспомоществованіе для отысканія наслѣдственныхъ правъ, и самъ князь Адамъ изъявилъ готовность пожертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ, съ условіемъ, чтобы Григорій согласился водворить въ Россіи римско-католическое вѣроисповѣданіе. Обманщикъ согласился на все. Слухъ о столь необычайномъ происшествіи распространился далеко. Донскіе казаки спѣшили прислать ему денежные дары, и атаманъ ихъ приказалъ Отрепьеву (котораго мы впредь будемъ называть Димитріемъ) сказать отъ имени всѣхъ казаковъ, что у нихъ готовы къ его услугамъ оружія и люди. Поляки также собрали войско, чтобы вмѣстѣ съ казаками вторгнуться въ Россію. Испуганный Годуновъ издалъ повелѣніе полкамъ, раскинутымъ по Смоленской области, не пропускать въ Россію, подъ смертной казнію, ни единаго Поляка, и въ Польшу ни единаго Русскаго. Не взирая однако на это запрещеніе, ежедневно переходили въ Польшу, къ Димитрію, русскіе подданные и становились подъ знамя царя, считаемаго ими законнымъ. Въ скоромъ времени Димитрій пріучился дѣйствовать, какъ настоящій государь, и довершилъ довѣріе новыхъ своихъ приверженцевъ, предъявивъ имъ крестъ, осыпанный бриліантами, который носилъ подъ рубашкою, причемъ объявилъ, что этотъ крестъ подаренъ ему крестнымъ его отцемъ, княземъ Мстиславскимъ. Не смотря однако на столь хорошее начало, онъ все еще опасался, и чтобы болѣе усилиться, началъ заискивать покровительства іезуитовъ, а они назначили въ совѣтники къ нему лучшаго изъ своей среды патера, которому Димитрій, принимая на себя личину простодушія, объяснилъ свою ревность къ латинскимъ обрядамъ, обѣщая употребить всѣ средства для введенія ихъ въ Россіи.

Поддержка іезуитовъ привлекла къ нему сильную опору Мнишека, сендомирскаго палатина, старшая дочь котораго была женою Константина, брата князя Адама Вишневецкаго; но у Мнишека, отъ втораго брака, была еще дочь, Марина, дѣвушка молодая, стройная, живая и честолюбивая, храбрая и отважная не по ея полу. Димитрій, подмѣтивъ въ ней тайное желаніе царствовать, рѣшился жениться на ней и, послѣ объясненія въ любви, предложилъ ей свою руку, прося ея согласія передать отцу ея весь разговоръ ихъ. На это Марина, покраснѣвъ, изъявила согласіе. Между тѣмъ іезуиты пришли навѣстить Димитрія, и, склоняя разговоръ на настоящее его положеніе, одинъ изъ патеровъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Князь! Ваши добродѣтели столь меня къ вамъ привязали, что я все стараюсь придумать, какъ бы вамъ дать искреннее доказательство моей къ вамъ преданности, и вотъ я пришелъ къ мысли, которую боюсь вамъ высказать». Когда Димитрій увѣрилъ его въ своей готовности принять всякій добрый совѣтъ, іезуитъ продолжалъ: «Разбирая внимательно ваше настоящее положеніе, я нахожу, что въ немъ есть немаловажныя затрудненія. Вашъ противникъ силенъ, и остороженъ, и не безъ хитрости взошелъ онъ на престолъ. Во времена царя Өеодора онъ раздавалъ всѣ почести и этимъ привлекъ къ себѣ вельможъ и самый народъ, а люди, недовольные избраніемъ его въ цари, не имѣютъ никакого вліянія при дворѣ. Въ крѣпостяхъ и другихъ важныхъ мѣстахъ Борисъ помѣстилъ только тѣхъ людей, судьба которыхъ тѣсно сопряжена съ его судьбою, и вы сами знаете, какъ онъ дѣйствовалъ, чтобы выставить васъ обманщикомъ: вы же, съ вашей стороны, не имѣете предъявить никакихъ другихъ доказательствъ о высокомъ вашемъ происхожденіи, кромѣ личныхъ вашихъ доблестей. Для образованнаго человѣка, это конечно достаточно, и стоитъ на васъ только взглянуть, чтобы убѣдиться, что вы настоящій сынъ Іоанна; но для простолюдиновъ этого недостаточно, они вѣрятъ тому только, что̀ осязаютъ руками, или тому, что̀ можетъ принести имъ пользу. Долговременная моя опытность и познанія о русскомъ правительствѣ и о характерѣ этого народа внушили мнѣ убѣжденіе, что если вамъ сродниться съ какимъ-нибудь знаменитымъ домомъ, то удивленный народъ твердо увѣрится въ вашемъ происхожденіи. Сендомирскій палатинъ честолюбивъ до крайности, и я думаю, что если

вы согласитесь унизиться и войти въ его семейство, то вы скоро возсядете на отеческій престолъ, ибо никто не повѣритъ, что вельможа, столь осторожный и дальновидный, какъ палатинъ Мишекъ, согласился бы выдать за васъ свою дочь, еслибы мало-мальски сомнѣвался, что вы настоящій Димитрій. Тогда и король польскій будетъ открыто стоять за васъ, и недовѣрчивость къ вамъ русскаго народа и дворянства прекратится. Вы можете, если вамъ угодно, намекнуть о томъ княжнѣ Маринѣ, и сообразуясь съ ея отвѣтомъ, объяснитесь съ ея отцемъ и спросите его согласія на бракъ. Онъ конечно прежде, чѣмъ дастъ вамъ слово, захочетъ посовѣтоваться со мною, но вамъ легко угадать мой отвѣтъ. Я умалчиваю уже о вашихъ религіозныхъ чувствахъ, мнѣ вполнѣ извѣстныхъ. Радость моя видѣть васъ шествующимъ по пути истины, столь велика, что я ежедневно благодарю за то Господа Бога и молюсь ему о подкрѣпленіи васъ въ такомъ счастливомъ начинаніи, Имъ Самимъ вамъ внушенномъ. Благословеніе Его дастъ вамъ восторжествовать надъ врагами вашими, болѣе чѣмъ какая-нибудь человѣческая предусмотрительность».

Краснорѣчивый іезуитъ уже предварительно успѣлъ переговорить обо всемъ съ палатиномъ, и сей послѣдній, весьма довольный предложеніемъ Димитрія, сказалъ ему: «Дабы дать вамъ вѣрное доказательство искренней моей благодарности, я отлагаю совершеніе вашего брака до того часа, когда трупъ Годунова послужитъ вамъ подножіемъ къ престолу. Подобное замедленіе можетъ казаться невыгоднымъ для меня самого, но прошу васъ согласиться на это условіе. Примите совѣтъ отъ нѣжнаго отца, какимъ я себя уже считаю, и выслушайте меня. Сигизмундъ готовъ поддержать васъ; но знаете ли вы замыслы его? Желаніе выдать въ супружество за васъ свою родственницу есть, можетъ быть, единственная причина его участія въ вашихъ дѣлахъ,—да кромѣ короля, и прочіе палатины будутъ завидовать нашему съ вами родству, тогда какъ вы, напротивъ, должны стараться увеличивать, а не уменьшать число вашихъ союзниковъ. Иной князь готовъ оказать вамъ теперь всякое пособіе, пока вы еще холостой человѣкъ, но удалится отъ васъ, когда узнаетъ, что вы мужъ моей дочери». Димитрій, убѣдясь этими доводами, поспѣшилъ поблагодарить іезуитовъ, и объявилъ имъ о готовности своей принять католическое

исповѣданіе, обѣщая, что папа будетъ имъ признанъ главою всей Церкви въ Россіи, что онъ будетъ принимать въ Москвѣ римское духовенство, и дастъ имъ помѣстья для обезпеченія ихъ существованія.

Іезуиты извѣстили о всемъ случившемся папу Климента VIII, и просили у него денежнаго пособія и ходатайства передъ польскимъ королемъ и Республикою за Димитрія, который, съ своей стороны, написалъ письмо, на латинскомъ языкѣ, къ святѣйшему отцу, называя себя царемъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его о помощи противъ хищника Годунова, обѣщая сдѣлать извѣстнымъ въ потомствѣ о почтительности и покорности своей къ святому римскому престолу.

Пріемъ, оказанный королемъ Сигизмундомъ Димитрію, отозвался во всѣхъ прочихъ народахъ, и съ того времени даже и Россіяне не дерзали болѣе называть его обманщикомъ. Изданъ былъ имъ манифестъ, въ которомъ хищникъ Борисъ выставленъ ненавистнымъ тираномъ, держащимъ скипетръ въ рукахъ, оскверненныхъ кровію своихъ господъ. Этимъ манифестомъ Димитрій обѣщалъ прощеніе и даже награжденіе тѣмъ людямъ, которые перейдутъ къ нему, и такимъ образомъ приготовилъ народъ въ свою пользу. Вельможи и чернь ожидали только удобнаго случая, чтобы дѣйствовать открыто за него. И вотъ, палатинъ Мнишекъ, оба князя Вишневецкіе, предводительствуя многочисленнымъ собраннымъ ими войскомъ, подкрѣпленнымъ 6000 казаковъ, входятъ въ предѣлы Россіи съ Димитріемъ и осаждаютъ Черниговъ. Офицеры и солдаты, защищавшіе сей городъ, схватили своего начальника князя Татищева, заковали его и, предавъ въ руки Димитрія, отперли ворота города. Народъ слѣдовалъ ихъ примѣру и присягнулъ новому царю; тоже сдѣлали еще семь другихъ городовъ. Оттуда польское войско двинулось впередъ и обложило Новгородъ-Сѣверскій. Борисъ велѣлъ собрать все свое войско для обороны этого города и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ посла къ Сигизмунду съ жалобою на нарушеніе 20-лѣтняго перемирія, существовавшаго между обоими народами, причемъ выставлялъ на видъ королю, что столь несправедливая война, начатая ради обманщика, не относится къ славѣ короля, что, вмѣсто поощренія самозванца, слѣдовало бы наказать его или выдать русскому царю, и что настоящимъ образомъ дѣйствій король

вооружалъ противъ себя одного изъ сильнѣйшихъ государей міра, который конечно не оставитъ подобное оскорбленіе безъ надлежащаго отмщенія. Но высказавъ сіи преждевременныя угрозы, посолъ Бориса внезапно перемѣнилъ свое обращеніе и началъ дѣлать дары министрамъ и вельможамъ, близкимъ къ королю. Сигизмундъ отвѣчалъ, что «ни онъ, ни польская федерація не вмѣшиваются въ русскія дѣла, и что вторженіе въ Россію русскаго уроженца, окруженнаго русскими и нѣсколькими польскими охотниками, не есть вовсе нарушеніе мира, свято имъ сохраняемаго».

Въ продолженіе сихъ неудачныхъ переговоровъ Димитрій одержалъ побѣду надъ русскимъ войскомъ, причемъ московскій главный начальникъ былъ опасно раненъ. Москвитяне начали отступать къ Сѣвску, преслѣдуемые Поляками, но тутъ, получивъ подкрѣпленіе, они возобновили битву, и побѣда осталась за ними. Тогда Мнишекъ возвратился въ Польшу для набора новыхъ дружинъ; но Димитрій не упалъ духомъ: собравъ разбитые остатки своихъ воиновъ, онъ готовится къ новому бою и произноситъ слѣдующую молитву: «Порази меня, о всеправедный Судья, и сотри имя мое въ книгѣ жизни, если предпріятіе мое несправедливо и злоумышленно. Тебѣ извѣстна невинность моя, и потому умоляю Тебя, возвѣсти гласно, что Ты со мною.... О Царица Небесная, подъ святый твой покровъ отдаю я себя и все мое войско!»—За тѣмъ, обращаясь къ своимъ, онъ сказалъ: «Намъ не на что надѣяться, какъ на свою отважность... За мной на приступъ!» Неравенство числа между войсками было слишкомъ велико, чтобы надѣяться на успѣхъ. У Димитрія было едва 5000 въ строю; но они сомкнулись, и шли на вѣрную погибель, какъ вдругъ большая часть Русскихъ, опустивъ оружія, перешла на его сторону. Сѣча сдѣлалась страшная. Солдаты Годунова, смѣшанные, обратились въ бѣгство. Побѣдители, расхитивъ покинутый лагерь, вступили въ Путивль. Семь городовъ, въ числѣ коихъ Сѣвскъ и другія области, покорились добровольно Димитрію. Смущенный Годуновъ приказываетъ произвести новый наборъ и старается подкупить казаковъ. Патріархъ отлучаетъ отъ Церкви мятежниковъ; но все тщетно. Тогда Борисъ замышляетъ отвлечь вниманіе польскаго короля отъ Россіи необходимостію защищать свое государство, и ведетъ переговоры съ шведскими и датскими послами, чтобы обѣ эти державы напали на

Польшу. Но предвидимое или непредвидимое обстоятельство спасло Сигизмунда. Московскій царь внезапно послѣ обѣда занемогъ сильною болью въ животѣ и чрезъ нѣсколько часовъ кончилъ жизнь.

Онъ умеръ въ 1605 г., на седьмомъ году своего царствованія, оставивъ двоихъ дѣтей, Өеодора и Ксенію; имя жены его неизвѣстно. Самые приверженцы его смотрѣли на его смерть, какъ на наказаніе, посланное свыше за похищеніе престола, и вельможи готовы были признать Димитрія, еслибы не опасались гнѣва народа, удерживаемаго патріархомъ въ пользу семейства Годунова. Народъ устремился ко дворцу, провозгласилъ царемъ Өеодора Борисовича, а мать правительницею государства. Московскіе бояре принуждены были подтвердить всеобщій выборъ и, противъ воли, присягнули новому царю; но дворяне, живущіе внѣ Москвы, въ своихъ помѣстьяхъ, а равно и войско, хотя казались за Годуновыхъ, готовы были признать Димитрія. Тула, Рязань, и другіе города открыто объявили себя за него, а Басмановъ, начальствовавшій въ Новгородѣ - Сѣверскомъ, два князя Голицыны, и почти всѣ военачальники съ подчиненными послѣдовали тому же примѣру. Пушкинъ и Плещеевъ, тайно отряженные Басмановымъ въ Москву, чтобы развѣдать о намѣреніи ея жителей, доѣхавъ до Краснаго Села, нашли, что и тамъ всѣ готовы возстать за Димитрія, и уговоривъ жителей взяться за оружіе, повели ихъ на Москву, подкрѣпленные на пути чернью и отрядомъ стрѣльцевъ. Мятежники являются на площадь, уже кипящую народомъ. Тщетно силится патріархъ успокоить возрастающее волненіе: голосъ его теряется во всеобщемъ гулѣ. Правительница повелѣваетъ вѣрнымъ ей дружинамъ силою усмирить возмущеніе, но этимъ только увеличиваетъ раздраженіе. Сообщники Самозванца поднимаютъ крикъ: «да здравствуетъ царь Димитрій», народъ повторяетъ тоже, и всѣ стремятся ко дворцу; убиваютъ часть бояръ—родственниковъ и друзей Бориса, и грабятъ остальныхъ: захватываютъ вдову и обѣихъ дѣтей умершаго царя и заключаютъ ихъ подъ стражу въ домѣ, гдѣ жилъ ихъ отецъ до избранія его на престолъ.

Къ Димитрію отрядили нарочныхъ, съ приглашеніемъ спѣшить въ Москву; они настигли его въ Тулѣ, гдѣ онъ стоялъ съ войскомъ. Въ одно время съ ними прибыли туда и посланные отъ донскихъ казаковъ, коихъ Димитрій принялъ съ особенною благосклонностію

и прежде, чѣмъ московскихъ пословъ. Послѣднихъ онъ принялъ напротивъ того грубо и съ явнымъ презрѣніемъ. Тутъ же онъ произнесъ смертный приговоръ надъ молодымъ Θеодоромъ Борисовичемъ и надъ его матерью, что и было исполнено, по его повелѣнію, князьями Голицинымъ и Мосальскимъ и вѣроломнымъ Басмановымъ; княжну же Ксенію заключили въ женскую обитель во Владимірѣ; неистовство дошло до того, что отрыли бренные остатки Годунова, которые долго оставались преданными на поруганіе озлобленной черни.

Узнавъ о кончинѣ юнаго своего соперника, Димитрій двинулся немедленно къ Москвѣ, гдѣ встрѣченъ былъ духовенствомъ и народомъ, привѣтствовавшими его именемъ «утренней звѣзды, возсіявшей надъ Россіей», и отправился первоначально въ соборный храмъ благодарить Бога за доставленіе ему престола.

Хотя мѣсто патріарха было въ это время праздно, по причинѣ низложенія патріарха Іова, но Димитрій, зная непостоянство народа и не желая далѣе откладывать торжество вѣнчанія, назначилъ новымъ патріархомъ Игнатія, рязанскаго архіепископа. Этотъ святитель, бывшій первоначально епископомъ кипрскимъ и перешедшій въ Россію въ царствованіе Θеодора Іоанновича, возложилъ на Отрепьева царскій вѣнецъ.

Но въ Бѣлоозерѣ жила еще мать настоящаго царевича Димитрія и не легко было рѣшить, что съ нею предпринять. Димитрій отправилъ къ ней пословъ, приглашая ее поспѣшить въ Москву и раздѣлить съ нимъ верховную власть. Что оставалось ей дѣлать? Настоящій сынъ, столь долго ею оплакиваемый, давно уже не существовалъ. Тотъ кто принялъ его имя явился какъ будто бы мстителемъ за убитаго, да и сама она провела столь многіе года въ горѣ и уединеніи. Она рѣшилась принять предложеніе новаго вѣнценосца, и онъ, узнавъ о приближеніи ея къ Москвѣ, выѣхалъ къ ней на встрѣчу, сошелъ съ лошади, бросился сначала къ ея ногамъ, а послѣ въ ея объятія, выказывая всю нѣжность почтительнаго сына, и проклиная Годунова, обѣщалъ изгладить изъ ея памяти всѣ претерпѣнныя ею страданія со времени кончины супруга ея Іоанна. И царица выказала, съ своей стороны, такую же радость при встрѣчѣ съ нимъ, признала его за настоящаго своего сына и приглашала сѣсть съ собою въ экипажъ. Онъ почтительно отклонилъ это пред-

ложеніе и долго шелъ пѣшкомъ и съ открытою головою подлѣ ея экипажа, продолжая ее увѣрять, что царскій вѣнецъ принадлежитъ болѣе ей, чѣмъ ему, и что онъ принимаетъ его для того только, чтобы удобнѣе исполнять всѣ ея повелѣнія и предупреждать ея желанія. Царица настоятельно требовала, чтобы онъ накрылся и сѣлъ на лошадь, благосклонно прибавляя, что это будетъ первымъ доказательствомъ его послушанія. Онъ повиновался и проводилъ ее въ Вознесенскій монастырь, гдѣ было назначено ея новое мѣстопребываніе.

Волненія утихли и новый царь занялся устройствомъ государственныхъ дѣлъ. При дворѣ Бориса находились посланникъ и консулъ англійскаго короля Іакова; оба они, по кончинѣ Бориса, уѣхали въ Архангельскъ, съ намѣреніемъ отплыть оттуда въ Англію; но Димитрій отправилъ гонца съ письмомъ къ консулу, а къ послу Смиту (Smith) отрядилъ камергера Двора для переговоровъ. Къ англійскому консулу онъ писалъ: «Сего 8 іюня 7113 г. отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Спасителя 1605 г., мы Димитрій Іоанновичъ, московскій царь, къ Іоанну Мерику, англійскому купцу, письмомъ симъ даемъ вамъ знать, что всемогущими и справедливыми судьбами Господа мы вступили въ наше наслѣдство, какъ царь и самодержецъ Россіи. Вспоминая о дружескихъ связяхъ, существовавшихъ между родителемъ нашимъ Іоанномъ, властителемъ и царемъ Россіи, со всѣми христіянскими государями, мы готовы еще болѣе таковыя возобновить съ вашимъ королемъ Іаковомъ, и потому рѣшились оказывать вамъ и прочимъ англійскимъ купцамъ еще болѣе милостей, чѣмъ было оказано имъ предками нашими. И такъ мы повелѣваемъ, чтобы вы, по окончаніи вашихъ дѣлъ въ архангельской пристани, возвратились въ Москву, дабы сами видѣли насъ на царскомъ престолѣ. Мы уже распорядились, чтобы для васъ были въ готовности лошади по всему пути до Москвы, а по вашемъ прибытіи сюда имѣете вы снестись съ нашимъ секретаремъ Аѳонасьемъ Власьевымъ».

Не нравилось вельможамъ, что тѣлохранители Димитрія, всегда его окружавшіе, были всѣ изъ Поляковъ и иностранцевъ, и они громогласно говорили, что подобныя предосторожности обидны для Русскихъ, и что этимъ самымъ онъ даетъ поводъ укорять его въ самовольствѣ и страшиться всего, тогда какъ охраною законнаго

государя должна быть увѣренность въ любви подданныхъ. Димитрій, не подозрѣвая неискренности этихъ жалобъ, распустилъ чужеземныя и союзныя войска, но князья Шуйскіе, пользуясь его неосторожностію, составили заговоръ противъ него. Однако умыселъ разгласился преждевременно, и часть заговорщиковъ, взятые подъ стражу, объявили имена главныхъ зачинщиковъ. Старшій сынъ Шуйскаго былъ приговоренъ къ смертной казни. Когда палачь уже занесъ мечь надъ его головою, раздался голосъ помилованія, и казнь замѣнена вѣчнымъ заточеніемъ, къ которой также были присуждены двое меньшихъ братьевъ Шуйскаго. Множество прочихъ сообщниковъ погибло, и Димитрій роздалъ ихъ помѣстья любимцамъ своимъ.

Упоившись мщеніемъ, онъ весь предался любви своей къ княжнѣ Маринѣ, дочери сендомирскаго палатина, и отправилъ въ Польшу двухъ пословъ, одного къ палатину съ дорогими подарками для его дочери, а другаго къ королю и къ польской республикѣ съ предложеніемъ составить оборонительный и наступательный союзъ, поблагодарить короля за оказанное ему пособіе, и получить его согласіе на бракъ съ дочерью его вассала. Это посольство возбудило большое негодованіе между Русскими. Они не желали имѣть польскую уроженку своею царицею и сожалѣли о значительныхъ подаркахъ, взятыхъ изъ государственной казны и о драгоцѣнностяхъ, хранившихся въ царской сокровищницѣ, переданныхъ теперь Маринѣ; не могли они также безъ ропота видѣть, что іезуиты поселялись въ Москвѣ съ цѣлью ввести здѣсь римское исповѣданіе и что сверхъ того пріѣзжали сюда на жительство Поляки и другіе иноземцы подъ покровительствомъ государя, почитавшаго себя обязаннымъ болѣе имъ, чѣмъ своимъ подданнымъ.

Сигизмундъ принялъ пословъ съ должною честью и изъявивъ согласіе на бракъ Димитрія съ Мариною, передалъ, за тѣмъ, предложеніе о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ на разсмотрѣніе сейма. Въ назначенный день московскій посолъ обвѣнчался именемъ своего государя съ княжною Мнишекъ, и брачное благословеніе было произнесено кардиналомъ Мацѣевскимъ, епископомъ краковскимъ. Положено было, что новая великая княгиня отправится въ путь въ январѣ мѣсяцѣ сего года. Король передалъ ее русскому послу въ присутствіи всего собранія и пожелалъ всякаго

благополучія ей и царственному ея супругу, при чемъ напомнилъ ей не забывать свою родину, своего отца, и короля, стараться дѣйствовать въ ихъ пользу и въ особенности содѣйствовать къ распространенію въ предѣлахъ Россіи римскаго исповѣданія. Всѣ Русскіе при семъ находившіеся и противники латинскому церковному обряду, остались весьма оскорбленными подобнымъ наставленіемъ.

Марина выѣхала въ путь съ многочисленнымъ поѣздомъ, сопровождаемая русскими и польскими послами, отцемъ своимъ и многими польскими вельможами. Димитрій, узнавъ о ея приближеніи къ Москвѣ, выслалъ на встрѣчу ей всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ своихъ тѣлохранителей. Она въѣхала въ Москву при звонѣ колоколовъ, трубъ и барабановъ. Царь встрѣтилъ ее съ восхищеніемъ любовника и проводилъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ жила царица мать. Сендомирскій палатинъ поселился въ бывшемъ домѣ Годунова, а московскіе бояре принуждены были уступить свои дома польскимъ вельможамъ.

Черезъ четыре дня по прибытіи Марины совершенъ былъ брачный обрядъ въ соборной церкви. Придворные сановники предшествовали царицѣ, неся подушку изъ малиноваго бархата съ короною, которую было назначено возложить на главу государыни. Передъ царемъ несли скипетръ, державу и мечь. Храмъ былъ внутри весь обитъ такимъ же малиновымъ бархатомъ, вышитымъ золотомъ и серебромъ. По окончаніи обряда, новобрачные возвратились во дворецъ, при звукѣ артиллеріи и колоколовъ. О сколь надежнѣе была бы встрѣча ихъ народнымъ восторгомъ!

Сигизмундъ, ожидая всего отъ признательности царя, отправляетъ къ нему посла съ просьбою уступить ему Смоленскъ и прислать вспомогательное войско противъ Крымскихъ Татаръ. Димитрій соглашается на послѣднее предложеніе и съ твердостію отказываетъ уступить хотя бы вершокъ русской земли; впрочемъ подобная непреклонность казалась подданнымъ его лишь притворствомъ, вынужденнымъ обстоятельствами. Стрѣльцы, узнавъ о постыдномъ требованіи польскаго короля, поклялись низвергнуть царя и перерѣзать Поляковъ. Василій Шуйскій, изъ памяти котораго полученное имъ прощеніе и даже многія оказанныя ему царскія милости, не могли изгладить произнесеннаго надъ нимъ смертнаго приговора, становится въ главѣ заговорщиковъ. Онъ сперва начинаетъ

относиться о Димитріи съ явнымъ презрѣніемъ, и увлекая слушателей за собою, говоритъ: «Долго ли будемъ мы повиноваться обманщику, вводящему расколъ и ересь въ наше государство, опрокидывающему существующіе законы и попирающему святую вѣру отцевъ нашихъ. Такой позоръ обезчеститъ навсегда имя Русскаго. Довольно намъ стонать подъ игомъ властелина, польскаго раба, развращеннаго ихъ правилами до того, что Россія наша сдѣлалась уже теперь одной изъ польскихъ областей». Онъ сталъ потомъ тайно набирать войско въ окрестностяхъ столицы, но дѣло скоро разгласилось. Одинъ изъ заговорщиковъ, задержанный за неосторожныя рѣчи, признался, что они считаютъ уже до 12,000 сообщниковъ. Но задержанный освобождается безнаказанно, дабы не возбудить подозрѣнія въ его товарищахъ. Полякамъ повелѣваютъ однакоже быть на сторожѣ, и Димитрій увеличиваетъ число своихъ охранителей нѣсколькими дружинами стрѣльцовъ.

Московскій дворъ занимался до сего времени лишь праздниками и увеселеніями. Царь готовился дать 15 мая балъ и зрѣлище, никогда еще невиданное въ этой странѣ. Оно должно было состоять въ приступѣ и оборонѣ деревянной крѣпости, сооруженной нарочно для сего случая, обставленной пушками и могущею въ случаѣ нужды служить защитою противъ народа, между тѣмъ какъ стрѣльцами и полками надлежало напасть на предводителей заговора, находившихся въ числѣ зрителей. Но Шуйскій, предвидѣвъ это, дѣлаетъ тайное распоряженіе, чтобы ночью, накапунѣ назначеннаго празднества, всѣ сообщники его изъ окрестностей города собрались безъ шума въ Москву, что и было исполнено въ точности. Заговорщики прибыли въ столицу ночью во время сна придворныхъ и ударили въ набатъ. Народъ собрался отвсюду, возстаніе сдѣлалось всеобщимъ и заговорщики воспользовались смятеніемъ, чтобы занять главные оборонительные посты въ городѣ. Шуйскій является съ крестомъ и кинжаломъ въ рукахъ и клевреты его собираются кругомъ его. Онъ ведетъ ихъ въ самый Кремль и разглашая, что Поляки поклялись истребить Русскихъ, предаетъ мечу все находящееся на пути. Старики, женщины, дѣти—всѣ вооружаются, вламываются въ дома, занимаемые Поляками, которые гибнутъ беззащитно отъ неожиданности нападенія. Димитрій, пробужденный шумомъ, смѣшаннымъ съ воплями умирающихъ, посы-

ластъ начальника тѣлохранителей спросить о причинѣ смятенія, но голосъ народа даетъ знать посланному, что нѣтъ спасенія ни царю, ни ему самому. Является Шуйскій, вламывается въ двери дворца, вбѣгаетъ съ нѣкоторыми заговорщиками въ переднюю комнату Димитрія, и оттуда вызываетъ его дать отчетъ въ его дѣйствіяхъ.

Смѣлый Басмановъ поспѣшаетъ съ небольшимъ отрядомъ сохранившихъ трезвость и бросается на первые ряды мятежниковъ, напоминая всѣмъ о данной ему присягѣ; но Татищевъ, одинъ изъ зачинщиковъ бунта, вмѣсто отвѣта, вонзаетъ въ него свой кинжалъ. Вся стража Димитрія истреблена на мѣстѣ. Самъ онъ, услыша изъ своей спальни возрастающій шумъ, ищетъ какого-нибудь выхода, но тщетно, ибо всѣ выходы уже заняты врагами; тогда онъ рѣшается выскочить въ окно, но при паденіи на дворъ ломаетъ себѣ ногу и получивъ рану въ голову обливается кровью. На его крикъ прибѣгаютъ солдаты, оставшіеся ему вѣрными, и переносятъ его въ стрѣлецкую избу; стрѣльцы, соболѣзнуя его увѣчью, клянутся защищать его всѣ, до послѣдняго человѣка. Вскорѣ однако появляются сюда заговорщики съ требованіемъ, чтобы имъ выдали самозванца. Стрѣльцы отвѣчаютъ, что готовы умереть за сына Іоанна Васильевича, но услыша, что заговорщики грозятъ поджечь всю крѣпость, принуждены согласиться на выдачу Димитрія. Мятежники причиняютъ ему всякаго рода оскорбленія, какія можетъ только придумать разъяренная и необузданная чернь. Обычная твердость воскресаетъ въ несчастномъ царѣ: обращаясь къ злодѣямъ, рвавшимъ на немъ платье, бившимъ его, и рвавшимъ у него бороду, онъ говоритъ: «Ругайтесь надо мною вы всѣ, которымъ извѣстно, что я истинный сынъ великаго князя Іоанна Васильевича, вашъ законный царь, вѣнчанный въ глазахъ всѣхъ Русскихъ. Если вы еще сомнѣваетесь, то спросите о томъ у моей матери, она подтвердитъ вамъ всю истину». Эти слова остановили на время мятежниковъ, и стрѣльцы успѣли отбросить назадъ толпу, не перестававшую бранить и произносить угрозы. Отправляютъ нѣсколько человѣкъ къ вдовѣ Іоанна въ Вознесенскій монастырь, въ главѣ которыхъ идетъ самъ Шуйскій; тамъ онъ, отъ имени всего народа, умоляетъ царицу объявить, дѣйствительно ли новый царь сынъ ея, обѣщая, что ей не поставится въ укоръ родственный пріемъ, сдѣланный ею самозванцу, если она откроетъ всю правду и тѣмъ самымъ будетъ содѣйство-

вать Русскимъ избавиться отъ мучителя, запятнавшаго престолъ Великаго Іоанна. Царица отвѣчала: «Нынѣшній царь не сынъ мнѣ, а самозванецъ. Вы сами его признали за сына Іоаннова и брата Θеодора, и потому я, боясь смерти, также признала его. Не самъ ли ты, князь Шуйскій, предводительствовалъ его защитниками и угрожалъ наказаніемъ тѣмъ, кто осмѣлится назвать его самозванцемъ. Стоя за Отрепьева, ты удовлетворялъ мщенію твоему противъ Годунова, и я, этимъ же самымъ, спасла свою жизнь и мстила за убіеніе настоящаго Димитрія: и такъ ты видишь, что мы оба дѣйствовали по однимъ и тѣмъ же причинамъ». Это былъ роковой приговоръ самозванцу. Стрѣльцы выдаютъ его на жертву народа, и всѣ, жаждавшіе участвовать въ смертоубійствѣ, кидаются на него въ одинъ мигъ. Тѣло убитаго связываютъ съ тѣломъ Басманова и оба трупа волокутъ по улицамъ, потомъ выставляютъ ихъ на позоръ на торговой площади, гдѣ они остаются два дня, и предаютъ ихъ тамъ же огню.

Заговорщики разходятся по разнымъ направленіямъ, не щадя даже и Русскихъ, одѣтыхъ по-польски. Часть ихъ бѣжитъ къ дворцу, въ покои молодой царицы, съ намѣреніемъ умертвить ее, но останавливается, пораженная неустрашимостію ея взгляда и величіемъ ея осанки. «Я готова, злодѣи, говоритъ она, предайте меня смерти»! Но ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ поднять на нее руку, столь казалась она имъ достойною царскаго вѣнца. Они обратили свой гнѣвъ на Поляковъ, устремились на дома, занятые сендомирскимъ палатиномъ и другими польскими вельможами; но русскіе бояре предвидя послѣдствія отъ подобной сѣчи, согласились единодушно остановить ярость убійцъ и позвали на помощь стрѣльцовъ, которые скоро разогнали мятежную толпу и поставили стражу при всѣхъ домахъ, занятыхъ чужеземцами. Убитыхъ было всего 1200 Поляковъ и 400 Русскихъ».

Этотъ разсказъ Леклерка могъ бы показаться вымышленнымъ, если взять его въ отдѣльности и безъ сличенія съ прочими современными писателями; но по прочтеніи всего, изложеннаго выше и документовъ, помѣщаемыхъ здѣсь же, онъ представляется правдоподобнымъ и дополняющимъ все предшествующее; поэтому мы надѣемся, что прозорливый читатель не затруднится составить себѣ настоящее понятіе о семъ происшествіи и уразумѣть всю комедію, разыгранную Димитріемъ.

Прилагаемые при семъ документы собраны нами изъ достовѣрныхъ источниковъ и находятся у насъ. Они конечно не раскрываютъ ничего новаго о настоящемъ происхожденіи Димитрія, но разъясняютъ отчасти всю эту интригу, и подтверждая многое изъ сказаннаго Италіянцемъ Чилли и Французомъ Леклеркомъ, обнаруживаютъ довольно опредѣлительно, въ какомъ духѣ и по какимъ причинамъ дѣйствовали его приверженцы.

ДОКУМЕНТЫ.

I.

Письмо іезуита Антонія Поссевина къ великому герцогу тосканскому.

Всемилостивѣйшій и святѣйшій во Христѣ Государь!

Я чувствую, что во всѣхъ дѣлахъ, до славы Господа Бога относящихся, могу прибѣгать къ покровительству вашей свѣтлости, такъ какъ я уже въ теченіе многихъ лѣтъ, въ продолженіе путешествій моихъ на сѣверѣ, получалъ многія отъ васъ милости, особенно въ недавнее время, по случаю нашихъ дѣлъ съ Франціею, за которыя милости я навѣки остаюсь вамъ благодарнымъ. Но бывъ теперь занятъ въ Венеціи начатымъ мною печатаніемъ (которое съ Божіею помощію окончится нынѣшнимъ лѣтомъ), я лишь письменно доношу вашей свѣтлости о разныхъ переданныхъ мнѣ дѣлахъ, касающихся Англіи, Франціи и Московіи, и о моихъ разныхъ соображеніяхъ относительно распространенія христіанской вѣры.

Угодно было Господу Богу, путями Ему извѣстными, привести въ Краковъ къ свѣтлѣйшему польскому королю князя Димитрія, послѣдняго сына московскаго великого князя (того самого, котораго я два раза посѣщалъ), спасеннаго чудеснымъ образомъ въ колыбели отъ тирана, искавшаго извести его, чтобы получить вмѣсто его престолъ. Тамъ (въ Краковѣ) онъ былъ наставляемъ въ вѣроисповѣданіи Католической Церкви, исповѣдывался у нашихъ, и принялъ таинство миропомазанія отъ г. папскаго нунція въ Польшѣ, послѣ чего самъ писалъ къ его святѣйшеству, блаженной памяти

Климонту VIII, изъявляя свое послушаніе и обѣщая обратить свое царство въ католическую вѣру, если удастся ему завладѣть онымъ. И такъ онъ отправился въ Литву, гдѣ уже были собраны войска для сего предпріятія свѣтлѣйшимъ королемъ польскимъ, и въ сопровожденіи другихъ лицъ, въ особенности же двухъ нашихъ патеровъ изъ надежныхъ духовныхъ особъ, и по вступленіи его на Московскую землю, его стали признавать за законнаго наслѣдника обширныхъ этихъ владѣній. Въ теченіи одного года, разныя крѣпости сдались ему, а съ 2-го числа марта успѣхи его увеличились. Не взирая на молодые его года, ибо ему немного болѣе 20 лѣтъ, онъ вездѣ отличается храбростію и умомъ не по лѣтамъ. Если я не извѣщалъ чаще вашу свѣтлость о сихъ происшествіяхъ, то это было потому, что ожидалъ окончанія военныхъ дѣйствій, тамъ еще продолжающихся. Изъ числа полученныхъ мною писемъ изъ Московіи и изъ Кракова, препровождаю при семъ вашей свѣтлости одно отъ нашего патера, находящагося при князѣ московскомъ, въ которомъ онъ, отъ имени князя, проситъ меня доставить ему Библію на славянскомъ языкѣ, въ чемъ покорнѣйше васъ прошу содѣйствовать мнѣ, и симъ участвовать къ открытію столь значительныхъ дверей къ Сѣверу и къ Востоку. Книгу эту можно пріобрѣсть въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ и полезно было бы снабдить таковыми эти обширныя земли. Хотя можетъ казаться смѣлостію съ моей стороны, что я утруждаю вашу свѣтлость такой просьбою, тогда какъ мнѣ извѣстно, что вы обременены другими занятіями, но прошу васъ причесть такую ревность мою къ желанію быть полезнымъ симъ душамъ, и тѣмъ болѣе, что о вашемъ великодушіи, опытности и готовности дѣйствовать во славу Божію извѣстно цѣлому міру, равно какъ и о успѣхахъ вашихъ предпріятій, благодаря коимъ ломаются турецкіе рога. Въ Римѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была основана типографія для арабскаго языка, теперь же его святѣйшество имѣетъ намѣреніе учредить также типографію для греческаго языка. Судя по теперешнимъ событіямъ въ Московіи, незатруднительно будетъ воспользоваться ими, чтобы заняться рутенскимъ языкомъ, и симъ способомъ ввести въ это государство просвѣщеніе, въ которомъ тамъ весьма нуждаются. Въ теченіи 40-лѣтняго моего пребыванія вблизи Пиренейскихъ горъ и Бискаіи, я удостовѣрился, что Кальвинисты, для введенія своего еретическаго ученія въ

Беарнской провинціи и въ Испаніи, основали типографію этого столь труднаго языка, и довольно извѣстно всѣмъ, какое зло они причинили во всей Европѣ печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ; потому-то надо употребить тоже самое средство, чтобы противодѣйствовать тождественному злу (*).

Я знаю, что во время блаженной памяти Григорія XIII печатались разныя книги на сербскомъ языкѣ, а на греческомъ напечатаны «дѣянія Флорентійскаго собора»; книгу эту я возилъ съ собою къ московскому великому князю. Но какъ я не нашелъ тамъ никого знающаго по-гречески, рутенскія же буквы несходны съ сербскими, то старался напечатать въ Вильнѣ, въ Литвѣ, нѣсколько сотенъ катихизисовъ рутенскими буквами; но тамошніе типографщики, коими были схизматики, включили сюда

(*) Поссевинъ, по видимому, не раздѣлялъ средство, указанное съ этою же цѣлью французскому королю Франциску I—запретить вовсе книгопечатаніе и тѣмъ помѣшать еретикамъ распространять ученіе. Къ счастію, парижскій архіепископъ де Бэлле (de Bellaë) воспротивился такой мѣрѣ.

Восточная медицейская типографія была основана въ Римѣ кардиналомъ Фердинандомъ Медичи (впослѣдствіи Фердинандомъ I,—герцогомъ тосканскимъ), и по смерти Іоанна Раймонда, перваго ея директора, пришла въ упадокъ; изданія ея выходили со многими ошибками, такъ что герцогъ Косьма I (сынъ герцога Фердинанда I) хотѣлъ даже совершенно закрыть ее; но маронитъ Викторій Аккоречіо возсталъ противъ этого, доказывая, что вкравшіяся погрѣшности въ печати Евангелія произошли отъ неумѣстнаго довѣрія къ турецкому невольнику, коему поручена была корректура, и что подобная мѣра несовмѣстна съ славою Медичисовъ, вмѣсто чего слѣдовало бы даже исполнить намѣреніе отца герцога, Фердинанда I-го, и напечатать «Полиглотъ-Библію», которая бы и называлась медицейская Библія.

Изъ этой типографіи вышли: сочиненія Авиццина, Евклида, арабское Евангеліе, еще такое же съ латинскимъ текстомъ между строками, географія Нубіи, арабская грамматика, подъ заглавіемъ *Каффія,* и грамматика однихъ только арабскихъ глаголовъ, подъ заглавіемъ Тазрифъ (изданіе не находящееся въ продажѣ). Предположено было издавать и другія книги, въ числѣ которыхъ вышепомянутый Раймондо намѣревался напечатать персидскую грамматику, но ничего болѣе не было предпринято и типографія была окончательно уничтожена. Впрочемъ, тосканскіе герцоги позволяли, въ разное время, частнымъ лицамъ употреблять эти станки, какъ напр. для изданія Аполлона Перегея, и въ наше даже время для книги подъ названіемъ «Ахмедъ Тейфашитъ, или отборныя мысли о драгоцѣнныхъ камняхъ», по-

разныя невѣрности. Это побудило меня перевести на рутенскій языкъ и переложить на ихъ буквы разныя книги, которыя я и отдалъ въ рукописи великому князю, но не знаю существуютъ ли они теперь, такъ какъ возникла тамъ война между законнымъ царемъ и похитителемъ престола, который однакоже недавно умеръ. Объ этомъ я писалъ нашимъ патерамъ въ Московію. Я также основалъ семинарію для Рутеновъ въ Вильнѣ и другую, въ меньшомъ размѣрѣ, въ Дерптѣ. Но при преемникахъ Григорія XIII не понимали въ Римѣ всю важность этого обстоятельства, и въ Литвѣ никто не могъ предъугадать, что Всевышній назначитъ столь сверхъестественный способъ, какой представляется теперь, для того, чтобы призвать къ себѣ Московію, и потому этимъ пренебрегли и окончательно прекратили денежныя высылки, необходимыя къ приготовленію воспитанниковъ, которые были бы теперь готовы къ оплодотворенію столь обширнаго вертограда.

Но какъ въ настоящее время возсѣдаетъ милостію Божіею на папскомъ престолѣ Павелъ V, душевныя доблести коего вашей свѣтлости довольно извѣстны и сами вы находитесь въ живыхъ (и да сохранитъ Васъ Господь на многія лѣта, ради славы Его), я же достигъ преклонныхъ лѣтъ, и чувствую, что совѣсть моя останется неочищенной, если не передамъ хоть на бумагѣ то, что можетъ служить для настоящаго дѣла, которое если будетъ съ самаго начала направлено удовлетворительно, то можетъ въ послѣдствіи получить широкое распространеніе и даже съ небольшими издержками,—то я представляю все на премудрое благоусмотрѣніе ваше, при чемъ увѣдомляю васъ, что генералъ-патеръ нашего ордена доводитъ до

арабски съ италіянскимъ переводомъ, напеч. въ Флоренціи, въ 1818 г. Въ настоящее время эти станки, съ ихъ принадлежностями, хранятся въ флорентинской публичной библіотекѣ «Лауренціана». *Примѣч. Чіямпи.*—Упомянутая библіотека, носящая имя основателя ея, Лоренцо Медичи, прозваннаго *великолѣпнымъ* (Il Magnifico), состоитъ вся изъ древнихъ рукописей, и считается одною изъ первыхъ драгоцѣнностей Флоренціи. Лѣстница, ведущая въ библіотеку, сооружена безсмертнымъ Микель Анджело. Въ числѣ хранящихся здѣсь рукописей находится подлинная пергаминная грамота, или актъ о соединеніи Восточной и Западной Церкви, съ подписями участвовавшихъ на Флорентинскомъ соборѣ въ 1439 г. и согласившихся на это соединеніе; между ними и подпись Исидора, патріарха Россіи. *Переводч.*

свѣдѣнія его святѣйшества все то, что ему писали наши отцы изъ Московіи. Вы сами усмотрите, нужно ли будетъ по инымъ обстоятельствамъ войти вамъ въ личныя сношенія съ его святѣйшествомъ, къ которому, признавая мою ничтожность, я не осмѣлился обратиться письменно, не смотря даже на то, что въ послѣдніе три года бытности его еще въ кардинальскомъ санѣ я получилъ болѣе одного письменнаго доказательства благосклонности его ко мнѣ.

Возвращаясь затѣмъ къ дѣлу о славянской библіи, я тщетно искалъ здѣсь такого изданія, нашелъ только служебникъ, посланія апостоловъ, евангелія и маленькій катехизисъ на далматскомъ языкѣ, которыя и отправлю на сей же недѣлѣ къ московскому князю (*). Еще прежде я отправилъ къ нему описаніе успѣшныхъ дѣйствій короля Франціи въ пользу католицизма и объ устроенныхъ имъ новыхъ духовныхъ училищахъ, дабы и московскій князь, въ сердце коего Всевышній вложилъ подобное направленіе, могъ бы одинаковымъ образомъ дѣйствовать въ своемъ государствѣ. И наоборотъ, я также передалъ французскому королю о дѣйствіяхъ московскаго князя, дабы тѣмъ возбудить во Франціи рвеніе къ возстановленію прежняго богослуженія.

Теперь позвольте мнѣ изложить передъ вашею свѣтлостію нѣкоторыя мои соображенія, могущія служить для будущихъ вашихъ предпріятій.

Когда я въ первый разъ посланъ былъ въ Московію для переговоровъ о мирѣ между Польшею и Московіею (продолжающимся донынѣ), я заѣзжалъ мимоходомъ къ властямъ Венеціянской Республики по приказанію папы Григорія XIII, чтобы имъ сообщить о порученномъ мнѣ дѣлѣ; въ это время свѣтлѣйшій дожъ Понте сказалъ мнѣ въ полномъ собраніи: «Идите, отецъ, и постарайтесь утвердить миръ между Польшею и Московіею, потому что эти двѣ державы достаточны для покоренія Турка», что̀ самое онъ повторилъ мнѣ, когда я, возвращаясь съ успѣхомъ оттуда съ послами, которыхъ привезъ съ собою въ Римъ, вторично заѣзжалъ въ Венецію по повелѣнію же его святѣйшества объявить тамъ о сей милости, оказанной Всевышнимъ. Его святѣйшествомъ также поручено было мнѣ составить общій союзъ противъ Турокъ; но германскій

(*) См. примѣчаніе въ концѣ этихъ документовъ подъ литерою А.

императоръ не могъ на это согласиться по разнымъ причинамъ, а король Стефанъ открылся мнѣ въ его замыслахъ по сему предмету, да и здѣшняя Республика не вполнѣ благопріятствовала такому предпріятію, и потому я предпочелъ объявить, что небезъизвѣстно его святѣйшеству о всѣхъ сихъ затрудненіяхъ, и не настаивалъ болѣе на мѣру, тогда неисполнимую: и я дѣйствовалъ такъ дабы не уронить его святѣйшество въ мнѣніи здѣшнихъ сеніоровъ, и чтобы они въ случаѣ нужды готовы были содѣйствовать къ устраненію разрушенія, угрожающаго всему христіанскому міру.

Но какъ нынѣ, вопреки всякой человѣческой усмотрительности, можно надѣяться на продолжительный миръ между Польшею и Московіею и на возможность, что на русскій престолъ возсядетъ или католическая государыня, или рутенская, но которую можно будетъ склонить къ принятію исповѣданія Римской Церкви, то вы сами усмотрите, что время настало приступить къ исправленію дѣлъ въ Венгріи, и чтобы мощныя державы Польши и Московіи соединить съ германскимъ императоромъ для отраженія всеобщей грозы, особенно опасной для Италіи и Германіи. Семейныя узы соединяютъ уже короля польскаго съ императорскимъ величествомъ, а что касается до московскаго князя, то можно на него смотрѣть какъ на сына польскаго короля, сколько потому, что онъ обращенъ къ католицизму краковскими нашими патерами, столько и потому, что онъ состоитъ въ долгу за вспомоществованіе, ему оказанное. И для сихъ дѣлъ весьма много значитъ внезапная кончина апоплексическимъ ударомъ великаго канцлера, потому что съ нимъ прекратились затрудненія, которыя онъ представлялъ въ германскихъ дѣлахъ,—поощреніе, оказанное имъ трансильванскимъ и венгерскимъ инсургентамъ, и поддержка извѣстная мнѣ по опыту, данная имъ конфедераціи еретиковъ противъ польскаго короля, не говоря уже о иныхъ обстоятельствахъ, происходившихъ между мною и имъ, въ Московіи и Лифляндіи, причинившихъ тогда остановку въ дѣлахъ Католической Церкви.

Сверхъ сего, французскій король могъ бы вести тайную войну съ Турками не обнажая меча и съ небольшими денежными издержками, ибо г. де Салиньякъ, посолъ его величества въ Константинополѣ и ревностный католикъ, пишетъ ко мнѣ (и о томъ онъ писалъ также въ Римъ), чтобы выслать въ Перу нѣсколькихъ изъ

нашихъ патеровъ, въ чемъ дано было согласіе султана предшествующему послу г. де Бривъ, нынѣ отправившемуся въ Іерусалимъ. Онъ самъ (г. де Салиньякъ) указываетъ на этотъ способъ для раскрытія дверей на Востокъ, какъ на способъ, употребленный уже съ успѣхомъ въ Японіи, Китаѣ и въ прочихъ мѣстахъ.

И такъ, соображаясь съ мыслями г. де Салиньякъ, и припоминая притомъ, что французскій король можетъ, по примѣру святаго короля Лудовика, предка своего, предпринять борьбу, но теперь безъ оружія, противъ Сарациновъ, я рѣшился, ради славы Всевышняго, передать вашей свѣтлости всѣ мои мысли.

Вы, освободившій недавно Превессу съ немногими галерами (чего не могли до васъ сдѣлать съ сотнею судовъ), найдете конечно случай письменно снестись съ королевой Франціи и убѣдить ее къ содѣйствію сему предпріятію; а также вы могли бы намекнуть о томъ его святѣйшеству самому, хотя вѣроятно ему о всемъ уже извѣстно. Я писалъ по сему поводу во Францію, въ надеждѣ что король, который основываетъ у себя столь много нашихъ училищъ, согласится принять подъ свое покровительство значительное число отцевъ нашего ордена въ Перѣ. Въ островѣ Хіо наши школы удовлетворительно дѣйствуютъ. А какъ мнѣ хорошо извѣстно, что его величество король французскій питаетъ глубокое уваженіе къ особѣ вашей свѣтлости и дорого цѣнитъ ваши мнѣнія, то и умоляю васъ, именемъ Спаса нашего Іисуса Христа, заняться симъ священнымъ предпріятіемъ, и для сего препровождаю къ вамъ послѣднія письма, полученныя мною изъ Перы отъ г. де Салиньяка и отъ его капеллана.

Извольте припомнить, что вы сами нѣкогда одобряли мое предположеніе касательно г. дю-Френъ, который находится въ настоящее время здѣсь посломъ отъ французскаго короля, то есть, что если бы онъ имѣлъ это званіе при англійскомъ королѣ, то можетъ быть успѣлъ бы обратить Британскій островъ къ Римской Церкви. Этотъ вельможа былъ самъ еретикомъ въ продолженіи тридцати лѣтъ и изучилъ глубоко богословскія пренія лютеранъ, кальвинистовъ и другихъ исповѣданій; вотъ почему его примѣръ могъ бы подѣйствовать на англійскаго короля. А какъ г. дю-Френъ уже четвертый годъ здѣсь посломъ и вѣроятно скоро будетъ замѣненъ другимъ, то вашей свѣтлости представится случай

сдѣлать предложеніе о вышесказанномъ французскому королю и вы сами можете усмотрѣть, какая польза произойдетъ отъ этого въ будущемъ, безъ всякаго нарушенія мира. Если такое предположеніе мое, съ помощію Всевышняго, осуществится, то французская корона еще сильнѣе утвердится за дофиномъ, племянникомъ вашего высочества (*) и возникнетъ сильнѣйшая преграда всему христіанскому міру противъ Турокъ и противъ ереси. Я слышалъ, что его святѣйшество Климентъ VIII намѣревался отправить г. кардинала де-Перонъ къ англійскому королю по предмету возвращенія Англіи къ апостольскому сѣдалищу, и если его святѣйшество Павелъ V захочетъ тоже самое сдѣлать, то г. дю-Френъ былъ бы наилучшій предшественникъ помянутому г. кардиналу для склоненія англійскаго короля въ пользу сего дѣла, тѣмъ болѣе, что г. дю-Френъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ г. кардиналомъ де-Перонъ. Слѣдовательно нечего опасаться, чтобы возникли какія-нибудь непріятности между французскимъ посломъ и легатомъ его святѣйшества. «А когда двое или трое соберутся вмѣстѣ во имя Іисуса Христа, то все просимое ими отъ Бога дается имъ». Къ сему имѣю добавить, что этотъ французскій вельможа былъ очень извѣстенъ предшествующему первосвященнику по случаю обращенія его, супруги его и дѣтей къ нашему исповѣданію здѣсь въ Венеціи, и его святѣйшество Климентъ VIII предписалъ мнѣ въ то время собственноручно уговорить г. дю-Френа снова приняться, вмѣстѣ съ другими ультрамонтанами (**) за состязанія съ еретиками, съ свойственнымъ ему искусствомъ и ученостію. Его святѣйшество желалъ воспользоваться его назначеніемъ въ послы при здѣшней Республикѣ, чтобы удостоить его особеннымъ знакомъ благоволенія; а какъ онъ намѣревается, передъ выѣздомъ изъ Италіи, посѣтить Лоретто и Римъ, то милостивое къ нему вниманіе его святѣйшества поощритъ его приступить къ дѣлу. И въ этомъ также ваша свѣтлость можете оказать болѣе одной услуги.

У г. дю-Френа воспитываются, по моему совѣту, въ Болоньѣ, у

(*) Дофинъ былъ сынъ Генриха IV и Маріи Медичи (сестры тосканскаго герцога Косьмы II), а впослѣдствіи королемъ Франціи подъ именемъ Лудовика XIII. *Переводч.*

(**) Здѣсь конечно подъ именемъ ультрамонтановъ разумѣются Французы *Переводч.*

нашихъ патеровъ три сына, всѣ съ хорошимъ направленіемъ: старшій же изъ нихъ готовится, по желанію родителя, въ духовное званіе. Ему теперь около 12 или 13 лѣтъ, но чистотою души, набожностію и умственными способностями онъ удивляетъ весь городъ. Я полагаю, что если бы его святѣйшество благоволилъ приказать болонскому г. вице-легату обратить особенное вниманіе на сего юношу и, вмѣстѣ съ симъ, вновь назначенный сюда въ Венецію г. нунцій имѣлъ бы порученіе передать самому г. дю-Френъ и его супругѣ благословеніе его святѣйшества, то ревность сего вельможи къ дѣлу, всему христіанству общеполезному, усугубилась бы.

За тѣмъ, молю Господа Бога да исполнитъ Онъ Свою благодать на вашу свѣтлость со всѣмъ вашимъ домомъ и вашими владѣніями навѣки.

Изъ Венеціи, 10 іюля 1605 г.

Вашей свѣтлости
всепокорнѣйшій слуга во Христѣ
Антоній Поссевинъ.

II.

Пери Джиральди къ его высочеству великому герцогу тосканскому.

Свѣтлѣйшій государь мой.

Прибывъ въ Нюренбергъ, я встрѣтилъ здѣсь купцовъ изъ Польши, съ которыми намѣреваюсь отправиться туда, а на франкфуртскую ярмонку я опоздалъ, частію по причинѣ задержавшей меня въ Венеціи болѣзни, а частію потому, что не нашелъ спутниковъ, съ которыми могъ бы ѣхать туда. Отъ упомянутыхъ купцовъ я узналъ слѣдующее о дѣлахъ въ Московіи. Коронованіе князя Димитрія совершилось 20 іюля, къ общему удовольствію народа. Ему около 24 лѣтъ отъ роду и онъ всѣми успѣхами обязанъ г. сендомирскому палатину, который истратилъ почти все свое состояніе на поддержаніе сего князя. По общему мнѣнію, его величество долженъ жениться на дочери сего польскаго магната; но достовѣрнаго еще ничего нѣтъ. Впрочемъ, московскій князь переслалъ уже палатину до 200,000 скудовъ въ уплату занятыхъ у него денегъ по случаю коронованія. Онъ подъ клятвою обѣщалъ народу: 1) что никто изъ иностранцевъ не будетъ допущенъ къ высшимъ должно-

стямъ государства, что весьма естественно; 2) что не дозволено будетъ имѣть болѣе одного католическаго храма въ каждомъ городѣ, что относится и къ Москвѣ; 3) что Поляки, содѣйствовавшіе ему вступить на престолъ, будутъ награждены одними только деньгами, но отнюдь не получатъ недвижимыхъ имѣній въ Россіи, и что торговля будетъ свободна и открыта для всѣхъ. Г. нунцій при польскомъ королѣ Рангони отправилъ къ нему, какъ къ князю ревностному къ Католической Церкви, своего секретаря съ четырьмя слугами, ибо московскій князь также много обязанъ г. нунцію за оказанную ему поддержку и имѣетъ къ нему великое довѣріе. Говорятъ также, что послы изъ Московіи поѣдутъ въ Римъ, къ германскому императору и къ польскому королю. Этотъ князь воспитывался *въ дѣтствѣ* (*) у францисканцевъ, а впослѣдствіи у іезуитовъ, и въ юности находился въ услуженіи у сендомирскаго палатина и свободно владѣетъ языками польскимъ, латинскимъ и природнымъ ему, русскимъ, хотя впрочемъ между русскимъ и польскимъ нарѣчіемъ небольшая разница. Мнѣ сперва казалось, что я знавалъ его лично, но убѣдился въ ошибкѣ своей, принимал вмѣсто его сына смоленскаго палатина, который бѣжалъ къ московскому великому князю Іоанну Васильевичу, отцу нынѣшняго царя. Всѣ вообще, а также и купцы ожидаютъ много хорошаго отъ него. Онъ невеликъ ростомъ, но отличается умомъ, необыкновенными способностями и оказываетъ большую приверженность римскому престолу и польскому королю. Когда я прибуду въ Московію, то не оставлю передать вашей свѣтлости болѣе положительныя свѣдѣнія о сихъ дѣлахъ, извѣстныхъ мнѣ до сего времени лишь по разсказамъ вышепомянутыхъ купцевъ, нашихъ флорентинскихъ соотечественниковъ. Кое-что я разузнаю по пріѣздѣ моемъ въ Краковъ, гдѣ этотъ князь былъ обласканъ г. нунціемъ.

Извѣстно-ли вашей свѣтлости, что недавно прибыли къ императорскому германскому двору персидскіе послы, которые готовятся теперь въ обратный путь и ихъ провожаетъ какой-то графъ, нарочно туда императоромъ посылаемый. Не мѣшало бы и вамъ воспользоваться симъ вѣрнымъ случаемъ, чтобы отправить туда когонибудь. Я упоминаю объ этомъ потому только, что слышалъ отъ

(*) Въ подлинникѣ: «*in minoribus*».

г. Риккардо, что имѣется надобность пріобрѣсть камней изъ того края (*).

Я завтре же отъѣзжаю въ путь въ Московію черезъ Польшу, гдѣ и буду ожидать дальнѣйшихъ вашихъ повелѣній. Въ Ахенѣ я встрѣтилъ третьяго сына саксонскаго герцога, именемъ Августа, путешествующаго *инкогнито* съ свитою изъ четырехъ прислужниковъ изъ дворянскаго званія. Это юноша весьма благовоспитанный; онъ намѣренъ провести тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, о чемъ довожу до свѣдѣнія вашей свѣтлости.

Изъ Нюренберга, 26 сентября 1605 г.

Вашей свѣтлости

покорнѣйшій слуга

Неро Джиральди.

III.

Отъ него же къ г. Велизарію Винта, секретарю тосканскаго великаго герцога.

Милостивѣйшій государь мой.

По прибытіи моемъ сюда въ Краковъ, восемь дней тому назадъ, я вручилъ ваше письмо г. Чекки, передавъ ему словесно приказанія его свѣтлости, нашего великаго герцога, и онъ изъявилъ готов-

(*) Эти каменья выписывались нарочно для мозаичныхъ работъ, производимыхъ изъ цѣльныхъ драгоцѣнныхъ и крѣпкихъ камней и разноцвѣтныхъ европейскихъ и заморскихъ мраморовъ, которые распиливаются для этого, и подбираются подъ тѣни и очертанія (contours) предметовъ, состоящихъ изъ букетовъ цвѣтовъ, вазъ или чашекъ съ фруктами, птицъ, насѣкомыхъ, или арабесковъ (но никогда изъ ландшафтовъ или фигуръ), и вставляемыхъ въ цѣльныя большія доски, или столы изъ гранита, порфира, яшмы и проч. Это единственное заведеніе въ цѣломъ мірѣ и извѣстно подъ именемъ «Fabrica de pietre dure». Оно основано медицейскими князьями, существуетъ донынѣ, и отличается изящностію рисунковъ и тщательностію отдѣлки. По искуству эта мозаика многимъ превосходитъ римскую мозаику, набираемую изъ маленькихъ четвероугольниковъ, сдѣланныхъ изъ крашеннаго состава, которая при разсмотрѣніи ея вблизи непріятно поражаетъ зрѣніе сѣтью угловъ, наподобіе шитью на канвѣ. Такъ какъ работы производятся здѣсь иждивеніемъ тосканскихъ герцоговъ, и сама фабрика составляетъ ихъ принадлежность, то выдѣлываемые на ней предметы не поступаютъ въ продажу, а только въ тосканскіе дворцы, или назначаются самими герцогами въ подарокъ европейскимъ госу-

ность свою исполнить всё ему предписанное. Онъ пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ и личнымъ расположеніемъ короля, наградившимъ его, съ соизволенія Сената, кавалерскимъ орденомъ. Здѣсь у него есть недвижимыя имѣнія и онъ состоитъ и по сіе время на дѣйствительной службѣ: тѣмъ не менѣе столь искренно его желаніе быть полезнымъ настоящему своему государю, что онъ безъ всякаго колебанія согласился сопутствовать мнѣ въ Московію, и ревностнѣе его никого изъ нашихъ соотечественниковъ здѣсь нѣтъ. Онъ намѣревался писать къ его свѣтлости и къ вамъ. Ему весьма желательно удостоиться отвѣта от герцога, чтобы этимъ возвыситься въ глазахъ здѣшнихъ вельможъ. Недавно онъ здѣсь же женился. Такъ какъ бракъ польскаго короля совершится не ближе конца наступающаго мѣсяца и я отправлюсь въ Данцигъ поздравить великаго маршала, то мы не можемъ отбыть въ путь ранѣе будущаго марта. Сеймъ соберется здѣсь для обсужденія дѣлъ, касающихся Пруссіи и Московіи, для назначенія сановниковъ на вакантныя мѣста и проч., но главнымъ образомъ, для предпріятія мѣръ противъ татарскихъ набѣговъ, стоившихъ жизни множеству людей на Волыни и въ Подоліи. Московскій посолъ теперь въ дорогѣ сюда, и съ нимъ должны возвратиться люди, посланные г. нунціемъ въ Московію. И такъ, черезъ нихъ можно будетъ узнать о происходящемъ тамъ,—впрочемъ г-ну Чекки довольно хорошо извѣстно о сихъ дѣлахъ. Я имѣлъ съ нимъ разговоръ по поводу смутъ, случившихся тамъ по дѣлу о религіи, но кажется, что въ настоящее время всё утихло, благодаря осторожнымъ дѣйствіямъ великаго князя. Онъ объяснилъ недовольнымъ, что для пріѣзда

дарямъ или другимъ высшимъ особамъ. Чрезмѣрная медленность этихъ работъ (ибо роспилка иныхъ камней, имѣющихъ до одного вершка толщины, требуетъ иногда цѣлую недѣлю времени, а окончательная отдѣлка одного стола беретъ иногда 10 и болѣе лѣтъ) и недоступная цѣнность такихъ предметовъ для частнаго лица препятствуютъ поступленію ихъ въ продажу. Иногда однакоже, съ разрѣшенія герцоговъ, фабрика принимаетъ заказы для частныхъ лицъ; такъ напр., въ мою бытность во Флоренціи, ей сдѣланы были заказы для нашей императорской фамиліи; но эти случаи весьма рѣдки. Лучше всего удаются виноградныя кисти съ зернами изъ цѣльныхъ аметистовъ, и жемчужныя ожерелья какъ бы брошенныя на столъ. Для этихъ работъ выписываются почти ежегодно разные камни изъ Сибири, Персіи и другихъ отдаленныхъ мѣстъ. *Переводч.*

г. сендомирскаго палатина (котораго скоро ожидаетъ и которому онъ, послѣ Бога, столь много обязанъ за удачу своего предпріятія), необходимо имѣть въ Москвѣ храмъ его вѣроисповѣданія, и потому сооружается тамъ латинская церковь (подъ надзоромъ, какъ кажется, іезуитовъ). Здѣсь подтверждаются слухи, что царь женится на дочери означеннаго палатина: не взирая на сдѣланныя ему другія предложенія о бракѣ съ великими княжнами, онъ ни за что не хочетъ измѣнить данному слову, и говоритъ, что за нарушеніе его Всевышній лишилъ бы его святаго Своего покровительства. Говорятъ, что молодая княжна одарена красотою и всѣми возможными качествами.—Торговля между Московіею и Польшею свободна, о чемъ ходатайствуетъ мать царствующаго великаго князя, потому что, благодаря Полякамъ, сынъ ея получилъ обратно родительское достояніе. Иные утверждаютъ, что въ этой странѣ находятся большія сокровища, что довольно правдоподобно, ибо оттуда не вывозили ничего въ теченіи столь многихъ лѣтъ. Путь нашъ пролегаетъ черезъ Вильну, въ Литвѣ, городъ, находящійся въ 110 льё отъ Кракова, а отсюда до Москвы около 150 льё. Когда я совсѣмъ возвращусь изъ всѣхъ сихъ странъ, то привезу съ собою портретъ московскаго князя, обѣщанный мнѣ г. великимъ маршаломъ Николаемъ Вольскимъ, однимъ изъ первыхъ вельможей въ здѣшнемъ государствѣ, расположеніемъ котораго я пользуюсь. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, два племянника его учились въ Пизѣ. Я, какъ слуга свѣтлѣйшаго нашего государя, встрѣчаю здѣсь благосклоннѣйшій пріемъ отъ всѣхъ, и отъ г. маршала Вольскаго въ особенности. Ожидаютъ ежедневно сюда г. сендомирскаго палатина, съ которымъ я вовсе незнакомъ, но не менѣе того надѣюсь познакомиться. Я всячески стараюсь держать себя прилично, дабы при случаѣ быть полезнымъ его свѣтлости. Мнѣ сказывали, что король польскій приглашалъ свѣтлѣйшаго нашего государя на свою свадьбу, и предполагаютъ, что и нашъ великій герцогъ долженъ будетъ отправить кого-нибудь поздравить его величество. Считаю излишнимъ предлагать мои услуги для сего торжества, ибо его свѣтлости довольно извѣстна готовность моя исполнять всѣ его приказанія; но позволю себѣ замѣтить, что здѣсь тратится множество денегъ, между тѣмъ я, выѣхавъ въ путь лишь съ 300 червонцевъ, объѣхалъ, по дѣламъ его свѣтлости, нашего государя, болѣе мѣстъ, чѣмъ прежде расчиты-

валъ. Впрочемъ, полагаюсь на васъ, М. Г., и на щедрость его свѣтлости относительно какого-либо вознагражденія, самъ же я не могу употреблять много денегъ. Я не желаю ничего лишняго, лишь бы поддерживать себя съ честію въ званіи слуги его свѣтлости и его семейства; такъ мыслятъ и всѣ наши. Приготовленія къ царскому браку начались, но не одобряется вообще, что его величество женится на родной сестрѣ первой своей супруги, такъ что многіе вельможи отказываются присутствовать при бракѣ. Войска его величества разбили близь Риги, въ Лифляндіи, герцога Карла, который получилъ въ дѣлѣ три значительныя раны, и какой-то графъ Мансфелдъ убитъ. Хотя Поляковъ было только 3000, но они совершенно почти истребили враговъ, которыхъ было до 11 тысячъ. Передайте отвѣтное ваше ко мнѣ письмо г. венеціянскому послу, находящемуся при нашемъ дворѣ, а онъ доставитъ его мнѣ черезъ гг. Манелли.

Теперь буду ожидать новыхъ приказаній, а между тѣмъ поручаю себя милостямъ вашимъ, смотря на васъ какъ на моего покровителя и благодѣтеля. За симъ свидѣтельствую вамъ мое почтеніе.

Изъ Кракова, 22 октября 1605 г.

Нери Джиральди.

IV.

Отъ того же къ тому же Велизарію Винта.

Изъ Кракова, 20 ноября 1605 г.

Всемилостивѣйшій мой государь и господинъ.

Въ отвѣтѣ моемъ на полученное мною письмо черезъ Тиція я изложилъ все то, что имѣлъ передать вамъ: теперь прибавлю только, что употребляю все мое стараніе исполнить порученія его свѣтлости. Черезъ того же Тиція я писалъ, по повелѣнію короля польскаго, къ нашему г. послу, назначенному сюда въ Краковъ (*),

---

(*) Посолъ, назначенный Косьмою II къ польскому королю былъ маркизъ Родриго Алидозіо ди Мендоцца, феодальный владѣлецъ Кастель-дель-Ріо, и бальи ордена св. Стефана въ Романьи. Ему поручено было между прочимъ склонить новаго московскаго великаго князя Димитрія къ дарованію Флорентинцамъ такихъ же торговыхъ льготъ въ Московіи, какими пользовались

передавая ему, что его величество приглашаетъ его прибыть сюда и что онъ здѣсь получитъ всю подобающую ему честь. Я вообще замѣчаю въ его величествѣ необыкновенное желаніе быть пріятнымъ нашему государю, и не могу приписать ничему другому всѣ его милости ко мнѣ.

Московскій посолъ прибылъ сюда съ многочисленною свитою и съ большимъ торжествомъ, и четыре дня тому назадъ былъ принятъ его величествомъ въ публичной аудіенціи при многихъ сенаторахъ.

Я стоялъ у самаго королевскаго трона. Отправленіе посольства заключалось въ слѣдующемъ. Посолъ поздравилъ его величество съ вожделѣннымъ здравіемъ и съ новымъ его бракомъ; благодарилъ его за оказанное черезъ г. сендомирскаго палатина пособіе его князю; предлагалъ свободный пропускъ черезъ Московію здѣшнимъ купцамъ, и изъявлялъ готовность содѣйствовать польскому правительству противъ Турокъ, Татаръ и другихъ враговъ христіанской вѣры, а также противъ личныхъ враговъ его величества. Великій канцлеръ Княжества Литовскаго отвѣчалъ ему, отъ имени короля и всѣхъ сенаторовъ, что мирныя и другія предложенія будутъ приняты и что его величество поздравляетъ московскаго князя со вступленіемъ на престолъ. Подарки, привезенные московскимъ посломъ, состояли изъ большаго бриліанта, изъ четырехъ коней, въ богатѣйшихъ попонахъ, и множества соболей, черныхъ лисицъ и другихъ драгоцѣнныхъ шкуръ. Онъ ожидаетъ отвѣта на представленное имъ письмо, и на этой недѣлѣ обвѣнчается, именемъ своего князя, съ дочерью г. сендомирскаго палатина; при этомъ обрядѣ будутъ присутствовать его величество и г. палатинъ, послѣ чего онъ уѣдетъ до пріѣзда сюда свѣтлѣйшей новой королевы. Съ нимъ же московскій князь прислалъ драгоцѣнный жемчугъ и особенно замѣчательное платье изъ рѣдкаго китайскаго ткани, обложенное жемчугомъ и бриліантами,—вещь до сего времени невиданная.

Г. палатинъ намѣревается сопровождать свою дочь въ Московію, гдѣ останется можетъ быть цѣлый годъ, о чемъ я впослѣдствіи

прочія націи, и въ особенности польскіе купцы. При семъ случаѣ установленъ былъ порядокъ первенства на публичныхъ церемоніалахъ для тосканскихъ пословъ при польскомъ дворѣ: они поставлены наравнѣ съ эрцъ-герцогами и курфирстами Германской Имперіи и съ Венеціею. *Примѣч. Чіямпи.*

васъ извѣщу. Онъ также отправилъ съ посломъ дружественное письмо къ московскому царю. Здѣсь думаютъ, что этотъ великій князь отправитъ пословъ къ его святѣйшеству папѣ, къ императору и прочимъ италіанскимъ владѣтельнымъ князьямъ. А что касается до введенія католическаго вѣроисповѣданія въ Московіи, то, по видимому, надо приступать къ сему дѣлу съ большею осторожностью, ибо Москвитяне весьма ревностны къ своему исповѣданію, и до сего времени сооруженъ лишь одинъ католическій храмъ (о чемъ я уже вамъ писалъ), подъ предлогомъ необходимости въ немъ для новой царицы и отца ея, и этотъ храмъ переданъ въ распоряженіе нѣкоторыхъ іезуитовъ, что, можетъ быть, случилось по желанію г. папскаго нунція. Видно однакоже, что пріѣздъ туда іезуитовъ возбудилъ народное негодованіе, и даже было возмущеніе, но теперь все утихло. Хотя князь самъ католикъ и намѣревается остаться вѣрнымъ Римской Церкви, но ему необходимо сперва утвердиться вполнѣ на престолѣ, впослѣдствіи же онъ можетъ прибѣгнуть къ своей власти (которая всесильна) для достиженія желаемой цѣли. Замѣтно, что онъ владѣетъ большимъ умомъ, и отъ него ожидаютъ всего полезнаго.

Многіе Италіанцы поѣхали въ Московію; и между ними одинъ нашъ Флорентинецъ, котораго мы обратно сюда ожидаемъ до моего отъѣзда. Я посѣтилъ г. нунція и вручивъ ему письмо отъ нашего герцога, словесно передалъ разныя соображенія его свѣтлости на счетъ московскихъ дѣлъ, и онъ изъявилъ свою преданность къ особѣ нашего государя и готовность служить ему, въ чемъ только можетъ. Его племянникъ долженъ скоро возвратиться изъ тѣхъ странъ, и такъ мы узнаемъ отъ него и отъ нашего Флорентинца (вышепомянутаго) много положительнаго и вѣрнаго. Я всячески стараюсь привлечь къ себѣ расположеніе здѣшнихъ магнатовъ, что можетъ пригодиться къ случаю. Здѣсь ожидаютъ ежедневно персидскаго посла, который передъ этимъ былъ въ Прагѣ, хотя ничего неизвѣстно о цѣли его пріѣзда; я же думаю, что онъ будетъ сюда потому только, что чрезъ здѣшній городъ самый близкій и покойный путь въ Московію, куда ему предстоитъ ѣхать. Его величество король польскій готовится принять его съ надлежащей честью, и отправилъ къ нему на встрѣчу нарочнаго къ границамъ королевства. Новая королева пріѣдетъ черезъ восемь дней и оста-

новится на растояніи одной лье отъ города, на нѣсколько дней, чтобы оттуда совершить сюда торжественный въѣздъ; для встрѣчи ея готовится болѣе празднествъ и тріумфальныхъ воротъ, чѣмъ было при встрѣчѣ первой супруги короля. Вчера прибылъ сюда, приватнымъ образомъ, кардиналъ Маціевскій, архіепископъ и легатъ; онъ же и первый *грандъ* сего королевства. Онъ возложитъ на себя кардинальскую шляпу, а также омофоръ (*) въ каѳедральномъ соборѣ, и получитъ званіе легата «ad latere» (**); но не полагаютъ, чтобы онъ совершилъ *понтификальный* въѣздъ въ городъ. Онъ давнишній мой знакомый и я намѣренъ посѣтить его; мы поѣдемъ вмѣстѣ на встрѣчу тосканскаго нашего посла въ одно помѣстье г. Чекки, отстоящее въ полуторѣ льѣ отсюда. Онъ пріѣдетъ черезъ восемь дней и я непремѣнно предложу ему мои услуги, что̀ впрочемъ и моя обязанность. Въ настоящее время я болѣе ничего не смѣю передать вамъ, кромѣ просьбы удостоить меня какимъ-нибудь собственно

(*) Я не считаю неумѣстнымъ разъяснить здѣсь, что омофоръ, по-латыни и по-италіянски паліумъ (pallium), не есть установленная принадлежность епископскаго сана и облаченія въ Римской Церкви, но дается папою въ особенныхъ случаяхъ и какъ знакъ отличія. Онъ состоитъ изъ ткани, сдѣланной исключительно изъ бѣлой шерсти молодыхъ непорочныхъ ягнятъ (agnus castus) и на немъ вышиты черные кресты изъ такой же матеріи. Шириною онъ въ половину уже нашего омофора. Хотя латинскій омофоръ, какъ и греческій, обвивается вокругъ шеи, но различествуетъ отъ послѣдняго тѣмъ, что въ серединѣ всей его длины раздѣляется какъ бы петлею, на двѣ части, почему очень легко и удобно надѣвать его; оба конца, передній и задній, очень длинны, и виснутъ на груди и спинѣ епископа, ниже колѣнъ. Археологи церковныхъ древностей утверждаютъ, будто Восточная Церковь не сохранила правила относительно ткани омофора, но удержала форму его и покрой, а латинская напротивъ того утратила покрой, но сохранила составъ ткани. *Переводч.*

(**) Легатъ *ad latere* есть высшая степень въ сравненіи съ саномъ простаго легата, и имъ облекаются чрезвычайные послы римскаго двора при отправленіи ихъ по церковнымъ или по дипломатическимъ дѣламъ. Назначеніе легата *ad latere* доказываетъ особенное вниманіе папы къ лицу, къ которому посылается легатъ-посолъ, какъ было при коронаціи въ 1856 г. нынѣ царствующаго Государя Императора. Слово *ad latere* значитъ въ точномъ смыслѣ «*при бокѣ папы*», то есть лице, приближенное къ нему, и дѣйствующее тождественно самому папѣ. *Переводч.*

вашимъ порученіемъ, дабы я могъ доказать вамъ всю мою благодарность, равно прошу и васъ отзываться обо мнѣ свѣтлѣйшему нашему государю, какъ о всепреданнѣйшемъ слугѣ его свѣтлости. За тѣмъ молю Бога объ исполненіи всего вами желаемаго.

Всепокорнѣйшій слуга
Пери Джиральди.

V.

Пери Джиральди къ великому герцогу тосканскому.

Свѣтлѣйшій государь!

Послѣ послѣдняго моего письма къ г. кавалеру Винта совершилось здѣсь бракосочетаніе дочери сендомирскаго палатина съ большимъ великолѣпіемъ и въ присутствіи шведскаго короля, шведскаго князя, сестры его (князя) шведской инфанты, и многихъ сенаторовъ. Обмѣнъ брачныхъ колецъ между невѣстой и московскимъ посломъ (дѣйствующимъ отъ имени своего государя) совершалъ, по католическому обряду, г. краковскій кардиналъ архіепископъ всего королевства. А такъ какъ домъ краковскаго палатина Феликса Мнишекъ, занимаемый невѣстою, оказался слишкомъ тѣснымъ для ея свиты, то взято было въ наемъ еще два другіе дома, находившіеся съ нимъ рядомъ. Княжна Мнишекъ была убрана драгоцѣнными камнями, какихъ я смѣло могу сказать что нигдѣ не видалъ; но болѣе всего отличались жемчужныя нитки, вплетенныя въ распущенныя косы княжны (подобно тому какъ у насъ распускаютъ косы при обрядѣ постриженія въ монахини) и составлявшія также корону на макушкѣ ея красивой головки. За тѣмъ два сенатора ввели ее въ столовую залу, а за ней шли шведская инфанта и дамы, въ платьяхъ изъ золотой парчи съ зеленою тканью и съ богатыми ожерельями на шеѣ; за тѣмъ слѣдовали жены и дочери вельможъ. Столъ, приготовленный для польскаго короля, былъ поставленъ на возвышеніи и надъ нимъ висѣлъ балдахинъ. Къ обѣду короля приглашены были король шведскій съ княземъ шведскимъ, и г. кардиналъ; также новобрачная княжна, шведская инфанта, г. нунцій и московскій посолъ, а за прочими столами находились сенаторы и дамы. Послѣ перваго блюда яви-

лись Москвитяне изъ свиты ихъ посла и каждый поднесъ молодой княжнѣ богатый даръ отъ имени своего государя. Первый несъ подарокъ, который состоялъ изъ ларчика, наполненнаго жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; второй изображеніе Пресвятой Дѣвы величиною въ одинъ браччіо (*), обдѣланное на половину золотомъ (**), съ каменьями; послѣ чего поднесли ей вызолоченнаго пеликана посредственной величины, такого же оленя и павлина (послѣдній изъ чистаго серебра), вызолоченный корабль порядочнаго размѣра со всѣми его принадлежностями (того же металла и вызолоченный); два большіе золотые кубка московской формы съ множествомъ каменей; глиняную чашу, украшенную золотомъ и каменьями, изящной работы, съ крышкою, на которой было изображеніе дракона; большое бюро, произведеніе нѣмецкаго или фламандскаго мастера, изъ чернаго дерева, съ серебряными вызолоченными фигурами и съ нѣсколькими каменьями, внутри его были колеса со звономъ, а наверху слонъ съ часами, вставленными въ его корпусъ, и разными вокругъ него предметами звѣриной ловли. что все приходило въ движеніе посредствомъ внутренняго механизма; четыре связки соболей, лучше которыхъ никогда, какъ говорятъ, оттуда не вывозили, и множество персидскихъ золотыхъ камней для одежды, удивительныхъ рисунковъ и работы. Послѣ того г. палатинъ подарилъ своей дочери серебряный позолоченый умывальникъ (нѣсколько болѣе средняго размѣра), на которомъ сдѣланъ былъ искусный барельефъ, изображающій морское сраженіе: передъ тѣмъ онъ былъ поданъ для умыванія королю. Во время пира, его величество выпилъ бокалъ за здравіе московскаго великаго князя и его посла. Когда столы были убраны, то начались танцы, открытые его величествомъ съ новобрачной, вскорѣ послѣ чего она удалилась, потому что было почти два часа (***), а за тѣмъ вошелъ персидскій посолъ,

(*) Около ¾ аршина.

(**) т. е. въ золотомъ окладѣ.

(***) По старинному распредѣленію часовъ въ Италіи на циферблатѣ всѣхъ башенныхъ часовъ выставлялось 24 знака, съ соотвѣтствующимъ боемъ днемъ и ночью. Двадцать четвертый часъ всегда означалъ сумерки, какъ лѣтомъ, такъ и зимою (и потому постоянно измѣнялся), а за тѣмъ начинался 1-й часъ, то есть, по-нашему 6 часовъ по полудни. Двойное раздѣленіе сутокъ (на 12 часовъ) называется въ Италіи, по сіе время, «французскимъ» (alla francese). *Переводч.*

возвращающійся отъ германскаго двора въ свое отечество черезъ Московію. Онъ привѣтствовалъ его величество отъ имени своего государя, и въ тоже время вручилъ ему письма отъ германскаго императора, и былъ милостиво принятъ королемъ. Я забылъ упомянуть, что при самомъ началѣ прибытія сюда московскаго посла, и до совершенія брака дочери г. палатина, его величество потребовавъ къ себѣ московскаго посла въ частное свиданіе, совѣтовалъ ему не спѣшить, но отложить заключеніе брака до собранія сейма, и увѣдомить письменно московскаго князя, что теперь предстоитъ ему возможность вступить въ родство болѣе соотвѣтствующее его положенію, въ чемъ его величество готовъ ему содѣйствовать; но на это предложеніе посолъ отвѣчалъ смѣло, что его государь рѣшился во что бы то ни стало сдержать данное имъ слово, и обѣщаніе сдѣлано имъ въ томъ предъ Богомъ. Это обстоятельство было мнѣ передано лицемъ, пользующимся большою милостію его величества, отъ котораго я также узналъ, что король имѣлъ тогда въ виду для сего брака сестру свою, или трансильванскую княжну, которая должна прибыть сюда съ эрцъ-герцогинею, ея матерью, по случаю королевскаго брака. Въ прошедшее воскресенье г. кардиналъ надѣлъ шляпу новаго своего сана въ здѣшней главной церкви св. Маріи, и поднялъ крестъ въ знакъ новаго своего назначенія легата «ad latere», въ присутствіи многихъ вельможъ, сопровождавшихъ его верхомъ изъ замка, гдѣ онъ живетъ, до каѳедральнаго собора.

Московскій посолъ и новобрачная московская великая княгиня распростились съ его величествомъ, дабы не находиться при свадьбѣ короля по причинѣ порядка первенства шествій на этихъ церемоніалахъ; поэтому положено было, что московская княгиня отъѣдетъ въ путь съ многочисленною свитою, останавливаясь въ помѣстьяхъ ея родителя, находящихся по дорогѣ, а г. палатинъ останется здѣсь одинъ, и по совершеніи уже королевскаго брака уѣдетъ въ Московію, вмѣстѣ съ персидскимъ посломъ, котораго онъ часто угощалъ у себя въ краковскомъ домѣ, такъ точно какъ московскій посолъ былъ угощаемъ г. нунціемъ.

Во время сихъ приготовленій прибылъ гонецъ къ московскому послу съ письмомъ и повелѣніемъ остаться до совершенія бракосочетанія его величества и присутствовать при этой церемоніи

отъ имени великаго князя, съ подарками для будущей новой королевы. Вслѣдствіе этого московскій и персидскій послы остаются здѣсь, а московская княгиня отправится въ путь безъ него. Этотъ же гонецъ привезъ г. палатину триста тысячь флориновъ, въ уплату за издержанныя имъ деньги въ пособіе московскому князю; впрочемъ этотъ вельможа имѣетъ болѣе ста тысячъ флориновъ годоваго дохода. И такъ, кажется, что всѣ дѣла идутъ наилучшимъ образомъ, и союзъ между Польскимъ и Московскимъ государствами считается самымъ полезнымъ обстоятельствомъ для всего христіанскаго міра.

Г. великій маршалъ пріѣхалъ къ его величеству съ извѣстіемъ, что свѣтлѣйшая королева приближается къ Кракову. Представляясь сему вельможѣ, я привѣтствовалъ его отъ имени вашей свѣтлости и передалъ ему образъ, который онъ принялъ съ видимымъ удовольствіемъ, о чемъ вѣроятно вы сами отъ него узнаете. (Не смотря на мое стараніе сберечь въ цѣлости этотъ образъ, стекло его покривилось во время продолжительнаго моего путешествія, но ничего однакоже болѣе не повреждено.) Мы бесѣдовали съ нимъ о томъ, что можетъ до насъ касаться въ торговыхъ сношеніяхъ съ Московіею и Персіею, и объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ московскаго великаго князя, который написалъ самое лестное письмо къ г. маршалу.

Прося о продолженіи вашихъ ко мнѣ милостей, остаюсь вашей свѣтлости

слуга и подданный
Нери Джиральди.

Изъ Кракова, 3 декабря 1605 г.

Выписка изъ книги: «О войнахъ и смутахъ въ Венгріи и Трансильваніи», соч. Джіорджіо Томази, напеч. въ Венеціи, въ 1621 г.

. . . . Московскій посолъ отправленъ былъ преимущественно для совершенія брака великаго князя съ дочерью палатина. Онъ привезъ ей отъ имени своего государя богатѣйшіе подарки, состоящіе изъ множества кусковъ персидской парчи, мѣховъ соболиныхъ, чернобурыхъ лисицъ, рысьихъ и горностаевъ, множества жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, между которыми

отличались серьги, кажется изъ трехъ жемчуговъ, перемѣшанныхъ съ брилiантами и рубинами, обдѣланныя такъ искусно, что едва можно было замѣтить золото, на которомъ они держались; другie подарки были: корабль изъ позолоченнаго серебра, вѣсомъ до 100 фунтовъ; павлинъ настоящей величины, также изъ серебра, и олень величиною съ павлина, но весь изъ золота, усыпанный рубинами и восточными сафирами, съ коралловыми рогами и съ сѣдокомъ на спинѣ; далѣе чаша, формою венецiянской гондолы, изъ яшмы, украшенная золотомъ и рубинами, и другая чаша, изъ сердолика, съ отдѣленiями изъ драгоцѣнныхъ камней; большой золотой кубокъ въ видѣ быка; церковный престолъ, по московскому обряду, изъ серебра съ рубинами и сафирами, и серебряные часы въ два браччio вышиною и полтора шириною, съ фигурами вооруженныхъ людей и музыкантовъ, приходящими въ дѣйствie при боѣ часовъ . . . . . .

Всѣ эти драгоцѣнности были взяты изъ царскаго казнохранилища. Иные историки утверждаютъ, что убiйство Димитрiя отложено было до обратнаго возвращенiя въ Москву всѣхъ взятыхъ драгоцѣнностей, изъ опасенiя, чтобы въ противномъ случаѣ они не остались въ Польшѣ (томъ II, стран. 120).

VI.

Письмо Димитрiя къ польскому королю Сигизмунду III (на латинскомъ языкѣ).

Мы, пресвѣтлѣйшiй и непобѣдимѣйшiй монархъ Димитрiй Ивановичъ, Божiею милостiю царь и великiй князь всея Россiи и всѣхъ татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ Московской Монархiи покоренныхъ областей государь и царь, пресвѣтлѣйшему и непобѣдимѣйшему Сигизмунду III, Божiею милостiю королю польскому, великому князю литовскому, русскому, прусскому, мазовецкому, самогитскому и проч., наслѣдному королю шведскому, готскому и вандальскому, молимъ у Бога здравiя и благополучнаго царствованiя.

По старинному обычаю, принятому между великими государями, королями и императорами, увѣдомлять сосѣдственныхъ князей о вступленiи своемъ на престолъ, мы также нужнымъ сочли сie

исполнить, вступивъ, милостію всевышняго промысла, въ наслѣдственное владѣніе нашимъ государствомъ, и испросивъ, какъ законный наслѣдникъ, благословеніе на сіе вступленіе отъ свѣтлѣйшей государыни императрицы, нашей родительницы, мы короновались и помазаны святымъ муромъ святѣйшимъ патріархомъ нашимъ не только въ санъ Императора нашихъ обширныхъ владѣній, но и на управленіе всѣми татарскими царствами, подвластными съ давняго времени нашей Державѣ. Увѣдомляемъ о семъ ваше наяснѣйшее величество чрезъ посла нашего Аѳонасія Ивановича Власьева, казначея нашего, и просимъ, чтобы вы давали вѣру ему въ томъ, что имъ передано будетъ вашему величеству отъ нашего имени, и слова его почитали якобы наши собственныя. Дана въ Москвѣ, лѣта Господня 1605 сентября 5 дня.

Вашего величества искренній другъ

Димитрій.

VII (*).

Милостію Божіею и Пресвятой Троицы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ, великій царь Димитрій Ивановичъ и проч. пресвѣтлѣйшему государю Сигизмунду III, Божіею милостію королю польскому и проч.

Божіею милостію, великій король, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ, монархъ всея Россіи и многихъ другихъ царствъ государь и король, повелѣлъ говорить вамъ, великому государю Сигизмунду III, Божіею милостію королю польскому и проч. По справедливому промыслу Всевышняго и мощною Его десницею мы вступили въ наслѣдіе великихъ предковъ нашихъ, царей русскихъ и родителя нашего великаго государя царя и великаго князя Іоанна, царя всея Россіи, и содѣлались царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, владимірскимъ, московскимъ, новгородскимъ, и царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сѣверскаго и многихъ иныхъ Государемъ. По испрошеніи благодати отъ Всевышняго и получивъ благословеніе отъ родительницы нашей, великой императрицы и великой инокини Марѳы Ѳеодоровны, царицы всея Россіи,

---

(*) Надо думать, что слѣдующее за симъ есть рѣчь, говоренная королю посломъ Димитрія. *Переводч.*

мы вѣнчались на царство рукою святѣйшаго нашего патріарха, по старинному нашему обычаю. Для извѣщенія о семъ вашего королевскаго величества отправляемъ къ вамъ казначея нашего (*) Аѳонасія Иванова Власьева, желая паче всего пребывать въ любви и дружбѣ съ вами предъ прочими государями, дабы съ помощію Божіею и по взаимному между нами согласію освободить христіанство нашею царскою рукою, водворить въономъ миръ и спокойствіе и, общимъ союзомъ христіанскихъ государей, остановить распространеніе владычества невѣрныхъ, христіанство же возвысить.

Послѣ чего сказалъ:

Божіею милостію великій монархъ, царь, и великій князь Димитрій Ивановичъ и проч. и проч. повелѣлъ вамъ великому государю и своему сосѣду Сигизмунду, королю польскому и проч., говорить.

Согрѣшеній ради всего христіанскаго міра, и по причинѣ раздоровъ между всѣми христіанскими государями, врагъ креста Спаса нашего, турецкій султанъ покорилъ уже многія христіанскія державы и въ особенности Грецію, корень и главу всей благодати, и священный Виѳлеемъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ истинный Сынъ и Слово Божіе удостоилъ родиться, и священные Назаретъ и Галилею, всемірные разсадники, и самый городъ Іерусалимъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершилъ чудеса, и по собственному изволенію, спасенія нашего ради, претерпѣлъ страданіе и смерть, и въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ: всѣ сіи мѣста находятся въ рукахъ Измаильтянъ; между тѣмъ какъ святая истинная и древнѣйшая христіанская вѣра въ презрѣніи, какъ овцы безъ пастыря, проклятое исповѣданіе нечестивыхъ распространяется и, завладѣвъ насильственно многими христіанскими державами, ничѣмъ не можетъ быть насыщено. Нынѣ дошло до свѣдѣнія нашего, что сей врагъ христіанства и креста господня, турецкій султанъ занялъ венгерскіе города, принадлежащіе Рудольфу римскому императору, и во многихъ другихъ мѣстахъ угнетаетъ вѣрныхъ Христу. При видѣ таковыхъ бѣдствій, мы великій государь, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ всея Рос-

(*) Въ подлинникѣ прибавлено: Capitaneum Muromiensem et aulae nostrae ulium.

сіи, соболѣзнуя отъ всего сердца и души, приносимъ усердное моленіе Господу Богу, дабы, взаимнымъ нашимъ согласіемъ и общимъ союзомъ христіанскихъ государей, христіанство освобождено было изъ рукъ ихъ; а наше владычество возвысилось, сила же нечестивыхъ сокрушилась. О семъ мы сочли нужнымъ напомнить вашему королевскому величеству, и какъ другъ и сосѣдъ вашъ желаемъ знать мысли вашего пресвѣтлѣйшаго королевскаго величества. Пусть его величество, король Сигизмундъ, другъ нашъ и сосѣдъ о семъ разсудитъ и передастъ намъ, великому царю, свое намѣреніе чрезъ казначея нашего, дабы нашимъ попеченіемъ христіанство было исторгнуто изъ рукъ нечестивыхъ.

Послѣ сего сказалъ пониженнымъ голосомъ:

Пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій великій монархъ Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь, великій князь всея Россіи и проч., увѣдомляетъ ваше пресвѣтлѣйшее королевское величество Сигизмунда, Божіею милостію короля польскаго и проч., по братской любви своей, что промысломъ Всевышняго и благодаря вашей королевскаго величества, нашего брата, помощи, намъ оказанной, возвратясь въ наслѣдственное царское наше владѣніе, родителя нашего великаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи и брата нашего великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи, и по испрошеніи благословенія у родительницы нашей великой императрицы и великой инокини Марѳы Ѳеодоровны, царицы всея Россіи, вступивъ на престолъ предковъ нашихъ всего Московскаго государства и ставъ царемъ, великимъ княземъ и монархомъ, просили мы родительницу нашу, великую императрицу, да благословитъ насъ на вступленіе въ брачный союзъ, для продолженія царскаго нашего поколѣнія, и да соизволитъ намъ принять въ супружество изъ знаменитаго рода въ владѣніяхъ вашего королевскаго величества, дочь Георгія Мнишека, сендомирскаго палатина, ибо во время нашего пребыванія въ вашемъ королевствѣ, онъ, сендомирскій палатинъ, оказалъ большое расположеніе къ царскому нашему величеству, предпринялъ для насъ большіе труды, и оказалъ намъ услуги. Посему просимъ ваше королевское величество о дозволеніи сендомирскому палатину и его дочери отправиться къ нашему царскому величеству, приглашая вмѣстѣ съ симъ ваше величество быть на сей свадьбѣ.

VIII.

Письмо московской великой княгини Марины къ польскому королю, отъ 10 января 1610 г. (*)

Всѣ милости вашимъ величествомъ моему семейству и мнѣ самой оказанныя заставляютъ меня прибѣгнуть къ покровительству вашему по особенному случаю вдовственнаго моего положенія. Заключеніе, въ которомъ я находилась, не дозволяло мнѣ ранѣе воспользоваться столь вѣрнымъ убѣжищемъ; нынѣ же когда ваше величество перешли черезъ границы Московіи, желаю вамъ счастливаго начала и такого же окончанія предпріятія вашего. Судьба ни съ кѣмъ, конечно, не поступала столь своенравно, какъ со мною, ибо сначала возвысивъ меня изъ дворянскаго сословія на престолъ столь великаго государства, она низвергла меня отсюда въ мрачную темницу. Послѣ сего, давъ мнѣ насладиться кратковременною свободою, она поставила меня въ положеніе еще несчастнѣе прежней неволи, и въ настоящее время я не могу жить съ приличнымъ моему сану спокойствіемъ. Принимая безъ ропота все ниспосланное десницею Всевышняго, я предаю себя и владѣнія мои святому Его провидѣнію, пребывая увѣренною, что Онъ не оставитъ меня безъ святой Его помощи, поелику Отецъ небесный творитъ многое разными извѣстными ему путями. А какъ ваше величество были первымъ моимъ попечителемъ и помощникомъ при моемъ возвышеніи, то я надѣюсь, что и теперь вы не откажетесь сдѣлаться моимъ покровителемъ въ годину моего несчастія. Судьба отняла у меня все, кромѣ положительныхъ моихъ правъ на здѣшнюю Московскую Имперію, утвержденныхъ моимъ коронованіемъ, а также признаніемъ меня законною наслѣдницею, въ силу двукратной присяги всѣхъ областей и отдѣльныхъ владѣній сей Московской Имперіи. Предаю сполна въ распоряженіе вашего величества всѣ средства, которыя вы сочтете наивѣрнѣйшими для возвращенія мнѣ всего утраченнаго. Я увѣрена, что вы внемлете такой моей просьбѣ, зная всю вашу премудрость, предусмотрительность и великодушіе, и что вы, не допуская упрека вашей совѣсти, успокоите и щедро вознаградите меня и мое семейство (содѣйствовавшее до настоящаго вре-

(*) Чіямпи, передавая письмо Марины на италіянскомъ языкѣ, не объясняетъ—на какомъ языкѣ оно было писано въ подлинникѣ. *Переводч.*

мени кровію своею и деньгами сему предпріятію) и тѣмъ положите прочное основаніе къ покоренію и продолжительному владѣнію, съ помощію Божіей, столь значительной имперіи, за что будете щедро награждены Всевышнимъ, чего отъ души желаю вашему величеству и вмѣстѣ съ симъ поручаю себя вашему покровительству и великодушію.

Изъ московскаго лагеря.

Вашему величеству всякаго блага отъ Господа Бога желающая

Марина, княгиня московская.

А. Примѣчаніе къ страницѣ 45.

Герцоги изъ рода Медичи гораздо уже позднѣе обратили вниманіе на изученіе славянскихъ и прочихъ сѣверныхъ нарѣчій, а именно во 2-й половинѣ XVII-го столѣтія, при герцогахъ Фердинандѣ II-мъ и Космѣ III-мъ. Италіянецъ Санти Бани, проживавшій въ Варшавѣ, выслалъ оттуда въ 1683 г., во Флоренцію, польскую грамматику, изъ лучшихъ того времени; далѣе нѣкто Ѳеодоръ Керпингій, дипломатическій агентъ германскаго императорскаго Двора въ Гамбургѣ, писалъ отъ 19 сентября 1695 г., что не взирая на всѣ его старанія отыскать грамматику и лексиконъ русскаго языка по порученію тосканскаго великаго герцога, онъ нигдѣ не могъ пріобрѣсть ихъ, а выслалъ только Библію въ листъ на финскомъ языкѣ, словарь финско-латинскій, и грамматику исландскаго языка, обѣщая достать шведскую грамматику. Сверхъ того во Флоренцію вызванъ былъ Финляндецъ для обученія своему языку, и предположено было вызвать туда московскаго ученаго юношу для составленія италіянскаго и русскаго лексикона; но это не состоялось.

Что же касается до появленія въ печати въ Россіи и Польшѣ книгъ Священнаго Писанія въ славянскомъ переводѣ, то первый опытъ былъ сдѣланъ вел. кн. Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1563 г., но не удался, и типографщикъ, нѣкто Ѳеодоръ, которому было поручено издать Новый Завѣтъ, принужденъ былъ бѣжать въ Польшу, гдѣ приступилъ къ изданію Библіи, сначала подъ покровительствомъ знаменитыхъ Ходкевичевъ, послѣ чего переѣхалъ въ Львовъ (Лембергъ), гдѣ оставался до того времени,

когда вызванъ былъ княземъ Константиномъ Острожскимъ, содѣйствіемъ котораго напечатана такъ называемая Острожская Библія, согласно съ рукописью, посланною сему князю великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ; въ составъ этого изданія вошли и три книги Макавеевъ, нарочно по сему случаю переведенныя; въ Россіи же первое печатное изданіе вышло въ 1663 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. А древнѣйшее намъ извѣстное изданіе славянской Библіи есть пражское, напечатанное въ 1521 г., ученымъ Полякомъ Скориною, жившимъ въ Полоцкѣ. Впрочемъ, въ этотъ славянскій переводъ вкрались, къ сожалѣнію, нѣкоторыя выраженія бѣлорусскаго нарѣчія.

Изъ всего вышесказаннаго усматривается, что Полякамъ, а именно Ходкевичу, князю Острожскому и Скоринѣ мы обязаны сохраненіемъ чистоты славянскаго языка въ изданіяхъ Библіи, ибо въ Россіи старинный славянскій языкъ претерпѣлъ отъ нашествія Татаръ, отъ ошибокъ, вкравшихся отъ переписчиковъ, и отъ препятствій, встрѣченныхъ московскими великими князьями при исправленіи старинныхъ книгъ и ихъ изданіи.

Относительно польскихъ переводовъ Библіи извѣстно только то, что первый переводъ былъ сдѣланъ въ XIV-мъ столѣтіи для польской королевы Ядвиги, дочери польскаго и венгерскаго короля Людовика; но этотъ переводъ не дошелъ до насъ, хотя о немъ упоминаетъ польскій историкъ (XV-го столѣтія) Длугошъ, архіепископъ львовскій, авторъ Исторіи Польши, доходящей до 1444 г. Довольно странно, что изъ всѣхъ старинныхъ польскихъ переводовъ до насъ дошли лишь псалтырь и нѣсколько отрывковъ Библіи, тогда какъ на чешскомъ языкѣ всѣ рукописные переводы уцѣлѣли. Впрочемъ, можетъ быть, что королева Ядвига употребляла чешскій переводъ, такъ какъ между этимъ нарѣчіемъ и польскимъ было въ то время еще болѣе сходства, чѣмъ теперь, что и могло дать поводъ называть польскими чешскіе переводы съ латинскаго. *Примѣч. Чіямпи.*

Акты историческіе и юридическіе и древнія царскія грамоты Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній, собранные Степаномъ Мельниковымъ, изданные иждивеніемъ Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Томъ I. Казань.

Вотъ полный титулъ недавно изданнаго въ Казани сборника, обнимающаго собою почти 15 печатныхъ листовъ. Нужно отдать справедливость, что въ послѣднее время въ Казани литературная дѣятельность или, правильнѣе, дѣятельность книгопечатная начинаетъ подвигаться впередъ, хотя и не быстрыми шагами, но все-же замѣтнымъ образомъ. И можно положительно сказать, что эта дѣятельность развилась-бы гораздо шире, если-бы важнымъ къ тому препятствіемъ не служило *младенческое*, въ полномъ смыслѣ слова, состояніе казанскаго типографскаго искусства. Здѣсь всего-на-все существуетъ три типографіи: университетская, при Губернскомъ Правленіи и Коковина. Всѣ онѣ отличаются множествомъ недостатковъ, въ-особенности первая и послѣдняя. Въ одной нѣтъ хорошихъ, новыхъ шрифтовъ, въ другой не существуетъ даже пресса, во всѣхъ недостаточное количество рабочихъ рукъ, въ особенности наборщиковъ, сколько-нибудь порядочныхъ. Матеріалы для изданія (напримѣръ газетную бумагу, бумагу цвѣтную для заглавныхъ листовъ и т. п.) приходится большею частію выписывать изъ Москвы или С.-Петербурга, по мѣрѣ надобности. Наконецъ, отсутствіе мѣстной цензуры для отдѣльныхъ сочиненій—одно изъ самыхъ важныхъ недостатковъ, очень часто отбивающихъ охоту у частныхъ лицъ приступить къ какому-либо изданію. Все это лежитъ тяжелымъ камнемъ на казанской издательской промышленности. Тѣмъ не менѣе ежегодно, время-отъ-времени, появляются въ Казани сочиненія, относящіяся къ различнымъ отраслямъ званій. Между

этими сочиненіями нерѣдко попадаются и такія, которыя заслуживаютъ полнаго одобренія. Такъ, въ 1859 году вышло здѣсь сочиненіе проф. Дух. Академіи г. Щапова: «Русскій расколъ старообрядства», заслужившее вообще лестные отзывы. Въ настоящее время передъ нами лежитъ первый томъ изданія актовъ, предпринятаго Казанскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, что въ нашихъ провинціальныхъ городахъ бываетъ не за-частую, потому-что этого рода книги расходятся у насъ вообще чрезвычайно туго, такъ-что продажа ихъ очень часто не покрываетъ издержекъ печати.

Отдавая дань признательности Казанскому Статистическому Комитету за благое предпріятіе, принося благодарность и самому собирателю актовъ, г. Мельникову, мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что настоящій сборникъ носитъ на себѣ печать многихъ недостатковъ. Видно по всему, что руководителемъ въ этомъ дѣлѣ было лицо, мало знакомое съ условіями, необходимыми при изданіи подобнаго рода сборниковъ. Мы укажемъ здѣсь на болѣе существенные внѣшніе и внутренніе недостатки этого изданія.

Всѣхъ актовъ помѣщено въ первомъ томѣ 80. Они относятся къ XVI, XVII и XVIII столѣтіямъ. Самый старшій по времени актъ (первый въ изданіи) принадлежитъ къ 1582 (7090) году, второй къ 1585 (7093), третій къ 1596 (7104); остальные XVII-го и XVIII вѣка. Такимъ образомъ можно утвердительно сказать, что изданные акты не имѣютъ особеннаго значенія въ филологическомъ отношеніи, хотя и отпечатаны съ соблюденіемъ подлинной, старинной орѳографіи. Это уже излишняя роскошь, не приносящая существенной пользы, а только затрудняющая самое печатаніе и даже чтеніе актовъ. Другой внѣшній недостатокъ изданія заключается въ томъ, что годы, къ которымъ относятся акты, означены только славянскими буквами, безъ присоединенія арабскихъ цифръ и безъ перевода до-петровскаго лѣтосчисленія (отъ сотворенія міра) на нынѣшнее (отъ Рождества Христова). Это значительно затрудняетъ чтеніе, потому что всякій разъ время составленія каждаго акта, означенное по старому лѣтосчисленію, приходится перелагать на болѣе понятное намъ, нынѣшнее. Кромѣ того, datum отдѣльныхъ актовъ нужно искать въ самыхъ текстахъ, а не въ заголовкахъ, гдѣ оно обыкновенно означается. Правда, что всѣхъ актовъ немного и что

они имѣютъ преимущественно мѣстный, а не общій интересъ и, слѣдовательно, справляться съ ними придется незначительному меньшинству; но за-чѣмъ же напрасно обременять и это меньшинство?—Далѣе акты расположены въ хронологическомъ порядкѣ, а не по предметамъ, не по содержанію, что было-бы и раціональнѣе и удобнѣе для будущихъ изслѣдователей, которые пожелаютъ воспользоваться этимъ матеріаломъ. Конечно, это еще не важный недостатокъ; но важно то, что краткое содержаніе актовъ, предшествующее самому тексту, во многихъ случаяхъ весьма неудовлетворительно. По заголовку акта часто можно сдѣлать ошибочное заключеніе о его содержаніи и, такимъ образомъ, представляется необходимымъ прочитывать весь текстъ, чтобы составить понятіе о самомъ актѣ; а это опять затрудняетъ пользованіе изданіемъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ содержаніи разсматриваемыхъ документовъ. Вотъ что говоритъ самъ собиратель ихъ, г. Мельниковъ, въ предисловіи къ нимъ:

«Обозрѣвая нѣкоторыя замѣчательныя селенія Казанской губерніи, я встрѣтилъ въ мірскихъ бумагахъ, сохраняющихся у выборныхъ, старостъ и повѣренныхъ, множество длинныхъ свитковъ, заключающихъ въ себѣ царскія грамоты, и грамоты воеводъ Казанскихъ и Свіяжскихъ XVI и XVII вѣковъ. Документы эти вмѣщаютъ въ себѣ весьма полезныя историческія, статистическія и топографическія данныя, а нѣкоторые изъ нихъ любопытны и въ юридическомъ отношеніи. Почему, приводя ихъ въ систематическій порядокъ, я передаю нынѣ на судъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ первый томъ этихъ вновь открытыхъ матеріаловъ. Благосклонное принятіе и одобреніе будетъ для меня не только лестною наградою, но и побудитъ къ немедленному составленію втораго тома матеріаловъ Казанской губерніи, которые также будутъ не менѣе любопытны, какъ для читателей, такъ и для спеціалистовъ, занимающихся разными изслѣдованіями обширнаго нашего отечества!»

Нельзя не замѣтить, что это скромное предисловіе не со всѣмъ соотвѣтствуетъ заглавію книги и ея содержанію. Такъ въ предисловіи упоминается только объ актахъ Казанской губерніи, а въ заглавіи *и объ актахъ другихъ сосѣдственныхъ* губерній; въ предисловіи говорится, что акты относятся къ XVI и XVII вѣкамъ а между тѣмъ по содержанію видно, что актовъ XVI столѣтія весь-

ма немного и что между ними есть относящіеся къ послѣдующему времени, къ XVIII вѣку (послѣдніе тринадцать актовъ). Въ предисловіи сказано, что акты приведены въ систематическій порядокъ, а между тѣмъ мы видимъ, то они расположены только по хронологическому порядку (который въ этомъ случаѣ едва-ли можно назвать систематическимъ). Все это, конечно, обмолвки, доказывающія, что составитель мало опытенъ въ томъ дѣлѣ, за которое принялся, по похвальному, впрочемъ, рвенію, изъ желанія принести пользу. Что же касается до данныхъ, содержащихся въ актахъ, то только нѣкоторые изъ нихъ полезны и любопытны въ историческомъ, статистическомъ, топографическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Судя по нѣкоторымъ отпечатаннымъ актамъ (которые, безъ ущерба для всѣхъ, можно бы и не печатать), видно, что составитель вообще мало знакомъ съ другими, многочисленными памятниками, уже ранѣе у насъ изданными, иначе этимъ актамъ онъ не приписалъ бы никакого значенія. Вотъ какого рода впечатлѣніе произвелъ на насъ настоящій сборникъ, который мы сочли полезнымъ разсмотрѣть обстоятельно. Но чтобы нашъ отзывъ не казался голословнымъ, приведемъ въ подтвержденіе его нѣкоторые факты.

Возьмемъ, напримѣръ, актъ подъ № XIV: «Прошеніе царю и великому князю Михаилу Федоровичу отъ служилаго татарина свіяжскаго уѣзда Бекбулатки Колчурина, о кражѣ однодеревенцами его лошадей». Изъ этого прошенія мы не извлечемъ никакихъ полезныхъ данныхъ, ни историческихъ, ни статистическихъ, ни топографическихъ. Быть можетъ, оно любопытно въ юридическомъ отношеніи? Едва-ли. Во-первыхъ, подобнаго рода прошеній уже много напечатано. Конечно, и настоящее прошеніе могло бы найти себѣ мѣсто въ сборникѣ актовъ, если-бы оно по-крайней-мѣрѣ уяснило намъ порядокъ стариннаго дѣлопроизводства нашего, указывало бы на значеніе какихъ-либо канцелярскихъ формальностей, или заключало-бы разрѣшеніе какого-либо юридическаго случая; но ничего подобнаго въ настоящемъ прошеніи мы не видимъ. Это ни больше, ни меньше, какъ одно голое изложеніе самаго незначительнаго факта—кражи лошадей. Къ чему-жъ, спрашивается, можетъ служить печатаніе подобныхъ старинныхъ бумагъ? Какая цѣль и какая польза отъ обнародованія ихъ? По нашему, ни цѣли,

ни пользы, а только одна трата времени, расходовъ и обремененіе для будущихъ изслѣдователей. Подобнаго рода бумагъ въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ тлѣютъ десятки, сотни тысячъ (*). Многія изъ нихъ будетъ гораздо полезнѣе совершенно уничтожить, нежели распространять ихъ посредствомъ печатанія въ сотняхъ экземпляровъ. А между-тѣмъ въ сборникѣ г. Мельникова подобнаго рода актовъ помѣщено значительное число. Такъ №№ XVI, XVII, XIX, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXIX и другіе принадлежатъ къ тому-же разряду. Далѣе, находимъ нѣсколько поручныхъ записей, которыя совершенно сходны, такъ-что достаточно было-бы помѣстить только одну изъ нихъ, если ужъ нужно было помѣщать (см. напр. №№ XXVII, XXVIII, XXXI, XXXII, XXXVI, XXXVII). Точно также длинныя выписки изъ межевыхъ книгъ, отпечатанныя въ сборникѣ въ полномъ составѣ, служатъ не болѣе какъ обременительнымъ балластомъ въ изданіи. Подобныя выписки необходимо печатать только въ сокращеніи, извлекая изъ нихъ все существенное и выбрасывая повторенія или ненужныя указанія межей отъ березы на березу, отъ сосны на сосну и т. п. подробности, не имѣющія въ настоящую пору никакого значенія.

Такимъ-образомъ вмѣсто того, чтобы наполнять сборникъ ненужными матеріалами, было бы гораздо лучше печатать только то, что дѣйствительно полезно, и тогда на пятнадцати печатныхъ листахъ можно было бы помѣстить если не втрое, то во всякомъ случаѣ вдвое болѣе документовъ, дѣйствительно интересныхъ. Но чтобы сдѣлать надлежащую оцѣнку каждому матеріалу, т. е. заслуживаетъ ли онъ быть изданнымъ или нѣтъ, нужно имѣть спеціальныя свѣдѣнія; одной же любви къ собиранію актовъ и умѣнья читать ихъ и списывать недостаточно. Издаются разомъ акты

(*) Напримѣръ, одинъ архивъ Ядринской воеводской Канцеляріи, остающійся до-сихъ-поръ неразобраннымъ, при Казанскомъ Губернскомъ Правленіи, могъ бы наводнить нашу литературу, если печатать всѣ подобнаго рода бумаги. А была-ли бы отъ того какая либо польза? *Авторъ.*—Намъ кажется, что почтенный критикъ едва-ли вполнѣ правъ въ настоящемъ случаѣ, ибо нерѣдко въ актѣ, неимѣющемъ для одного ученаго никакого интереса, другой ученый, съ своей точки зрѣнія, находитъ полезныя указанія. Вотъ почему мы полагаемъ, что небезполезно издавать перечни содержанія и такихъ актовъ, которые не заслуживаютъ быть напечатанными вполнѣ. *Редакторъ.*

историческіе и юридическіе—значитъ нужно имѣть въ виду интересы и историковъ и юристовъ, а эти интересы очень часто не совпадаютъ. То, что важно для историка, можетъ не имѣть цѣны для юриста и, на-оборотъ, что не имѣетъ никакого интереса по отношенію къ исторіи вообще, можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для исторіи права. А для того, чтобы согласить интересы и той и другой стороны, необходимо издателю самому быть вмѣстѣ и историкомъ и юристомъ или, за неимѣніемъ достаточныхъ познаній въ этихъ наукахъ, обратиться къ посторонним лицамъ, знающимъ спеціально дѣло. Въ неисполненіи этого условія и лежитъ главная причина неудовлетворительности изданія казанскаго сборника историческихъ и юридическихъ актовъ. Смѣемъ надѣяться, что въ этомъ случаѣ, при изданіи послѣдующихъ томовъ актовъ, нашъ совѣтъ не будетъ оставленъ безъ вниманія, тѣмъ-болѣе, что и въ Казани есть люди свѣдущіе, къ которымъ можно обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ. Профессора университета В. И. Григоровичъ, В. Г. Варенцовъ, П. А. Поповъ и другіе не откажутъ въ участіи. Тогда дѣло будетъ лучше, изданіе получитъ бо́льшій интересъ и занимательность, чѣмъ теперь, когда все это скрывается за недостатками. Да и въ экономическомъ отношеніи будетъ несравненно выгоднѣе. Теперь трудно ожидать, чтобы изданіе пошло успѣшно: не смотря на значительный объемъ, оно не представляетъ большаго интереса. Кромѣ-того за томъ (въ 15 листовъ крупной печати) назначена страшная цѣна—2 р. сер.!

Всѣ эти замѣчанія сдѣланы нами единственно съ тою цѣлію, чтобы указать на недостатки изданія, значительно уменьшающіе его значеніе; устраненіе этихъ недостатковъ, совершенно необходимое, окажетъ значительную услугу дѣлу, предпринятому Казанскимъ Статистическимъ Комитетомъ. О достоинствахъ и интересѣ изданія мы не говоримъ здѣсь: во всякомъ случаѣ въ немъ найдется много интересныхъ данныхъ для описанія казанскаго края, найдутся факты, которые будутъ интересны и для историковъ и для юристовъ вообще. Потому нельзя не желать, чтобы это изданіе было продолжаемо, но повторяемъ, съ устраненіемъ недостатковъ, вкравшихся въ первый томъ.

Чтобы облегчить изслѣдователямъ пользованіе этимъ изданіемъ и тѣмъ, разумѣется, увеличить его достоинство, необходимо также,

по нашему мнѣнію, сдѣлать къ нему еще нѣкоторыя добавленія на основаніи самыхъ актовъ: 1) Необходимо приложить указатель словъ, вышедшихъ уже изъ употребленія, съ изъясненіемъ ихъ значенія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ собранныхъ г. Мельниковымъ актахъ многія слова и выраженія носятъ чисто-мѣстный характеръ, въ-особенности слова и выраженія, заимствованныя отъ инородцевъ. Подобныя объясненія гораздо легче, сподручнѣе сдѣлать на мѣстѣ, чѣмъ постороннему изслѣдователю. 2) Весьма полезно приложить указатель собственныхъ именъ лицъ и мѣстъ. Напримѣръ, перечень воеводъ и другихъ начальствовавшихъ лицъ слѣдуетъ дополнить свѣдѣніями о времени поступленія ихъ въ должности и смѣны съ должностей. Свѣдѣнія эти можно отчасти заимствовать изъ Дворцовыхъ Разрядовъ, разрядныхъ книгъ и другихъ уже изданныхъ памятниковъ. Еще важнѣе для исторіи края Указатель географическій, въ коемъ бы объяснялось существуетъ ли теперь или нѣтъ такое-то селеніе, такая-то крѣпость и т. п., упоминаемыя въ актахъ, и если существуютъ, то гдѣ именно (въ какомъ уѣздѣ, волости и проч.) Разумѣется, подобныя свѣдѣнія могутъ быть собраны единственно на мѣстѣ, гдѣ можно легко найти документы, нужные для такого труда. 3) Необходимъ также Указатель предметный. Для составленія подобныхъ указателей образцовъ много. Что̀ лучше, напримѣръ, указателей, приложенныхъ къ Воронежскимъ актамъ, изданнымъ Второвымъ и Александровымъ-Дольниковымъ?

Составленіе географическаго указателя не будетъ, вѣроятно, затруднительно и для г. Мельникова. Сколько намъ извѣстно, онъ, занимаясь археологическими изысканіями, а также топографическимъ описаніемъ многихъ мѣстностей казанской губерніи, имѣлъ, конечно, случай познакомиться и съ древней географіей этого края.

Въ заключеніе замѣтимъ, что для историческаго описанія казанской губерніи было-бы полезно разобрать дѣла Ядринской воеводской канцеляріи, хранящіяся, какъ мы уже выше замѣтили, при Казанскомъ Губернскомъ Правленіи. Небольшая часть этихъ актовъ была уже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напечатана въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ; нѣкоторые изъ нихъ весьма интересны, въ чемъ мы лично убѣдились, имѣвъ случай просмотрѣть

значительную часть дѣлъ Ядринской воеводской канцеляріи. При этомъ необходимо однако имѣть въ виду то обстоятельство, что цѣликомъ придется напечатать только небольшое число актовъ: изъ остальныхъ же слѣдуетъ сдѣлать однѣ выписки. Не безполезно было бы также разобрать ядринскія бумаги и въ филологическомъ отношеніи: на основаніи ихъ можно составить порядочный указатель старинныхъ словъ, изъ которыхъ многія или совершенно вышли уже изъ употребленія, или сдѣлались областными словами здѣшняго края.

П. МУЛЛОВЪ.

Журналъ Министерства Юстиціи 1859 г., книги 1—4.

Появленіе въ минувшемъ 1859 году Журнала Министерства Юстиціи составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ событій для русскаго юриста. Правда, что публика ожидала, и въ правѣ была ожидать отъ него болѣе широкой программы, но на первый разъ нельзя не порадоваться и тому, что на первый разъ обѣщано. Безъ сомнѣнія, нельзя было разсчитывать, что оффиціальный журналъ сдѣлается органомъ науки юридической, потому что наука развивается сама по себѣ, внѣ оффиціальной сферы; но для юридической практики нашей Журналъ М. Ю. есть пріобрѣтеніе и можетъ принести ей большую пользу. Скажемъ болѣе: онъ важенъ потому, что въ массѣ судей, чиновниковъ и дѣлопроизводителей можетъ значительно способствовать къ возбужденію жизни, которая до сихъ поръ такъ слабо заявляла себя, и къ распространенію юридическихъ свѣдѣній: съ этой стороны особенно нельзя не пожелать новому журналу всевозможнаго успѣха и наибольшаго распространенія. Пусть на первый разъ сообщаемыя свѣдѣнія и высказываемыя мнѣнія окажутся неполными, отрывочными, иногда ошибочными и невѣрными: таковы свойства перваго опыта, особливо на нашей почвѣ, на которой вообще не развились еще ни юридическое сознаніе, ни юридическій тактъ, ни юридическая опытность; пусть будутъ робки и несмѣлы первыя попытки разстаться съ вѣковою привычкой—скрывать подъ спудомъ свѣтъ, который долженъ свѣтить всѣмъ. Время

возьметъ свое: оно откроетъ болѣе широкій путь для дѣятельности, оно поможетъ истинѣ отдѣлиться отъ заблужденій, поможетъ окрѣпнуть мысли, еще не привыкшей къ свѣту и къ самодѣятельности. А между тѣмъ то уже будетъ благодѣтельно, что люди, которые, занимаясь юридическимъ дѣломъ, не интересовались до сихъ поръ юридическими свѣдѣніями и, разрѣшая вопросы, не имѣли привычки долго вдумываться въ нихъ, станутъ читать хотя и оффиціально получаемый оффиціальный журналъ юридическаго содержанія и начнутъ разсуждать о томъ, что можетъ быть до тѣхъ поръ не разъ проходило чрезъ ихъ руки и голову, не возбуждая анализирующей мысли; благодѣтельно будетъ то, что движеніе мысли коснется того оффиціальнаго и полуоффиціальнаго міра, въ которомъ слишкомъ много было умственной дремоты. Движеніе это не останется безплодно ни для русской науки права, ни для русской юридической практики.

Самый главный и самый важный отдѣлъ въ новомъ журналѣ— отдѣлъ русской судебно-гражданской практики. Нельзя не замѣтить, что въ отношеніи къ этому отдѣлу и программа журнала и пріемы его требуютъ усовершенствованія. Прежде всего читателя поражаетъ уклончивость, съ которою имена и фамиліи въ приведенныхъ рѣшеніяхъ замѣняются начальными буквами и постоянно умалчивается о томъ, какому судебному мѣсту слѣдуетъ приписать то или другое рѣшеніе. Одно изъ двухъ: или статьи эти помѣщаются для того, чтобы поставить передъ читателемъ вопросъ и указать какъ онъ долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи юридическихъ соображеній, какъ примѣняется законъ къ тому или другому случаю,—въ такомъ случаѣ приличнѣе было бы давать имъ форму вопросовъ; или цѣль редакціи указать на внѣшній авторитетъ, руководствующій къ рѣшенію подобныхъ случаевъ: тогда пусть каждый авторитетъ является передъ нами открыто, а не съ опущеннымъ забраломъ, пусть каждый покажетъ намъ свою юридическую физіономію и самъ за себя отвѣчаетъ своими доводами. Въ мнѣніяхъ Госуд. Совѣта, помѣщаемыхъ въ Ж. М. Ю., имена, фамиліи и названія мѣстностей печатаются безъ утайки: почему же не принять такую же систему и для всѣхъ печатаемыхъ рѣшеній. Это было бы гораздо проще, естественнѣе, и читателя не сбивала бы съ толку пестрота заглавныхъ буквъ, которыя не всегда

бываетъ легко отличить и опознать при чтеніи. Притомъ если рѣшеніе правильное, основательно выведенное изъ дѣла, стройно расположенное, приноситъ положительную пользу читателю-юристу, ищущему свѣдѣній, то и нестройное, неправильное, натянутое рѣшеніе также не лишено своего хоть и отрицательнаго значенія: по нашему мнѣнію полезно бы печатать и такія рѣшенія, не скрывая суда, изъ котораго они вышли. Въ первомъ случаѣ судьѣ будетъ честь, въ послѣднемъ судьѣ *будетъ стыдно*. А кому неизвѣстно какіе это великіе общественные двигатели *честь* и *стыдъ*! Ни того, ни другаго нельзя представить себѣ во тьмѣ или въ полусвѣтѣ: гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ и честь и стыдъ лишаются своего великаго значенія. Кому будетъ честь, тотъ постарается удержать ее при себѣ; кому будетъ стыдно, тотъ или уйдетъ прочь или захочетъ избавиться отъ стыда, оставаясь при дѣлѣ. Наконецъ, кому неизвѣстно, что печатное слово все-равно, что хорошее зеркало, въ которомъ каждый авторъ гораздо скорѣе и вѣрнѣе увидитъ свою физіономію со всѣми ея достоинствами и недостатками, чѣмъ въ писанномъ словѣ? Уголовные процессы рѣшительно исключены изъ програмы Ж. М. Ю., а какую пользу принесло бы ихъ печатаніе! У всѣхъ на умѣ и на языкѣ недостатки нашего уголовнаго судопроизводства и въ особенности слѣдственной части; но смутное ощущеніе этихъ недостатковъ не принесетъ плода и не поведетъ за собою прочнаго исправленія, покуда не явится отчетливое сознаніе недостатковъ, обнимающее причины ихъ и послѣдствія. А такое сознаніе возможно только въ такомъ случаѣ когда недостатки эти обнаружатся: только «*обличаемое во свѣтѣ является*». Желаніе наше можетъ быть поспѣшно, но мы желали бы, чтобъ Ж. М. Ю. не скрывалъ отъ своихъ читателей и темную сторону нашего судопроизводства. Какъ было бы полезно, еслибъ когда нибудь описано было на страницахъ его дурно произведенное слѣдствіе, еслибъ когда нибудь разсказалъ онъ, напримѣръ, какъ медленно производится иное дѣло, какъ проглатываются въ иномъ рѣшеніи существенные вопросы, а на первомъ планѣ выставляются вопросы побочные, какъ уничтожаются безспорные акты на основаніи шаткихъ нравственныхъ соображеній; какъ по голословному отзыву должника, не желающаго платить, останавливается взысканіе, производится слѣдствіе о безденежности обяза-

тельства, кредитора берутъ подъ стражу и допрашиваютъ, откуда взялъ онъ отданныя взаймы деньги, и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по нашему убѣжденію, главную роль играетъ не столько недобросовѣстность, сколько невѣжество, и это-то невѣжество, эту-то ересь юридическую слѣдуетъ обличать на соборѣ, то есть гласно: обличать, показавъ ясно въ чемъ состоитъ заблужденіе и что должно почитать истиной. Истина постояла бы сама за себя и правое слово обличенія, прямо высказанное, принесло бы великую пользу. Мы знаемъ, что этому желанію нашему не скоро еще суждено осуществиться, но что оно осуществится рано или поздно, въ этомъ не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

По примѣру французскихъ журналовъ, посвященныхъ юридической практикѣ, и Ж. М. Ю. принялъ за обычай передъ изложеніемъ рѣшенія печатать курсивомъ общія положенія, изъ него извлекаемыя. Нельзя не одобрить такого обычая; но позволимъ себѣ замѣтить, что намъ при юности и неопытности нашей практики, сравнительно хоть бы съ французскою, приходится дѣйствовать очень осторожно, выражаться какъ можно точнѣе при извлеченіи этихъ положеній, тѣмъ болѣе, что наша юридическая терминологія не успѣла еще развиться, и русское слово, при всемъ своемъ богатствѣ, принуждено еще часто запинаться и колебаться, когда приходится дѣлать юридическій выводъ и выражать въ немъ юридическую идею. Не мудрено поэтому, что первыя попытки наши въ этомъ родѣ оказываются не всегда удачными. Изъ перваго же рѣшенія, помѣщеннаго въ Ж. М. Ю., выводятся положенія, повергающія читателя въ недоумѣніе. Самое первое положеніе выражено такими словами: *давностію можетъ быть пріобрѣтено всякое вообще право*... Въ такую широкую формулу можно вставить какія угодно данныя, и тогда получится результатъ, несообразный ни съ главными основаніями права, ни съ положительнымъ закономъ: можно подумать, что и право залога, и право на поклажу, и право заимодавца и всякое возможное право пріобрѣтается давностью,—заключеніе совершенно анти-юридическое, невозможное въ юридическомъ смыслѣ.—Далѣе встрѣчаемъ слѣдующую формулу: *всякій актъ со ссылкою на другой актъ безъ сего послѣдняго почитается недѣйствительнымъ*.—По смыслу этой формулы выходитъ, что, напримѣръ, купчая крѣпость со ссылкою на актъ, по которому имѣ-

ніе дошло къ продавцу, будетъ недѣйствительна, не будетъ считаться укрѣпленіемъ и доказательствомъ правъ покупщика, безъ представленія самого акта, на который сдѣлана ссылка. Но на самомъ дѣлѣ безусловное требованіе сего послѣдняго акта было бы незаконно и ничѣмъ не оправдывалось бы, если не подвергается спору право самого продавца на проданное имъ имѣніе; если же подобнаго спора нѣтъ, то нѣтъ и повода требовать отъ продавца или отъ покупщика представленія акта, по коему дошло имѣніе къ продавцу. Купчая сама по себѣ и безъ этого акта имѣетъ надлежащую полноту. Иное дѣло когда, какъ напримѣръ, въ томъ судебномъ дѣлѣ, изъ коего извлечена формула,—актъ, представляемый въ видѣ основанія правъ, не имѣетъ самъ по себѣ самостоятельнаго значенія безъ того документа, на который въ немъ сдѣлана ссылка. Формула упускаетъ изъ виду это необходимое соображеніе, прямо выраженное и въ 330 ст. Зак. Суд. Гр., и оттого оказывается неточною, представляя въ видѣ общаго правило, имѣющее силу только при извѣстныхъ условіяхъ. Вотъ еще примѣръ: въ одномъ изъ рѣшеній, помѣщенныхъ въ 4-й книжкѣ Ж. М. Ю., разрѣшается вопросъ: слѣдуетъ ли, при нарушеніи условій запродажной записи со стороны продавца, за отказомъ его отъ выдачи купчей другой сторонѣ, выдавать вмѣсто купчей крѣпости данную отъ крѣпостныхъ дѣлъ? Вопросъ разрѣшается отрицательно, и это рѣшеніе нельзя не признать послѣдовательнымъ, согласнымъ съ началомъ закона, потому что по нашему закону дѣйствіе запродажной записи ограничено краткимъ срокомъ,—воспрещается вступать по ней во владѣніе, и вообще по запродажной записи не переходитъ еще *вещное* право на имущество,—а окончательнымъ укрѣпленіемъ по записи должна служить все-таки купчая крѣпость, актъ, имѣющій самостоятельное значеніе. Въ этомъ рѣшеніи судъ разсуждаетъ о значеніи данной не вообще, а въ примѣненіи къ тому случаю, который подлежалъ разрѣшенію. Но въ положеніи, извлеченномъ изъ рѣшенія, это разсужденіе суда о конкретномъ случаѣ получаетъ уже видъ общаго правила: «данныя на недвижимыя имѣнія могутъ быть выдаваемы *только* въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, *то-есть* при продажѣ имѣній съ публичнаго торга». Такое положеніе, выраженное въ видѣ общаго правила, едва ли соотвѣтствуетъ прямому смыслу нашихъ законовъ, ибо нигдѣ

законъ не выражаетъ подобнаго правила въ общемъ смыслѣ. Правда, въ 2172 ст. Зак. Суд. Гражд. говорится, напримѣръ, о выдачѣ данной на имѣніе, проданное съ публичнаго торга; но здѣсь законъ указываетъ только на одинъ изъ случаевъ, въ коихъ укрѣпленіе имущества производится посредствомъ данной; притомъ изъ этой самой статьи видно, что на имущество, проданное съ публичнаго торга, можетъ быть выдана не только данная, но и купчая крѣпость. Данная есть актъ, выдаваемый отъ лица правительства, и изъ сего уже можно заключить, что форма эта можетъ распространяться на различные случаи и служить формою укрѣпленія правъ, различными способами пріобрѣтенныхъ,—тогда именно, когда нѣтъ въ виду частнаго лица, отъ имени и по волѣ коего могъ бы быть совершенъ актъ обоюдный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтеніе вещнаго права представляется безспорнымъ и укрѣпленіе его—необходимымъ. Въ источникахъ дѣйствующаго законодательства встрѣчаются, кромѣ продажи имѣній съ публичнаго торга, и другіе случаи выдачи данной: такъ, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 31 мая 1828 года, постановлено выдавать данныя отъ крѣпостныхъ дѣлъ безспорному владѣльцу дома за смертію или неизвѣстною отлучкою продавца и наслѣдниковъ его;—владѣльцу, построившему домъ на пустопорожнемъ городскомъ мѣстѣ, и т. п. Наконецъ, вновь состоявшійся 16 іюня 1858 года законъ о неформальныхъ актахъ предоставляетъ лицамъ, владѣющимъ недвижимыми имѣніями, даже безъ всякихъ письменныхъ документовъ, по однимъ словеснымъ соглашеніямъ, получать отъ присутственныхъ мѣстъ свидѣтельства на крѣпостной бумагѣ, по вносѣ крѣпостныхъ пошлинъ, а для обращенія неформальныхъ актовъ въ крѣпостные указываетъ представлять ихъ куда слѣдуетъ для взысканія пошлинъ и обратной выдачи уже въ видѣ крѣпостныхъ актовъ (396 ст. V т. Уст. Пошл. по II Прод.). Намъ извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій случай, доходившій до судебнаго разсмотрѣнія. Кредиторъ представлялъ ко взысканію заемное письмо; но должникъ вступилъ съ нимъ въ мировую сдѣлку, по которой, вмѣсто описи и продажи своего имѣнія, предоставилъ кредитору, для окончательнаго погашенія долга, 100 десятинъ земли изъ своей дачи. Сдѣлка принята судомъ, земля вымежевана и отдана во владѣніе кредитору, который, провладѣвъ ею безспорно болѣе 10 лѣтъ, затѣмъ, по

освобожденіи земли отъ лежавшаго на ней прежнему владѣльцу запрещенія,—представилъ сдѣлку къ крѣпостнымъ дѣламъ и просилъ о выдачѣ ему данной. Ему было отказано и предоставлено просить у кого слѣдуетъ купчей крѣпости, но высшее мѣсто признало требованіе владѣльца законнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы требовать совершенія купчей тамъ, гдѣ продажи не было; между тѣмъ владѣлецъ, силою утвержденной и безспорной сдѣлки съ должникомъ, пріобрѣлъ уже право собственности на землю, но право это требовало еще *укрѣпленія* въ той формѣ, которая установлена для укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Единственно приличная форма такого укрѣпленія и будетъ форма *данной*, и отказывать владѣльцу въ выдачѣ этого акта было бы несогласно съ существомъ закона, не только дозволяющаго, но и требующаго, чтобы въ подобныхъ случаяхъ безспорный владѣлецъ укрѣпилъ свое право совершеніемъ крѣпостнаго акта.

Отдѣлъ судебной практики въ Ж. М. Ю. открывается такимъ рѣшеніемъ, на которое нельзя не обратить вниманія. Кажется, трудно было сдѣлать выборъ неудачнѣе. Рѣшеніе это можетъ назваться примѣрнымъ только въ отрицательномъ смыслѣ. По нашему мнѣнію, если бы требовалось показать какъ *не слѣдуетъ* излагать рѣшенія, то надлежало бы выбрать именно этотъ образецъ для примѣра, какъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ. Дѣло въ томъ, что владѣлецъ имѣнія въ двадцатыхъ годахъ завѣщалъ его своей дочери, постановивъ, что въ случаѣ бездѣтной смерти ея, имѣніе должно возвратиться въ родъ завѣщателя. Дочь, получивъ имѣніе, умерла не бездѣтною и завѣщала все имѣніе сыну, но часть этого имѣнія предоставила мужу своему въ пожизненное владѣніе. Сынъ ея тоже умеръ, и наслѣдники его стали оспоривать актъ, коимъ утверждалось пожизненное владѣніе мужа послѣдней завѣщательницы, остающагося еще въ живыхъ и владѣвшаго имѣніемъ болѣе 10 лѣтъ на пожизненномъ правѣ. Отвѣтчикъ предъявилъ противъ этого спора возраженіе, основанное на давности и доказываетъ, что актъ, коимъ утверждается его владѣніе, не оспоренный въ теченіи 10 лѣтъ, уже не подлежитъ дальнѣйшему опроверженію. Главный вопросъ истекаетъ изъ дѣла очень просто и естественно. Надобно опредѣлить: кому принадлежало и съ какого времени открылось право спорить противъ акта,

коимъ установлено было пожизненное владѣніе, и еслибъ открылось, что право возникло, существовало и не было приведено въ дѣйствіе въ течевіи 10 лѣтъ, вопросъ самъ собою разрѣшается примѣненіемъ закона о давности, *погашающей всякіе иски, споры и требованія.*

Но рѣшеніе, о которомъ идетъ рѣчь, относится къ дѣлу не съ этимъ простымъ и прямымъ вопросомъ; оно подходитъ къ этому же вопросу въ концѣ, но даетъ ему самое послѣднее мѣсто, прежде же всего обращаетъ всю силу своихъ аргументовъ на обстоятельство, не имѣющее по предмету дѣла никакого значенія, именно—на продолжительность *пожизненнаго владѣнія*, и на первомъ мѣстѣ ставитъ слѣдующій общій вопросъ: «распространяется ли законъ о земской давности на *дѣла о пожизненномъ владѣніи?*»; можетъ ли, то есть *пожизненное* владѣніе, обратиться въ право посредствомъ земской давности. Нельзя не подивиться странности такого пріема, въ которомъ выказывается смѣшеніе понятій о давности и о владѣніи. Давно уже признано наукою, что давность владѣнія имуществомъ, обращающая владѣніе при извѣстныхъ условіяхъ въ право собственности, и погашеніе исковъ о всякомъ правѣ гражданскомъ, а не объ одномъ владѣніи—посредствомъ давности—понятія не одинаковыя. По видимому и то и другое сливается въ одномъ понятіи, ибо въ первомъ случаѣ пріобрѣтается право посредствомъ непрерывнаго употребленія въ теченіи извѣстнаго срока; въ послѣднемъ случаѣ теряется право посредствомъ непрерывнаго неупотребленія въ теченіи срока. Въ томъ и другомъ случаѣ право съ одной стороны теряется. Это ведетъ иныхъ къ предположенію о томъ, что въ обоихъ случаяхъ право также пріобрѣтается: на этомъ основаніи въ той и другой давности иные видятъ одинаковый способъ *пріобрѣтенія* правъ. На самомъ дѣлѣ у той и у другой давности есть общее основаніе: всякое право, гражданское должно быть извѣстно, опредѣлено, связано съ извѣстною личностью. Неизвѣстность о томъ, кому принадлежитъ право, есть состояніе ненормальное, несовмѣстное съ сущностью юридическихъ отношеній. Законъ не можетъ допустить, чтобъ такая неизвѣстность продолжалась неопредѣленное время; вслѣдствіе того у всѣхъ народовъ возникаетъ потребность установить сроки, съ истеченіемъ коихъ утрачивается искъ объ имуществѣ или

вообще о правѣ гражданскомъ. Оттого давность и употребляется преимущественно въ смыслѣ процессуальнаго отвода или возраженія противъ иска, но сама по себѣ не содержитъ въ себѣ никакого юридическаго основанія ни для утраты, ни для пріобрѣтенія правъ: даже тамъ, гдѣ непрерывное владѣніе превращается въ собственность, это происходитъ не потому, что совершается переходъ собственности отъ одного лица къ другому, а потому, что владѣлецъ вдругъ съ наступленіемъ извѣстной минуты получилъ возможность *доказать* право собственности, тогда какъ до тѣхъ поръ не имѣлъ ровно никакого доказательства, получилъ возможность противопоставить свое владѣніе истцу, представляющему свое *право* на собственность. Поэтому, если со всякимъ срокомъ давности соединимъ безусловное понятіе о пріобрѣтеніи права, то поневолѣ войдемъ въ ошибку, и должны будемъ подводить подъ давность и такіе случаи, въ которыхъ никакой положительный законъ не допускаетъ владѣнію обратиться въ право посредствомъ времени. Правда, что гуртовое подведеніе всѣхъ случаевъ подъ одно общее правило безъ критической повѣрки каждаго отдѣльнаго юридическаго отношенія очень просто и удобно; но за то при этомъ не трудно и впасть въ заблужденіе. Такимъ образомъ пришлось бы намъ допустить, что и право *залога* и право *по обязательству* можетъ возникнуть такимъ же путемъ, какимъ возникаетъ изъ владѣнія право собственности, а это было бы противно здравому понятію о правѣ и о владѣніи.

Въ подобную же ошибку впадаетъ и вышеприведенное рѣшеніе. Не предстояло никакого сомнѣнія въ томъ, что право оспоривать *актъ* о пожизненномъ владѣніи, подобно всякому другому исковому и процессуальному праву, подлежитъ дѣйствію давности: по этому предмету не было и не можетъ быть сомнѣнія. Но рѣшеніе всѣ свои главнѣйшіе аргументы обращаетъ къ вопросу о примѣненіи давности къ *пожизненному владѣнію*. Пусть бы шла рѣчь о простомъ владѣніи: простое владѣніе есть состояніе фактическое; это дѣйствительность, и для того, чтобы дать объ ней понятіе, стоитъ только сказать: *онъ владѣетъ;* здѣсь, когда рѣчь идетъ о давности, невозможно и спрашивать: *на какомъ правѣ* владѣетъ, потому что гдѣ есть *право* владѣнія, гдѣ есть условія, ограниченія владѣнія, тамъ стало быть рѣчь идетъ не о давности, а о какомъ нибудь дру-

гомъ основаніи права. Словомъ, для того чтобы превратиться въ право посредствомъ давности, владѣніе должно быть *неопредѣленное*. Если только оно опредѣлено, если оно опирается на какое-нибудь юридическое основаніе, если оно, *какъ владѣніе*, выставляется правомъ, то уже здѣсь не можетъ быть давности *по владѣнію*. Таково владѣніе пожизненное. Это владѣніе опредѣленное, стало быть *право* владѣнія. Когда говорится о пожизненномъ владѣніи, намъ уже недостаточно одной фактической основы, какъ въ простомъ владѣніи: предъ нами возникаетъ юридическій образъ, юридическая форма. Здѣсь намъ уже мало знать: онъ владѣетъ; надобно знать: какъ онъ владѣетъ, на какомъ правѣ, по какому основанію. То владѣніе *безъ мѣры* и *условія*, это владѣніе на мѣрѣ поставленное, условіемъ ограниченное. Для того чтобы владѣніе мое могло превратиться въ собственность посредствомъ давности, необходимо чтобы я владѣлъ имуществомъ какъ своимъ, на себя исключительно, съ характеромъ собственности, *подъ видомъ* собственности (какъ выражается нашъ законъ въ одномъ мѣстѣ). Но пожизненное владѣніе не можетъ ни въ какомъ случаѣ имѣть этотъ характеръ—характеръ собственности, именно потому, что оно не просто *владѣніе*, а владѣніе *пожизненное*, стало быть оканчивающееся со смертью лица и за тѣмъ долженствующее слиться съ собственностью другаго лица: здѣсь съ самымъ понятіемъ о владѣніи соединяется представленіе о концѣ его. Спрашивается: какая же есть возможность къ этому опредѣленному, ограниченному, размѣренному владѣнію примѣнять понятіе о *давности* (usucapio)? Къ нему никакая давность примѣниться не можетъ, безъ нарушенія самыхъ первыхъ основаній юридической логики; въ дѣлахъ о пожизненномъ правѣ, какъ и обо всякомъ другомъ, искъ и требованіе могутъ быть погашены истеченіемъ давности (praescriptio), но эта давность исчисляется съ той минуты, съ которой возникаетъ право иска, а ужъ никакъ не съ той, съ которой началось пожизненное владѣніе. Здѣсь владѣніе не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ иску, ни къ давности. И такъ предлагать вопросъ о давности *пожизненнаго* владѣнія не то ли же самое, что спрашивать: можетъ ли возникнуть посредствомъ давности право на двѣнадцатилѣтнее оброчное содержаніе пустоши, или на пользованіе чужими деньгами въ теченіе 8 лѣтъ, съ обязанностію возвратить ихъ послѣ срока?

Первая книжка Ж. М. Ю., по содержанію своему, вообще не возбуждала большаго интереса, въ ней недоставало именно того, что называется *характеромъ* изданія. Вторая книжка была уже интереснѣе первой, а третья значительно интереснѣе второй. Должно отдать новому журналу справедливость въ томъ, что онъ улучшается съ каждою книжкой, и остается пожелать, чтобы дальнѣйшее движеніе его совершалось въ той же прогрессіи: тогда сами собою исправятся неизбѣжные недостатки. Достовѣрно то, что чѣмъ смѣлѣе поставитъ онъ передъ собою свою задачу, и чѣмъ искреннѣе отнесется къ ней, тѣмъ болѣе въ правѣ будетъ расчитывать на успѣхъ. Задача эта заключается, по нашему мнѣнію, не столько въ сообщеніи публикѣ ученыхъ и критическихъ статей, потому что и для науки и для критики есть уже свои неоффиціальные органы, сколько въ обнародованіи и разработкѣ тѣхъ матеріаловъ и фактовъ, которые по многимъ причинамъ доступны только оффиціальному изданію. На этомъ богатомъ полѣ какую жатву можно собрать и для науки и для практики! Министерство обладаетъ именно въ этомъ отношеніи неоцѣнимою сокровищницею, куда нѣтъ еще полнаго доступа наукѣ. Мы говоримъ о Московскомъ Архивѣ М. Ю.

Журналъ М. Ю. обѣщаетъ знакомить насъ съ этими матеріалами: остается только пожелать, чтобы посредникомъ между ними и журналомъ былъ *вольный трудъ науки*, а не трудъ оффиціальный: въ такомъ только случаѣ можно надѣяться на успѣхъ; скажемъ болѣе: въ такомъ только случаѣ обезпечена будетъ самая цѣлость тѣхъ сокровищъ, которыя скрываются до сихъ поръ подъ спудомъ и доступны главнымъ образомъ оффиціальнымъ ихъ оберегателямъ.

Рядъ извлеченій изъ дѣлъ архива начинается краткою запискою о слѣдствіи и судѣ, бывшихъ по поводу извѣстной ссоры между барономъ Шафировымъ и Скорняковымъ-Писаревымъ въ Сенатѣ. Записка эта передаетъ содержаніе дѣла съ выписками изъ нѣкоторыхъ актовъ.

Въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Журнала Министерства Юстиціи особенно замѣчательна статья г. Берви подъ заглавіемъ: *Очеркъ судебнаго управленія въ Англіи.* Имя автора едва ли не въ первый разъ появилось подъ этою статьею въ нашей литературѣ, но на первый разъ произвело пріятное

впечатлѣніе ясностью взгляда и изложенія. Замѣтно, что авторъ съ любовію и стараніемъ изучалъ предметъ, о которомъ пишетъ, и хорошо знакомъ съ его литературою. Строгіе судьи можетъ быть упрекнули бы его за безусловное одобреніе, съ которымъ онъ относится къ нѣкоторымъ сторонамъ англійскихъ судебныхъ учрежденій, процвѣтающихъ исключительно на той же почвѣ, на которой онѣ образовались и получили развитіе, напр. къ началу единочности судей; но мы должны быть прежде всего благодарны автору за то, что онъ такъ наглядно знакомитъ насъ съ организаціей судоустройства, о которомъ русской публикѣ извѣстно менѣе, чѣмъ о судебномъ устройствѣ всякой другой европейской страны.— Статья г. Петренко «о причинахъ обилія тяжбъ въ Бессарабіи» и другая—г. Костенецкаго, «объ улиточной записи», принадлежатъ къ числу такихъ, какія мы желали бы какъ можно чаще встрѣчать въ Ж. М. Ю. Въ первой излагаются, какъ по всему видно, результаты личныхъ наблюденій надъ общественною жизнью и отношеніями ея къ закону и судебной практикѣ, а такія наблюденія всегда имѣютъ живой интересъ для практическаго юриста. Въ послѣдней статьѣ объясняется значеніе *улиточной записи* въ мѣстномъ малороссійскомъ правѣ и возстановляется истинный смыслъ этого акта, недостаточно объясняемый примѣчаніемъ къ 709-й статьѣ Гражд. Законовъ.

Въ четвертой книжкѣ Ж. М. Ю. напечатано на шестнадцати страницахъ извлеченіе, къ сожалѣнію весьма краткое, изъ отчета по Министерству Юстиціи за 1857 годъ. Отчеты Министерства Юстиціи въ послѣдніе 12 лѣтъ сдѣлались рѣдкостью, которой нигдѣ нельзя было видѣть и о которой ниоткуда нельзя было почерпнуть свѣдѣній. Ежегодно печатаются они большими томами in 4-to, но никому, кромѣ посвященныхъ, не удается ими пользоваться. Правда, что до 1846 года печатные экземпляры отчетовъ разсылались по нѣкоторымъ мѣстамъ, подвѣдомственнымъ Министерству Юстиціи, но съ тѣхъ поръ разсылка эта была прекращена, а отчеты оставались въ совершенной безгласности. Только въ 1852 году при Сенатскихъ Вѣдомостяхъ (№ 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 65) прилагались отдѣльными листами извлеченія изъ отчета за 1850 годъ. Это нововведеніе пріятно удивило всѣхъ, но уже не повторялось. Свѣдѣнія, сообщенныя въ этихъ извлеченіяхъ, были гораздо полнѣе тѣхъ, которыя сообщаетъ намъ те-

перь Ж. М. Ю. Онъ знакомитъ насъ только съ перечневыми цифрами и итогами дѣлъ, производившихся по судебному вѣдомству и Министерству Юстиціи; сверхъ того сообщаетъ самыя краткія свѣдѣнія о числѣ лицъ, находившихся подъ судомъ и о главныхъ родахъ преступленій. Этихъ главныхъ родовъ поименовано только 11, тогда какъ въ прежнихъ отчетахъ Министерства Юстиціи поименовывалось до 75 родовъ. Извлеченіе не упоминаетъ ни слова ни объ одномъ изъ такъ называемыхъ «соблазнительныхъ» разрядовъ.

Можно задуматься надъ тѣмъ, что помѣщено въ этомъ извлеченіи, можно вздохнуть о томъ, чего не помѣщено въ немъ. Всѣ статистическія данныя тогда только даютъ возможность сдѣлать изъ нихъ выводъ или правильное заключеніе, когда соединяютъ въ себѣ съ достовѣрностью и надлежащую полноту, но изъ общихъ итоговъ и перечней трудно извлечь живую мысль и практическій выводъ. Притомъ внѣшняя лицевая сторона движенія дѣлъ по судебнымъ мѣстамъ тогда только получитъ для насъ живой интересъ, когда есть возможность вмѣстѣ съ тѣмъ получить вѣрное понятіе и о внутреннемъ ихъ движеніи. А это-то внутреннее движеніе и скрывается въ тайнѣ. Сколько возникаетъ въ головѣ читателя практическихъ вопросовъ при чтеніи «извлеченія», и ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не находитъ онъ отвѣта. Желалось бы знать напримѣръ: какъ продолжительно было производство дѣлъ, поименованныхъ въ итогахъ и перечняхъ, какой былъ самый длинный и какой самый краткій періодъ производства? Сколько тяжебъ окончено миромъ и въ какихъ мѣстахъ мировое соглашеніе имѣло болѣе успѣха? Сколько дѣлъ въ Коммерческихъ Судахъ производилось письменною и сколько словесною формою суда? Въ какихъ мѣстахъ словесная форма существуетъ на самомъ дѣлѣ и въ какихъ вышла изъ употребленія? По скольку лѣтъ ожидали въ тюрьмахъ окончанія дѣлъ своихъ 69654 подсудимыхъ, содержавшихся подъ стражей? Какія губерніи отличаются особенною плодовитостью тяжебъ, и по какимъ именно родамъ тяжебъ замѣчается эта плодовитость? По скольку лѣтъ производятся дѣла объ исполненіи уже состоявшихся рѣшеній и какой успѣхъ имѣютъ непрестанныя понужденія объ исполненіи посланныхъ указовъ? Въ какомъ отношеніи находится число частныхъ гражданскихъ

производствъ къ апелляціоннымъ? Въ какомъ отношеніи число дѣлъ, производящихся по жалобамъ, къ числу дѣлъ, производящихся слѣдственнымъ (*) гражданскимъ порядкомъ? Сколько было земляныхъ, сколько вообще вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ? Сколько было дѣлъ о наслѣдствѣ? о завѣщаніяхъ? Гдѣ сосредоточиваются дѣла объ отдѣленіи земель государственныхъ крестьянъ отъ помѣщичьихъ, и сколько ихъ еще неокончено съ 1799 года, когда они воспріяли свое начало? Сколько было дѣлъ по иску свободы изъ помѣщичьяго владѣнія и къ какимъ губерніямъ относилось большее ихъ количество? Сколько разрѣшено дѣлъ о специальномъ размежеваніи, сколько утверждено полюбовныхъ сказокъ и какой успѣхъ имѣло дѣйствіе новыхъ правилъ понудительнаго размежеванія съ 1850 года? Всѣхъ подобныхъ вопросовъ не перечислишь: ихъ цѣлый легіонъ, и внимательнымъ юристомъ-практикомъ овладѣваетъ при чтеніи итоговъ и перечней живое нетерпѣливое желаніе ознакомиться съ тѣми именно свѣдѣніями, которыхъ онъ не находитъ въ «извлеченіи». Это были бы именно живыя и плодотворныя свѣдѣнія, и обнародованіе ихъ принесло бы несомнѣнную пользу.

Оканчивая краткое наше обозрѣніе, пожелаемъ новому журналу всевозможнаго возрастанія въ зрѣлость и мужество, возрастанія въ силу сознательнаго и потому открытаго вѣдѣнія, пожелаемъ ему всякаго успѣха и распространенія. Пожелаемъ, наконецъ, чтобы, если ужъ онъ избралъ себѣ правиломъ: въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, —добрыхъ часовъ было у него какъ можно болѣе и какъ можно менѣе худыхъ.

(Приложеніе слѣдуетъ).

(*) «Извлеченіе», исчисляя количество гражданскихъ дѣлъ, производившихся въ Департаментахъ Сената, и находя въ итогѣ ихъ нѣкоторое уменьшеніе, сравнительно съ 1856 годомъ, заключаетъ изъ сего о большей правильности въ рѣшеніяхъ Палатъ; но къ подобному заключенію нельзя приступить, не приведя сначала въ извѣстность пропорціи между дѣлами, производившимися чисто гражданскимъ и слѣдственнымъ порядкомъ, ибо послѣднія вступаютъ въ Сенатъ независимо отъ жалобъ.

Юридическія Записки, т. III, изданный П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. С. П. Б. 1859 г., 430 стр.

«Юридическія Записки», издававшіяся прежде однимъ г. Рѣдкинымъ и по выходѣ двухъ томовъ прервавшіяся, теперь продолжаются имъ вмѣстѣ съ г. Яневичемъ-Яневскимъ. Въ первыхъ томахъ помѣстили свои статьи лучшіе изъ тогдашнихъ молодыхъ ученыхъ юристовъ. Обѣ книжки разошлись въ непродолжительное время и теперь составляютъ уже библіографическую рѣдкость. Вотъ почему публика, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ встрѣтила и ихъ продолженіе. Содержаніе новаго тома «Записокъ» довольно разнообразно. Большую часть книги составляютъ, впрочемъ, переводы и заимствованія изъ иностранныхъ юридическихъ изданій; кромѣ того, въ ней помѣщены: весьма интересная статья г. Яневича-Яневскаго—историческое обозрѣніе русскихъ законовъ о клейменіи преступниковъ и двѣ практическія замѣтки: г. Владиславлева «о судебныхъ издержкахъ» и г. Яневича-Яневскаго «объ апелляціяхъ и жалобахъ по дѣламъ уголовнымъ».

Книга начинается статьею г. Яневича-Яневскаго «о введеніи, развитіи и современномъ состояніи суда присяжныхъ во Франціи». Предметъ статьи интересенъ, но не новъ въ нашей литературѣ. Вообще нельзя не замѣтить, что статьи русскихъ юристовъ, имѣющія предметомъ исторію и догму иностраннаго права, страдаютъ двумя недостатками: неточностью и неполнотою сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Правда, изложеніе такихъ статей обыкновенно отличается легкостью разсказа и пересыпается цитатами изъ французскихъ и англійскихъ юристовъ; но развѣ мы одного этого въ правѣ ожидать отъ статей историко-юридическихъ? Отъ недостатка юридической точности и полноты изложенія, наши статьи по иностранному праву какъ-то нетверды, шатки, не живутъ долѣе всякой журнальной статьи, забываемой съ прочтеніемъ книжки, въ которой она помѣщена. Было бы гораздо полезнѣе всѣхъ многосложныхъ разсужденій—изложить, по избранному авторомъ предмету изслѣдованія какого-либо иностраннаго права, *всѣ* законы объ немъ, когда-либо дѣйствовавшія, изложить въ строгомъ порядкѣ, не смѣшивая и не выпуская разныхъ частей одного и того же института. Изложеніе

догматическое не представляетъ трудностей. Иначе, статья, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не принесетъ той пользы, на которую она могла бы расчитывать и по интересу предмета и по извѣстности ея автора.

Сказанное нами прилагается отчасти и къ сочиненію г. Яневича-Яневскаго. Мы не намѣрены разбирать его вполнѣ, но думаемъ, что не безполезно будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Прежде всего, въ сказанной статьѣ довольно сбивчиво изложена первая часть, въ которой разсматривается исторія суда присяжныхъ во Франціи. Такъ авторъ говоритъ про законы о выборѣ присяжныхъ 1791 г. послѣ разсмотрѣнія того же предмета по Code d'instruction criminelle 1808 г. Потомъ, обращаясь опять къ помянутому уложенію, онъ довольно неточно толкуетъ 386 статью его, именно говоритъ, что «въ ст. 386 было постановлено, что всякій гражданинъ можетъ просить префекта и получить отъ начальства въ видѣ милости разрѣшеніе быть внесеннымъ въ списокъ присяжныхъ, хотя бы качества его и не соотвѣтствовали означеннымъ условіямъ». Приведемъ здѣсь статью, цитуемую авторомъ, и пусть читатель увидитъ, что ни *о милости*, ни о *соотвѣтствованіи условіямъ* въ ней нѣтъ и помину.

Art. 386.—Quiconque ne se trouvant dans aucune des classes designées en l'art. 382 désirerait être admis à l'honneur de remplir les fonctions de juré, pourra être compris dans la liste, s'il le demande au préfet, et si, après que le prefet aura obtenu des renseignements avantageux sur le compte du requérant et les aura transmis au ministre de l'interieur, le ministre accorde une autorisation à cet égard.—Le préfet pourra également faire d'office la proposition au ministre.

Здѣсь говорится не объ условіяхъ, а о *непринадлежности* къ тѣмъ классамъ людей, изъ коихъ, по ст. 382 того же Устава, могли быть избираемы присяжные. Законъ не могъ же вычислить *всѣхъ*, могущихъ быть присяжными, и вся статья направлена къ тому, чтобъ не лишить и лицъ, о коихъ въ немъ не упомянуто, такого важнаго права, какъ право быть избраннымъ въ присяжные. *Условія* же для бытія присяжнымъ опредѣлены ст. 381, по которой: Nul ne peut remplir les fonctions de juré, s'il n'a trente ans accomplis et s'il ne jouit des droits politiques et civils, à peine de nullité.

Далѣе, не мѣшало бы обозрѣть содержаніе обширнаго декрета отъ 7—12 авг. 1848 и потомъ уже перейти къ изложенію закона

10 іюня 1853 г. При разсмотрѣніи и этого послѣдняго закона, авторъ, исчисляя лица, которыя почитаются *неспособными* быть присяжными, говоритъ: «неспособны тѣ, кои приговорены къ тюремному заключенію на какой бы то ни было срокъ за нападки противъ принципа права собственности». Не хотѣлъ ли онъ просто сказать: за преступленія противъ имущества? И далѣе, продолжая исчислять тѣ же лица, авторъ говоритъ: «въ 10-хъ, тѣ, коимъ воспрещено быть присяжными въ силу ст. 396 Уст. Угол. Судопр. и ст. 42 Угол. Уложенія». Такъ какъ читатель немного выиграетъ, если узнаетъ однѣ голыя цифры статей, ему неизвѣстныхъ, то мы, съ позволенія автора, приведемъ ихъ содержаніе. Code pénal, art. 42, опредѣляетъ: судъ можетъ постановить, чтобы извѣстное лицо не было допущено къ избранію въ присяжные или къ исполненію обязанностей, сопряженныхъ съ назначеніемъ въ оные, а по силѣ слѣд. 43 ст. постановленіе суда по этому предмету должно опираться на точное предписаніе законовъ. Этотъ-то законъ и содержится въ Code d'instr. crim., art. 396: Tout juré qui ne se sera pas rendu à son poste sur la citation (призывъ) qui lui aura été notifiée sera condamné par la cour d'assises à une amende, laquelle sera,—pour la première fois, de cinq cents francs;—pour la seconde, de mille francs;—et pour la troisième, de quinze cents francs.—Cette dernière fois, il sera de plus déclaré incapable d'exercer à l'avenir les fonctions de juré.

Вообще же статья г. Яневича-Яневскаго читается съ большимъ интересомъ; она была бы лучше, еслибъ въ ней было болѣе полноты и системы.

Статья «*о римскомъ колонатѣ*» появилась въ Юрид. Зап. очень кстати, потому что это учрежденіе имѣетъ аналогію съ крѣпостнымъ правомъ, доживающимъ у насъ послѣдніе свои годы. Можно даже найти очень любопытныя сближенія въ исторіи римскаго колоната съ исторіей образованія у насъ крѣпостнаго права, особливо съ финансовой точки зрѣнія. Но нельзя не пожалѣть, что редакція Юрид. Зап. ограничилась переводомъ записки Савиньи о колонатѣ, написанной еще въ 1822 году для Берлинской академіи наукъ и напечатанной въ 6 томѣ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, 1828 года. Статья Савиньи отличается свойственною этому писателю точностью изложенія и вѣрностью взгляда; въ ней

собраны результаты самостоятельныхъ изслѣдованій Савиньи о сущности юридическихъ отношеній, соединенныхъ съ колонатомъ и объ историческомъ его происхожденіи, но все таки она была составлена съ спеціальною, ученою цѣлью, и для читателя, незнакомаго съ предметомъ, многое можетъ показаться въ ней не совсѣмъ яснымъ. Притомъ, съ 1828 года, изслѣдованіе вопроса о колонатѣ не остановилось на статьѣ Савиньи. Недавно еще, въ извѣстномъ французскомъ журналѣ: Revue historique du droit français et étranger 1856 года, напечатана статья Ревилью о римскомъ колонатѣ, въ которой со всею полнотою изложены результаты новѣйшихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ. Считаемъ не лишнимъ для читателей, интересующихся имъ, изложить здѣсь вкратцѣ содержаніе статьи Ревилью.

Слово colonus употреблялось у Римлянъ не въ одинаковомъ значеніи въ разные періоды ихъ исторіи: значеніе это измѣнялось съ измѣненіемъ въ характерѣ сельскохозяйственнаго ихъ быта. Въ первое время назывались колонами сами римскіе граждане, когда, имѣя полевую землю, сами занимались хозяйственною ея обработкой. Колонами были всѣ свободные владѣльцы небольшихъ поземельныхъ участковъ: воздѣлываніе ихъ производилось посредствомъ рабовъ (villici). Въ послѣдствіи колонами назывались граждане, получавшіе въ собственность полевые участки для земледѣлія въ отдаленныхъ римскихъ колоніяхъ. Колонами же назывались и граждане, которымъ раздавались во временное владѣніе участки земель, составлявшихъ собственность всего римскаго народа: они не имѣли вещнаго права на землю, но пользовались плодами ея, изъ платежа оброка. Эти оброчные участки бывали иногда такъ обширны, что владѣлецъ не въ состояніи былъ самъ ихъ обработывать, но раздавалъ ихъ долями своимъ кліентамъ или воздѣлывалъ своими рабами. Чѣмъ далѣе распространялось римское владычество, тѣмъ разнообразнѣе становились поземельныя отношенія колоновъ. Обширныя земли, принадлежавшія къ составу римскихъ государственныхъ имуществъ, заселялись множествомъ колоновъ,—людей, которые хотя и считались свободнорожденными, обыкновенно не имѣли независимой собственности и по своему положенію были въ зависимости отъ государственной власти, отъ цензоровъ, отъ произвола большихъ арендаторовъ, снимавшихъ земли

въ содержаніе массами. Въ позднѣйшее время Римской республики почти всѣ мелкіе участки, принадлежавшіе частнымъ людямъ на правѣ собственности, слились въ огромныя помѣстья (latifundia), принадлежавшія богачамъ, большимъ землевладѣльцамъ. Мелкая поземельная собственность вовсе поглощена была крупною; землевладѣніе сдѣлалось почти исключительною принадлежностью аристократіи. Такимъ образомъ все сельское хозяйство приняло совсѣмъ новый видъ: помѣщикъ вытѣснилъ земледѣльца-собственника. Большіе господа помѣщики жили и пировали то въ Римѣ, то на дачахъ, гдѣ устроили себѣ загородные домы, со всѣми причудами роскоши. Не заботясь нисколько о сельскомъ хозяйствѣ, они вовсе сдали его на руки своимъ управителямъ (villici), которыхъ выбирали по большой части изъ своихъ же рабовъ. Однако въ это время большія помѣстья обработывались еще не исключительно одними невольниками. Часть земли дѣйствительно воздѣлывалась рабами, подъ надзоромъ управителей, въ родѣ того какъ дѣлается теперь на южно-американскихъ плантаціяхъ: рабы эти жили вмѣстѣ на господскихъ дворахъ (villa) и вмѣстѣ работали; у нихъ не было ни своей движимости, ни своихъ земель и угодій, но вмѣстѣ съ тѣмъ много было и свободныхъ людей, которые по нуждѣ для пропитанія шли въ работу къ богатымъ помѣщикамъ, такъ что свободный трудъ могъ еще совмѣстничать съ трудомъ невольнымъ. Число свободныхъ постоянно увеличивалось новыми вольноотпущенниками, а внѣшнее наростаніе несвободнаго населенія останавливалось на время продолжительнаго мира, такъ что мало по малу свободное сельское населеніе получило перевѣсъ въ числѣ передъ несвободнымъ. Даже небольшіе землевладѣльцы стали отдавать свои участки въ содержаніе свободнымъ арендаторамъ, находя это для себя выгоднѣе, чѣмъ обработывать землю невольниками.

Положеніе свободныхъ людей, вступившихъ въ договорныя отношенія къ землевладѣльцамъ, было неодинаково. Иные брали на себя, за опредѣленную плату, только работы въ пользу землевладѣльца или арендатора, при чемъ иногда выговаривали себѣ долю плодовъ, снимаемыхъ съ земли: такіе наемные работники обыкновенно поступали въ распоряженіе управителя и жили вмѣстѣ съ рабами на господскихъ дворахъ. Другіе ставили себя въ положеніе болѣе

самостоятельное и дѣлались съемщиками земли, арендаторами: они-то, въ концѣ республики, и носили названіе *колоновъ*. За наемъ земли платили они землевладѣльцу или деньгами или опредѣленною долею плодовъ (coloni partiarii). Въ періодъ классическихъ юристовъ (во II и III вѣкѣ по Р. Х.) большая часть колоновъ принадлежали къ первому разряду: слѣдовательно денежный платежъ считался выгоднѣе. Бывали и такіе случаи, конечно въ видѣ немногихъ исключеній, что помѣщикъ отдавалъ землю собственнымъ рабамъ въ оброчное содержаніе. Оброчные договоры съ колонами обыкновенно заключались по старому обычаю на пятилѣтній срокъ (lustrum); но съемщики мѣнялись не часто, и на новый срокъ большею частью оставались прежніе. Обѣ стороны находили такой порядокъ для себя выгоднѣе, особенно же помѣщики, у которыхъ считалось за правило какъ можно долѣе удерживать однихъ и тѣхъ же колоновъ (assiduos colonos retineamus). Юридическая форма временнаго содержанія оставалась господствующею, и отдача земель въ наслѣдственное содержаніе была не употребительна, но на самомъ дѣлѣ участки земли большею частью держались въ семействахъ и оброчное содержаніе переходило отъ одного поколѣнія къ другому, хотя по праву предоставлялась той и другой сторонѣ полная свобода прекратить договоръ по истеченіи срока.

Въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. отдача земель въ срочное содержаніе считалась еще за правило. Особенная привилегія предоставлялась императорскимъ арендаторамъ: они освобождались отъ городскихъ повинностей. Часть свободныхъ казенныхъ земель предоставлена была императорами германскимъ выходцамъ и семействамъ изъ вновь покоренныхъ племенъ, въ видѣ владѣнія, обложеннаго особою повинностью. Изъ нихъ составились колоніи, организованныя на военный ладъ. Потомъ, на границахъ Имперіи Александръ Северъ сталъ раздавать заслуженнымъ солдатамъ земельные участки въ видѣ ограниченной собственности: изъ нихъ образовались тоже военныя поселенія. Но всѣ эти учрежденія не были еще похожи на развившійся въ послѣдствіи крѣпостной колонатъ.

Между тѣмъ свободное земледѣльческое населеніе стало постепенно уменьшаться. Тяжесть податей и повинностей, лежавшихъ на этомъ классѣ, и надежда найти въ городахъ болѣе средствъ къ пропитанію и удобствамъ жизни, были причинами переселенія въ го-

рода съ сельскихъ земель. Притомъ наступила тяжкая эпоха переселенія народовъ. Оставлено было впустѣ множество поземельныхъ участковъ. А тяжесть податей не только не уменьшалась, но еще увеличивалась, не смотря на уменьшеніе средствъ къ исправному платежу ихъ. Государство возложило всю отвѣтственность на городскихъ декуріоновъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ числу богатѣйшихъ землевладѣльцевъ. Чего они не въ состояніи были доправить съ земледѣльца, то обязаны были доплачивать изъ своего кармана. Такимъ образомъ разрушилось мало по малу благосостояніе и городскихъ жителей.

Императоръ Константинъ задумалъ исправить это зло своими реформами. Онъ ограничилъ отвѣтственность декуріоновъ и преобразовалъ податную систему относительно сельскаго населенія. Въ основаніе податнаго расчета велѣно было полагать на каждаго землевладѣльца не только поземельную собственность, но, кромѣ движимости, и всѣхъ людей, жившихъ на землѣ и обработывавшихъ ее, не отличая свободныхъ отъ рабовъ. Поземельный сборъ (jugatio) и поголовный (capitatio) слились въ одной подати, которую стали называть то тѣмъ, то другимъ именемъ. Установлена была неразрывная связь между землей и людьми, на ней поселившимися или поселенными. Землевладѣлецъ долженъ былъ отвѣчать за всѣхъ своихъ съемщиковъ и оброчниковъ въ исправномъ платежѣ податей; послѣдствіемъ этой отвѣтственности явилось и право землевладѣльца удерживать всѣхъ этихъ людей на землѣ своей, на томъ участкѣ, на которомъ лежалъ податной сборъ. Въ городахъ давно уже принято было за правило, что происхожденіемъ (origo) опредѣляется какъ общественное положеніе, такъ и обязанности гражданина. Кто родился въ семействѣ декуріона, тотъ не въ правѣ былъ уклоняться отъ обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ декуріона. Тоже начало было принято относительно многихъ городскихъ корпорацій: на немъ же въ пограничныхъ провинціяхъ основывалась наслѣдственность солдатскаго званія. Теперь то же самое начало получило силу и для оброчныхъ съемщиковъ сельскихъ земель. И они сдѣлались *стариниыми*, *пошлинными* людьми: и ихъ стали называть originarii, conditionales, или, еще выразительнѣе, obnoxii, — привязанными, прикрѣпленными къ своему происхожденію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при христіанскихъ им-

нераторахъ, явилось и новое понятіе о мѣстѣ жительства: прежде оно было свободное для свободныхъ людей: теперь стало обязательнымъ. Законъ стремился всѣми мѣрами затруднить свободу перехода изъ одного помѣстья въ другое. Поселенцы мало по малу сдѣлались неотдѣльными составными членами помѣстья. Оброчникъ, внесенный въ податной реестръ по имѣнію, сталъ по неволѣ прикрѣпленъ къ тому имѣнью, хотя въ другихъ отношеніяхъ продолжалъ считаться свободнымъ. Это прикрѣпленіе вполнѣ соотвѣтствовало интересамъ казны, ибо обезпечивало ее въ исправномъ платежѣ податей, и интересамъ богатыхъ городовъ, которые, принадлежа къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, могли удерживать на землѣ своей оброчниковъ въ полной зависимости. Реформа эта имѣла прежде всего финансовое и хозяйственное значеніе. Значеніе ея въ отношеніи къ частному гражданскому праву развилось уже въ послѣдствіи.

Со времени законодательныхъ мѣръ Константина мы встрѣчаемъ слѣдующіе виды сельскаго населенія:

1. Землевладѣльцевъ или помѣщиковъ. Величайшимъ и самымъ богатымъ въ числѣ ихъ былъ императоръ, съ неизмѣримыми пространствами своихъ государевыхъ земель; за нимъ слѣдовали корпораціи—города—и богатые частные собственники. По системѣ тогдашняго управленія помѣщики должны были жить въ городахъ, предоставляя воздѣлываніе земли своей другому классу. Классъ мелкихъ свободныхъ земледѣльцевъ исчезъ совершенно.

2. Посредниками между землевладѣльцемъ и поселенцами служили *управители* (procuratores, actores), избиравшіеся то изъ рабовъ, то изъ вольноотпущенныхъ или свободныхъ; кромѣ того бывали главные арендаторы (conductores), которые снимали въ аренду цѣлое имѣнье и вели въ немъ хозяйство посредствомъ колоновъ. Эти conductores были большею частью отпущенники или дѣти отпущенниковъ, не составляя впрочемъ наслѣдственнаго сословія. По возлѣ нихъ возникъ особый классъ наслѣдственныхъ оброчниковъ (emphyteutae). Эта послѣдняя форма прежде всего вошла въ обычай при отдачѣ городскихъ и императорскихъ земель, а потомъ перешла и на частныя земли. Право такого наслѣдственнаго съемщика на землю близко подходило къ праву собственности. На него смотрѣли какъ на настоящаго землевладѣльца и, покуда платилъ

онъ исправно помѣщику оброкъ свой или канонъ, владѣніе его было обезпечено. Но и онъ, такъ же какъ временный съемщикъ, не имѣлъ права ссылать колоновъ съ земли своей.

3. Мелкіе владѣльцы, сами обработывавшіе свою землю на правѣ собственности, были тоже прикрѣплены къ своей деревнѣ или округѣ, вносились въ податные реестры вмѣстѣ съ нею и несли на себѣ дополнительную отвѣтственность за исправный платежъ податей со всей деревни.

4. Еще ниже лежитъ вся масса многочисленныхъ колоновъ (tributarii, originales, adscriptitii). При Константинѣ положеніе ихъ было еще сносно. Они считались свободными, но не въ правѣ были оставлять помѣстье, подобно тому какъ декуріонъ не въ правѣ былъ уклоняться отъ своихъ обязанностей по городу. Самовольное удаленіе ихъ считалось за побѣгъ, и тотъ кто рѣшался принять ихъ къ себѣ, долженъ былъ платить, за все время ихъ отсутствія, подати съ оставленнаго ими участка. Бѣглеца велѣно было даже заковывать и въ кандалахъ отвозить на старое мѣсто, для того— сказано въ Ѳеодосіевомъ кодексѣ,—чтобъ это наказаніе, приличное невольникамъ, научало ихъ, какъ должны поступать свободные.— За то Константинъ оградилъ ихъ отъ произвола помѣщиковъ тѣмъ, что запретилъ увеличивать повинности колоновъ.

5. Наконецъ, ниже всѣхъ стояли сельскіе рабы, считавшіеся принадлежностью имѣнія. Закономъ Константина имъ дарованы были семейственныя права: запрещено было продавать ихъ за предѣлы той провинціи, въ которой они родились; запрещено закладывать ихъ въ обезпеченіе долга казнѣ. Запрещено было раздроблять ихъ семейства и разлучать дѣтей съ родителями. Такимъ образомъ, съ одной стороны свободныхъ оброчниковъ законодательство низвело до значенія крѣпостныхъ колоновъ; съ другой стороны подняло состояніе сельскихъ рабовъ, такъ что послѣднее стало сближаться съ первымъ.

При преемникахъ Константина (337—395 г.) колонатъ еще болѣе сталъ уподобляться полному рабству. Установлены тяжкія денежныя пени въ наказаніе за передержательство бѣглыхъ колоновъ. Императорскіе колоны объявлены неспособными служить въ арміи или занимать какую-либо общественную должность. Когда дочь колона выходила замужъ за свободнаго, то дѣтей ея,—совершенно

противно древнему началу римскаго семейственнаго права,—велѣно считать крѣпостными. Объясненіемъ такихъ законовъ служитъ лишь аналогія колоната съ рабствомъ. Право рабства въ этомъ отношеніи распространено на колоновъ, и положенія, первоначально изданныя для императорскихъ колоновъ, получили потомъ силу и для колоновъ у частныхъ людей. Такимъ образомъ разрушено первоначальное равенство брака между свободными и колонами. Сверхъ того закономъ Валентиніана и Валента запрещено колонамъ распоряжаться собственнымъ имуществомъ безъ дозволенія патроновъ. Съ другой стороны помѣщикамъ велѣно довольствоваться произведеніями имѣнія и запрещено требовать отъ колоновъ оброчной платы; но исполненіе этого закона на дѣлѣ было связано со множествомъ затрудненій, тогда какъ законы, отяготительные для колоновъ, исполнялись со всею строгостью.

Такъ мало по малу изъ учрежденія фискальнаго колонатъ превратился въ сословное, замкнутое въ себѣ учрежденіе, въ сословіе крѣпостныхъ людей: связанные съ землею, состоя въ наслѣдственной зависимости отъ помѣщиковъ, они всетаки отличались отъ рабовъ и считались еще лично свободными.

Въ замѣткѣ г. Владиславлева «*О судебныхъ издержкахъ*» показывается незначительность проѣстей и волокитъ, какъ вознагражденія оправданной сторонѣ по веденію процесса. Извѣстно, что мѣра ихъ удержалась въ нашемъ законодательствѣ со времени Уложенія 1649 г. Позволяемъ себѣ замѣтить, что напрасно почтенный юристъ-практикъ, говоря, что «проѣсти и волокиты установлены вторымъ Судебникомъ по дѣламъ между крестьянами», не приводитъ содержанія 50-й статьи Судебника, которая заключаетъ въ себѣ постановленіе о проѣстяхъ, по своему характеру общее, т. е. относящееся ко всѣмъ сословіямъ, а не къ однимъ крестьянамъ (*).

Небольшая статья г. Тарновскаго: «*Объ основаніяхъ для опредѣленія цѣнности земель*» весьма интересна въ виду предстоящей у

(*) Комментируя эту статью, Татищевъ разсказываетъ два весьма интересные случая. Приведемъ одинъ изъ нихъ. Посадскій подалъ жалобу на своего сосѣда въ томъ, что корова послѣдняго, ворвавшись въ его огородъ, поѣла капусту и тѣмъ причинила ему убытка на 300 рублей. Объ этомъ дѣлѣ узналъ Петръ В. и велѣлъ изслѣдовать: каковы были дѣйствительно убытки истца, и когда нашли, что коровою причинено было убытка не болѣе какъ на 3 рубля, Императоръ велѣлъ доправить съ истца въ пользу отвѣтчика 300 р., да съ

насъ реформы въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Замѣчая, что на оффиціальныя показанія нельзя въ этомъ отношеніи достаточно полагаться, авторъ находитъ, что и цѣнами, опредѣленными въ актахъ продажи, надобно пользоваться также съ большою осторожностію. За тѣмъ приходитъ онъ къ заключенію, что для того, чтобы сдѣлать выводъ, хотя приблизительно вѣрный, надобно повѣрять взаимно показанія актовъ продажи и опредѣленія цѣны земель по доходу владѣльца при отдачѣ въ наемъ: а это указываетъ на необходимость устроить въ каждой губерніи оцѣночныя коммиссіи, состоящія изъ членовъ отъ дворянства и правительства.

Въ своемъ историческомъ изслѣдованіи «*Объ указныхъ знакахъ*» г. Яневичъ-Яневскій, приводя мнѣніе по этому предмету криминалиста Росси, дошелъ до слѣдующаго результата: «наложеніе клеймъ есть наказаніе, ничѣмъ невознаградимое; оно противорѣчитъ цѣли закона—дѣйствовать на нравственное исправленіе виновнаго, ибо, вмѣсто исправленія и поученія, въ конецъ развращаетъ его и влечетъ неотразимо къ злодѣянію, какъ къ послѣднему его убѣжищу». Одно только изъ качествъ, требуемыхъ наукою уголовнаго права для всякаго наказанія, и заключается въ клейменіи,—это примѣрность.—Статья эта составлена весьма тщательно и читается съ тѣмъ болѣзненнымъ интересомъ, который неразлученъ съ уясненіемъ подробностей о такихъ предметахъ, какъ пытки.

Рядомъ съ разсмотрѣнною статьею г. Яневича-Яневскаго редакторы помѣстили два уголовныхъ процесса, извлеченные изъ Criminal-psychologische Denkwürdigkeiten Пёльнера, и процессъ въ Парижѣ наслѣдниковъ княгини Багратіонъ (г. Владиславлева). Не останавливаясь на этихъ процессахъ, мы замѣтимъ только, что мысль знакомить читателей съ гражданскими и уголовными дѣлами и разсмотрѣніемъ ихъ въ судахъ заграничныхъ заслуживаетъ полнаго одобренія; прибавимъ однако, что исполненіе ея принесло бы,

---

истца же взять въ казну 3000 р. «*и за оное*,—прибавляетъ Татищевъ,—построить на Преображенскій полкъ кафтаны, что и учинено, а оному посадскому (истцу) велѣлъ писаться *Капустинымъ*». Такъ въ старину наказывались несоразмѣрныя требованія о вознагражденіи убытковъ! Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что комментаріи Татищева къ Судебнику Іоанна IV заключаютъ въ себѣ обильный матеріалъ для уясненія многихъ сторонъ старинной судебной и административной практики, не говоря уже о критическомъ ихъ значеніи.

по нашему мнѣнію, вдвое болѣе пользы, если бы редакторы, выставляя рѣшенія по такимъ дѣламъ иностранной практики, указывали вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, какъ слѣдовало бы ихъ обсудить на основаніи нашихъ законовъ, что впрочемъ и сдѣлано г. Владиславлевымъ относительно процесса наслѣдниковъ кн. Багратіонъ (*).

Далѣе помѣщены въ «Запискахъ» двѣ лекціи мюнхенскаго профессора Блунчли, развивающія *понятіе о правѣ*. Представивъ въ началѣ сознаніе идеи права въ мірѣ восточномъ, профессоръ переходитъ къ народамъ западнымъ и признаетъ за Германцами особенную способность оказать всемірно-историческое вліяніе на развитіе права. «Главная заслуга Римлянъ, по его мнѣнію, состояла въ формулированіи права, въ культурѣ права, а главная заслуга Германцевъ состоитъ въ осуществленіи нравственной сущности, природы права» (стр. 172). Результаты его изслѣдованія о понятіи права слѣдующіе: 1) всякое право есть нравственный порядокъ живыхъ существъ; 2) Богъ есть сама правда; 3) божественное право составляетъ нравственный законъ для людей; 4) осуществляя свое божественное право, Богъ есть сама справедливость; 5) истинное человѣческое право находится внутри самихъ людей, какъ ихъ общій нравственно-физическій порядокъ; 6) формулированное человѣческое право есть выраженіе и установленіе этого права посредствомъ государства и правовѣдѣнія; 7) олицетвореніе человѣческой общности права, государство, есть человѣческое правосудіе, охраняющее и осуществляющее одно только человѣческое, а не божественное право.

«Обозрѣніе отчетовъ французскаго Министра Юстиціи» можно бы и не помѣщать по ихъ обширности и по знакомству многихъ съ судебною статистикою Франціи изъ французскихъ аннюеровъ. Мы думаемъ, что было бы гораздо полезнѣе, еслибъ издатели «Записокъ» ограничились одною уголовною статистикою Франціи и притомъ только выводами изъ нея хотя за послѣдніе 25 лѣтъ.

Въ 3-ей статьѣ г. Яневича-Яневскаго, «Объ апелляціи по дѣламъ уголовнымъ»—авторъ, на основаніи историческаго хода нашихъ законовъ по этому предмету и общаго ихъ духа, показалъ, что «со-

(*) И въ нашей юридической литературѣ мы встрѣтили въ недавнее время съ живѣйшимъ удовольствіемъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи отдѣлъ, посвященный уголовнымъ дѣламъ въ Россіи. Не сомнѣваемся, что изложеніе этихъ дѣлъ и разборъ ихъ принесетъ у насъ огромную пользу и теоріи и практикѣ.

вершенно неосновательна утвердившаяся въ нашихъ судахъ теорія, по которой подсудимые низшаго званія, приговоренные къ отдачѣ въ рабочій домъ, или въ крѣпость, или въ смирительный домъ, съ лишеніемъ всѣхъ или же нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ—признаются неимѣющими права жаловаться ни до исполненія, ни по исполненіи состоявшихся о нихъ приговоровъ». Вопросъ чрезвычайно важный, на который, вѣроятно, обращено будетъ полное вниманіе при окончательномъ составленіи Устава Уголовнаго Судопроизводства (надежду на это подаетъ указъ 22 августа 1855 г.).

Переходя къ статьѣ другаго издателя «Записокъ», г. Рѣдкина,—«Обозрѣніе юридической литературы по римскому праву», мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть ее нѣсколько подробнѣе. Авторъ высказываетъ цѣль своей статьи въ слѣдующихъ словахъ: «чтобы римское право имѣло у насъ значеніе основы для нашего отечественнаго права, къ каѳедрѣ римскаго права, существующей въ нашихъ юридическихъ факультетахъ, относимъ мы слѣдующіе предметы: 1) исторію римскаго права, 2) римское частное право и 3) юридическую герменевтику съ экзегетическими упражненіями. По всѣмъ этимъ предметамъ литература иностранная, преимущественно нѣмецкая (которою только ограничился авторъ) весьма богата.... при обозрѣніи юридической литературы по каждому изъ этихъ трехъ предметовъ порознь мы обратимъ вниманіе не только на господствующія направленія, но и на то, какъ русскій юристъ долженъ воспользоваться тою литературою, чтобъ она принесла ему въ самомъ дѣлѣ пользу, какая ожидается отъ римскаго права для нашего юридическаго образованія» (стр. 263, 264).

Нельзя не замѣтить, какъ обширенъ вопросъ, затронутый авторомъ и какъ трудна обязанность, которую онъ беретъ на себя: *показать, какъ русскій юристъ долженъ воспользоваться литературою римскаго права.* Исполнилъ ли авторъ возложенную имъ на себя добровольно обязанность—вотъ что мы имѣли въ виду, читая статью его. Прочтя ее, къ сожалѣнію, мы убѣдились, что задача не разрѣшена и что тѣ, которые могли бы ожидать отъ статьи г. Рѣдкина полезныхъ совѣтовъ по изученію римскаго права, останутся при прежнихъ недоумѣніяхъ по этому предмету, если не изберутъ себѣ болѣе опытнаго руководителя. Въ прочтенномъ

нами «обозрѣніи» много, даже слишкомъ много выписокъ изъ сочиненій Игеринга, Рудорфа, Бринца и нѣкоторыхъ другихъ, много отклоненій отъ предмета, встрѣчаются намеки, не совсѣмъ впрочемъ понятные (стр. 265, 291, 300, 301), а рѣшенія задачи нѣтъ.

Скажемъ болѣе, даже и самая «попытка привести къ единству все огромное разнообразіе литературы (опять таки замѣтимъ—только одной нѣмецкой) по самой основной наукѣ для юридическаго образованія»—и эта попытка могла бы быть лучше исполнена, благодаря научнымъ средствамъ автора. А какъ интересны, въ самомъ дѣлѣ, вопросы: какъ преподавать въ нашихъ университетахъ римское право? отчего зависитъ успѣхъ его преподаванія? чѣмъ иностраннымъ можемъ мы въ этомъ отношеніи воспользоваться?

Статья начинается разсужденіями, почти не относящимися къ ея предмету. Здѣсь говорится объ неумѣстности унизительныхъ приманокъ къ ученію, о необходимости создать у насъ сословіе юристовъ, объ консерватизмѣ юристовъ вообще, приводятся, неизвѣстно къ чему, выписки изъ рѣчи неаполитанскаго адвоката Манчини, и т. п. Мы остановимся на устройствѣ преподаванія римскаго права, которое предлагаетъ г. Рѣдкинъ. Планъ его дѣйствительно хорошъ. Считая римское право за основу при изученіи русскаго гражданскаго права, онъ такъ распредѣлилъ преподаваніе обоихъ правъ, что вездѣ первое предшествуетъ второму. Пора, въ самомъ дѣлѣ, обратить вниманіе на преподаваніе гражданскаго права въ нашихъ университетахъ. Случается, что оно, вмѣстѣ съ исторіею, гражданскимъ судопроизводствомъ и межевыми законами преподается въ одномъ только второмъ курсѣ, проходится въ одинъ годъ! Какъ бы ни былъ талантливъ профессоръ гражданскаго права, какъ бы много лекцій ни читалъ онъ, на сколько бы ни вводилъ въ нихъ понятій римскаго права, какъ твердой теоретической основы для многихъ изъ институтовъ гражданскаго права—преподаваніе послѣдняго, по причинѣ краткости времени, не можетъ идти успѣшно: слушатель не обойметъ и одной части курса. Не говоримъ уже объ разладицѣ въ понятіяхъ римскаго права, происходящей отъ различія взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ двухъ различныхъ профессоровъ, которыхъ равнымъ образомъ студенты обязаны слушать. Вотъ почему, съ одной стороны осуществленіе плана преподаванія, предлагаемаго г. Рѣдкинымъ, а съ другой—

допущеніе произвольнаго числа доцентовъ по каждому предмету было бы весьма полезно.

Далѣе слѣдуетъ самое обозрѣніе литературы и прежде всего—литературы исторіи римскаго права. Авторъ ничего бы не проигралъ, еслибъ и не излагалъ успѣховъ исторіи римскаго права до временъ новѣйшихъ. Объ этомъ, какъ и о многомъ, что включилъ въ свою статью г. Рѣдкинъ, всякій можетъ прочесть или въ юридической энциклопедіи, хоть напр. Варнкёнига, или въ любомъ учебникѣ по исторіи римскаго права.—Сказавъ о двухъ главныхъ представителяхъ въ литературѣ исторіи римскаго права, Рудорфѣ и Эсмархѣ, авторъ особенно сѣтуетъ на лапидарность языка перваго изъ нихъ. Читатель, впрочемъ, и самъ можетъ убѣдиться въ этомъ обстоятельствѣ, прочтя два отрывка изъ книги Рудорфа, приведенные авторомъ «обозрѣнія» на стр. 270 и 271. По крайней мѣрѣ послѣдній изъ нихъ переводчику не мѣшало бы раздѣлить на нѣсколько періодовъ или построить по-русски. Трудно сказать, куда приведетъ нѣмцевъ эта отличительная черта слога ихъ ученыхъ сочиненій. Мы радуемся, что подобной замашки нѣтъ у русскихъ ученыхъ юристовъ: по крайней мѣрѣ, слогъ покойнаго Неволина, подобно слогу Савиньи, Игеринга и нѣкоторыхъ другихъ, можетъ почесться образцовымъ.

Авторъ подробно разсматриваетъ направленіе критическое или, лучше сказать, усердно черпаетъ изъ извѣстнаго сочиненія гессенскаго профессора Игеринга: Geist des Römischen Rechts etc., держась при томъ, какъ онъ и самъ замѣчаетъ на стр. 308, «собственныхъ словъ» нѣмецкаго ученаго. За тѣмъ, находя, что по особенному отношенію германскихъ юристовъ къ римскому праву, они, не исключая и дѣятелей въ историко-критическомъ направленіи, не могутъ возвыситься до всемірно-историческаго понимація римскаго права—авторъ находитъ способными идти столь широкимъ путемъ—насъ, русскихъ (стр. 334, 335, 376). Не трудно было почтенному автору создать идеалъ такого высшаго всемірно-историческаго созерцанія римскихъ юридическихъ идей, не трудно было предположить и дѣятелями на этомъ поприщѣ русскихъ,—но спустимся съ высокихъ облаковъ, на которыя вознесъ насъ авторъ, и съ видомъ скептика спросимъ его: исполнимы ли такія желанія? намъ ли возвыситься до такого изученія, когда мы не имѣемъ для

этого почти никакихъ средствъ, когда древніе языки находятъ въ насъ слишкомъ плохихъ учениковъ, когда изъ нашихъ молодыхъ людей, поступающихъ на юридическій факультетъ, большая часть не знаетъ не только древнихъ языковъ, но и новыхъ. Еще далеко намъ до того, чтобъ изученіе римскаго права и его исторіи шло у насъ въ томъ видѣ, какъ того хочетъ составитель «обозрѣнія». Высшее образованіе возможно только при строгой филологической подготовкѣ въ гимназіяхъ; безъ нея всѣ воззванія, въ родѣ слѣдующаго: «поучимся же этому праву, какъ учатся всякой наукѣ, имѣющей цѣлью саму себя!» будутъ услышаны двумя, тремя личностями, не болѣе. Притомъ, еще вопросъ: будетъ ли у насъ кто-нибудь изучать римское право, какъ науку, *для него самаго*. Мы, равно какъ и многіе, думаемъ, что у насъ изученіе исторіи и догмы римскаго права должно быть неразлучно съ тѣми или другими утилитарными цѣлями. Именно, прежде всего мы должны проникнуться тою неподражаемою юридическою логикою, которою по преимуществу отличается частное римское право. За тѣмъ мы можемъ смотрѣть на него, какъ на теоретическую основу для всякаго гражданскаго права, но далеко не во всѣхъ частяхъ его. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли смотрѣть на нѣкоторыя ученія римскаго права, какъ на незыблемую философскую опору, напр. на ученія его о бракѣ, о власти родительской, о системѣ договоровъ. О многихъ предметахъ современнаго гражданскаго права нѣтъ и помину въ римской теоріи. Поэтому, разсуждая о системѣ нашего юридическаго образованія, должно бы обращать преимущественное вниманіе не на исторію римскаго права, а на новую философію права и сравнительную юриспруденцію—вотъ предметы, почти неизвѣстные нашему юридическому факультету. Далѣе г. Рѣдкинъ представляетъ исторію введенія римскаго права въ западной Европѣ и подробно говоритъ о совѣщаніяхъ германистовъ въ 1846 г. И то и другое отчасти извѣстно, отчасти не имѣетъ современнаго интереса, отчасти нейдетъ къ «обозрѣнію литературы». Потомъ говорится о т. наз. скептическомъ направленіи германскихъ романистовъ и представляются выдержки изъ сочиненія Бринца, при чемъ берется во вниманіе и рецензія на это сочиненіе (стр. 386). Бринцъ, какъ извѣстно, противникъ *общей части* въ изложеніи юридическихъ наукъ. Г. Рѣдкинъ защищаетъ ея необходимость, въ чемъ мы съ нимъ совершенно согла-

сии, хотя, желая доказать необходимость общей части для гражданскаго и римскаго права, никогда бы не рѣшились привести въ примѣръ значеніе общей части въ уголовномъ правѣ. Наконецъ, показывая важность экзегетическихъ упражненій въ преподаваніи римскаго права, авторъ уже слишкомъ нападаетъ на нашихъ университетскихъ профессоровъ и слушателей, говоря (на стр. 389), что «весьма немногіе слушатели заглядываютъ въ источники, на которые сослался мимоходомъ (?) преподаватель, а не заглядываютъ отъ того, что видятъ въ этомъ потерю времени (?), не зная какъ взяться за дѣло, какъ обращаться съ источниками». Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что на столько достанетъ мудрости у каждаго порядочнаго студента, желающаго заниматься римскимъ правомъ, имѣя въ виду и источники его, чтобъ познакомиться съ сборниками до-юстиніанова и юстиніанова права, чтобъ запастись словаремъ Геймана, чтобы обратиться къ самому профессору. Не можемъ мы согласиться съ г. Рѣдкинымъ и въ томъ наконецъ, чтобы полезно было, при томъ значеніи, какое вообще имѣетъ у насъ изученіе римскаго права, толковать студентамъ экзегетически такіе памятники, какъ leges regiae, Senatusconsultum de bachanalibus, lex Servilia repetundarum, Tabula alimentaria Trajani, такъ какъ названные источники играютъ весьма небольшую роль въ римскомъ частномъ правѣ, которое исключительно у насъ и преподается.

Въ самомъ концѣ «Записокъ» исчислены всѣ заграничные юридическіе журналы и приложена таблица юридическихъ лекцій въ 22 германскихъ университетахъ. Къ сожалѣнію, перечень журналовъ не даетъ русскому читателю никакого понятія о характерѣ и содержаніи каждаго изъ нихъ, и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, особенно замѣчательныхъ. А это было бы необходимо. У насъ мало извѣстны и мало читаются иностранные юридическіе журналы, особенно нѣмецкіе. Получивъ понятіе о характерѣ журнала и его содержаніи, иной читатель пожелалъ бы ближе съ нимъ познакомиться. Притомъ самая номенклатура не совсѣмъ вѣрна: такъ напр. приводимое г. Рѣдкинымъ, въ числѣ журналовъ на 1859 г., мюнхенское Kritische Ueberschau кончилось въ 1858 г., но, соединившись съ гейдельбергскимъ Kritische Zeitschrift, выходитъ подъ новымъ заглавіемъ: Kritische Vierteljahrsschrift.

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПѢСНЯ (*).

Собирался разбойничекъ по вечеру на разбой,
Съ разбоя ѣхалъ, двѣнадцать коней велъ,
На тринадцатомъ конечкѣ самъ разбойничекъ сидѣлъ.
Подъѣзжаетъ воръ-разбойникъ ко широкому двору,
«Отворяй, жена, ворота, пущай молодца на дворъ,
Пущай молодца на дворъ—самъ хозяинъ коренной;
Принимай, жена, рубашку, не развертывай ее».
Не стерпѣла, развертѣла, не встояла на ногахъ.
«Ты, любитель, воръ, губитель, за чѣмъ брата погубилъ»?
«Охъ, не я его сгубилъ, не товарищи мои,
Согубили, погубили его поздни вечерà,
Его поздни вечерочки, глуха матушка полночь».

САМОЗВАНЕЦЪ ИВАШКА КЛЕОПИНЪ.

Осенью 1671 года, на дорогѣ въ Литву, былъ схваченъ молодой человѣкъ, выдававшій себя за царевича Алексѣя Алексѣевича. Его привезли въ Торопецъ и подвергли допросу; самозванецъ объявилъ: «называю я Новгородца Алексѣя Кириллова сына Клеопина отцемъ себѣ, а жену его Марью матерью, и жилъ я у нихъ; а кто былъ мой родной отецъ, про то вѣдаетъ Алексѣй Клеопинъ; принесъ меня съ Москвы во младенчествѣ Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой пятины, Телбовскаго погоста, церкви Николая Чудотворца бобыль Гришка Абакумовъ и отдалъ Алексѣю Клеопину, который меня крестилъ и называлъ царевичемъ. 6 августа, на Телбовскомъ погостѣ, на церковномъ крыльцѣ говорилъ я дворянамъ—Алексѣю, да брату его Ѳедору Клеопинымъ, Ѳедору Леонтьеву, Филиппу Микитину, Гаврилѣ Иванову, Петру Филиппову Лупандинымъ, что я пойду въ Польшу, чтобъ тамъ за меня стали, а называться было мнѣ въ Польшѣ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, и нагова-

(*) Записана *Н. И. Костомаровымъ* въ Сердобскомъ уѣздѣ въ с. Волхонщинѣ, гдѣ она поется въ числѣ другихъ пѣсень, хотя, кажется, занесена сюда съ береговъ Волги. *Редакторъ.*

ривать Поляковъ, чтобъ шли на Луки войною; дворяне сказали мнѣ: «куды себѣ хошъ, туды и поди». Да слышалъ я отъ Ѳедоровой жены Клеопина Анисьи, сказывалъ ей Телбовскаго погоста попъ Кузьма про меня: «такой онъ великій человѣкъ, а не съумѣетъ за себя стать»! а попъ тотъ еретикъ и еретическія книги знаетъ и у себя держитъ, грамотѣ и писанью учился я у него. На Мошенскомъ погостѣ Петръ Лупандинъ называлъ меня царемъ, и я его за такое слово и за бороду дралъ».

Всѣ оговоренные и свидѣтели, на которыхъ слался Ивашка, объявили, что ничего никогда не говорили и не слыхали и о еретичествѣ попа Кузьмы не знаютъ. Притомъ попъ Кузьма и 18 человѣкъ дворянъ сказали: «Ивашка Клеопинъ умовреженъ, а умовредство ему учинилось тому шестой годъ, началъ забываться въ то время какъ былъ на государевой службѣ: отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ, за людьми гонялся, въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей, надъ матерью своей родною хотѣлъ насильственное дѣло учинить, самъ ножомъ рѣзался, въ огонь бросался и платье на себѣ дралъ». Отецъ самозванца Алексѣя Клеопина объявилъ, что Ивашка, 20 лѣтъ слишкомъ, отъ него изъ деревни сбѣжалъ въ лѣсъ, потому что умовреженъ, и говорилъ всякія многія непристойныя слова и называлъ себя великимъ человѣкомъ царевичемъ; билъ онъ Алексѣй на него Ивашку челомъ Новгородскому воеводѣ, князю Пронскому, и хотѣлъ его везти въ Новгородъ къ распросу.

30 октября Ивашка пытанъ и съ пытки говорилъ: «отецъ мой родной Алексѣй Клеопинъ, а царевичемъ я сталъ называться самъ собою, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу де я пошелъ самъ собою наговаривать Поляковъ, чтобъ шли войною на Луки Великіе, и въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всѣхъ поклепалъ, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ».

Умовреженный самозванецъ былъ повѣшенъ.

Сообщено **С. М. Соловьевымъ.**

ДВА НОВЫЕ МАТЕРІАЛА ДЛЯ БІОГРАФІИ КОТОШИХИНА.

Въ богатомъ собраніи историческихъ матеріаловъ, касающихся преимущественно Финляндіи и отчасти Ингерманландіи, Прибалтійскаго края и Россіи, которое принадлежитъ лектору Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ Готлунду, нашлись двѣ подлинныя, на русскомъ языкѣ, просьбы Котошихина, поданныя имъ, сколько можно заключать изъ ихъ содержанія, въ 1666-мъ году, вскорѣ послѣ его прибытія изъ Нарвы въ Стокгольмъ, одна шведскому королю Карлу XI, а другая его сенаторамъ.

Эти документы, отчасти сообщающіе новыя свѣдѣнія о жизни Котошихина, отчасти же дополняющіе собою тѣ, которыя помѣщены въ предисловіи ко второму изданію его сочиненія, получаютъ еще болѣе значенія, если мы обратимъ вниманіе на то, что собраніе біографическихъ свѣдѣній о нашихъ писателяхъ, которые жили и дѣйствовали въ близкое къ намъ время, почти всегда бываетъ соединено съ большими затрудненіями, а поиски біографическихъ матеріаловъ, касающихся литературныхъ дѣятелей отдаленной эпохи, большею частію остаются совершенно безплодными.

Вотъ эти просьбы:

I.

Велеможнѣйшій и высокорожденный князь и государь, государь Карлусъ, божіею милостію Свѣйскій, Готцкій и Вендѣйскій король и отчинный князь, великій князь Финскіе земли, арцухъ Шконскій, Эстланскій, Лифляндскій, Корѣлскій, Бременскій, Ферденскій, Стетинскій, Померскій, Касубскій и Венденскій, князь Рюгенскій, государь надъ Ижерскою землею и въ Висмарѣ, такъ же палцъграфъ Рынскій, Баерпъскій, Гюлпхскій, Кловскій и Бергенскій арцухъ.

Вашему королевскому величеству, моему всемилостивому государю, супликацуюся сею моею суплокацыею, что я вашему королевскому величеству за вѣрою радъ служити до смерти своей, безъ измѣны, что меня привела вашего королевскаго величества превысокая милость, также по наговору коммисара Адолфа Эберса, для чего и въ Полшѣ служить не похотѣлъ, и отъ вашего королевскаго

величества превысокіе милости обнадеженъ я великимъ жалованьемъ, что мнѣ прислано двѣсти таляровъ, что за такое милостивое жалованье вашего королевскаго величества за здоровье до живота своего радъ всемогущаго Бога хвалить. Вашему королевскому величеству бью челомъ покорно и милосердія прошу, чтобъ ваше королевское величество пожаловалъ, противъ моей челобитной велѣлъ указъ учинить, которую челобитную подаю вѣрнымъ радѣтелемъ вашего королевскаго величества государственнымъ высокимъ господамъ думнымъ правителемъ и владѣтелемъ.

Вашего королевскаго величества вѣрной подданной

Г. К. К.

Iagan Alexander Selicky (*).

II.

Добророжденные и высокопочтенные честные государи, господа государственные думные правители и владѣтели.

Королевское величество, какъ есть всемилостивѣйшій государь, пожаловалъ меня милостію своею, чему я за такую превысокую милость и жалованье его королевскому величеству и коронѣ Свѣйской радъ служити до живота своего; и изъ Руголива отъ высокопочтеннаго господина генерала губернатора присланъ я къ его королевскому величеству, и тутъ живу четвертую недѣлю, а его королевскаго величества очей не видалъ, такъ же и у вашихъ милостей не былъ и поклоненія своего не отдалъ, а безъ росказанія (**) вашего къ вашей честности итти не смѣю, въ чомъ черезъ сію мою челобитную вашему высочеству покорно бью челомъ и милости прошу, которую челобитную подаю его королевскому величеству, другую вамъ, высокочестнѣйшимъ государемъ господамъ, черезъ переводчика господина Улауса Баркуша, чтобъ мнѣ указъ былъ противъ достоинства: тутъ живу въ Стеколнѣ безъ дѣла, даромъ испроѣдаюся. И я у его королевского величества и у васъ,

---

(*) Начальныя буквы Г. К. К. означаютъ: Григорій Карповъ Котошихинъ. Іоганномъ Александромъ Селицкимъ Котошихинъ, какъ извѣстно, назвался послѣ своего побѣга изъ Москвы.

(**) Rozkazanie—приказаніе.

высокочестнѣйшихъ государей, повторичие милости прошу и бью челомъ, чтобъ мнѣ какая служба учинена была, а ежели королевское величество и ваше высочество пожалуете, противъ сего моего челобитья служить велите, и та моя служба его королевскому величеству будетъ годна такимъ обычаемъ: первое, чтобъ королевское величество пожаловалъ, велѣлъ меня учить свѣйского языку студенту, а я того студента буду учить по руски, что онъ годенъ будетъ въ переводчики; такъ же ежели похочетъ хто учитца по руски васъ высокихъ господъ дѣти, и имъ то ученье будетъ надобно для такого способу: лучитца которому быть въ Ригѣ или въ иныхъ городѣхъ губернаторомъ, и имъ для порубежства и для посолствъ годенъ будетъ. Еще покорно королевскому величеству, моему всемилостивому государю, такъ же и вамъ, превысокимъ господамъ, бью челомъ и милости прошу, чтобъ я пожалованъ былъ гдѣ жить и чѣмъ сыту быть, за что, за такое жалованье, его королевскаго величества за здоровье и васъ, высокопочтенныхъ господъ, за здоровье же буду Бога хвалить до вѣку живота своего. А сверхъ сей моей челобитной буду ожидать отъ васъ, высокопочтенныхъ господъ, указу въ какой службѣ быть ни укажете, а доколѣ всемогущій Господь Богъ дастъ мнѣ здоровье; а ежели какое у меня письмо по руски или какимъ инымъ языкомъ на Русь или къ Рускимъ людемъ сыщетца совѣтная грамотка, достоинъ смертные казни безо всякіе пощады.

Васъ высокопочтенныхъ и добророжденныхъ честнѣйшихъ государей, господъ государственныхъ правителей и владѣтелей, униженный рабъ и слуга

Г. К. К.

Iagan Alexander Selicky.

Сообщены **А. Ѳ. БЫЧКОВЫМЪ.**

ОТПИСКА КОЛОМЕНСКАГО ВОЕВОДЫ ИВАНА САВИЧА КРЮКОВА, О ЖЕНИТЬБѢ ЕГО СЫНА, КЪ НАРЕЧЕННОМУ ЕГО ТЕСТЮ.

(Второй половины XVII вѣка).

Откуду тебѣ, господине и брате князь Викула Ивановичь, имамъ восписати, не вѣмъ, малоуменъ бо есмь и божественного писанія не навыченъ, обаче же и забытливъ, еще же и болзнію одержимъ, вкупе же и стыдомъ, дабы желаемаго не погрѣшить и въ горшая не пріитти. Первое же, молю твое благородіе, не прогнѣвайся на мя, что дерзнулъ, государю, восписати братишкамъ (*), понеже хуждыше и грѣшнѣе всѣхъ на земли человѣкъ, толка по благодати Господа нашего Іисуса Христа по духу наричемся вси братіе. Но о семъ молю прощеніе мнѣ грѣшнику подати, о нихъ же виновенъ ти есмь: бывъ азъ у твоего благородія о сыроясной недѣли въ среду, и видя къ себѣ твою неизцемѣрную любовь и милость сицеву, порадуяся общей нашей превеликія радости начинающія дѣла къ сопряженію брака дщери твоея государыни моея отроковицы Ульяны Васильевны за сынишка моего за Сенку, что были у меня съ тобою государемъ правыя договоры, какобы учинити во окончанія дѣла привести къ радости, бывъ азъ по вашей ко мнѣ премногой милости въ веселіи, якоже и никогда тако бывалъ, или бо въ чемъ тебя, государя, такожде и супружницу твою, государыню мою, княиню Варвару Ѳеонасьевну прогнѣвихъ каковымъ словомъ, и вы о томъ, государи, прощенія подадите ми, да и сами тую же мзду отъ всемогущего нашего Христа воспріимете. Да по семъ скращу глаголъ сей, нѣсть же мнѣ, вѣсть (**) еже учити тя; по данней отъ Бога премудрости дано тебѣ, государю, знати самому свыше насъ многихъ малоумныхъ: не зазри, государь, сему, что дерзнулъ къ тебѣ, государю, восписати, совѣсть ми нудитъ, и не хотѣвшу ми тебѣ о сихъ глаголати; но боюся рекшего о любви яко всего лутчши есть любовь по Апостолу: «братіе любитя другъ друга и Богъ мира и любве да будетъ съ вами»; ничто же есть любве добрѣе, тѣмъ бо рать и всякая злоба разрушается, якоже и самъ Христосъ рече:

(*) т. е. братишкомъ.—(**) *Такъ въ подл. повторено* нѣсть *въ другой разъ.*

«си заповѣдаю вамъ да любите другъ друга и не глаголите лжи, и отъ сего разумѣютъ яко мои ученицы есте, аще любовь между собою имате»; да «идѣже есмь Азъ, ту и вы со мною будете». И ты, государь, истинной рачитель заповѣди нелицемѣрного нашего судіи, удвилъ на мнѣ милость свою высокую пріятелски. И паки возвратимся на предлежащіи подвигъ. По глаголу великого свѣтильника Іоанна Златоустого, паки глаголю и глаголя не престану о твоей совершенной любви, како ты показалъ первую свою прискреннюю любовь ко мнѣ по семейски, дабы начинаюшія наша дѣла, по намѣренію нашему, во окончанія привести вскорѣ писаніемъ, но и паки мимошедшихъ дней, что у насъ съ тобою, государемъ, начинанія словомъ укрѣпиша, и во царствующимъ градѣ Москвѣ въ соборѣ у боголѣпного Преображенія Господа нашего Іисуса Христа во церкви передъ чюдодѣйственнымъ образомъ Вседержителя моего Христа, къ сопряженію брака дщери твоея, государыни моея отроковицы Ульяны Васильевны, за сынишка моего за Сенку, передъ многими послухи нашими пріятели подъ великими клятвами руками затвердиша, нынѣ же еще довлѣетъ по нашему договору и писаніемъ къ сопряженію брака подтвердити. Днесь же послахъ къ тебѣ, государю, служащего своего отрока Бориска Кузнецова, а приказалъ ему тебѣ, государю, побити челомъ и вопросить, како воля твоя будетъ, въ которую годину во царствующій градъ будешь, и мы тако твоего благородія и ожидать будемъ. И я у тебя, государя пріятеля, милости прошу: учини надо мною совершенную милость, пожалуй облегчися къ Москвѣ не замѣшкавъ, чтобы намъ съ тобою свое начинающее дѣло совершити на писмахъ вскорѣ по твоей воли, для того чтобы мнѣ по указу великого государя посылки куды вскорѣ не учинилось, а я посылокъ опасенъ, бываютъ почесту. И противъ, государь, сего писанейца изволь ко мнѣ отписати съ дѣтиною моимъ. Многогрѣшный рабъ Отца и Сына и Святого Духа благодать Господня, по словенски же Ивашко Крюковъ челомъ бью.

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на двухъ склеенныхъ вмѣстѣ листкахъ. Бывъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ, имѣетъ на оборотѣ перваго листка надпись: Государю моему князю Викулѣ Ивановичю. — *Принадлежитъ генеральшѣ Окуневой и ею же сообщенъ въ Редакцію «Архива».*

ГРОМОВНИКЪ.

(Рукопись Императорской Вѣнской библіотеки).

Въ извѣстной статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», запрещающей разныя суевѣрія и чтеніе подложныхъ и лживыхъ книгъ, упоминается между прочимъ и книга «Громникъ». Въ настоящее время въ разныхъ библіотекахъ находится нѣсколько списковъ этой книги. Во первыхъ, въ бывшемъ собраніи Царскаго, принадлежащемъ теперь гр. Уварову, находится любопытный сборникъ XVII вѣка, подъ № 434, гдѣ въ концѣ помѣщены «бесѣды о седми планетахъ небесныхъ», и за ними «Книга Громникъ (Gromnic), *твореніе премудраго Праклія, царя перскаго*». Другая рукопись Громовника, сербская, XVI вѣка, находится въ Вѣнской библіотекѣ, № 267; краткое описаніе ея сдѣлано было въ извѣстной книгѣ С. Строева. Рукопись названа *Calendarium Sclavonicum* и заключаетъ въ себѣ, по выраженію Строева, объясненія разныхъ предзнаменованій отъ грома, землетрясеній, перемѣнъ луны, начала болѣзней, и проч. Приводимъ выписку изъ нея, сдѣланную Строевымъ, для сличенія съ текстомъ другой рукописи того же содержанія, которую намъ случилось просматривать въ той же библіотекѣ.

Громовникь починае мсца сек(тября) по синоксару. Мсць сек(тябрь) имать дни 30, днь имать час 12, а нощь 12. Аще възгремить растущіи луны, всему обиліе и здравіе каже, и пру падеціе, и пшеница и сочива и соли мало. Ащель худещии луны погръмить, снегь будетъ. Ащель магла низу паде, то ратъ многа будетъ. Ащель потутнитъ, то прьмененіе кнезомъ, и страни тои метежь. Ащель трьторъ буде, то дождь повѣдце. Ащель луна крьвава буде, то людмь тугу каже. Ащель луна изъ ведра, пагубу каже. Сего мсца днію громъ и мльніа буде, то дождеве будутъ и веліе води многи, житомъ плодъ многъ. От множьства члвци падутъ въ лисудь и дѣти ихъ измрутъ. Сего мсца нощію громъ и мльніа. члци вь страхъ падутсе, и вльци же и силніи мъчемъ сратуютъ и изгланутъ и оскудеютъ и погибнутъ болѣзнію. Сего мсца аще буде тресь земли днію, жита суха буде, страхъ великъ въ людехъ и дождеве

велици будутъ; ащель нощію буде, кнезы землъныи и людье погыбнутъ.

Знаки зодіака объяснены названіями странъ и городовъ:

Сказаніе влдць 12-тѣхъ: риба фрузи, овнь римъ, близнць трънoво, ракъ руси, лъвъ дунавъ, деваа романіа, хомутъ іерусалимъ, скорпіа анаѳоліа, стрелъць слунъ, козирогъ скръбли (?), юньцъ бдинъ, мокрошъ море.

Встрѣтившійся мнѣ «Громовникъ» Вѣнской библіотеки носитъ № 62 (48); онъ вставленъ въ средину сборника въ 12-ю д. л., и занимаетъ 64 листа, изъ которыхъ послѣдніе заключаютъ календарныя таблицы; затѣмъ рукопись состоитъ изъ разныхъ мелкихъ статей духовнаго содержанія, чиновъ, послѣдованій, молитвъ, и въ концѣ что-то въ родѣ лечебника, который читается довольно трудно. Это сопоставленіе статей показываетъ, что Громовникъ считался въ числѣ нужнѣйшихъ справочныхъ книгъ для грамотнаго человѣка. Редакція также сербская; время рукописи вѣроятно шестнадцатое столѣтіе. Не вдаваясь теперь въ исторію происхожденія подобныхъ книгъ, мы ограничимся описаніемъ вѣнскаго списка.

Громовникъ начинается на 1-мъ листѣ, безъ заглавія, слѣдующимъ образомъ:

Месець сектемвріи, рекоми руянь, иматъ дни 30, ча́совъ 360, днъ имать час 12, а нощь 12. Луна его свѣтитъ 29 дни. Раждаетсе въ прьвыи час дне. Да ащѣ му будетъ луна права припаси мнозіи добры и ведро будеть; аще ли пологo, слота боудтъ.

Гром. Аще възгрьмитъ растущи лунѐ, изьобилие и здравіе члкомъ; аще ли на скончáніе лунѐ възгрьмитъ, снегь будеть.

Тутан. Аще ли потутнетъ, прѣмененіе кнеземъ и странѣ той метéжь великъ будетъ, и даждъ повѣдуетъ.

Магла. Аще ли ли магла низу пáдѣтъ, то ратны будутъ.

Аще ли луна прáва будетъ, то вьсемъ лудѣмъ туга носїть.

Ащѣ ли мльніа изветра (sic) будѣтъ, тóуга житу кáжетъ.

Сéго мсца. ащѣ будѣтъ, и тишина вѣлїа, и житóмъ плодъ мнóгъ и от множьства пищѣ члцї вь блудъ въпадутъ, дóмовѣ ихъ и дѣти вънезапоу измрутъ.

Громъ нощію. Сéго мсца, аще будѣтъ нóщію грóмъ, или млъвїа. вси члцы въ страхъ въпадутъ. Велйци же и сйлнии мáчѣмъ и рáтию погйбнутъ, и оскудѣютъ лудїе нуждею и погйбнутъ болѣзнію.

Трус. Сѐго мсца аще будѣтъ трусъ земли въ дне, жита сухá. будутъ страхъ въ члцѣхъ и похвала (?), и дажди вѣлици *(Нощію)* Ащѣ ли въ нóщи трѣсѐтсе зѐмля, кнезы землѐ тóе и лю́діе погыбнутъ. Днъ моу злъ 3.20.

И такъ далѣе пересчитаны всѣ мѣсяцы, которымъ приводятся славянскія названія. Подъ слѣдующимъ мѣсяцемъ, *октóмвріи—листопадъ*, между прочимъ замѣчено: Сегóо мсце аще будеть вь дне громъ или мльніа. от въ стокаъ (sic) до зáпадъ вьсй възрадуютсее, и египтскаа землаа изнеможетъ, и вь рѣвности погыбнутъ. и звѣри и снѣдетъ.

Новмвріи—груденъ; здѣсь между прочимъ сказано: аще будѐтъ оу дне грóмъ и мльніа. даждеви оумножѐтсе и жита много будеть. вь аравісцѣй землй метѐжь, и члци члкы емше оудавѣтъ, слáвоу себѣ обрѣщютъ, и вóи йхъ погыбноутъ, въ землй той степй грáдовомъ разорѣтсе . . .

Дектемвріи—просенцъ. Тутъ замѣчено: Сего мсца ащѣ будѣть оу дне громъ и мльніа. мидѐнѣ и аравйтене рáтъ сътвóрѣтъ и въ плѣнѣ вьпадоутъ. и цріе ихъ от отрóвіи оумруть, вѣлици же влáстетеле их въ рáти погібноутъ, на въстоцѣ. Жйта мнóга и овóщна имáть бйти по зѣмлй, и вь морй погйбелъ.

Гинварь—снечáнь.

Фервар—велїяча. Здѣсь сказано опять: Сѐго мсца аще будеть днію грóмь и мльніа, боларомь становитимь излáткъ. и попалѐніа вь мнозех мѐстехъ; а жйто изьобилно боудѐтъ, и оубозіи възнесутсе, а богáтии смѐретсе, на старейших земльных ѐза мнóга, и прѣсееленіа мнóга вь члцѣхь боудть....

Мáрть—лажулкь.

Апрйль—трáванъ.

Мáй—августъ (?).

Іюнь—свибáнъ.

Июль—срьпáнъ.

Августъ—зáрсвъ.

Предсказанія говорятъ постоянно объ изобиліи или бѣдности жита, скота, ловли рыбы и т. п. Политическія извѣстія, какъ въ указанныхъ примѣрахъ, касаются ратей, междоусобій: явится варварскій царь отъ восточной страны, будетъ большой мятежъ между людьми, встанутъ разбойники, царь измѣнится на западѣ, встанетъ

рать въ Эѳіопіи и т. д. Аравійская земля, Персія, царь запада— вотъ мѣстныя данныя этихъ предсказаній, и они конечно указываютъ горизонтъ византійскій: книга составлялась по всей вѣроятности въ Греціи или вообще на Балканскомъ полуостровѣ.

За предсказаніями на каждый мѣсяцъ слѣдуетъ, л. 15 обор., «о стояніи лунѣ право или пологоо», и что это будетъ означать въ разные мѣсяцы. Далѣе идутъ предсказанія, зависящія отъ того, въ какой день будетъ приходиться начало мѣсяца января. Наконецъ, на 18-мъ листѣ, слѣдуетъ новое заглавіе, подъ которое принадлежатъ безъ сомнѣнія и предыдущія статьи:

Сказаніе громо́вникъ вьсѣмъ мсцемъ, въ дны и въ но́щи, извѣдніе *ира́клиа цраа*, и о звѣздочьтеніи.

Судя по заглавію, упомянутая нами выше рукопись гр. Уварова должна заключать это же самое произведеніе. Здѣсь указаны числа, въ которыя солнце вступаетъ въ извѣстные знаки зодіака, названные такимъ образомъ: овнъ, юнацъ, близнацъ, ракъ, лѣвъ, два, хомутъ, ско́рпіа, стрѣла́цъ, козирогъ, мокро́шь, рыба. Вступленіе солнца въ знаки зодіака даетъ поводъ къ новымъ предсказаніямъ, напримѣръ:

Аще́ вь чи́сло лаво́во погрьмт, то пше́ницы и другóмоу плоду тле́ніе, боле́знь и кра́сти въ людхъ, и зи́ма зла, и звѣремь пагоуба. Аще ли потьтнисть, то силнимъ моуже́мъ погыбель. Аще́ ли вь но́щи погрьмїть, то плодве́ до́бри боудть и *въ вавилонѣ* пи́ща, вь чяцѣхъ разбой и метежь, и на васточной стра́нѣ скрьбы. Аще́ ли трусъ боуде прѣмоудримъ па́гоуба.

Знакамъ зодіака народы и мѣстности соотвѣтствуютъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: рыбамъ—фрузи, овну—рим, гонцу—бдинъ, близнецамъ—трьнов, раку—русъ, льву—дунав, дѣвѣ—рома́нїа, хомуту—ієрмъ, скорпіи—натолїа, стрѣльцу—олупъ, козрогу—србл; для послѣдняго знака ничего не показано.

На л. 24 обор. новое заглавіе: А се́нвь громовнікъ, тлъкуе разлика знаменїа въ слнцы и луне и въ звѣздахъ,—опять предсказанія по мѣсяцамъ; вотъ примѣръ:

Мсць охтомвріи. Аще въ прьвї днъ мсца помрькнетъ, между господмъ сва́да, и кобиліцѣ мно́го, и 3 мсца даждъ не паднетъ, и мно́го ра́ти будтъ. въ *анатоліи* оскоудѣніе хлебу? Аще ли слнцѣ помрькнетъ, охтомврїа, *у саракинской земли́*, и по васе́му западу

гла́дъ боудетъ, и *пе́рсомъ* смртъ велі́ка, и даждеви мно́го боудтъ на то́й земли́ и се́тва имъ погы́бнетъ, и вѣликъ се́чъ, зло́творь явитьсе въ них, и емше ослѣпетъ его, и пти́цамъ и ри́бамъ погибелъ, и очі́ма болѣстъ, и чирѣве плъно, и ра́ти по земли́, изидѣтъ члкъ вели́къ от за́пада и̂ рече́тъ тъ я са́мъ цръ. Аще ли се слнце огра́дитъ, по градовехъ ра́ти боудтъ. хоуса́рие и убице потникомъ мно́го зло́ сътворѣтъ—и т. д., говорится, что будетъ предвѣщать дуга на небѣ, или звѣзда «опашита» (съ хвостомъ), или «космата», или если звѣзда «просиплетъ», или «прахове двигнутся». Подъ декабремъ берутся въ расчетъ случаи, въ какой день придется рождество, потомъ, какъ прежде, замѣчается о томъ, въ какой день начнется мѣсяцъ январь.

Далѣе, л. 51 обор., о оудобныхъ же животныхъ, добрыхъ же и злыхъ и посрѣдныхъ, т. е. о знакахъ зодіака.

Л. 52 обор., о разболѣвшимсе члецѣ,—какъ судить о его здоровьѣ по тѣмъ же знакамъ зодіака.

Наконецъ, на л. 53, сказаніе о крузѣхъ нбснѣмъ и землънѣмъ,—и календарныя таблицы.

Таково содержаніе «Громовника». По выпискамъ Строева читатель увидитъ, что отмѣченный имъ списокъ тождественъ съ нашимъ Громовникомъ, также какъ безъ сомнѣнія рукопись гр. Уварова представляетъ только болѣе новую русскую его редакцію. Книга составлена безъ сомнѣнія въ Византіи, и оттуда черезъ болгарскія и сербскія рукописи перешла къ намъ: подобныя «басни» недаромъ слыли у насъ въ старину болгарскими. Громникъ осужденъ былъ въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, но это не помѣшало ему распространиться между русскими читателями, наивность которыхъ не могла устоять противъ интереса его предсказаній: слѣды ложной книги не трудно видѣть въ старинныхъ календаряхъ и азбуковникахъ. Надобно желать, чтобы отыскались и другія ложныя книги стараго времени; описаніе ихъ дополнитъ любопытными чертами картину нашихъ старинныхъ нравовъ и суевѣрій.

А. Пыпинъ.

ЛЬГОТНЫЯ ГРАМОТЫ, ЖАЛОВАННЫЯ МОНАСТЫРЯМЪ И ЦЕРКВАМЪ ВЪ XIII, XIV и XV ВѢКАХЪ.

Статья первая.

I. Монастырскія льготныя грамоты Монгольскаго періода со стороны ихъ формы, содержанія и юридическаго значенія вообще.

Есть въ числѣ юридическихъ памятниковъ нашей старины особый и весьма многочисленный родъ грамотъ,—такъ наз. грамоты *жалованныя*, *льготныя* или *тарханныя*. Эти акты и именно тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ ко времени до конца XV ст., содержатъ въ себѣ весьма интересныя и разнообразныя свѣдѣнія не только о выгодахъ, какими пользовались въ старину духовныя установленія по владѣнію населенными имуществами, но и вообще о древнихъ русскихъ финансахъ и судопроизводствѣ. Намъ казалось, что разсмотрѣнію этого разряда источниковъ древняго нашего права не безполезно будетъ посвятить особую монографію, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ жалованныя грамоты монгольскаго періода, во всей ихъ совокупности, не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, какъ то сдѣлано съ нѣкоторыми другими мелкими и разрозненными памятниками нашего древняго права (таковы напр. изслѣдованія г. Федотова-Чеховскаго о правыхъ грамотахъ, г. Бѣляева о судныхъ и докладныхъ спискахъ, г. Чичерина о княжескихъ духовныхъ и докончальныхъ грамотахъ). Разнообразныя привилегіи, въ нихъ заключающіяся, не были даже *сведены* въ одно, какъ то сдѣлали г. Соловьевъ съ договорными грамотами князей съ Новгородомъ и г. Ерлыковъ съ губными грамотами. Собравъ разсѣянныя по разнымъ изданіямъ историческихъ матеріаловъ 230 грамотъ, жалованныхъ монастырямъ и церквамъ до конца XV вѣка, мы сдѣлали сводъ тѣхъ мѣстъ изъ нихъ, которыя, при разнообразіи остальнаго матеріала, представили наиболѣе сходства. Прежде однако, чѣмъ при-

ступимъ къ разсмотрѣнію привилегіи, скажемъ нѣсколько словъ о значеніи и формѣ жалованныхъ грамотъ.

Жалованныя или *жаловальныя* грамоты были такіе акты, по которымъ высшая власть (разумѣется въ тѣхъ предѣлахъ, на которые она могла простираться), предоставляла какому нибудь физическому или юридическому лицу или имущество въ собственность, во владѣніе, или право на изъятіе отъ нормальнаго порядка вещей. Такого рода акты были извѣстны нашей административной практикѣ еще задолго до ига монгольскаго; время же XIV и XV вѣка было эпохою самаго наибольшаго развитія обычая издавать жалованныя грамоты. Онѣ издавались и властью верховною въ пользу духовенства и лицъ свѣтскихъ и высшими духовными властями (митрополитами, епископами) въ пользу низшаго духовенства, и притомъ въ послѣднемъ случаѣ—или по предметамъ общаго духовнаго управленія или по предметамъ свѣтскаго права въ той мѣрѣ, въ какой послѣдніе подлежали вѣдомству самой жалующей власти. Всѣ разнообразныя постановленія жалованныхъ грамотъ могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи: а) постановленія, опредѣляющія внутреннія *привилегированныя* отношенія Церкви—*отношенія духовнаго къ духовному же* и b) постановленія, опредѣляющія привилегированныя отношенія Церкви къ государству—*отношенія духовнаго къ свѣтскому* (¹).

Такимъ образомъ жалованныя грамоты православнымъ монастырямъ и церквамъ принадлежатъ къ древностямъ русскаго церковнаго права. Въ нихъ мы находимъ опредѣленія и о церковномъ управленіи, и объ отношеніяхъ Церкви къ государству, и о вещественныхъ средствахъ Церкви. Особенно въ послѣднемъ отношеніи жалованныя грамоты представляютъ богатый и обильный матеріалъ для изслѣдованія. У насъ Исторія церковнаго права вообще мало разработана, въ особенности же о вещественныхъ средствахъ, которыя въ древности предоставляемы были для содержанія духовенства, мы имѣемъ лишь краткія свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, по вшепныхъ Исторіи Русской Церкви, каковы Филарета, еп. Рижскаго, и епископа Макарія. Впрочемъ преосвященный Макарій, хотя и разсматриваетъ Исторію Русской Церкви только въ до-монгольскомъ

(¹) Въ настоящей статьѣ мы коснемся лишь постановленій перваго рода.

періодѣ, однако говоритъ о содержаніи духовенства полнѣе другихъ писателей; за нимъ же остается честь болѣе строгаго и правильнаго изслѣдованія относящихся сюда предметовъ, потому что онъ пользовался трудами наиболѣе уважаемыхъ историковъ-юристовъ. А между тѣмъ возьмите любой порядочный учебникъ церковнаго права Католическаго и Лютеранскаго исповѣданія, и увидите какія обстоятельныя и нерѣдко подробныя историческія свѣдѣнія заключаются въ нихъ какъ вообще о вещественныхъ средствахъ Церкви, такъ въ особенности о церковныхъ имуществахъ (1).

Жалованныя грамоты монастырямъ и церквамъ, по содержанію своему, ничѣмъ не отличаются отъ немногихъ сохранившихся до насъ изъ XIII—XV вѣка грамотъ, жалованныхъ частнымъ лицамъ (2): частному лицу князь предоставляетъ туже сумму правъ и привилегій, какую, по большей части грамотъ, получалъ монастырь. Что касается до грамотъ *данныхъ* монастырямъ лицами княжескихъ фамилій, то онѣ отличаются отъ грамотъ жалованныхъ своею формою гражданскихъ актовъ. Если же иногда въ нихъ и встрѣчается (какъ напр. въ данной грамотѣ Нижегородской княгини-монахини: А. И. I, № 29) пожалованіе монастырю «села съ судомъ и съ татьбою и съ поличнымъ и съ тамгою», то это не опровергаетъ словъ нашихъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ судъ даже въ дѣлахъ уголовныхъ и сборъ таможенной пошлины княгиня просто считала за *принадлежности* своего села, какъ имущества главнаго. Грамоты *данныя* лицами княжескихъ семействъ подписываются свидѣтелями (3), даются *съ доклада великому князю* или *по благословенію Государя (своего) князя* (4). Грамоты, *данныя* князьями-госу-

---

(1) Напр. въ Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen von F. Walter, Bonn. 1846 г., 6 книга, глава 1, стр. 512, 223—вообще исторія вещественныхъ средствъ Церкви; а потомъ въ слѣдующихъ главахъ догматическимъ опредѣленіямъ о каждомъ изъ нихъ предпосылаются спеціальные историческіе очерки. У Рихтера въ Lehrbuch des Katolischen und Evangelischen Kirchenrechts, Leipzig, 1853, всю шестую книгу подъ именемъ das Kirchliche Vermögensrecht.

(2) Жалованныя грамоты частнымъ лицамъ въ А. Э. I, №№ 41, г. 1449; 48, г. 1450; 374, г. 1455; 111, г. 1484.—(3) Акты, отн. до юрид. быта, г. Калачова, № 63, г. 1432—1443.—(4) У Востокова въ описаніи Румянц. Муз. с. 99, г. 1452.

дарями, ничѣмъ существенно не отличаются отъ грамотъ, жалованныхъ ими церковнымъ установленіямъ.

Выше мы сказали, что жалованныя грамоты встрѣчаются уже и во времена, предшествующія Монгольскому періоду. Ихъ немного и онѣ по формѣ отличны отъ жалованныхъ грамотъ XIII—XV вѣковъ. Это 1) клятвенная грамота Владиміра св. на десятину Кіевской церкви Богоматери. Въ этомъ актѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ Монгольскаго періода, церковному установленію предоставляется право на полученіе извѣстнаго дохода. 2) Жалованная грамота в. к. Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю отъ 1128—1132 г. сходна съ жалованными грамотами Монгольскаго періода какъ потому, что въ ней монастырю жалуется недвижимое имѣніе съ правомъ суда и сбора дохода относительно людей, населявшихъ это имѣніе, такъ и по формѣ санкціи пожалованія (¹). 3) Въ Исторіи Россійской Іерархіи Амвросія отпечатаны еще двѣ грамоты Юрьеву монастырю *великаго* князя Всеволода Мстиславича, изъ которыхъ въ одной жалуется монастырю *рель* или луговой покосъ, а въ другой цѣлый погостъ съ землею, *людьми*, конями, лѣсомъ, бортями и ловищами (Ист. Рос. Іер. ч. VI стр. 774). Изъ архивскихъ бумагъ Юрьева монастыря видно, что всего было 4 грамоты Мстислава и Всеволода; четвертая, вѣроятно, пропала въ Москвѣ, куда эти акты были отосланы въ началѣ XVII вѣка съ архимандритомъ Хутынскаго монастыря. 4) Уставная грамота князя Новгородскаго Всеволода Мстиславича данная церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, 1134—1135 г. (Доп. къ Акт. Ист. I, № 3). Въ этой *уставной* грамотѣ замѣчается то сходство съ жал. грам. монг. періода, что въ ней князь жалуетъ церкви право сбирать *вѣсъ вощаной* и *пудъ вощаной*, т. е. тѣ внутреннія пошлины, которыя впослѣдствіи обозначались названіемъ *вѣсчаго-пудоваго*. Кромѣ того здѣсь опредѣлены отношенія властей епархіальныхъ къ привилегированному духовному установленію. 5) Жалованная грамота в. князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю, 1146—1154 года — отпечатана только въ Исторіи

(¹) Въ подлинности этой грамоты ни въ какомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, потому что пожалованное Юрьеву Монастырю село Буйцѣ упоминается въ I Новг. Лѣтописи подъ 1232 г. и прямо названо *селомъ Св. Георгія*.

Рос. Іер. Амвросія, ч. V, стр. 454: «Се язъ князь великій Изяславъ Мстиславичь, по благословенію епископа Нифонта (1130—1157), испрошавъ есми у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославицъ и смерды и поля; а заводъ той земли *(опредѣлены границы)*; а хто почнетъ вступатись въ тое землю и въ воду и въ пожни, или князь или епискупъ, или хто иметъ силу дѣяти, и онъ во второе пришествіе станетъ тяжатися со святымъ Пантелемономъ». Актъ, по времени его изданія, чрезвычайно важный, и странно, почему онъ не нашелъ себѣ мѣста въ многочисленныхъ изданіяхъ историческихъ матеріаловъ. Акты XII вѣка, особенно такіе, которыми установляется право владѣнія землею и *людьми*, на ней поселенными, по всѣмъ отношеніямъ заслуживали бы большей извѣстности.

Вотъ и всѣ акты до XII вѣка включительно, сколько нибудь сходные по содержанію съ жалованными грамотами послѣдующаго времени (1). Изъ сдѣланнаго сравненія актовъ того и другаго времени видно, что въ грамотахъ, жалованныхъ монастырямъ и церквамъ до-монгольскаго времени, не опредѣлялись льготы людей, жившихъ на земляхъ того или другаго духовнаго установленія. По нимъ, монастырю или церкви предоставляется одно какое либо имущество или выгоды отъ какого нибудь сбора; а на положеніе монастырскихъ крестьянъ въ отношеніи къ отбыванію ими государственныхъ тягостей, въ отношеніи къ тяжбамъ ихъ между собою и съ людьми другихъ вѣдомствъ, въ отношеніи управленія ими, наконецъ въ отношеніи устраненія мѣстныхъ административныхъ властей отъ вмѣшательства въ это управленіе,—на всѣ эти предметы, составляющіе содержаніе жалованныхъ грамотъ XIII—XV вѣка, власть жалующая еще не обращала вниманія. Кромѣ того акты XII в. отличались отъ послѣдующихъ какъ по своей формѣ, такъ и по особенному юридическому значенію, которое имѣли жалов. гр. монгольскаго періода.

Представимъ теперь обозрѣніе разныхъ видовъ жалов. гр. XIII—XV вѣка: 1) Онѣ давались великими князьями, князьями,

---

(1) Подлинность той грамоты, которую будто бы Андрей Боголюбскій въ 1159 году далъ Кіево-Печерской лаврѣ (на ставропигію) и которой содержаніе приведено въ жалованной грамотѣ Патріарха Іоакима той же Лаврѣ отъ 1688 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. IV, № 191) опровергнута преосв. Макаріемъ въ его Ист. Р. Церкви въ періодъ до-Татарскій.

вѣчемъ Новгородскимъ, наконецъ высшими духовными властями: митрополитами, архіепископами, епископами — монастырямъ епархіальнымъ и митрополичимъ, церквамъ соборнымъ и находящимся въ монастырскихъ селахъ.—2) Монастырю давалась или отдѣльная жалованная грамота, или князь въ своемъ духовномъ завѣщаніи завѣщалъ монастырю или церкви разнаго рода имущества, напр. въ Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 22, г. 1328: «а что есмь прикупилъ сельцо на Коржачѣ....а то даю св. Александру собѣ въ поминанье»; № 25, г. 1356: «а костки Московскія далъ есмь на Москвѣ св. Богородици на Крутицю собѣ въ память»; № 30, г. 1471 ibid.; № 83 г. 1453: «по своей душѣ: Архангельскому собору въ Москвѣ—село; Вознесенскому монастырю—село; Троице-Сергіеву монастырю—села Кинельскія»; № 122, г. 1486, въ духовной князя Михаила Андреевича находится 6 грамотъ на имѣнія Московскимъ соборамъ Благовѣщенскому и Архангельскому; монастырямъ Вознесенскому, Симонову, Кириллову, Мартемьянову. 3) Относительно предмета *пожалованія*, грамоты были: *a) вотчинныя*, т. е. заключающія въ себѣ пожалованіе княземъ какого либо имущества, земли, угодья, строенія; *b) вотчинно-льготныя*, въ которыхъ князь, жалуя монастырю извѣстное имѣніе, опредѣляетъ льготы людей, населявшихъ это имѣніе; *c) льготныя*, заключающія въ себѣ предоставленіе духовному установленію какой либо выгоды или льготы людямъ монастырскимъ. Таковы жалованныя грамоты о неплатежѣ князю прямыхъ сборовъ съ монастырскихъ людей; о томъ, чтобы ѣздоки мимо монастыря не ѣздили, не ставились въ немъ, не брали кормовъ и проводниковъ; о назначеніи особаго пристава для призыва людей монастырскихъ къ суду; о томъ, чтобъ люди княжескіе не ѣздили въ монастырскія села на пиры и братчины; о пожалованіи монастырю права сбирать извѣстныя пошлины; о льготахъ монастырскихъ соловаренныхъ заводовъ; о срокахъ для отказа крестьянъ монастырскихъ; о несборѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ съ торговыхъ монастырскихъ ватагъ; наконецъ были жалованныя грамоты о ненарушеніи прежде данныхъ жалов. грамотъ; *d) освободительныя*, по которымъ власть свѣтская дозволяла монастырю пріобрѣсти какую нибудь недвижимую собственность. *e) жалованныя грамоты, имѣющія видъ гражданскихъ сдѣлокъ князя съ монастыремъ*— «пожаловалъ есми продалъ, промѣнялъ»

монастырю то и то; *f) подтвердительныя*, т. е. такія, въ которыхъ князь ничего вновь не жалуетъ и не предоставляетъ, а только подтверждаетъ за монастыремъ права на тѣ имущества, которыя ему прежде были пожалованы или которыя были имъ пріобрѣтены отъ частныхъ лицъ даромъ, мѣною или куплею (178) (¹); *g) жалованныя грамоты, имѣвшія форму административныхъ распоряженій князя.* Князь *жаловалъ* монастырь, но писалъ грамоту на имя того чиновника, отъ котораго ближайшимъ образомъ зависѣло исполненіе по ней. Такія грамоты хранились въ монастырѣ и предъявлялись монастырскимъ начальствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно желало воспользоваться правомъ, ему дарованнымъ. Потому въ концѣ такихъ грамотъ постоянно видимъ оговорку, относящуюся до лицъ, которымъ игуменъ монастыря долженъ былъ ихъ показывать:

> а прочетъ сію грамоту да отдай игумену N назадъ (31, 67, 69, 113, 144, 151, 158, 205, 209) и онъ себѣ ее держитъ впрокъ (151, 223) иныхъ дѣля (**).

(**) *варіанты:* и волостелей и тіуновъ и праветчиковъ (151) пошлинниковъ моихъ (209).

Вотъ всѣ виды жалованныхъ грамотъ. Количество жалованныхъ грамотъ, изданныхъ съ начала XIV по конецъ XV вѣка своею массою далеко превышаетъ всѣ другіе источники права, дошедшіе до насъ изъ этого періода времени. Настоящее изслѣдованіе касается только грамотъ напечатанныхъ; весьма вѣроятно, что еще много актовъ этого рода, быть можетъ даже относящихся къ XIV и XV

(¹) Желая избѣжать при отметкѣ текста 232 грамотъ безпрестаннаго повторенія сборниковъ и сочиненій, гдѣ помѣщены жалованныя грамоты, томовъ и №№, подъ которыми онѣ значатся въ разныхъ изданіяхъ, мы составили общій *хронологическій* списокъ извѣстнымъ намъ жалов. грамотамъ монгольскаго періода, гдѣ онѣ, распредѣленныя по времени, обозначены каждая особою цифрою. Этими послѣдними цифрами хронологическаго списка и означается грамота, содержаніе которой входитъ въ текстъ или объясняется. Такимъ образомъ напр., цифра 178=Жалов. грамота князя Бѣлозерскаго Михаила Андреевича Кириллову монастырю, отъ 1473 г. февраля 9, помѣщенная въ I т. Акт. Эксп. подъ № 377. Списокъ этотъ будетъ приложенъ въ концѣ второй статьи. Здѣсь считаемъ достаточнымъ замѣтить, что 1 означаетъ грамоту конца XIII вѣка, 2, 3—грамоты первой половины XIV вѣка, 4—12—грамоты второй половины XIV вѣка; 13—77—грамоты перв. пол. XV в., а 78—232—грамоты, относящіяся къ 14[illegible]0—1457 годамъ.

вѣкамъ, еще не издано или остается въ совершенной неизвѣстности (¹). Впрочемъ, должно замѣтить, что при относительномъ сходствѣ жалованныхъ грамотъ по ихъ содержанію, разсмотрѣнія грамотъ изданныхъ весьма достаточно для узнанія видовъ и сущности тѣхъ привилегій, которыя давались православнымъ духовнымъ установленіямъ въ періодѣ Монгольскомъ. Вновь отысканныя и изданныя грамоты не много прибавятъ новаго къ содержанію 230 изданныхъ; по особенному духу нашего древняго права даже и разнообразныя привилегіи являются въ вѣковѣчной, *изстаринной* формѣ. При этомъ представляется однако вопросъ: отчего такъ велико количество дошедшихъ до насъ жалованныхъ монастырямъ и церквамъ грамотъ вообще, и въ частности сравнительно съ другими памятниками? Первая часть вопроса вызываетъ другой: отчего такъ часто князья жаловали имущества и льготы монастырямъ и церквамъ? Обычай этотъ вѣроятно принесенъ къ намъ изъ Византіи. Въ Греческой Имперіи монастыри и церкви владѣли различными родами недвижимыхъ имуществъ; имущества нѣкоторыхъ монастырей и церквей и тамъ освобождались иногда почти отъ всѣхъ государственныхъ тягостей по особенной милости императора (²). Какъ бы то ни было, первые наши христіанскіе князья являются ревностными поборниками этого обычая. Но въ первые четыре вѣка со времени принятія христіанства безграничное благочестіе князей было, кажется, единственнымъ *основаніемъ* предоставленія Церкви важныхъ матеріальныхъ преимуществъ. Со времени Монгольскаго владычества являются другія основанія, болѣе побудительныя, болѣе

(¹) См. соч. г. Калачова «О значеніи кормчей въ системѣ древняго Русскаго Права» примѣч. 6.

(²) «Обозрѣніе Греко-Римскихъ законовъ въ отношеніи къ Церкви» (Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 65). Какъ у насъ были свободны отъ государственныхъ тягостей только тѣ имѣнія монастырскія, которыя получили жалованную грамоту, такъ и въ Византіи, по общему правилу, имѣнія монастырей и церквей также отбывали государственныя подати и повинности. Какъ у насъ, не смотря на всѣ льготы людей монастырскихъ по исправленію повинностей, они по большей части не освобождались отъ обязанности участвовать въ постройкѣ укрѣпленій и въ дачѣ подводъ гонцамъ во время войны, такъ тоже самое замѣчается и въ Византіи. См. Cod. Theodos. lib. II, tit. 11, 33, 34 и означенную статью, стр. 39 и 40.

вещественныя. Это были: *во первыхъ* примѣръ самихъ Монголовъ, дававшихъ ярлыки всей русской Церкви, а чей примѣръ могъ быть разительнѣе для русскихъ князей?; *во вторыхъ*, политическіе виды князей, изъ которыхъ каждый старался какъ можно больше переманить на свою землю людей *изъ иныхъ княженій*; а такое право перезывать людей, прикрытое желаніемъ даровать его монастырскимъ имѣніямъ, жалуется почти въ каждой грамотѣ; *въ третьихъ*—экономическіе виды князей, желаніе заселить порожнія земли, которыхъ было много, и получать съ нихъ скорѣе незначительный доходъ, чѣмъ не получать никакого; и монастыри были истинными подвижниками въ дѣлѣ колонизаціи и обработки отдаленныхъ и пустыхъ земель. *Наконецъ*, изданіе жалованныхъ грамотъ вызывалось грубостію нравовъ, часто заставлявшею забывать уваженіе къ монастырямъ и церквамъ, какъ мѣстамъ религіознаго общенія. Какъ же не оградить было Церковь, когда, по понятіямъ современниковъ, «воленъ былъ Государь въ своихъ монастыряхъ: хочетъ жалуетъ, *хочетъ—грабитъ*» (Посланіе Іосифа Волоцкаго, въ XIV части Др. Росс. Вивліов. стр. 188), или когда князь *хотѣлъ кнутьемъ бить черницовъ* (ibid). Къ обузданію этихъ-то варварскихъ понятій могли и должны были, по важности ихъ санкціи, способствовать жалованныя грамоты.

Что касается до второй половины нашего вопроса—отчего преимущественно предъ другими актами сохранились до насъ жалованныя монастырямъ грамоты, то мы должны обратить вниманіе на способъ храненія актовъ этого рода. Князь даетъ игумену жалов. грамоту и говоритъ въ ней:

> А сю грамоту держы въ казнѣ, впрокъ иныхъ дѣля игумновъ (224).

Такъ какъ всѣ привилегіи монастыря основывались единственно на грамотѣ, ему пожалованной, то сначала для того, чтобы пользоваться этими привилегіями, а въ послѣдствіи, съ ограниченіемъ ихъ,—чтобы доказывать князьямъ ревность къ Церкви и благочестіе ихъ предковъ—монастырь дорожилъ актомъ пожалованія. Такимъ образомъ, при тишинѣ монастырской жизни, нисколько неудивительно сохраненіе до нашихъ временъ такого большаго количества жалованныхъ грамотъ.

Любопытно прослѣдить, какъ съ теченіемъ времени, съ прибли-

женіемъ къ XVI вѣку, измѣнился первоначальный характеръ жалованныхъ грамотъ. Уже съ 1478 года (правда, относительно одной лишь Новгородской области) началась секуляризація монастырскихъ имѣній ([1]). Въ самыхъ раннихъ жалованныхъ грамотахъ монгольскаго періода, князья предоставляютъ монастырямъ неограниченныя льготы, часто на безсрочное время, иммунитеты имѣлія въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; потомъ, мало по малу, вѣроятно замѣчая значительную убыль въ своихъ доходахъ, начинаютъ изоброчивать людей монастырскихъ. Къ концу XV столѣтія рѣдко встрѣчаемъ грамоты, въ которыхъ монастырю или церкви вновь жаловалось бы какое нибудь недвижимое имущество. Наконецъ, съ XVI вѣка встрѣчаются жалов. грамоты совершенно иного характера, чѣмъ грамоты начала XV вѣка: начинаютъ появляться исключенія въ порядкѣ освобожденія отъ платежа податей и исправленія повинностей. Василій Іоанновичъ, подтверждая въ 1507 г. одну грамоту, пожалованную отцомъ его, дѣлаетъ оговорку: «сее грамоту у нихъ рушити никому не велѣлъ ничѣмъ, *опричь яму, и мыта, и тамги, и пудовщины, и помѣрного, и пятна*» ([2]): другими словами—исчисленныя привилегіи были уже нарушены, отняты у монастыря. Менѣе всего потерпѣли измѣненія судебныя привилегіи; онѣ, съ ограниченіемъ посуловъ, не будучи столь важны и дороги какъ прежде, продолжаютъ наполнять содержаніе *несудимыхъ грамотъ*, этого новаго вида грамотъ жалованныхъ.

Что касается *до формы* жалованныхъ грамотъ, то мы обратимъ вниманіе только на начало ихъ и санкцію.

I. *Начало*. Форма начала, общая большей части грамотъ, данныхъ князьями, есть:

Се язъ князь (великій) N пожаловалъ семь игумена (архиман-

([1]) Владыка Ѳеофилъ Новгородскій добилъ Іоанну III-му челомъ *половиною* волостей владычнихъ да монастырскихъ; половина земель была отнята на государя у шести изъ наиболѣе богатыхъ монастырей Новгородскихъ; прочія монастыря великій князь *пожаловалъ*, земли у нихъ не взялъ. Зане до убоги, земли у нихъ мало. См. Новгор. 2 лѣт. стр. 143. Ср. стр. 48-ю IV части Древней Лѣтописи Русской Татищева (въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и др. Росс. годъ 4-й № 3). Лѣтопись Псковская (1-я) подъ 1499 годомъ разсказываетъ, что «отъималъ князь великій въ Новѣгородѣ вотчины церковные и роздалъ дѣтемъ боярскимъ въ помѣстье, *монастырские* и церковные, по благословенію Симона митрополита».—([2]) Акты, отн. до юридич. быта, г. Калачова, № 31 (XIV).

дрпта) N монастыря (¹) съ братіею (игуменью N съ сестрами) или кто по немъ иный (инъ, ины) игуменъ въ N монастырѣ будетъ.

Оговорка—или кто по немъ иный игуменъ будетъ—показываетъ, что жалующій былъ убѣжденъ въ томъ, что жалуетъ землю не игумену, не лицу физическому, со смертію котораго сила пожалованія прекратится. Если пожалованіе относилось до монастыря митрополичьяго, то грамота начиналась такъ: пожаловалъ своего для отца N, митрополита Кіевскаго и всея Руси.

a) Иногда грамота начинается извѣстнымъ предисловіемъ:

Во Имя Святыя Троицы Отца и Сына и Св. Духа, се мы раби Святыя Троица великій князь N и князи NN, Бога дѣля и своего дѣля спасенія (5, 44).

Се милостыня князя великаго и его братаничевъ княжъ NN (его братьи молодшей княжа NN) (5, 44).

Пречистые ради Богоматери (13, 43, 81).

Святаго для Благовѣщенія (21, 54).

Святаго дѣля Спаса и Святаго для Благовѣщенія (22, 26).

Святыя дѣля Троицы (23, 32).

Бога дѣля и Святаго дѣля N (3).

Милости ради Святаго Устрѣтенья и своего ради Спасенія (45, 140).

Пречистыя ради милости честнаго ея Рождества (18) и честнаго ея Успенія (163).

Различіе такихъ предисловій зависитъ отъ того, въ память *чего* или во Имя *кого* монастырь жалуемый назывался: такимъ образомъ въ каждой почти жалованной грамотѣ Троице-Сергіеву монастырю читаемъ: «Святыя дѣля Троицы.»

b) Часто въ началѣ грамоты говорится, что она основана на грамотахъ, прежде данныхъ:

По старой грамотѣ жаловалной пожаловалъ (81).

Взрѣлъ есмя въ грамоты въ жаловалные бабы своея вел. княгини N и отца своего грамоты жаловалные князя и въ свои грамоты жаловалные (178).

А возрѣвъ есмь въ даныя граматы (4).

(¹) *Вар.* Пожаловалъ есми святаго N монастырь (старцевъ N монастыря).

Всего чаще: «по отца своего грамотѣ, по матери своея грамотѣ».

Это упоминаніе о грамотахъ прежде пожалованныхъ, какъ основаніи привилегій, вновь монастырю предоставляемыхъ или за нимъ подтверждаемыхъ, равно какъ и *подтвержденія*, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ грамотахъ, съ одной стороны даютъ возможность заключать о существованіи сознанія, что власть верховная также легко могла предоставить Церкви права и привилегіи, какъ и уничтожить, отнять ихъ—(вотъ почему при каждой смѣнѣ князя монастыри просятъ у его преемника подтвержденія своихъ ж. грамотъ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ привилегіи въ нихъ изложенныя, не будутъ признаны новымъ правительствомъ); съ другой стороны мы узнаемъ отсюда, какія грамоты были, но не дошли до насъ.

с) Иногда изъ самыхъ же грамотъ узнаемъ и поводы къ пожалованію. Такъ, или актъ пожалованія вызывался просьбою монастыря:

1. Что мнѣ били челомъ, а сказываютъ: пустоши дей ихъ монастырскіе лежатъ дей пусты за 20 лѣтъ, а дворовъ на нихъ нѣтъ ни кола; а оже будетъ такъ, и язъ пожаловалъ (57).
2. И о тѣхъ лузѣхъ билъ ми челомъ N архимандритъ да строитель N моею братьею княземъ N, княземъ N (223) (т. е. чрезъ посредство помянутыхъ лицъ).
3. А та де ихъ слободка лежитъ пуста и лѣсомъ поросла великимъ (193).
4. И здѣсе билъ ми челомъ архимандритъ N съ братіею (204).

Или актъ пожалованія вызывался жалобою монастыря:

1. Что ѣздоки княжескіе повадились ѣздить по монастырской землѣ *дорогою непошлою* (т. е. пролагая новые пути (177).
2. Что въ монастырскихъ водахъ посторонніе люди ловятъ рыбу безъ спросу (203).
3. Что княжескій соловаръ отнимаетъ воду отъ варницъ монастырскихъ (205).

Начало одной только грамоты особенно оригинально: «се язъ князь N *доканчалъ* (сдѣлалъ уговоръ) пожаловалъ».

Грамоты, данныя Новгородскимъ вѣчемъ, начинаются такъ:

По благословенію господина преосвященнаго архіепископа бого-

спасаемаго Великаго Новагорода (¹) владыки N, се пожаловавше (²) посадникъ В. Новагорода N и вси старые посадники и тысяцькой В. Новагорода N (³) и вси старыи тысяцькіи, и бояре, и житьи люди, и купчи (⁴) и (⁵) весь господинъ (⁶) Великій Новгородъ (⁷) на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ (60, 109, 188—*въ послѣдней нѣтъ:* и бояре и житьи люди и купчи).

Грамоты, изданныя духовными властями начинаются: «Се язъ архіепископъ, или митрополитъ всея Руси».

II. Санкція жалованныхъ грамотъ.

a) Общая ея форма: а чрезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возметъ или чѣмъ ихъ изобидитъ (а кто сію мою грамоту нарушитъ), и тому быти отъ мене въ казни.

b) Частности: *князь жалующій отстраняетъ вмѣшательство другихъ князей* и выражаетъ прочность пожалованія:

А кто дѣтій моихъ, или братьи мосе мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богъ и св. Геворгій въ страшное свое пришествіе; а князю великому дасть сто рубля; а далъ есмь сю грамоту и въ вѣки (3).

А князь бы N въ ту ся . . . не вступалъ (85).

А кто изобидитъ домъ святаго N или князь или владыка или волостель или кто иный, тотъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ (4).

И которымъ прародителемъ моимъ благословитъ Богъ Сергѣевымъ моленьемъ на Московскомъ государствѣ быти до скончанья вѣка имъ Сергѣева монастыря не порудити монастырской вотчины, какъ ее Богъ распространитъ (6).

А то есми имъ далъ грамоту не въ отъимку и въ прокъ, ни мои дѣти не отъимаютъ у нихъ тое грамоты (14).

А по моемъ животѣ который князь иметъ отнимати—судитъ ему Святая Троица, да будетъ проклятъ (11). И мьститъ ему Богъ и Пречистая Матерь въ сей вѣкъ и будущій (7).

А на которую грамоту свою грамоту дамъ (⁸), а на сію грамоту

вар. (¹) и пьскова 109, 188
(²) и господинъ 109, 188.
(³) степенный 109, 188.
(⁴) купцѣ 109.
(⁵) и черныи люди 109.
(⁶) Государь 109.
(⁷) вся пять концевъ 109.

(⁸) А дамъ кому язъ князь свою грамоту на грамотники (168, 192, 164).

грамоты нѣтъ (21, 22, 26, 39, 41, 45, 46, 48, 81, 83, 89, 143, 163, 178, 34, 47, 83, 99, 158, 172, 24) нѣкоторыми дѣла (151).

А кто часть нѣку отнялъ, разсудится со мною на страшномъ судѣ (106).

А кто уступитъ на мое слово судъ съ нимъ предъ Богомъ и да будетъ клятва Божія на немъ въ сей вѣкъ и въ будущей въ день страшнаго суда Божія.

А чрезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ св. N и милости св. N не буди на немъ.

А коли размирье князю великому съ Новымъ-городомъ, а тогда (людей монастырскихъ) въ безадщину ([1]) не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ опрісни въ брезѣ князя великаго (3).

По грамотамъ Новгородскимъ, нарушитель долженъ дать Великому Новгороду 50 ([2]) рублевъ въ стѣну (казну) (60).

Въ одной грамотѣ сказано, что «кто ся будетъ въ тые люди уступати, Пречистая сама собе боронитъ» (196). Подобныя заклинанія противъ нарушителей, указывающія на возможность нарушенія дарованныхъ Церкви правъ, встрѣчаются уже въ Уставѣ Владимира св., въ Уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ и вообще во всѣхъ актахъ до-монгольскаго времени, подобныхъ жалованнымъ грамотамъ.

Въ заключеніе нашихъ общихъ замѣчаній о разсматриваемыхъ актахъ, должно сказать, что грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIV и XV вѣкахъ имѣли свое особенное юридическое значеніе и практическую важность. Именно, онѣ имѣли значеніе крѣпостныхъ актовъ. Самымъ несомнѣннымъ выраженіемъ крѣпости какого либо поземельнаго права для монастыря были вотчинныя жалованныя грамоты; къ нимъ прибѣгалъ монастырь въ своихъ тяжбахъ о поземельной собственности (А. Юрид. № 5, около 1491 года, *правая* грамота Ѳерапонтову монастырю на деревни). Многія жалованныя грамоты цѣликомъ сохранялись до насъ въ *правыхъ*

([1]) Слово *безадщина* не означаетъ здѣсь *выморочнаго имущества*, ни *отсутствія подчиненія вотчиннику* (Академ. Слов. I, 26), но, кажется, *беззащитное*, беззаступное положеніе.

([2]) 10 рублевъ въ 109, и прибавлено: а боронити игумена и всѣхъ старцевъ всимъ Великимъ Новгородомъ (109).

грамотахъ. Свѣтскія администратпвныя власти въ своихъ отношеніяхъ къ монастырю, получившему жалованную грамоту, *должны были ходить по тому, какъ было писано въ этой грамотѣ*; иначе князь давалъ монастырю новую грамоту *о ненарушеніи грамотъ жалованныхъ*. Иногда князь приказывалъ своимъ чиновникамъ по извѣстнымъ распоряженіямъ ихъ въ одномъ монастырскомъ имѣніи руководствоваться жалованною грамотою, содержащею въ себѣ опредѣленія о другомъ имѣніи того же монастыря.

Далѣе, это были—паспорты для безпошлиннаго движенія торговыхъ монастырскихъ ватагъ въ чужихъ княжествахъ. Кажется, князь не могъ давать жалованной грамоты монастырю, находившемуся въ чужомъ княжествѣ, лишь въ томъ случаѣ, если было сказано о томъ въ договорѣ между обоими княжествами. Такъ, въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ княземъ Серпуховскимъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 27, г. 1362) говорится: «а въ твой ми удѣлъ грамотъ жаловальныхъ не давати, также и тобѣ въ мой удѣлъ и все мое великое княженье не давати грамотъ; а которые грамоты буду подавалъ, а тѣ ми грамоты отоимати».

II. *О духовномъ управленіи и матеріальныхъ средствахъ Церкви по жалованнымъ грамотамъ Монгольскаго періода.*

А. Объ управленіи епархіальномъ и монастырскомъ.

Архіереи. Власть епископа въ предѣлахъ его епархіи, по правиламъ Восточной Церкви, была духовная: епископу вмѣняется въ обязанность объѣзжать свою епархію; судъ епископа въ дѣлахъ духовныхъ простирается на всѣхъ живущихъ въ его паствѣ; монастыри подлежатъ правительственному вѣдомству епископа: четвертымъ правиломъ IV вселенскаго собора опредѣлено, чтобы «монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ были въ подчиненіи у епископа», что подтверждено и свѣтскими законами (Cod. Iust. nov. 5, cap. 7; nov. 123, cap. 21).

Вотъ три важнѣйшія положенія о власти епископской; указанія на нихъ мы находимъ и въ постановленіяхъ жалованныхъ грамотъ.

1. А коли митрополитъ поѣдетъ мимо монастыря, ино митрополиту того архимандрита не судить а не рядить (52).

Какъ архіерей обязанъ былъ обозрѣвать свою епархію, такъ митрополитъ могъ ревизовать всѣ епархіи; такъ митрополитъ Кипріанъ въ долговременное правленіе свое едвали одинъ годъ провелъ на одномъ мѣстѣ ([1]). Однако монастыри, особенно покровительствуемые князьями, иногда освобождались отъ такихъ ревизій. Въ отношеніи къ митрополичьимъ объѣздамъ и суду въ Новгородской епархіи лѣтописи сообщаютъ весьма интересныя подробности. Въ концѣ XIV вѣка видимъ рѣшительное стремленіе Новгорода выдти изъ зависимости митрополиту по суду духовному. Дѣло происходило такъ. Въ 1385 году митрополитъ Пиминъ, *по дорогѣ въ Царьградъ*, заѣхалъ въ Новгородъ и Новгородцы ему не дали *мѣсяца судити* въ Новѣгородѣ ([2]). Пиминъ, а можетъ быть и преемникъ его Кипріанъ не хотѣли упустить столь важнаго права, каково было право ревизіи и суда въ Новгородѣ, и въ 1390 году прислана была *къ Новгороду* грамота отъ Константинопольскаго патріарха Антонія *о судѣ* ([3]). Зимою слѣдующаго 1391 г. митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, служилъ, говорилъ проповѣди, и Новгородцы остались очень довольны его пребываніемъ и подарили ему нѣсколько дворовъ на Чюдинцевѣ улицѣ, а тогдашній новгородскій архіепископъ Іоаннъ «створи пиры многи и чести митрополита двѣ недѣли съ Новгородци честью великою и дары многими». Но вдругъ митрополитъ началъ просить у Новгорода *суда*. Истинныя чувства недовольныхъ гражданъ обнаружились, и посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ съ тысяцкимъ Никитою Ѳедоровичемъ и всѣ Новгородцы, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали митрополиту: Господинъ! мы поклялись между собою и грамоту написали крестную, чтобъ не *зваться* къ митрополиту на судъ. Кипріанъ, вѣроятно не ожидавшій такого отвѣта, сказалъ имъ: вы приняли на себя большой грѣхъ; впрочемъ, дайте мнѣ вашу грамоту, я сорву печать и сниму съ васъ клятву; но судъ мнѣ дайте, какъ было при прежнихъ митрополитахъ. Новгородцы остались

([1]) См. Ист. Русск. ц. еп. Филарета. II, 124.—([2]) Соф. 1 лѣт. О мѣсячномъ судѣ см. ниже.—([3]) Софійск. 1-я лѣт.

непреклонны, и митрополитъ, разсердясь на архіепископа и на весь городъ, уѣхалъ изъ Новгорода. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, чтобъ дѣло остановилось на этомъ. Поступокъ Новгородцевъ подрывалъ всю старину, и прочія епархіи могли послѣдовать примѣру Новгородской. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году великій князь Василій Дмитріевичъ прислалъ своихъ пословъ въ Новгородъ за чернымъ (с)боромъ и велѣлъ сказать Новгородцамъ о помянутой грамотѣ, чтобы они отослали ее къ митрополиту и онъ сниметъ съ нихъ клятву. Новгородцы не послушались и великаго князя, и возгорѣлась война. Когда она кончилась, Новгородцы смирились, отправили пословъ къ великому князю съ челобитьемъ о старинѣ, а *грамоту цѣловальную* отдали на порушенье митрополиту. Новгородъ заплатилъ единовременно порядочную сумму денегъ князю и митрополиту. Послѣдній *благословилъ владыку Іоанна и весь Новгородъ* ([1]). Такъ кончилась эта неудавшаяся попытка Новгородцевъ выдти изъ подчиненія духовному суду митрополита Московскаго и всея Руси. Но кажется митрополитъ Кипріанъ и послѣ того неблагосклонно смотрѣлъ на Новгородъ и его владыку, по крайней мѣрѣ послѣдняго продержали безъ нужды болѣе двухъ лѣтъ въ Москвѣ, куда онъ былъ *позванъ* въ 1401 году *по святительскимъ дѣламъ* ([2]). Потомъ уже Новгородцы не пытались освободиться отъ этой зависимости, и въ 1437 году митрополитъ Исидоръ распоряжался въ Новгородѣ и Псковѣ по своему произволу([3]).

II. «А будетъ дѣло духовное, и игуменъ, того пообыскавъ, да пошлетъ ко мнѣ (121, 154)», пишетъ епископъ въ жалованной грамотѣ церквамъ, находившимся въ селахъ монастырскихъ. Что должно

([1]) Новгор. IV лѣт. стр. 98,99,100. Не это ли же самое событіе разсказывается въ I Новгор. лѣтописи, составитель которой могъ не знать его во всей подробности, отнесъ его къ 1395 году и передалъ такъ: «Пріиде въ Новгородъ митрополитъ Кипріанъ *съ патріаршимъ посломъ*, въ великое говѣніе, и запроси суда, и Новгородци суда ему не даша, и онъ пребылъ весну всю въ Новѣгородѣ и до Петра говѣнія, и владыка Иванъ далъ честь велику митрополиту и *патріаршу послу*. И митрополитъ Кипріанъ, идучи прочь отъ Новагорода *благословилъ* сына своего владыку Ивана и весь Великій Новгородъ.» Впрочемъ, приходъ въ Новгородъ патріаршаго посла заставляетъ думать, что Новгородцы и послѣ 1393 года не вполнѣ покорялись митрополиту.—([2]) Новг. 4-я лѣт.—([3]) Новг. 1 лѣт. подъ 1437 г.; Псковская 1 лѣт., стр. 210 и 211.

понимать подъ *дѣломъ духовнымъ*? Это выраженіе означало понятіе дѣлъ собственно церковныхъ: внутреннее управленіе Церковію, разрѣшеніе сомнительныхъ случаевъ, относящихся къ этому управленію, духовное обличеніе и наказаніе нарушителей законовъ Церкви. Въ частности, этимъ выраженіемъ означался судъ духовный, который принадлежалъ епископу въ дѣлахъ этого рода какъ надъ духовенствомъ, такъ и надъ мірянами [1]. Князь пишетъ:

Архіепископъ и его тіуни игумена и его братію не судятъ ни въ чемъ, опричь духовныхъ вещей (225).

А владыка который коли будетъ епископію N держать, ино тому владыцѣ того архимандрита не судить а не рядить (52).

Рядомъ съ этою каноническою юрисдикціею, въ рукахъ высшихъ духовныхъ властей образовалась другая, именно: высшее духовенство въ Византіи обнаруживало желаніе судить членовъ клира собственнымъ судомъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ [2], такъ что духовнымъ въ дѣлахъ ихъ между собою правилами соборовъ Халкидонскаго и Карѳагенскаго даже запрещалось искать суда у мірянъ. И по древнимъ законамъ Русской Церкви лица духовнаго званія по всѣмъ дѣламъ подлежали исключительно суду своего архіерея или лицъ, помогавшихъ ему по управленію епархіею. Судебникъ Іоанна III окончательно утвердилъ за духовенствомъ право на свой собственный судъ. Такимъ образомъ подъ словомъ *судить* въ приведенномъ текстѣ должно понимать судъ архіерея надъ настоятелемъ монастыря по всѣмъ его дѣламъ съ лицами духовнаго же званія. Этотъ судъ былъ одною изъ главнѣйшихъ цѣлей высшаго духовенства при совершеніи помянутыхъ ревизіонныхъ объѣздовъ и имѣлъ большое финансовое значеніе. Поборы и пошлины, сопровождавшіе митрополичій судъ въ подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ [3] и архіерейскій въ предѣлахъ одной епархіи, были весьма тяжки для подчиненнаго духовенства. Потому то и имѣетъ смыслъ *пожалованія* привилегія, даруемая (см. выше текстъ) княземъ настоятелю одного монастыря, по дѣламъ *неду-*

---

(1) Ср. Неволина «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго» стр. 103.—(2) ibid, с. 18.—(3) «Ѳеогностъ митрополитъ иде въ Новгородъ со многими людьми, *тяжко же бысть* владыцѣ *и монастыремъ* кормомъ и дары» въ Новг. 1 лѣт. подъ 1341 годомъ, стр. 81.

ховнымъ, быть подсудну князю, а не епископу. Мы можемъ прослѣдить по лѣтописямъ исторію суда и *подъѣзда* [1] Новгородскаго архіепископа во Псковѣ. Братъ молодшій Новгорода часто не *давалъ* суда своему архіепископу. Какъ видно, ему столь же хотѣлось освободиться отъ ревизіи архіепископа Новгородскаго, сколько Новгороду—отъ Московскаго митрополита. Въ 1337 году «иде владыка Василій во Псковъ на подъѣздъ, и Плесковичи суда не даша, и владыка поѣха отъ нихъ, проклявъ ихъ» [2]. Кажется для такихъ пріѣздовъ Новгородскаго архіепископа во Псковъ существовали извѣстные сроки, потому что подъ 1352 годомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что архіепископъ Василій пріѣзжалъ во Псковъ *не въ свои лѣта, ни во свою череду*, но тако, хотя благословити дѣтей своихъ Псковичь и поповъ [3]. Въ 1399 году «ходи владыка Іоаннъ во Псковъ на свой подъѣздъ, и Псковичи своему господину отцу владыцѣ Іоанну даша часть велику, и судъ ему даша мѣсяцъ судити по старинѣ [4]». Постоянно соблюдалось, что Новгородскій архіепископъ *самъ* пріѣзжалъ во Псковъ за подъѣздомъ; поэтому, когда въ 1412 году «владыка Иванъ прислалъ протопопа Тимоѳѣя во Псковъ, на масляной недѣли, на понѣхъ подъѣзда просить—Псковъ не повелѣлъ давати, отвѣщали тако: коли Богъ дасть будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло исперва по старинѣ [5].» Спустя два года Іоаннъ пріѣзжалъ во Псковъ.

По общему правилу архіепископъ, пріѣзжая во Псковъ, могъ судить тамъ *мѣсяцъ* (4 недѣли); но рѣдко оставался цѣлый мѣсяцъ. Такъ, когда въ 1477 году архіепископъ Ѳеофилъ, пріѣхавъ во Псковъ *на свой подъѣздъ и на старины*, пробылъ тамъ всѣ 4 недѣли, лѣтописецъ замѣчаетъ: «ни за много время иные владыки во Псковѣ такъ всего мѣсяца въ свой пріѣздъ не живали» [6]. Но въ концѣ XV вѣка, кажется, владыки Новгородскіе всегда проживали во Псковѣ на подъѣздѣ по мѣсяцу [7]. Тяжесть суда владычняго едва ли

(1) *Подъѣздъ*—названіе пошлины отъ архіереевъ и священниковъ митрополиту или отъ священниковъ архіерею при ревизіонныхъ объѣздахъ: «въ подъѣздѣ отъ всей земли владыцѣ 10 гривенъ, а попу двѣ гривны» у Карамз. И. Г. Р. II, примѣч. 267.

(2) Новг. 1 лѣт., стр. 78.—(3) Псковск. 1 лѣт. стр. 191.—(4) Новг. 1 лѣт.—(5) Псковск. 1-я, стр. 201.—(6) ibid. стр. 254.—(7) Псковск. 1 лѣт., года 1495, 1499.

не зависѣла отъ личности производившаго судъ архіерея, потому что объ однихъ лѣтописцы замѣчаютъ только, что они *судили тогда-то;* тонъ ихъ разсказа измѣняется, когда они говорятъ о подвигахъ архіепископовъ Евфимія (см. ниже) или Сергія, его преемника, который «многы игумены и попы испродаде, и многія новыя пошлины введе» (1). Таковъ былъ судъ архіереевъ.

> А будетъ владыцѣ до архимандрита дѣло духовное, ино намъ самымъ же, со владыкою, того архимандрита досмотрѣть (52).

Здѣсь князь оставляетъ за собою участіе даже въ судѣ по дѣламъ духовнымъ. Да и въ Византіи постоянно дѣйствовало правило, по которому лица духовнаго званія иногда подлежали суду верховной государственной власти (2). Подобное приведенному въ текстѣ опредѣленію видимъ мы въ другой жалованной грамотѣ позднѣйшаго времени: «а какъ будетъ на игумена Хутыня монастыря духовная вещь, и архіепископъ Новгородскій въ духовныхъ вещахъ игумена судитъ, да о томъ отпишетъ ко мнѣ великому князю; а безъ моего вѣдома архіепископъ Новгородскій Игумена Хутыня монастыря и въ духовныхъ вещахъ не учинитъ ничего» (3).

III. По общему правилу, монастыри, находившіеся въ извѣстной епархіи, зависѣли отъ епархіальнаго архіерея. Онъ дозволялъ устроить монастырь, онъ же и освящалъ выстроенный. Да и послѣ освященія монастырь находился въ полной зависимости отъ архіерея по внутреннему управленію. Появленіе въ VII вѣкѣ ставропигій (4) не измѣнило общаго правила. Архіерей пишетъ въ своей жалов. грамотѣ монастырю:

> a) Коли придетъ къ нимъ священникъ изъ митрополіи или изъ архіепископіи брата моего, N архіепископа, или изъ которы епискупьи, и игуменъ съ братіею, възря у него въ грамату ставленую и въ отпустную и обыскавъ его, велятъ тому священнику священствовати у себѣ въ монастыри.
>
> b) а не будетъ у котораго священника отпустные грамоты, и

---

(1) Псковск. 2 лѣт. г. 1489, стр. 41.—(2) Неволинъ: «О простр. ц. суда» стр. 22.—(3) Эта грамота помѣщена въ Ист. Росс. Іерарх. Амвросія, въ ч. VI стр. 628 и относится къ 1532 году.—(4) Опытъ курса церковнаго права, архим. Іоанна, т. II, стр. 268.

изъ тому священнику не благословилъ служити въ своей архіепископьѣ ни у нихъ въ монастыри.

c) а которые священницы придутъ къ нимъ той же архіепископьѣ, и они у тѣхъ священниковъ взрятъ въ ставленую грамоту, да велятъ ему священствовати по моему благословенію, (187).

Слѣд. архіерей могъ *не благословить* на служеніе священника, жившаго хотя и въ его епархіи, но не имѣвшаго ставленой грамоты. Отъ священника, пришедшаго изъ другой епархіи, требовалось, кромѣ грамоты ставленой, еще *отпустная*. 66-е правило собора Кароагенскаго предписываетъ епископамъ, въ случаѣ нужды, братски помогать другъ другу клириками. Отпуская отъ себя клирика, епископъ снабжалъ его грамотой *увольнительной* (ἀπολυτικὰ γράμματα), съ которой онъ и могъ быть принятъ въ другой епархіи ([1]). Грамоты ставленыя и увольнительныя (отпустныя) заключали въ себѣ свидѣтельство о незапрещеніи служенія; слѣд. если священникъ не имѣлъ такой грамоты, можно было думать, что ему запрещено было служеніе. А по смыслу 16 апостольскаго правила, архіерей, принявшій священника, которому запрещено служеніе, какъ члена клира, *да будетъ отлученъ яко учитель безчинія.* Грамоты ставленыя и отпустныя служили у насъ постояннымъ предметомъ заботливости духовныхъ властей ([2]). При выдачѣ ихъ брались извѣстныя пошлины.

Епископу помогали по управленію епархіей лица избиравшіяся изъ духовнаго или изъ свѣтскаго званія.

I. Лица духовнаго званія.

1. *Намѣстники.* Намѣстници митрополита Кіевскаго и всея Руси во Владимірѣ на Клязьмѣ (189).

([1]) ibid. I, стр. 159. Въ правилахъ соборовъ помѣстныхъ и вселенскихъ встрѣчаются и другія названія удостовѣрительныхъ актовъ этого рода, каковы были: грамоты *представительныя, каноническія, правильныя.* — ([2]) Такъ Новгородскій архіепископъ Евоимій въ 1426 году писалъ Псковскому духовенству: «что кои отъ васъ прежъ сего ѣздѣли ставитися въ попы или въ діаконы на Русь или въ Литовскую землю, у тѣхъ..... аще будетъ у

Намѣстникъ Новгородскаго архіепископа (225).

Въ общемъ смыслѣ митрополичимъ намѣстникомъ назывался всякій, кому митрополитъ *приказывалъ* что либо *въ свое мѣсто вѣдати* ([1]); въ частности же, названіе это присвоялось тѣмъ только лицамъ монашескаго ([2]) духовенства, которыя были субститутами митрополита по нѣкоторымъ предметамъ его духовной власти. О правахъ и обязанностяхъ такихъ намѣстниковъ митрополита узнаемъ мы изъ жалованной грамоты или, лучше сказать, наказа Іоны митрополита Кіевскому намѣстнику. Намѣстникъ митрополита долженъ былъ завѣдывать церкви, которыя *изстари потягли* къ митрополичьему намѣстничеству, по всѣмъ городамъ и селамъ; вѣдать судъ въ дѣлахъ духовныхъ; освящать церкви; посвящать въ священники и дьяконы; завѣдывать селами митрополичьими и церковными; *люди отосюду блюсти и дозирати* ([3]). Можетъ быть права и обязанности намѣстниковъ митрополичьихъ опредѣлялись каждый разъ при самомъ назначеніи, особымъ наказомъ. Въ должности намѣстниковъ митрополита встрѣчаемъ и епископовъ; такъ, митрополитъ Ѳеогностъ своимъ Владимірскимъ епископомъ избралъ епископа Алексѣя, митрополитъ Алексѣй—Афонасія, еп. Волынскаго, митрополитъ Пименъ—еп. Коломенскаго Герасима ([4]). При митрополичьихъ намѣстникахъ были тіуны, какъ лица вспомогательныя при судопроизводствѣ, избиравшіяся вѣроятно изъ свѣтскихъ людей (189).

Названіе *владычня намѣстника* встрѣчается уже въ пространной редакціи Устава Владиміра Св., но вѣроятно слово это внесено въ списки устава позднѣе. Былъ у Новгородскаго архіепископа намѣстникъ во Псковѣ; первое положительное извѣстіе о немъ встрѣчаемъ подъ 1427 г. ([5]); но кажется, еще въ 1347 г. Новгородскій архіерей держалъ во Псковѣ представителя своей власти. Въ этомъ году Новгородъ докончалъ со Псковомъ, назвавъ его бра-

---

коего грамота ставленая, отпустная, чисто обыщите.... или у кого у тѣхъ не будетъ грамоты отпустной и ставленой или духовнаго отца, и вы его къ собѣ не пріимайте». А. Ист. 1, N 31.—([1]) А. Эксп. I, № 45, г. 1450.—([2]) А. Эксп. I, № 159, г. 1515: «Митрополичи намѣстники черные».—([3]) Древн. Рос. Вивл. изд. 2, ч. XIV. Подобная же грамота, въ которой однако намѣстнику даются еще большія права и преимущества, помѣщена у Амвросія въ И. Р. І. ч. VI, стр. 150—162.—([4]) Исторія Р. Ц. Филарета, Еп. Р., II,123.—([5]) Псковск. 2 лѣт. стр 26.

томъ себѣ молодшимъ, и тогда же было положено, что «*отъ владыки судити* Псковичей *брату Псковитину* (1)». Въ половинѣ XV вѣка эта привилегія Псковичей, чтобъ ихъ судилъ ихъ же братъ Псковичь, едва удержалась отъ притязаній Новгородскаго владыки Евѳимія. Дѣло было вотъ какъ: зимой 1435 года пріѣхалъ онъ во Псковъ, *не въ свой подъѣздъ, не въ свою череду, но норовою... а суду своего у Пскову проситъ и на попѣхъ своего подъѣзда.* Псковичи не хотѣли дать ему суда и подъѣзда и желали сохранить прежнія отношенія Пскова къ Новгородскому архіепископу, который теперь вознамѣрился посадить во Псковѣ своего намѣстника и печатника не изъ Псковичей, а изъ Новгородцевъ. Евѳимій разсердился, пробылъ во Псковѣ только недѣлю, и уѣхалъ. Псковичи оробѣли, догнали архіепископа въ Невадичахъ и добили ему челомъ. Онъ воротился во Псковъ. «И Псковичи даша судъ ему мѣсяцъ, и подъѣздъ на попѣхъ имаше, и учалъ намѣстникъ его судъ судити не по Псковской пошлинѣ, учалъ посужати рукописанья и рядницы, а иное учали діаконовъ сажати у гридницю, а все то учалъ дѣяти новину, а старину покинувъ». Оброкъ и подъѣздъ Псковичи уплатили, но когда архіепископъ сталъ вводить подобныя *новины*, граждане не выдержали, и поколотили Софіанъ—свиту архіерея. Владыка разгнѣвался окончательно и уѣхалъ, не принявъ даже и *поминка Псковскаго.* Разсказавъ это, лѣтописецъ заключаетъ: «а попомъ и игуменамъ учинилъ протора много, но бывало такъ не отъ первыхъ владыкъ, будетъ и Псковъ сталъ, *по нашимъ грѣхомъ*» (2). Въ этихъ словахъ есть что-то похожее на восклицанія тѣхъ же лѣтописцевъ при описаніи татарскихъ контрибуцій. Князей обирали Татары, духовныхъ—архіереи. Въ 1437 и 1438 г., по свидѣтельству лѣтописей, произошло во Псковѣ событіе, еще замѣчательнѣе. Извѣстный митрополитъ Гречинъ Исидоръ пріѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ; тамошній владыка, посадники, бояре, купцы и весь Великій Новгородъ *почтили* его (3); но зимой митрополитъ уѣхалъ во Псковъ, прожилъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ «и постави во Псковѣ архимандрита Галасѣя и *отнятъ* судъ и печать и воды и земли и оброкъ *владыченъ* и вся пошлины *вла-*

(1) Софійск. 1 лѣт. стр. 226.-(2) Псковск. 1 лѣт. подъ 1435 г.—(3) Новгор. 1 лѣт.

дычня, и дастъ и ту пошлину владычню *своему намѣстнику* архимандриту Галасѣю» (¹). Этотъ Галасій пробылъ во Псковѣ въ званіи митрополича намѣстника до возвращенія Исидора съ Флорентійскаго собора. Впрочемъ, кажется, подобныя стремленія московскаго митрополита подчинить непосредственной своей власти Псковъ (часть Новогородской архіепископіи) болѣе не повторялись. Въ 1453 г. Евѳимій уже былъ во Псковѣ *и подъѣздъ свой вземъ*. А въ 1486 году архіепископъ Генадій посылаетъ своимъ намѣстникомъ во Псковъ игумена Евѳимія «иже прежде былъ въ Псковѣ ларникомъ» замѣчаетъ лѣтописецъ, какъ бы намекая на то, что Псковская пошлина—судиться своимъ братомъ Псковичемъ—удержалась до конца XV вѣка. Отсюда же узнаемъ, что при вступленіи въ свою должность владычень намѣстникъ долженъ былъ сдѣлать перепись духовенству бѣлому и черному (²).

2) *Староста поповскій* (189). Для наблюденія за церковнымъ благочиніемъ учреждаемы были старосты изъ лицъ бѣлаго духовенства. Несторъ въ повѣствованіи о святыхъ мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ говоритъ, что митрополитъ Іоаннъ (1008—1035) «постави (при Вышгородской церкви) попы и діаконы и постави имъ старѣйшину». Далѣе, извѣстно положительно, что во Псковѣ бѣлое духовенство вѣдалось поповскими старостами (³). Митрополитъ Фотій въ посланіи къ Псковскому духовенству опредѣляетъ нравственныя условія для тѣхъ, кто избирается въ старосты (⁴). Этихъ старостъ не должно смѣшивать съ *церковными* старостами, о которыхъ упоминается также въ Псковскихъ лѣтописяхъ и которые избирались изъ свѣтскихъ людей (⁵). Они, кажется, и тогда имѣли такое же значеніе, какое имѣютъ теперь.

(¹) Псковск. 1 лѣт. стр. 210 и 211.—(²) Псковск. 2 лѣт., стр. 45 «И мысляше того владыка Генадей вмѣстити архимандритомъ, въ себе мѣсто правителемъ Пскову, и того ради посла его съ своимъ бояриномъ и воляше описати по всей земли Псковской церкви и монастыре, и колико престоловъ и поповъ и всѣхъ *въ число* написати. И Псковичи не вдашеся въ волю его». Такъ обычай *числа*, введенный на Руси Татарами, нашелъ подражателей и въ архіереяхъ.—(³) Псковск. 1 лѣт. стр. 189, г. 1343: «и Псковичи отрядиша гонцемъ въ Новгородъ Ѳому *попа, старосту поповскаго*.—(⁴) А. Ист. I, № 34.—(⁵) Псковск. 1 лѣт. 1402 г. стр. 195: «Романъ посадникъ, староста Святыя Троица и другой староста Арнстъ Павловичь», убитый въ 1407 г. въ сраженіи съ Нѣмцами.

II. Лица, иногда избиравшіяся изъ духовнаго, а иногда изъ свѣтскаго званія.

Епархіи для удобства управленія дѣлились на округи, называвшіеся десятинами или десятинами. Такимъ округомъ завѣдывалъ *десятильникъ* (десятинникъ, десятникъ). Впрочемъ раздѣленіе епархіи на десятины не было общее (¹).

Архіерей жалуетъ причтъ церквей въ селахъ монастырскихъ:

a) Ни судятъ ихъ мои десятинницы ни пристава на нихъ не даютъ ни въ чемъ (94, 121, 154).

b) не надобѣ имъ десятинничіи пошлины (ibid.).

c) Упоминаются (въ 189) десятинники и ихъ тіуны.

Князь въ жалованной гр. монастырю:

«а владычнимъ десятникомъ людей монастырскихъ въ духовныхъ дѣлѣхъ не судить и дѣтскихъ не посылати и винъ не имать на владыку (52).»

Отсюда видно, что десятинникамъ епархіальные архіереи поручали судъ въ дѣлахъ духовныхъ надъ низшимъ духовенствомъ и надъ людьми, жившими на монастырскихъ земляхъ. Иногда или самъ архіерей освобождалъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ отъ подсудности своему десятиннику или князь предоставлялъ людямъ монастыря, находившагося подъ его патронатствомъ, право въ духовныхъ дѣлахъ судиться не у десятинниковъ, а у настоятеля монастыря. Общій порядокъ судопроизводства по дѣламъ духовнымъ былъ во многихъ чертахъ сходенъ съ порядкомъ суда свѣтскаго. У архіереевъ подъ вѣдѣніемъ десятинниковъ были свои пристава и десятскіе, которые, вѣроятно, позывали отвѣтчиковъ въ судъ. Десятинникъ имѣлъ при себѣ тіуновъ, получалъ извѣстныя пошлины въ свою пользу и съ виновныхъ по суду взыскивалъ въ пользу своего архіерея особенную пошлину—*вину*, видъ судебныхъ издержекъ. Пристава, тіуны, дѣтскіе, кажется, никогда не были изъ духовнаго званія, но объ нихъ слѣдовало упомянуть здѣсь, такъ какъ значеніе ихъ обусловливалось тѣми лицами, при которыхъ они исполняли обязанности низшихъ служителей правосудія. При первоначальномъ учреж-

(¹) Неволинъ: Образованіе управленія отъ Іоанна III до Петра В. въ Ж. Мин. Нар. Просв., ч. 41, стр. 24.

деніи десятильниковъ они, кажется, постоянно избирались изъ лицъ духовнаго званія; въ послѣдствіи должность эта была поручаема архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ (¹).

III. *Лица свѣтскаго званія.*

Мало по малу при архіереяхъ образовался цѣлый штатъ свѣтскихъ чиновниковъ. Они вообще назывались *дворянами* (²). По жалованнымъ грамотамъ:

У архіепископа Ростовскаго, Ярославскаго и Бѣлозерскаго въ 1455 году были: доводчики, пристава и, кажется, даньщики, такъ какъ упоминается о *данскихъ пошлинахъ* (94, 121, 154), а въ 1468 году *бояре* (154); наконецъ упоминается въ грамотахъ *архіепископскій дьякъ.*

Въ Новгородѣ въ первый разъ являются свѣтскіе сановники при архіереѣ въ 1228 году, когда Новгородцы въ помощь архіепископу Антонію для управленія епархіею посадили двухъ мужей (³). Подъ 1471 годомъ упоминаются владычни *чашники, стольники* (⁴). Бояре при архіереяхъ едва ли не ограничивали власти ихъ. Объ этомъ можно догадываться изъ посланія нареченнаго архіепископа новгородскаго Евфимія къ митрополиту всея Руси, въ которомъ онъ пишетъ: «еще же и на томъ обѣщеваюся, егда позвати мя тобѣ господину моему, безъ слова всякаго ѣхати ми къ тобѣ, и на томъ обѣщеваюся, *хотя мя бояре держатъ* (⁵)».

(¹) Очеркъ церковной администраціи въ древней Руси г. Лохвицкаго въ Русск. Вѣстн. 1857 г. № 2.—(²) Псковск. 2 лѣт. подъ 1484 годомъ. Замѣчательно, что у архіереевъ съ древнихъ временъ были, кромѣ дворянъ, свои *холопы*, рабы. Такъ, въ 1055, холопъ Новгородскаго архіепископа Луки Дудика оклеветалъ своего господина предъ Кіевскимъ митрополитомъ. Митрополитъ Ефремъ вызвалъ Луку къ себѣ и продержалъ три года. За то, когда архіепископъ возвратился въ свою епархію и *пріялъ власть свою*, безчеловѣчно наказалъ доносчика: Дудикѣ отрѣзали губы и носъ и отсѣкли обѣ руки. Софійск. 1 лѣт., стр. 139. Это стоило западнаго vade in pace. А въ 1068 году одного архіерея удавили собственные его холопы, ibid. стр. 142.—(³) Новгор. 1 лѣт. стр. 44.—(⁴) Новгор. IV лѣт. и Псковск. 1-я—(⁵) А. Эксп. I, № 370, г. 1424.

Монастыри, какъ мѣста религіознаго общенія.

Составъ монастырской общины. Настоятельство.

Въ одной ж. грамотѣ князь употребляетъ для обозначенія всѣхъ лицъ духовнаго званія, живущихъ въ извѣстномъ монастырѣ, общее выраженіе:

все церковное исполненье (5, 44).

Подобнымъ же образомъ, митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи въ Кіево-Печерскій монастырь архимандрита, священниковъ и иноковъ называетъ *полкомъ духовнымъ, богоизбраннымъ съединьственнымъ* (1).

Въ частности, монастырь составляютъ: *настоятель* (архимандритъ, игуменъ) и *братія*.

Въ Греціи настоятели монастырей могли носить оба имени: и *архимандрита*, и *игумена*; такъ было и у насъ: Несторъ въ житіи преподобнаго Θеодосія Печерскаго называетъ его одинъ разъ архимандритомъ, а потомъ постоянно *игуменомъ*: «преставися блаженный архимандритъ игуменъ Печерьской Поликарпъ» (2). Но мало по малу между этими двумя титулами произошло важное іерархическое различіе (3).

Что касается до правъ и обязанностей настоятеля монастыря, то:

a) Игуменъ съ братіею судитъ старцевъ, т. е. монаховъ (12).

b) а черцевъ своихъ судитъ игуменъ во всемъ самъ (225).

c) судитъ того своего попа и тѣхъ своихъ черцевъ и черницъ и слугъ и христіанъ архимандритъ самъ (189).

---

(1) Доп. Акт. Историч. I N, 180, г. 1410—1431.

(2) Лѣт. Ипатьевск. с. 126.

(3) Архимандриты: въ Кіевопечерскомъ монастырѣ съ 1174 (Макарій, III, с. 29). Именованіе настоятеля Юрьевскаго Новгородскаго монастыря архимандритомъ въ уст. грамотѣ в. к. Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, около 1134—1135 (Д. А. Ист. I с. 3) Макарій считаетъ вставкою позднѣйшаго времени (II пр. 185); съ 1227—въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ (И. Р. Ц. Филарета Еп. Р. 1, 196); съ 1329 Московскаго Спасскаго монастыря; съ 1383—Чудовскаго и Симоновскаго; съ 1360—Печерскаго Нижегородскаго, и т. д.

И такъ настоятелю монастыря предоставлялось право судить духовенство, ему подчиненное (¹). Но это право предоставлялось ему, какъ привилегія, ибо выше мы видѣли, что судъ надъ низшимъ духовенствомъ принадлежалъ епархіальному архіерею. Замѣтимъ выраженіе: *съ братіею;* оно показываетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда такой судъ былъ необходимъ, составлялась коллегія изъ братіи подъ предсѣдательствомъ настоятеля.

d) што въ свитку Ерославли стоить судить и рядить и вины имать въ духовныхъ судѣхъ на людехъ монастырскихъ самому архимандриту (52).

Здѣсь говорится о денежныхъ взысканіяхъ съ нарушителей церковныхъ постановленій. Номоканону такія денежныя взысканія вовсе неизвѣстны.

По жалов. грамотамъ, братіи весьма часто предоставляется право участвовать въ дѣлахъ, по общему порядку предоставляемыхъ вѣдѣнію одного настоятеля. Раждающійся отсюда вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ настоятель былъ къ братіи: былъ ли онъ начальникъ ея или предсѣдатель монастырской коллегіи? разрѣшить весьма трудно. Въ уставной грамотѣ митрополита объ общежитіи монастырскомъ около 1500 г. (²) такъ опредѣляются отношенія между настоятелемъ и братіею: «Иноки и священноиноки имѣюще благоповиновеніе о всемъ къ духовному своему настоятелю, архимандриту, а онъ долженъ имѣть попеченіе о ихъ спасеніи и о всемъ монастырскомъ строеніи и о братней потребѣ. А всякій приходъ монастырскій..... то все вѣдаетъ по слову и по совѣту со всею своею братіею архимандритъ.... и то все архимандритъ избираетъ и поставляетъ съ вѣдѣніемъ всей братіи.» Кромѣ настоятеля и братіи, въ жалов. грамотахъ упоминаются:

Попы, дьяконы, дьяки, конархисты, сторонники, черицы (5, 44).

Сторонники, или странники могли быть и не духовнаго званія, но считались, по древнему церковному праву, людьми церковными, духовнаго вѣдомства.

(¹) Архіепископъ Новгородскій Симеонъ въ посланіи своемъ въ Снѣтогорскій монастырь пишетъ: «а какова будетъ котора промежи братьи тоя обители, ино вѣдаетъ промежи ими игуменъ и старцы и съ причетники тоя обители съ старостами св. Богородицы». А. Ист. I, № 24 (г. 1416—1421).

(²) А. Э. I № 381.

Старцы и *бѣльцы* (54), т. е. лица чернаго и бѣлаго духовенства.

Строитель (38, 39). Такъ, кажется, назывались тѣ изъ братіи, которыхъ игуменъ монастыря главнаго посылалъ для устроенія въ монастырь приписной. Отсюда образовалась особая степень настоятельства.

Келарь (кѣларь) (34). Это весьма древній чинъ: объ немъ упоминается уже въ житіи пр. Ѳеодосія. Онъ имѣлъ въ вѣдѣніи трапезу, просфорню и всѣ жизненные припасы. Иногда исправлялъ должность монастырскаго казначея, а иногда судилъ крестьянъ монастырскихъ.

Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, въ Русскомъ церковномъ правѣ образовалась замѣчательная классификація монастырей:

1) *Монастыри общіе:*

Князь монастырь устроилъ общежительный (52).

Архимандритъ общаго монастыря (81).

Издревле въ Церкви христіанской было два рода иноческой жизни: общительная и отшельническая. Державшіеся перваго рода монашеской жизни наз. киновитами, а обители ихъ киновіями (κοινοβια) и монастырями ([1]). Уставъ этого рода монашеской жизни, называемый Студійскимъ, впервые введенъ у насъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ въ 1072 г., а съ теченіемъ времени сдѣлался общимъ уставомъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. «Сего бо ради нарѣчется обьщее житіе, да все обьще имуть», говоритъ Суздальскій архіепископъ въ уставной грамотѣ Снѣтогорскому монастырю ([2]). При пустынножительствѣ, напротивъ, каждый заботился о себѣ и кромѣ службы церковной не было никакого общенія.

2) *Монастыри приписные.* Одни монастыри могли находиться въ зависимости отъ другихъ, *тянуть* къ другимъ. Это были монастыри *приписные*. Происхожденіе ихъ легко объясняется или необходимостію выселиться, когда число монаховъ дѣлалось уже слишкомъ велико, или тѣмъ, что небольшой монастырь, самостоятельно существовавшій, видя, что не можетъ защитить себя отъ сильныхъ сосѣдей, добровольно поступалъ въ подчиненіе какому нибудь большому, извѣстному монастырю.

([1]) Опытъ курса церк. законовъ, арх. Іоанна, II, 417.

([2]) А. Ист. I, № 5, около 1382 г.

Зависимость монастырей приписныхъ отъ монастырей начальныхъ выражается такъ:

1. Что у него (монастыря начальнаго) N монастырь (приписной).

2. NN монастыри, что тянутъ къ N монастырю (5, 44).

Такимъ образомъ изъ жалов. гр. видно, что:

къ Троице-Сергіеву монастырю были приписаны:

Богородицкій на Клязьмѣ на Войиовѣ горѣ (27); Христо-Рожественскій Прилуцкій въ Угличѣ (60, 98, 53); Благовѣщенскій Киржачскій (89, 144, 91); Троицкій на Березницѣхъ (162). Къ Спасо-Ефиміеву приписанъ монастырь св. Василія на Клязьмѣ въ Гороховцѣ (24, 118, 135); къ Отрочу Тверскому приписаны 6 монастырей (5, 44).

Иногда такое зависимое отношеніе устанавлялось по волѣ князя:

Приказалъ есми N игумену вѣдати свой монастырь (162).

Одинъ монастырь жалуется княземъ другому.

Юридическимъ послѣдствіемъ установленія такой зависимости было то, что:

a) недвижимыя имѣнія монастырей, которые приписывались къ другимъ монастырямъ, деревни (61, 98, 144, 53, 91, 24, 118, 135, 191, 192), земли (162) переходили въ завѣдываніе начальства главнаго монастыря.

b) Настоятель монастыря главнаго вѣдалъ и судилъ людей, жившихъ на земляхъ монастыря приписнаго (89).

c) Монастырь начальный снабжался приписнымъ монастыремъ разнаго рода съѣстными припасами (140).

d) Если жаловалась какая либо льгота монастырю приписному, то грамота жалованная выдавалась на имя настоятеля монастыря начальнаго (91).

e) Если князь изоброчивалъ людей монастыря начальнаго, то этой же участи подвергались имѣнія монастырей, тянувшихъ къ этому монастырю (192).

Зависимость монастырей приписныхъ отъ начальныхъ иногда отражалась въ степени настоятельства тѣхъ и другихъ. Такъ, въ Отрочѣ монастырѣ былъ настоятель архимандритъ, а въ шести приписныхъ къ нему игумены (5, 44). Въ Троицко-Сергіевѣ монастырѣ настоятельство было игуменское, а въ приписномъ къ нему Прилуцкомъ—строительское (38, 39).

Различіе пола монашествующихъ не имѣло вліянія на подчиненность монастырей. Такъ одинъ архимандритъ завѣдывалъ двумя монастырями, мужскимъ и женскимъ (189).

3) Монастыри, находившіеся подъ особеннымъ покровительствомъ власти верховной.

Образованіе монастырей, находившихся подъ патронатствомъ, князей, было единственно дѣломъ княжескаго благочестія. Обычай постригаться передъ смертію уже господствовалъ въ княжескихъ семействахъ (¹). Обыкновенная похвала князю въ лѣтописи есть: «Монастыри набдя и черьцѣ утѣшевая и попы и весь святительскій чинъ достойною честію чтяше» Такъ Александръ Невскій, по словамъ II-й Пск. лѣтописи былъ *іерелюбецъ и мнихолюбецъ.* О кончинѣ Ярослава Осмомысла сказано: «и повелѣ раздавати имѣніе свое монастыремъ и нищимъ.» Къ тому же примѣръ такихъ монастырей мы могли видѣть въ издавна существовавшихъ въ Византіи т. е. βασιλικα μοναστερια (²). Все это, вмѣстѣ взятое, т. е. благочестіе князей, желавшихъ имѣть *свои* монастыри; примѣръ Византіи, и *несуществованіе начала, по коему мѣста религіозныя признавались бы въ исключительномъ обладаніи Церкви* (ср. статью г. Лохвицкаго о церковной администраціи), образовало особый видъ монастырей, которые впослѣдствіи означались характеристическимъ названіемъ *царскаго богомолья.*

Весьма замѣчательно то мѣсто Новгородской жалованной гр., гдѣ Новгородъ

жалуетъ Троицко-Серг. монастырь *своимъ быти.*

Когда начало образоваться могущество великихъ князей Московскихъ, тогда монастыри, находившіеся даже въ областяхъ удѣльныхъ князей, домогались поступить въ непосредственную зависимость государя Московскаго, что всего лучше видно изъ посланія преподобнаго Іосифа Волоцкаго (¹). Въ такихъ монастыряхъ князь самъ назначалъ настоятеля:

---

(1) Соловьева «О правахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси до нашествія Монголовъ»

(2) Зернина «Объ отношеніяхъ Константинопольскаго патріарха къ Русской Іерархіи» с. 54.

Се язъ князь далъ есмь отцу своему N монастырь въ свободь до его живота, а по своемъ животѣ воленъ кого въ онь благословити на игуменство (4).

4. *Монастыри митрополичьи.* Въ Византійской имперіи нѣкоторымъ архіереямъ императоры назначали содержаніе отъ монастырей. Такъ Алексій Комненъ назначалъ епископамъ, которыхъ епископіи заняты были варварами, тѣ игуменства, какими пользовались они прежде ([2]). И у насъ, уже въ концѣ XIII в., князь Галицкій пожаловалъ одному архіерею монастырь *въ богомольство* съ ставы и млыны и медовыми даньми ([3]). Далѣе видимъ монастыри *митрополичи*, т. е. доходы съ имѣній которыхъ шли въ пользу митрополита, подобно тому какъ въ настоящее время митрополиты пользуются частію доходовъ отъ лавръ. Митрополичими монастырями въ монгольскомъ періодѣ были: 1) Чересновскій Воскресенскій; 2) Ильинскій на Ворѣ; 3) Благовѣщенскій Нижегородскій; 4) Константино-Еленскій во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Этимъ монастырямъ жалов. грамоты по дѣламъ свѣтскимъ давали князья, которые имъ предоставляли привилегіи изъ расположенія къ митрополитамъ. Такія привилегіи касались отношеній монастырей по ихъ внѣшнимъ дѣламъ къ княжескому управленію. Митрополиты также давали имъ грамоты жалованныя, освобождая въ нихъ монастыри отъ вмѣшательства своихъ властей:

α. А намѣстницы мои NN и ихъ тіуни и десятници и ихъ тіуни не всылаютъ и не въѣзжаютъ къ тому архимандриту и его попу въ N село (189).

β. А кому будетъ до того до самаго архимандрита каково слово, и язъ N митрополитъ всея Руси самъ его сужу (189).

γ. Такіе монастыри освобождаются отъ различныхъ церковныхъ пошлинъ.

([1]) Это замѣчательное посланіе, пом. въ XIV ч. Древней Росс. Вивліоѳики, почти все перепечатано у Неволина въ его ст. «О пространствѣ церк. суда etc.» с. 109. Въ Д. А. И. I, № 217, до 1515 г., Св. Іосифъ Волоцкой проситъ в. князя Московскаго, чтобъ онъ «пожаловалъ взялъ монастырь подъ свою царьскую державу».

([2]) Balsam. ad c. 37 syn. VI; ср. Записки etc. Скворцова с. 134.

([3]) Зубрицкаго «О Червоной Руси»; см. грамоту подъ № 3.

Вообще должно замѣтить, что князь жаловалъ митрополиту какой-либо монастырь съ населенными землями, съ правомъ суда и сбора податей; а потомъ уже отъ самого митрополита зависѣло кому предоставить судъ въ дѣлахъ свѣтскихъ надъ людьми такихъ монастырей и какими тягостями облагать ихъ.

Вотъ и всѣ различія монастырей по ж. грамотамъ. Но во время монгольскаго періода уже существовали и другія. Такъ различались: 1) монастыри ставропигіальные и епархіальные. У насъ первая ставропигія—Симоновъ монастырь съ 1388 (См. И. Г. Росс. Карамз. т. V. пр. 122). 2) Различались монастыри по тому, какое мѣсто настоятели ихъ занимали на Соборахъ: отсюда названіе монастырей *степенными и нестепенными*. 3) Различались по тѣмъ отличительнымъ знакамъ, которые жаловались настоятелямъ для употребленія въ службѣ; это были: шапки, кресты, панагіи, скрижали, трикиріи и дикиріи, рипиды, лампады, подстилаемые ковры и нѣкоторые обряды въ священнослуженіи, заимствованные изъ архіерейскаго служебника.

Монастырь имѣлъ села и былъ вотчинникомъ церквей, въ нихъ находившихся; но власти духовной онъ надъ причтомъ этихъ церквей не имѣлъ. Епископы освобождали такія церкви отъ своихъ пошлинъ особенными ж. грамотами, которыхъ для монгольскаго періода сохранилось 3; онѣ давались не на имя церквей жалуемыхъ, не непосредственно, но на имя монастыря, въ селахъ котораго храмы находились.

а) По дѣламъ духовнымъ, по нарушеніямъ правилъ церковныхъ кѣмъ-либо изъ причта такихъ церквей, игуменъ монастыря, по предварительномъ обсужденіи обстоятельствъ такого нарушенія, передавалъ нарушителей для окончательнаго суда надъ ними епархіальному архіерею:

> а будетъ дѣло духовное, и игуменъ, того пообыскавъ, да пошлетъ ко мнѣ (121, 154).

б) По дѣламъ гражданскимъ. Если кто-либо противъ состоящаго въ такомъ причтѣ вчинитъ искъ, дѣло рѣшается также епархіальнымъ архіереемъ:

> α. а кто чего на нихъ взыщетъ, и язъ архіепископъ тому исправу самъ учиню (94).

Однако такое постановленіе, исключающее всякое участіе мона-

стырскаго начальства въ дѣлахъ причта церквей, встрѣчаемъ только однажды; въ двухъ другихъ льготныхъ грамотахъ говорится:

β. а кто чего на нихъ (а) взыщетъ, ино ихъ судитъ игуменъ N (б) или иный игуменъ будетъ по немъ (121,154).

Управленіе церквей. а) Сельскихъ приходскихъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ причтъ такихъ церквей, упоминаются:

1) Игумены или попы (94, 121, 154).

2) Діаконы.

b) Городскихъ соборныхъ.

1) Протопопъ, протодіаконъ, крылошане, (которые) служатъ соборомъ съ дьяконами (107).

2) Священницы съ дьяконы (107).

3) Пономари.

Священники, діаконы и причетники были у насъ сначала изъ Грековъ. При Ярославѣ I особенно умножились пресвитеры. При нѣкоторыхъ церквахъ, еще въ до-монгольскомъ періодѣ, было по нѣскольку священниковъ подъ настоятельствомъ старѣйшаго. Десятинную церковь св. Владиміръ поручилъ Анастасу Корсунянину, который иногда въ лѣтописяхъ называется протоіереемъ.

При Вышгородской церкви св. Василія упоминается пономарь, отъ оплошности котораго она и сгорѣла (*).

Б. О вещественныхъ средствахъ церкви.

Прежде скажемъ о содержаніи властей епархіальнаго управленія и именно о постоянныхъ доходахъ архіереевъ отъ лицъ духовнаго званія.

Архіепископъ въ жалованныхъ гр. церквамъ селъ монастырскихъ освобождаетъ причтъ такихъ церквей отъ своихъ податей и поборовъ:

(а) изъ причта церквей; (б) настоятель монастыря, въ селахъ коего находились такія церкви.

(*) Ср. Исторію Русской Церкви въ періодъ до-татарскій, еп. тамб. Макарія, т. I, с. 29—30.

α. и кто у тѣхъ церквей будутъ игумены или попы (94, 121, 154) или діаконъ (121, 154), не надобѣ имъ моя дань, ни данскія пошлины, ни десятинничіи пошлины, ни доводщичьи, ни иныи никоторыи пошлины (94, 121, 154).

β. не надобѣ архимандриту и попу (а) моа (б) дань никоторая, ни сборное, ни Петровское, ни Рожественое (189).

γ. ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы тянути ни иная никоторая пошлины (189).

Всѣ здѣсь исчисленныя пошлины были подати, которыми облагалось низшее духовенство въ пользу своего архіерея. Названіе *тяглый попъ* было офиціальнымъ. Бѣлое духовенство было свободнымъ сословіемъ въ отношеніи къ государству, но тяглымъ въ отношеніи къ высшимъ духовнымъ властямъ (¹). Финансовые сборы архіереевъ съ духовенства ихъ епархій приняли мало по малу значеніе и пространство тѣхъ тягостей, которыя жители извѣстнаго княжества обязаны были нести въ отношеніи къ князю. Развитіе церковной финансовой системы любопытно прослѣдить по памятникамъ. Въ грамотахъ, исчисленныхъ подъ буквою α, названы: 1) дань, т. е. главная подать, платимая три раза въ году: на Рождество Христово, на Петровъ день и на второй недѣли Великаго поста; 2) *пошлины*, какъ мелкіе поборы въ пользу извѣстныхъ исполнительныхъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства: даньщиковъ, десятинниковъ и доводщиковъ. Кажется, тѣже старосты, которымъ поручалось наблюденіе за причтомъ отдѣльныхъ церквей, занимались и раскладкою помянутыхъ тягостей. Въ ж. грамотахъ конца XV ст. читаемъ болѣе подробныя опредѣленія о церковныхъ сборахъ съ низшаго духовенства; кромѣ упомянутыхъ выше, являются: десятина, заѣздничи пошлины, зазывщичи, благословенная куница, явленная куница съ грамотою, полоть, *что по ряду*, казенные алтыны, писчее, людское (²); а изъ половины XVI вѣка сохранился актъ, изъ коего видно, что всѣ упомянутые разнообразные сборы высшее духовенство замѣняло ежегоднымъ *оброкомъ* (³). Слѣд. въ самыхъ пріемахъ и названіяхъ выразилось подобіе свѣтской финансовой системѣ.

(а) Церкви въ селѣ митрополичаго монастыря; (б) это пишетъ митрополитъ въ ж. гр. митрополичему монастырю.

(¹) Ср. г. Лохвицкаго «О церковной администр..

(²) А. Э. I, № 123, г. 1489. — (³) А. Э. I, № 197, г. 1542.

Въ нѣкоторыхъ ж. грамотахъ, данныхъ свѣтскою властію, по опредѣленіи отъ какихъ сборовъ и повинностей люди монастырскіе освобождаются, читаемъ: *опричь церковные пошлины.*

Отъ платежа ея не освобождаются:

1) гости изъ иныхъ городовъ (185);

2) торговыя суда монастырей (139, 199);

3) люди митрополичаго монастыря (145);

4) монастырскіе дворники въ городѣ (152).

Наконецъ ее платятъ крестьяне частнаго лица (1).

Подъ выраженіемъ *пошлина церковная* или *пошлины церковныя* должно понимать не одинъ какой-либо опредѣленный сборъ въ пользу церкви, а различные сборы. Такъ назывались:

a. Извѣстныя поплаты съ мірянъ въ пользу духовенства, взимаемыя въ тѣхъ случаяхъ, когда міряне приходили въ соприкосновеніе съ служителями церкви: пошлины вѣнечная, похоронная (2).

b. Особенная плата мірянъ и лицъ низшаго духовенства архіерею. Митрополитъ Θеогностъ пишетъ (3): «далъ есми владыцѣ Рязаньскому Кириллу грамоту правую . . . . и вы имѣйте къ нему послушаніе и покореніе, а что будетъ церковная пошлина, а то ему давайте, по давному церковному обычаю». Слѣд. такъ назывался всякій доходъ высшихъ духовныхъ властей, *издавна* (по пошлинѣ) ими получаемый (4).

c. Такъ называлась совокупность всѣхъ тѣхъ доходовъ высшаго духовенства отъ низшаго, о которыхъ мы уже упомянули.

d. Такъ могла называться всякая поплата съ мірянъ въ пользу извѣстнаго церковнаго установленія: «а что къ той церкви идетъ на проскуры съ моихъ селъ» (5). Отсюда всякая пошлина, право собирать которую было даровано монастырю или церкви, называлась *церковною*. Такъ Череповскій монастырь

---

(1) А. Э. I, № 109, г. 1480.—(2) Исторія Росс. Іерархіи Амвросія, ч. III, с. 266.—(3) А. Ист. № 1, г. 1334—1353.—(4) Сравн. въ IV Новг. лѣт. поученіе владыки Семіона Псковичамъ подъ 1418 г. стр. 118: «и вы бы дѣти въ церковное не вступалися ни во что же, елико изначала епископія потягло . . . . въ земли, и въ воды, и въ суды, и въ печать, и во всѣ пошлины церковныя».

(5) А. Э. I, № 159, 1515 г.

получилъ право сбирать два рода внутреннихъ тамож. пошлинъ— *осминичее* и *помѣрное*, о чемъ сказано будетъ ниже.

Уже выше было замѣчено, что существовалъ особый видъ монастырей, которые находились подъ особеннымъ покровительствомъ князя и которые имъ освобождались не только отъ зависимости мѣстному архіерею, но и митрополиту.

a) А коли митрополитъ поѣдетъ мимо монастыря N, ино митрополиту подводъ у монастырскихъ людей не имать (52).

b) А владыцѣ не вступатися въ нашъ монастырь и съ игумена N монастыря и съ нашего монастыря куницы не брати, а никакихъ пошлинъ (12).

c) Съ N монастыря архіепископу новгородскому и его намѣстнику и тіуну и его людемъ и дьякомъ владычнимъ и прочимъ Софейскимъ (a) откупа и пошлинъ не давать ничего (225).

d) А что владыко Новгородскій ставилъ у нихъ коня кормити, и владыкѣ у нихъ одну лошадь кормити (225).

Слѣд. какъ князья имѣли обыкновеніе отдавать въ монастыри лошадей своихъ на прокормъ, такъ это же обыкновеніе имѣли епархіальные архіереи (1). Имъ нужны были лошади, ибо они иногда обязаны были поставлять цѣлые отряды войска; у митрополитовъ были даже свои воеводы.

e) Владычни десятинники и люди владычни къ людемъ монастырскимъ и крестьяномъ не въѣзжаютъ ни по что, ни кормовъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ (225).

Обстоятельство, достойное замѣчанія! Если все тогдашнее общество до того рѣзко раздѣлялось на двѣ половины: свѣтскую и духовную, что необходимо было безчисленными постановленіями со стороны верховной власти уравновѣсить интересы той и другой, провести черту между всѣмъ духовнымъ и всѣмъ свѣтскимъ; то заботливость князей не могла здѣсь остановиться: потребно было, кромѣ того, вторгнуться въ мельчайшія отношенія между различ-

---

(a) Отъ собора Софійскаго въ Новѣгородѣ и весь дворъ тамошняго архіерея назывался *Софійскимъ*.

(1) А. Э. I № 9. Въ житіи св. Михаила Клопскаго читаемъ: «бысть же нужи нѣкоей належащи монастырю отъ архіепископа Евфимія, овогда насильствіемъ сребролюбія, овогда монастырскихъ коней отъятіемъ». У Соловьева въ Ист. Рос. т. IV, ст. 322.

ными видами стороны духовной. Такъ появилась необходимость въ ближайшемъ разграниченіи всего монастырскаго отъ всего, бывшаго въ непосредственномъ завѣдываніи власти епархіальной.

Содержаніе монастырей.

I. Монастырскія имущества.

1) Виды ихъ и доходы съ нихъ.

При разсмотрѣніи всякаго дохода представляются два вопроса: изъ чего состоитъ доходъ и кто имъ управляетъ. Потому мы прежде изложимъ постановленія ж. гр. о самыхъ монастырскихъ имуществахъ, какъ источникѣ доходовъ монастырей, а потомъ—постановленія ж. гр. объ управленіи монастырскими имуществами.

Земли, дворы въ городахъ, угодья, принадлежавшіе монастырямъ, были имѣнія населенныя.

Потому подъ именемъ *людей монастырскихъ* должно понимать все населеніе извѣстнаго имѣнія, принадлежащаго монастырю.

Люди монастырскіе, которыхъ извѣстный монастырь перезывалъ *изъ иныхъ мѣстъ*, не принадлежали монастырю на правѣ собственности, а были только людьми обязанными, *рядовичами*. Потому они называются:

1) людьми вольными (5, 44);

2) свободными, рядовыми, юрьевскими, серебренниками, половниками въ серебрѣ (49);

3) наймитами (58).

Въ отношеніи къ мѣсту своего пребыванія люди монастырскіе были:

1) *крестьяне*, христіане, т. е. вообще земледѣльцы, *сироты;*

2) слободчане, слободичь, т. е. люди монастырскіе, живущіе въ монастырскихъ слободахъ;

3) дворники или люди монастырскіе, живущіе въ городѣ.

Далѣе слѣдуютъ *монастырскіе слуги*, отличавшіеся отъ сиротъ или крестьянъ. Какъ у князя были слуги ремесленные и промышленные, такъ и у монастырей видимъ:

1) купчинъ съ наймитами (6, 60), 2) ключниковъ (5, 44), 3) со-

ловаровъ (88), 4) бортниковъ (4), 5) водоливовъ (34), 6) рыболововъ (61), 7) ѣзовниковъ (183).

Часто люди монастырскіе называются по степени настоятеля монастыря, на земляхъ коего они живутъ: игумновы, архимандричи (97, 189).

Люди митрополичаго монастыря называются митрополичими (145).

Люди, съ которыхъ князь опредѣлялъ въ пользу извѣстнаго монастыря какіе-либо сборы, называются данниками (52).

Кромѣ людей, находившихся въ вѣдомствѣ монастыря, были люди, принадлежавшіе монастырю на правѣ собственности: люди *окупленные, купленные*. Князья въ договорахъ постоянно отличаютъ *селчанъ* отъ *холопей* (несвободныхъ) (1).

Для монгольскаго періода въ источникахъ весьма мало сохранилось извѣстій о томъ, какого рода прямые сборы и въ какомъ количествѣ шли монастырямъ съ людей монастырскихъ; но что монастыри сбирали съ своихъ людей различнаго рода *дани*, то доказывается слѣдующими мѣстами ж. грамотъ:

a) Дается монастырю село
з даньми и з роботами (1);
а дани и десятины медовые и з виноградовь и з мыты на вѣкы вѣчныѣ (1).

b) Архимандритъ сбираетъ съ данниковъ, которые жалуются монастырю:
дань медовую и дань серебряную (a). А дачь на насъ (b) у нихъ никоторыхъ не имать, ни серебщизны (c), ни ямщины (52).

c) Князь придалъ *α)* *людей* къ монастырю:
съ землею и съ данію; давати имъ мѣра меду, а рубль грошей литовскихъ.

---

(1) Ист. Рос. Соловьева т. IV, ст. 239.

(a) Т. е. платимую медомъ и серебромъ (деньгами); (b) князя; (c) окончаніе на *ина, изна* преимущественно употребляется въ памятникахъ Западной Россіи въ именахъ, означающихъ сборъ съ чего-нибудь; такъ, кромѣ помянутыхъ въ текстѣ, была *капщизна*—сборъ съ пива и меда (См. Акты городовъ Минской губерніи № 38).

β) *человѣка:*

съ землею и данію; а давати ему полмѣры меду, а полтина грошей литовская (196).

Всѣ мѣста ж. грамотъ, здѣсь приведенныя, касаются монастырскихъ имѣній въ Руси Галицкой и Литовской. Изъ нихъ слѣдуетъ, что:

1) Люди, жившіе на земляхъ монастырскихъ, платили монастырю *дань.*

2) Дань была: a) денежная (серебряная), b) натуральная (медовая) и c) смѣшанная: одни и тѣже люди платили ее и деньгами и медомъ.

3) Кромѣ дани, *дачи* (вѣроятно дань, но только неопредѣленная въ отношеніи къ количеству и времени взиманія) также шли монастырю, ибо князь отъ сбора ихъ прямо отказывается. Дачи, упоминаемыя въ ж. гр., были: a) *Серебщизна*, т. е. прямой денежный сборъ, который на всемъ пространствѣ Великаго Княжества Литовскаго, по городамъ и уѣздамъ, взимался съ лицъ всѣхъ состояній (1). Замѣчательно, что какъ въ Восточной Руси прямые сборы съ монастырскихъ крестьянъ въ пользу князя сбирались самимъ монастырскимъ начальствомъ и имъ отдавались въ княжескую казну, такъ и въ Руси Литовской особенными грамотами было опредѣлено, чтобъ сборщики серебщизны не требовали ее отъ людей митрополичихъ, монастырскихъ и церковныхъ; а въ случаѣ назначенія ея повсемѣстно духовныя лица «чрезъ своихъ врадниковъ на людехъ церковныхъ серебщизны выбираючи до скарбу (казны княжеской) нашего отдавали» (2). Серебщизна, если сборъ ея назначался на всемъ пространствѣ В. Княжества Литовскаго, называлась *большою*, а если съ нѣкоторыхъ лишь мѣстъ—*малою* (3). b) *Ямщина.* Объ ней мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

4) Относительно *дани медовой* замѣтимъ, что сборъ медомъ мы видимъ уже въ самыя первыя времена руской государствен-

---

(1) Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ городовъ Минской губерніи. Минскъ, 1848 г. № 3. Она также называлась *серебрщина.* — (2) ibid. № 6 г. 1852.—(3) ibid. № 3.

ной жизни; такъ Ольга говоритъ Древлянамъ: «се уже иду къ вамъ, да пристройте меды многи».

Для Руси Восточной мы имѣемъ одно только мѣсто ж. грамоты, въ коемъ говорится о сборѣ монастыремъ съ его людей *дани:*

Придалъ есмь къ монастырю деревню съ судомъ и данію (183).

О прямыхъ сборахъ монастырей съ ихъ имѣній узнаемъ мы какъ изъ другихъ современныхъ актовъ ([1]), такъ и изъ окладной книги 1500 г. ([2]).

2) Управленіе монастырскими имуществами.

А. Права и обязанности настоятеля и братіи въ отношеніи управленія монастырскими имуществами.

Вообще.

Главнымъ лицомъ въ управленіи имуществами извѣстнаго монастыря является настоятель его; въ немъ сосредоточивается главная распорядительная власть; онъ одинъ или съ братіею вѣдаетъ людей монастырскихъ во всѣхъ дѣлахъ:

Игуменъ съ братіею вѣдаетъ людей монастырскихъ (и рядитъ 52) *во всемъ самъ или его* (ихъ) *прикащикъ.*

Вотъ обыкновенное выраженіе ж. грамотъ, опредѣляющее полноту власти настоятеля монастыря относительно управленія монастырскими людьми. Едва ли не въ большей части случаевъ, касавшихся этого управленія, братія составляла совѣтъ игумена ([3]). Тѣже отно-

---

([1]) Князь Звенигородскій пишетъ игумену Сторожевскаго монастыря: «чтобы еси на монастырскихъ селѣхъ ималъ на Рождество Христово *за дань* и за всѣ пошлины по 8 алтынъ, да по 10 гривенокъ масла, да по 2 сыра, да по овчинѣ, на Великъ день по 50 яицъ»; слѣд. прежде сего распоряженія князя монастырь сбиралъ дань въ своихъ селахъ (А. Ист. I № 100, г. 1490 янв. 30).—([2]) Въ окладной книгѣ 7008 г. (см. Временникъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. книга XI) читаемъ(стр. 251): «Въ Келькутскомъ погостѣ волости монастырьскіе, Орѣховскихъ и Корельскихъ и церковные. Корельского: пречистые монастыря Коневскаго волость, деревня Большой дворъ Ханыково на Гимдхапѣ у часовни, а въ ней дворъ монастырской, а живутъ въ немъ ключьники безъ пашни; а крестьянъ: два Ивашка Костровы, Ульянко да сынъ его Ермошка. А дохода монастырю десять денегъ, шесть горстей льну, а изъ хлѣба треть».

([3]) Въ духовной грамотѣ преп. Антонія Сійскаго читаемъ: «а соборовали бъ

шенія людей монастырскихъ къ начальству монастыря выражаются такъ:

α. а знати тымъ людемъ светую пречистую Печерскую и архимандрита Печерскаго (196).

β. а тѣ (люди монастырскіе) знаютъ святую Богородицу и игумена (№ 15).

γ. люди монастырскіе знаютъ архимандрита службою и подможеньемъ дому церковному (№ 5, 44).

Служба, о которой здѣсь идетъ рѣчь, означаетъ совокупность тѣхъ повинностей, которыя люди извѣстнаго монастыря несли въ отношеніи къ монастырю. Эти повинности исчисляются въ Уставной грамотѣ митрополита Кипріана его Константиновскому монастырю [1].

По ней люди монастырскіе обязаны:

1) Церковь наряжати; 2) монастырь и дворъ тынити; 3) хоромы ставити; 4) игуменъ въ жеребей весь ролью орати и сѣяти, и пожати, и свезти; 5) ѣзъ бити и вешній и зимній; 6) сады оплетати; 7) на неводъ ходити; 8) пруды прудити; 9) на бобры поити, а истоки забивати; 10) а на Петровъ день и на Великъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ.

Разумѣется, въ различныхъ монастыряхъ составъ этихъ повинностей былъ различенъ.

Въ частности.

а) *Относительно перезыва людей на земли монастырскія.*

α. Опредѣленія положительныя.

Игуменъ съ братіею (или прикащикъ, 98) могутъ:

1) *Перезывать людей изъ иныхъ княженій, съ иныхъ сторонъ, а не изъ отчины князя жалующаго* (58, 163, 4, 44, 21, 22, 26, 39, 43, 46, 86, 89, 104, 185, 98, 9, 47, 50, 91, 168, 83, 119, 138, 33).

есте о монастырскихъ дѣлѣхъ въ трапезѣ со всею братіею». Около 1520 г. См. Амвросія И. Р. І. ч. VI кн. 1-я с. 120.—Если пожалованіе было на имя одной братіи, то и права по управленію людьми пожалованнаго имѣнія принадлежали братіи; она могла назначать прикащика (186).

[1] А. Э. I, № 11, г. 1391 окт. 21.

2) Посадить въ принадлежащемъ монастырю дворѣ въ городѣ людей изъ другихъ имѣній того же монастыря (164).
3) Перезывать людей для поселенія: a) на пустошахъ и въ лѣсахъ (81, 86, 88, 168); b) на земляхъ монастырскихъ вообще (162); c) на селищѣ (15); d) въ городѣ (5, 44).
4) Собирать слободу (185).

β. Опредѣленія отрицательныя:

Имъ не пріимати моихъ людей (великаго) князя (3, 44, 21, 48, 61, 185, 9, 152, 179), рыболововъ (61), тяглыхъ (162, 104, 185), данскихъ письменныхъ (104, 185, 157), вытныхъ (185).

b) Относительно различныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

α. А куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую службу старцевъ своихъ или бѣлцовъ на ватагу или на иную службу (54).

β. Или кого пошлеть игуменъ своего старца по рыбу (113, 158).

γ. См. о торговлѣ монастырей.

Настоятелю монастыря высшими духовными властями присвоялось право отряжать кого-либо изъ подчиненныхъ ему монаховъ на *службу монастырскую*, т. е. для исполненія какихъ-либо хозяйственныхъ порученій (¹).

c) Относительно гражданскихъ сдѣлокъ по имуществу монастырскому.

Настоятель монастыря совершалъ отъ себя всѣ гражданскіе акты на пріобрѣтеніе имѣній монастырскихъ мѣною, куплею, залогомъ.

d) Относительно раздѣленія доходовъ между членами монастырской общины.

А архимандриту монастырскимъ хлѣбомъ кормити клирошанъ и черньцевъ (5, 44).

(¹) Въ уставной грамотѣ Суздальскаго архіепископа Спѣтогорскому монастырю 1382 г. читаемъ: «а на службу идеже аще послати мниха, безъ ослушанія да идетъ» (А. И. I, № 5). Въ уставной и указной грамотѣ митрополита объ общежитіи монастырскомъ, около 1500 г.: «или котораго брата на монастырскую службу послати» (А. Э. I. № 381).

Подъ этимъ мы должны понимать такое распоряженіе жалующей власти, которое имѣло цѣлью всю монастырскую братію сдѣлать участницею выгодъ, дарованныхъ монастырю. Мы даже имѣемъ положительныя извѣстія о томъ, какимъ образомъ распредѣлялись монастырскіе доходы между настоятелемъ и монахами. Въ уст. гр. объ общежитіи монастыр. 1500 г. (А. Э. I, № 381) говорится: «а что идетъ имъ хлѣбъ изъ селъ монастырскихъ, что на нихъ хрестьяне пашутъ или на серебро монастырское пашутъ и они то дѣлятъ межи собою какъ по инымъ монастыремъ: архимандриту отъ всѣхъ житъ половина и попомъ и дьякономъ съ черпцы половина, а тое поповскіе и дьяконскіе и чернецкіе половины попомъ и дьякономъ половина, а чернцемъ половина. А что которыхъ монастырскихъ земль не испахиваютъ, ни поженъ не искашиваютъ, а даютъ въ наймы и тѣми наймы также дѣлятся. А что годовое или сорокоустъ и вписы и молбены, а тѣмъ архимандритъ дѣлится съ попы и діаконы по половинамъ:... а чернцы въ тѣ приходы не вступаютъ».

е) Относительно отбыванія людьми монастырскими госуд. тягостей.

По всѣмъ хозяйственнымъ требованіямъ князя игуменъ сносился съ нимъ непосредственно (114) или чрезъ посредство управляющихъ княжескою экономіею:

> а привозятъ то серебро сами игуменъ съ братіею да отдаютъ моему казначею (153).

Изъ разсмотрѣнія постановленій ж. грамотъ по финансовому праву видно, что оброкъ, когда монастырскіе люди изоброчивались, сбиралъ съ нихъ настоятель монастыря, а финансовые чиновники князя въ то не вмѣшивались.

В. Лица вспомогательныя при управленіи монастырскими имуществами.

Такъ какъ съ одной стороны имѣнія нѣкоторыхъ монастырей были слишкомъ обширны и состояли въ разныхъ мѣстахъ, а съ другой—на настоятелѣ, какъ начальникѣ духовной общины, лежали духовныя обязанности, важнѣйшія, безъ сомнѣнія, всѣхъ требованій матеріальныхъ, то при настоятелѣ необходимо долженствовалъ образоваться цѣлый штатъ лицъ, коимъ бы можно было довѣрять

извѣстныя стороны внѣшней монастырской администраціи ([1]); потому монастырское управленіе усложнилось и образовалось по образцу свѣтскаго: какъ князь *приказывалъ* какой-либо городъ одному изъ своихъ приближенныхъ, такъ монастырскій настоятель съ братіею одного изъ старцевъ или слугъ дѣлали посельскимъ, другаго прикащикомъ, казначеемъ, предоставляя имъ иногда право суда надъ людьми, порученными ихъ управленію. Лица вспомогательныя при внѣшнемъ монастырскомъ управленіи, по ж. грамотамъ, были:

а. По дѣламъ суда и управленія.

1. *Прикащикъ* (или *приказникъ*, 38). Онъ, по праву заступленія, вѣдаетъ всѣ тѣ дѣла внѣшняго монаст. управленія, которыя вѣдались самимъ настоятелемъ. Онъ или прямо называется прикащикомъ или должность его опредѣляется выраженіемъ: *кому прикажетъ* настоятель. Монастырскіе прикащики въ одной грамотѣ названы *приказными* (183) ([2]).

Прикащикъ монастырскій:

1. Управлялъ въ экономическомъ отношеніи цѣлыми имѣніями монастыря. Въ частности: а) ему поручалось держаніе *пятна* (98, 162) и b) поимка людей, нарушавшихъ, въ отношеніи къ монастырю, привилегіи о путяхъ сообщенія на монастырскихъ земляхъ:

   И язъ велѣлъ старцу N монастыря прикащику того (а) поимати да выдати намѣстнику или волостелю (42, 63).

2. Судилъ монастырскихъ людей въ дѣлахъ гражданскихъ по спорамъ ихъ между собою; судилъ даже въ случаяхъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ (192).
3. Участвовалъ въ судѣ смѣстномъ людей монастырскихъ съ людьми свѣтскаго вѣдомства.

Прикащики были назначаемы и изъ міряпъ и изъ монаховъ.

([1]) Митрополитъ Кипріанъ писалъ игумену Аѳанасію, спрашивавшему его какъ поступить съ селомъ, которое Князь пожаловалъ монастырю: «быти селу подъ монастыремъ, еже николиже черньцу не быти въ немъ, но міряниму нѣкоему богобоязливу приказати» (А. Ист. I № 253, г. 1390).

([2]) Если такой прикащикъ управлялъ имѣніями монастыря, находившагося въ непосредственной зависимости отъ митрополита, то назывался *митрополичимъ* (145, 72).

(а) ѣздящаго непошлою дорогою.

Обязанности и права монастырскихъ прикащиковъ, опредѣленныя въ XVI и XVII вѣкахъ особыми *наказами*, которые власти монастырскіе давали имъ при посылкѣ *на приказъ*, не будутъ нами изложены, такъ какъ обязанности и права сіи въ монгольскомъ періодѣ не имѣли еще такого развитія, какое получили въ послѣдующее время ([1]).

2. *Закащикъ* или *заказникъ*. Онъ отличался отъ прикащика, кажется, тѣмъ, что всегда избирался изъ духовныхъ лицъ. Онъ: 1) участвовалъ вмѣсто игумена въ судѣ смѣстномъ, 2) привозилъ въ городъ на продажу соль съ варницъ монастырскихъ (88).

Какъ выраженіе, относимое къ чиновникамъ свѣтскимъ,—*заказникъ* означалъ свѣтскихъ *гражданскихъ* чиновниковъ ([2]).

3. *Посельскій*. Монастырскіе посельскіе были управителями отдѣльныхъ монастырскихъ селъ и избирались иногда изъ духовныхъ лицъ ([3]). Они 1) участвовали вмѣстѣ съ монастырскимъ тіуномъ въ судѣ смѣстномъ (5, 44, 172, 43) и 2) платили оброкъ за право *перевоза* (61).

Кромѣ того посельскіе, по порученію Князя, приводили въ исполненіе судебныя рѣшенія по спору монастыря съ свѣтскими лицами о землѣ ([4]); ставили, по Новгородской судной грамотѣ, отвѣтчика передъ судомъ; если же имъ необходимъ былъ приставъ, то они брали его у велико-княжескаго намѣстника ([5]). Кромѣ опредѣленной части отъ судебныхъ пошлинъ, посельскіе получали отъ крестьянъ кормы на 3 праздника: Рождество-Христово, Свѣтлое Х. В. и Петровъ день ([6]).

b) По дѣламъ монастырской экономіи.

Различнымъ лицамъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія, настоятель могъ поручать отдѣльныя отрасли монастырской экономіи ([7]); таковы были:

1) *Старецъ*-чернецъ держитъ житно (88).

([1]) Эти наказы разсмотрѣны у г. Лакіера въ его соч. «о вотчинахъ и помѣстьяхъ» во 2 й главѣ с. 115—120.

([2]) Переясл. лѣт. 34: «въ недѣлю сходитися всему народу и воемъ и заказникомъ».—([3]) А. Э. I, N 143, г. 1506; «Прилуцкій посельскій старецъ Нифонтъ».—([4]) А. Ист I, № 126.—([5]) А. Э. I, N 92.—([6]) А. Ист. I, № 100.—([7]) А. Э. I. № 381, около 1500 г.: «а кого будетъ брата избрати монастырскій доходъ вѣдати и келаря и купчину устроити.»

2) *Ватаманы, кормщики, осначеи*—лица, коимъ монастырь поручалъ управленіе своими торговыми ватагами (См. о торговлѣ монастырей).

3) *Купчины*—лица, производившія самую торговлю.

с. *По дѣламъ суда надъ людьми монастырскими.*

1. У монастыря былъ свой *приставъ*, который правилъ правежъ, если оный случался на монастырскомъ человѣкѣ (5, 44):

   а надобѣ будетъ приставъ посельскому монастырскому, и онъ емлетъ пристава у моего намѣстника на тѣ люди, которые отъ нихъ вышли (110).

   Слѣд. не у всѣхъ монастырей для исправленія обязанностей полицейскихъ существовали пристава. Для вывода людей монастырскихъ, ушедшихъ изъ монастырскихъ селъ въ чужія, обратно на земли монастырскія, необходимо было брать пристава княжескаго. А можетъ быть это имѣло и тотъ смыслъ, что для такого дѣйствія монастырскій посельскій долженъ былъ вторгнуться въ чужія земли, гдѣ, слѣд., имѣли право производить взысканія одни лица княжескаго управленія и гдѣ власть пристава монастырскаго, имѣвшая силу только на пространствѣ монастырскаго имѣнія, не могла оказать дѣйствительной помощи.

2. *Монастырскій тіунъ дворянъ* даетъ (5, 44).

3. *Келарь* (34). Ему иногда поручалось производство суда надъ людьми монастырскими (1).

II. Назначеніе князьями натуральныхъ доходовъ съ ихъ собственныхъ имуществъ въ пользу извѣстныхъ монастырей.

Здѣсь мы должны разсмотрѣть особый видъ источниковъ содержанія монастырей. Опредѣленіе князьями съ какихъ-либо собственныхъ ихъ угодій извѣстной части дохода въ пользу монастырей породило особый родъ ж. грамотъ, имѣвшихъ видъ административныхъ распоряженій. Князь писалъ къ кому-либо изъ управляющихъ его экономіею, чтобъ тотъ давалъ въ извѣстный монастырь, въ извѣстные сроки, извѣстное количество дохода съ угодья:

(1) А. Ист. I, № 100, г. 1490.

«Кто отъ меня (ѣзовщикъ, рыбникъ) ни будя: чтобы еси давалъ на всякій годъ въ N° монастырь, на св. N° память по два осетра живыхъ, да 60 стерлядей, да сто судоковъ, да сто лещовъ, и на Успеніе пречистой Богородицы ты бы давалъ по тому же безпереводно» (113, 69).

«Посельскому моему: велѣлъ есми имъ у тебя имати рожь, по грамотѣ ежегодь, а съ грамоты бы сеи собѣималъ списокъ счета дѣля (130); чтобы еси давалъ на всякій годъ, въ N монастырь, на св. N память да на Успеніе пречистой, по 30 сыровъ да по 2 пуда масла, безпереводно» (67).

«Игумену (N 67, 69) или кого пришлетъ игуменъ въ свое мѣсто (69) по тогъ оброкъ старца или слугу монастырскаго» (67, 69).

Здѣсь такая поплата называется *оброкомъ*, потому что она была опредѣлена относительно своего количества и качества.

III. Десятины.

Обыкновеніе давать десятую часть въ пользу церкви возникло у Евреевъ. Въ ветхомъ завѣтѣ первый примѣръ десятины видимъ при Авраамѣ, отдававшемъ Мельхеседеку $^1/_{10}$ своей военной добычи (1); Іаковъ приносилъ десятину Богу (2); Моисей же узаконилъ, что десятая будетъ свята Господу: каждый Израильтянинъ долженъ былъ $^1/_{10}$ часть своихъ полевыхъ и садовыхъ плодовъ и $^1/_{10}$ часть отъ скота давать на содержаніе Левитамъ.

Оригенъ, Тертулліянъ, Кипріянъ, Златоустъ (3), Августинъ и Іеронимъ (4) основывали справедливость десятины на этомъ положеніи Моисея. Но упоминая о десятинѣ, какъ жертвѣ, угодной Богу, они не смотрѣли на нее, какъ на непремѣнную обязанность (5). Вотъ почему, можетъ быть, обычай давать десятину на содержаніе духовенства не получилъ въ Византіи силы закона.

Напротивъ, на западѣ уже съ VI ст. на соборахъ говорили: «Leges itaque divinae omni populo praeceperunt decimam fructuum suorum locis sacris praestare» (6).

---

(1) Быт. XIV, 20.—(2) Быт. XVIII, 22.—(3) Richter, Kirchenrecht, Leipzig, 1853 стр. 647.—(4) М. Евгенія Опис. Кіевософ. соб. и кіевск. іерарх. приб. 1.—(5) Walter Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen, § 247, с. 515.—(6) См. у Вальтера полож. собора Матисконскаго, стр. 516.

При Карлѣ В. десятина получила огромное развитіе и Церковь брала ее даже съ имѣній коронныхъ (1); духовенству дано было Карломъ В. право собирать десятину и съ вновь покоренныхъ Саксонцевъ, которые, не желая давать ее, отступились отъ вѣры (2). Въ Англіи Церковь получила десятинное право при королѣ Оффѣ (794) и Этельвульфѣ (855); въ Швеціи при Кнутѣ Эриксонѣ (1200) (3); въ Польшѣ десятину въ пользу духовенства ввелъ король Мечиславъ I (4), что подтверждено было и Литовскимъ Статутомъ (5).

На западѣ видимъ пожалованіе десятинъ духовнымъ конгрегаціямъ и церквамъ. Десятины находятся подъ главнымъ завѣдываніемъ епископа; десятинной казнѣ производится контроль; часть десятины употребляется церковью на бѣдныхъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ (6). Епископъ обыкновенно предъявлялъ свои права на десятину по пространству всей епископіи, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ десятина уже принадлежала отдѣльнымъ церквамъ или духовнымъ общинамъ.

Но въ то самое время, какъ десятинное учрежденіе достигло полнаго развитія, доходъ этотъ начинаетъ переходить къ свѣтской власти; эдиктъ Карла II de tributo nordmanico, a. 877, говоритъ: de ecclesiis, quas comites et vasalli dominici habent (7). Съ XI вѣка Церковь опять получаетъ прежнее право, и на многихъ соборахъ владеніе церковныхъ доходовъ въ свѣтскія руки признано незаконнымъ; высшія духовныя власти требуютъ ихъ возвращенія подъ страхомъ отлученія отъ церкви (8). Впрочемъ и тамъ, гдѣ десятины возвращены Церкви, онѣ стали позомельными рентами, основанными въ способѣ пріобрѣтенія на правѣ гражданскомъ (9).

Мы не будемъ здѣсь разсматривать вліянія событій XVI вѣка для Германіи и конца XVIII для Франціи и Германіи на судьбу церковныхъ имуществъ вообще и въ частности на уменьшеніе десятины, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего труда, скажемъ только,

---

(1) Вальтеръ, стр. 516. Кромѣ сей духовной десятины существовала еще десятина въ пользу короля (decimae regales); эта десятина разсматривается какъ 1/9 количества дохода по выдачѣ церк. десятины (decimae et nonae).—(2) Митр. Евгеній въ упомян. сочиненіи.—(3) Вальтеръ, стр. 516.—(4) Изъ диссерт. Чацкаго о десятинахъ у митр. Евгенія.—(5) Разд. III, Арт. 32, ст. 6-я.—(6) Вальтеръ, стр. 516, 517.—(7) ibid. стр. 517.—(8) ibid, стр. 519.—(9) ibid, стр. 520.

что десятина въ Германіи для церкви католической существуетъ и въ настоящее время, такъ что канонисты (1) излагаютъ ученіе о десятинѣ трехъ родовъ: decimae *praediales*, *sanguinales* и *personales*.

Десятина была извѣстна языческому славянству. Польскіе историки пишутъ, что Славяне обожали Марзану или Цереру и приносили ей въ жертву 1/10 часть плодовъ земныхъ (2); слѣдуя древнему обычаю предковъ, Штетинцы отдавали въ храмъ 1/10 часть своей военной добычи (3). Въ Россіи десятина возникаетъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, когда обнаруживается потребность въ средствахъ къ поддержанію Церкви на степени независимаго достоинства, возникаетъ при Владимірѣ св., создавшемъ въ Кіевѣ храмъ Богородицы *десятинный*. Отъ св. Владиміра мы имѣемъ два законоположенія о десятинѣ въ пользу сей церкви: въ 1-мъ онъ даетъ ей «десятину *по всей земли роусьтѣй*: отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, а и с торгу десятую недѣлю и изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита» (4); во 2-мъ онъ говоритъ: «се даю церкви сей святѣй Богородицѣ *отъ имѣнія моего и отъ градовъ моихъ* десятую часть, и положи, написавъ клятву въ церкви сей рекъ: аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ, и вдасть десятину Анастасу Корсунянину» (5). Слѣд. Владиміръ св. далъ: а) десятину по всей землѣ русской со всей тогдашней Россіи, съ доходовъ государственныхъ и частныхъ лицъ и б) десятую часть отъ своего только имѣнія, отъ городовъ ему принадлежащихъ: или доходы десятаго изъ своихъ городовъ, или десятую часть изъ доходовъ каждаго своего города. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ decimae praediales—отъ всякаго жита, во второмъ sanguinales—отъ всякаго стада и personales—съ суда и торгу. Источники Владиміровой *общей* десятины напоминаютъ источники церковной десятины въ Польшѣ, гдѣ духовенство и церкви отъ прихожанъ, а монастыри отъ своихъ людей и земель имѣли право на десятую часть хлѣбнаго посѣва, огородовъ и пчелъ, скота, птицъ, ловли звѣрей, рыбъ, перевозовъ и судныхъ пошлинъ (6).

Завѣтъ Владиміра о десятинѣ отнесенъ былъ ко всѣмъ епископскимъ каѳедрамъ, съ примѣненіемъ къ средствамъ того или другаго края.

---

(1) Рихтеръ, стр. 658, § 299.—(2) Карамзинъ I, 53.—(3) ibid I, 57.—(4) Начало церкви. Уст. Влад. Св. въ Д. А. Истор. I, № I.—(5) Митроп. Евгеній Оп. К. С. соб. и Кіев. Іер. приб. 1.—(6) М. Евгеній ibid.

Ярополкъ Изяславичъ, убитый въ 1086 г., давалъ всегда десятину въ храмъ Богоматери [1]. Для вышгородскаго приходскаго храма назначена была десятина [2].

Изъ устава кн. новгор. Святослава Николая 1137 г. [3] видно, во первыхъ, что десятина отъ *даней* различалась отъ десятины отъ виръ и продажъ; во вторыхъ, что десятина, опредѣленная первоначально съ дани, переведена потомъ на виры и продажи, и переведена такъ, что она взималась съ виръ и продажъ въ количествѣ, соотвѣтствовавшемъ дани [4]. Князь сей обратилъ десятину въ опредѣленную и постоянную уплату—сто гривенъ кунами, которыя выдавались изъ доходовъ съ Онѣги; недостающее дополнялось изъ княжеской казны (клѣти). Въ уставной грамотѣ кн. смоленскаго Ростислава Мстиславича, 1150 г. сентября 30-го, опредѣляется въ пользу смоленской епископіи «десятина отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ», кромѣ продажи, виръ и полюдья. Далѣе опредѣляется съ кого именно сколько должно идти въ счетъ сей десятины, съ оговоркою: «а въ тѣхъ погостѣхъ а нѣ который погибнетъ, то ти и десятины убудеть». Наконецъ опредѣляется десятина съ разныхъ пошлинъ и рыбъ, пойманныхъ въ княжескихъ водахъ.

Андрей Боголюбскій, построивъ въ 1158 г. во Владимірѣ церковь Богоматери, «дая ей многа имѣнія и свободы купленыя и съ даньми и села лепшаа и десятины въ стадахъ своихъ и торгъ десятый» [5]. Въ 1175 г. В. К. Михаилъ II (1174 — 1176) возвратилъ вышгородскому храму его помѣстья и десятину, отнятыя въ предыдущія смуты [6]. Епископъ владимірскій Симонъ, посвященный въ 1215 г., въ посланіи своемъ къ Поликарпу говоритъ: «и кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея зборныя церкви красоты володимерскіе и другіе суздальскіе, юже самъ созда! Колико имѣета городовъ и селъ и десятину збираютъ по всей земли той, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость» [7]. Св. Александръ Невскій даровалъ Ростовской соборной церкви десятину [8]. Во время Монголовъ воз-

[1] Карамзинъ И. Г. Р. II, 58.—[2] См. изъ рукописнаго житія св. Бориса и Глѣба у Филарета Е. Р. въ его Ист. Р. Ц. I, 200.—[3] У Карамзина въ И. Г. Р. III, пр. 267. — [4] Къ тому же толкованію сего устава склоняется и Филаретъ Е. Р. въ его Ист. Р. Ц., прим. 329.—[5] Ипатьевск. сп. 81, 82 Софійская 1-я, стр. 161 (« *и десятины во всемъ*, и въ стадѣхъ, и торгъ десятый»).—[6] И. Г. Р. Карамз. III, 27.—[7] Тамъ же, прим. 171.—[8] Гагемейстера, Розысканія о финансахъ древней Россіи, прим. 296.

показетъ другой видъ десятины: Монголы требуютъ $^1/_{10}$ части имущества ими покоренныхъ ([1]); но между десятиной татарской и церковной существуетъ сходство въ одномъ лишь названіи ([2]).

До сихъ поръ мы видѣли, что десятина давалась церквамъ или епископскимъ каѳедрамъ; мы представили историческій очеркъ сего учрежденія для того, чтобы показать, что и у насъ десятинами завѣдывали иногда епископы и съ чего бралась обыкновенно десятина. Послѣднее потому необходимо, что въ жалов. грамотахъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго текста, обыкновенно не опредѣляется качество десятиннаго сбора.

О десятинахъ, предоставляемыхъ монастырямъ въ до-монгольскомъ періодѣ, имѣемъ довольно скудныя свѣдѣнія: знаемъ только, что десятину имѣлъ Рождественскій монастырь во Владимірѣ ([3]); потомъ о первомъ епископѣ новгородскомъ Іоаннѣ говорится, что онъ, соорудивъ Софійскій храмъ, «уряди собѣ монастырь десятинный» ([4]).

a. α. Далъ есмь десятину св. Богородици у N монастырь изъ Турця у вѣкы...(25).

β. Далъ десятину.....(у Востокова въ описаніи Рум. Музеума N LXXII; прибавл. къ собр. литовскихъ грамотъ.)

b. Что мой ѣзъ на устъ N° рѣки и язь князь далъ въ домъ Живонач. Троицы въ N монастырь и съ того ѣзу десятое изъ всего (182).

c. А кто пріѣдетъ на тые острова Соловки на ловлю или на

([1]) IV Новг. стр. 38, г. 1257.— ([2]) Впрочемъ, отъ 1491 года до насъ дошла запись княгини Кобринской Спасскому Кобринскому монастырю на *десятину* (см. А. З. Р. V № 2, II). Княгиня даетъ монастырю село Корчичѣ со всѣми данями медовыми, грошевыми и *полюдьемъ* и двѣ *вольныхъ корчмы* въ Кобринѣ. Десятинное право монастыря состояло въ томъ, что онъ получалъ: a) десятую *мѣрку* со всякаго жита, которое мололи на мельницѣ, что на рѣкѣ Кобринкѣ; b) «отъ жита 10-ю копу у Кобрыни» и c) «отъ ярыны отъ всякоѣ 10-ю копу у Кобрыни жъ». Слѣдов. это была десятина изъ хлѣба.—([3]) «А что князь великій отъималъ у насъ безпошлинно села, да подавалъ св. Рожеству въ монастырь въ Владимеръ и тѣ намъ по старинѣ, а десятое монастырю по старинѣ». Собр. Румянц. I, 135.—([4]) Исторія Русск. Церкви Филарета Е. Р. I, прим. 432.

добытокъ на сало или на кожю, ино всимъ тымъ въ Соловецкій монастырь давати изо всего десятина (109).

ð. А дани и десятины медовые и з виноградовъ и з мыты на вѣки вѣчныѣ (1).

Слѣдовательно, подобно времени предшествовавшему, въ монгольскомъ періодѣ нѣкоторые монастыри получали право десятинное. По сущности своей оно было:

1) можетъ быть $1/_{10}$ часть поземельнаго дохода съ извѣстной земли (а α и β);

2) $1/_{10}$ изъ доходовъ съ извѣстнаго угодья, напр. съ ѣза или рыболовнаго закола, съ виноградниковъ, бортей;

3) $1/_{10}$ съ различныхъ промысловъ;

4) $1/_{10}$ дохода отъ проѣзжихъ внутреннихъ пошлинъ.

Выраженіе *изъ всего* (Ь) мы понимаемъ такъ, что монастырю шла $1/_{10}$ часть всѣхъ рыбъ, которыя поймаются въ княжескомъ заколѣ, такимъ же образомъ, какъ бравшіе у монастыря рыболовныя угодья въ оброчное содержаніе обязывались давать ему съ каждаго улова *четвертую рыбу* [1].

Что касается до содержанія церквей, то ж. гр. представляютъ опредѣленія о сборахъ натуральныхъ и денежныхъ въ пользу церковныхъ установленій съ лицъ не находившихся въ духовномъ вѣдомствѣ. Князь *жаловалъ* какую-либо соборную церковь тѣмъ, что установлялъ натуральный или денежный сборъ въ пользу ея съ нѣкоторой части свѣтскаго населенія княжества.

α. «Уставила есми брати на церковь божію Пречистой Успенія темьяницину на годъ по полукопе (а) грошій у Озерищехъ на Уханехъ со Олексѣевщины» (7).

Здѣсь съ извѣстной, церкви не принадлежащей, населенной земли княгиня жалуетъ право сбирать, каждый годъ, извѣстное количество денегъ на покупку ладона. Озерищи—село и доселѣ существующее; *со Олексѣевщины*, по нашему мнѣнію, значитъ, что такой сборъ падалъ не на все село, а на часть его (можетъ быть, на

---

[1] А. Юридич. № 179.

(а) копъ, копа=куча, груда; отсюда: полтина. Шимкевичъ, корнесловъ Р Яз. I, 100.

одно семейство), которая часть въ инвентарныхъ описяхъ княжескихъ имѣній ([1]) значилась подъ имeнемъ Олексѣевщины.

β. «Придали есмо дани къ той же церквѣ (a) и къ тымъ же олтаромъ (b) четырнадцать кадей (c) меду вѣчно» (107). Потомъ слѣдуетъ раскладка этой дани по семействамъ, которыя, за отбываніемъ этой тягости, освобождаются отъ службы князю: «имъ на насъ службы жадной не служить». *Жадной*—никакой, все равно, что *никоторый* въ актахъ Восточной Россіи (Ср. Матер. при Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ за 1852 г. с. 54).

«Далъ имъ дань и со всѣми пошлинами къ церкви св. N на полати (d) на помнокъ своей дше» (e) (157).

«Придали жыта ярого (f) зъ гуменъ 140 бочекъ, а чего не станетъ во Мстиславью съ тыхъ 140 бочокъ жыта и крылошаномъ тогды за княжичь (g) 2 рубля грошей взявши, тую дань протопопъ и протодіаконъ взяти маютъ (h) съ крылошанами и за равно съ священниками и діаконами, яко болшому, такъ и меньшому, дѣлиться повинни (i) будутъ; а накадный грошъ пономаромъ належать маетъ» (j) (106).

Здѣсь дань натурою, если выполненіе ея невозможно, замѣняется денежнымъ сборомъ. Всѣмъ церковно-и священнослужителямъ достается по равной части дохода. Пономарь нейдетъ въ общій раздѣлъ и долженъ довольствоваться *накаднымъ грошемъ*, который, вѣроятно, былъ особеннымъ видомъ косвенныхъ сборовъ и взимался въ равномъ количествѣ съ каждой бочки жита.

([1]) Что такія инвентарныя описи существовали у насъ уже въ 1150 году, можно заключить изъ Доп. Акт. Ист. I, № 4.

(a) Троицкому Мстиславльскому Собору. — (b) Въ немъ было, кромѣ главнаго олтаря, 6 придѣльныхъ. — (c) Бочекъ. — (d) По внутреннему расположенію храмы въ Россіи были византійскіе,—соборные съ галлереями (полатями) для женъ. О князѣ Владимірѣ Галицкомъ въ лѣтописи говорится: «то рекъ, иде на полати и отпѣвше вечерню». Слѣд. на хорахъ бывали придѣльные храмы (Ср. Ист. Р. Церкви Филарета Е. Р. I. 98). — (e) Души.— (f) Яроваго.—(g) Съ людей княжескихъ, свѣтскаго вѣдомства.—(h) Они, какъ главные въ соборѣ, принимали за всѣхъ эту дань; маютъ=долженствуютъ.— (i) Должны.—(j) Идетъ въ пользу пономаря.

